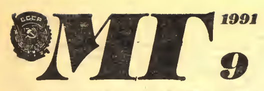

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

К 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Горельеф с храма Христа Спасителя в Москве «Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского перед походом против татар в 1380 г.».
Скульптор А. В. Логановский. 1847—1849 гг. *Мрамор.*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Коллаж Ю. Орлова «Больше дела — меньше слов».

«Молодая гвардия», 1991, № 9, 1—288

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а,
Телефоны редакции: для справок: — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285—80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел «Товарищ» — 285-89-66, отдел писем — 285-80-16.

Станислав КУНЯЕВ

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Как долго заседают дипломаты!
Идут глубокоумные дебаты,
и безнадежно позабыт девиз
о пролетариях всех стран и всех народов,
идет тусовка новых кукловодов,
проблема въездов, выездов и виз.
Все избранные, как всегда, при деле,
и трансконтинентальные отели
давно забыли яростный призыв,
давно возникла новая элита,
она сидит у нового корыта
и, улыбаясь, пьет аперитив.

* * *

Питейный бунт, табачный бум —
в толпу врывается трибун,
с налитым ненавистью взглядом,
а рядом будущий премьер,
сторонник чрезвычайных мер
его подпитывает ядом.
Ревет и буйствует толпа,
еще не кровь течет со лба —
всего лишь пот, но как собака
толпа тугой ошейник рвет,
слюной уже наполнен рот,
еще усилье и удавка
аорту напрочь пережмет...

* * *

Не смея перечить пути своему,
я мчался, как пуля, в метельную тьму,

Машина ввинтилась в метель, как в воронку,
и с ревом пробилась в родную сторонку.

Как море, отхлынула белая мгла
и боль, что ютилась в груди, отлегла.

Я встал на обочине, вышел на снег
и долго глядел в темноту из-под век,
покамест безмолвный пушистый простор
и душу мою остудил, и мотор.

* * *

Я взглянул на них, но не смутил
ни укором, ни печальным взглядом.
Раскопали множество могил,
сами отравились трупным ядом.
Митингуют дети палачей.
Вновь обуреваемы страстями,
ядовитой пеною речей
памятник возводят над костями.

* * *

Прощай, мой родословный дом,
когда вся жизнь идет на слом,
что проку горевать о доме?
Подруга, где ты, помоги!..
В потемках не видать ни зги,
струящуюся, как в истоме,
поземку выпустил февраль,
и снова сердцу нет покоя...
Во мгле горит один фонарь,
что уцелел с времен застоя...

* * *

Иссякнут золото и нефть,
иссякнут пища и одежда,
но человек не верит в смерть,
покамест теплится надежда.
А выболит она, как боль,
и, человечество спасая,
останется одна любовь,
которой ни конца, ни края.

* * *

Когда мощи святого Амвросия
были в Оптинский храм внесены,
сразу тронули тлен и коррозия
монументы великой страны.

Покосилась плита Ярославского,
исказилось лицо Луначарского,
и у беса, который в пенсне,
дрожь прошла по чугунной спине.

Что случилось? А то и случилось,
что надеяться надо на милость
убиенных, истлевших, пропавших,
соловецкой пургой занесенных,
из холодного пепла восставших,
в изможденной душе воскрешенных.

* * *

Лезли бесы в Кремлевскую стену,
смертник смертнику рвался на смену,
ограждали свой прах кирпичом,
каждый верил: — Теперь я нетленен!
Я бессмертен, как Сталин и Ленин!
Вечен! Время теперь ни при чем!

Но умолкли к полуночи ниши,
их владельцы затихли, как мыши,
тяжелеет молчанье в ответ.
Все молчит — и толпа, и солдаты,
и охранники, и дипломаты...
Наступает похмельный рассвет.

Пробил час. Завершая агонию,
грешный Минин чугунной ладонью
указует единственный путь,
по которому прах самозванца
был исторгнут из жерла в пространство
и кружится еще где-нибудь...

Бесы корчатся: — Недоглядели!
Ни продать, ни взорвать не успели!
Не расплавили и не снесли!
Усмехается Минин сурово,
и почти что срывается слово —
с уст чугунных чугунное «пли»!

Москва

А. КУЗЬМИЧ

ГРАБЕЖ И ГЕНОЦИД РОССИЯН

В печати сообщалось о таинственой скоропостижной смерти одного из самых глубоких, острых и честных публицистов современности Анатолия Кузьмича Цикунова (в «МГ» и других изданиях он печатался под псевдонимом А. Кузьмич).

Сегодня мы предлагаем читателям его последнюю статью *.

Мы уелись гласностью. У нас уже изжога при чтении сотен ранее неведомых новостей. Печать, радио, ТВ — все выставляют напоказ раны и язвы России.

Однако при всей безудержной откровенности, при самобичевании нараспашку нелишне было бы задать «гласникам» один простой вопрос: почему никто и никогда не нес ответственности за содеянное? Если разворовывают страну оптом и в розницу, если установленный факт — развал государства, консервирование его в качестве сырьевой колонии и промышленной зоны Запада, если налицо грабеж населения вывозом товаров за рубеж, спекулятивными ценами, то где осужденные за это преступники? За такие деяния, как правило, дают высшую меру наказания с конфискацией имущества. Более того, в соответствии с международным правом такие деяния попадают в разряд международных преступлений.

В конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» от 9 декабря 1948 года в ст. 2 сказано: «В настоящей конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальность, этническую, расовую или религиозную группу как таковую... (предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное и частичное физическое уничтожение ее... меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы...)» И далее четко оговорено, что преступные лица

* Впервые напечатана в газете «Домострой» № 24, 1991, под заголовком «С черного хода».

«подлежат наказанию» независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами».

В другом документе — «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» от 19 декабря 1966 года в ст. 1 — говорится: «Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами. И ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования».

Логически вытекает из приведенных документов, что превращение России в сырьевую базу мира, грабеж коренного населения, создание условий для вымирания россиян есть преступление против прав человека. Лишение народа неотъемлемых средств существования (земля, недра, воды, растительный и животный мир) — это вид геноцида.

В Законах СССР «Об иностранных инвестициях» 1991 года, «Об общих началах предпринимательской деятельности граждан в СССР» 1991 года закрепляется право иностранцев на приобретение акций, на право владения прибылью предприятий и урожаем земель, а в Законах о собственности СССР и РСФСР 1990 года — и право иностранцев на собственность вод, растительного и животного мира. В Законе об аренде 1989 года оговорено право иностранцев на долгосрочную аренду земель и недр. В концессионных соглашениях 1990 года установлено долгосрочное (и наследуемое) право на использование естественных и природных богатств России. Мы не найдем ни одного закона, гарантирующего право россиян на свои природные ресурсы. Декларация о суверенитете РСФСР, принятая I Съездом народных депутатов, — фикция. Декларации и резолюции с точки зрения международного права не имеют юридической силы, они — рекомендательные документы (см. Устав ООН). Более того, по Закону о праве договоров СССР от 6 июля 1978 года любой правитель Союза может по личному усмотрению продать, сдать в аренду или передать безвозмездно любую часть территории СССР по Указу или постановлению (см. ст. ст. 6, 12, 15).

Не случайно, что «ЗападУралбанк» начал широкую продажу акций «с оплатой в виде имущества, ценных бумаг, права пользования землей, водой и другими природными ресурсами... Оплата взносов производится в рублях, а также в валюте любой категории» (не брезгуют! — *Авт.;* см. «Коммерсантъ», № 13, 1991, с. 7). Готов продать землю России и Инновационный банк СССР, в котором «Совет учредителей не афишируется». Но зато широко афишируется, что за покупку банком права на пользование землей землевладельцам на основе договора «ежегодно будут отчислять 10—15 процентов от стоимости передаваемой земли». Но суть еще страшнее. В 1991 году в России намечен политический переворот (перелом). В авантюру по изъятию средств существования российских народов втягиваются новые значительные силы, на которые нарабатываются законы и Центра и России. Эти силы — управляющие колхозами, совхозами, сельхозпредприятиями (совтехнократы).

Управляющим будет предоставлено право становиться надсмотрщиками филиалов западных земельных корпораций в России (за счет земель России) либо даже «местными помещиками». Не случайно, что Инновационный банк установил уплату

ни ренты в размере до 15 процентов годовых. Не в этих ли целях идет планомерное удушение коллективных сельских хозяйств ценами на технику, семена, удобрения, транспорт, горючее, спецодежду и т. д. Придушенного дешевле купить, легче заставить обрабатывать нового хозяина.

К сожалению, наши славные руководители сельхозяйств еще не понимают, что их крупно дурачат: их руками русские земли хотят перетянуть в управление Запада. По данным ФАО ООН, к 2000 году в мире станет катастрофически не хватать пахотных земель, особенно на Западе. Миру грозит земельный кризис. Ищут выход за счет России.

И никаких дачников, садоводов или огородников из русских мужиков, да и фермеров Западу, ТНК и местной мафии не требуется. Если кто и будет покупать землю (брать в аренду), то уже по новым спекулятивным ценам, установленным банками через финансируемые ими торгово-закупочные и перекупочные тресты, кооперативы, филиалы западных фирм. Уже в Москве процветает немецкий земельный ипотечный банк. Лиха беда — начало...

В свет вышел Указ Президента СССР «О неотложных мерах в сельском хозяйстве» от 8 апреля 1991 года, где в п. 3 рекомендуется «принять необходимые решения о максимальном удовлетворении запросов граждан на землю». Еще ранее, 15 марта 1991 года, Б. Н. Ельцин объявил всему свету о принятии решения ВС РСФСР о выделении каждому не менее 15 соток для садов и огородов. Казалось бы, вопрос решен. А на поверку — все это «аппаратный блеф». Никто не собирался давать людям землю: ни Центр, ни Россия. Земля нужна Западу — в том смысл «игры».

Эту «идею» можно явственно увидеть в решениях Международных банков от 5—10 декабря 1990 года (Брюссель). Земля пойдет в заклад под долги, но не «в натуре», а в форме документов (акций) на право управления русской землей сроком на 99 лет с последующей пролонгацией (продлением) договоров. Нечто вроде Аляскинской передачи в XIX веке. Но в отличие от Аляски обрабатывать землю будут сами русские мужики, как римские колоны. Права на управление землей ведь у них не будет! Вот почему не дают людям землю, вот почему запрещена продажа земли сроком на 10 лет, вот почему формируются в СССР земельные банки, в том числе и зарубежные; земля регистрируется под акции, а акции перекупаются банками «на право управления землей». Все просто, как в басне Крылова про ларчик.

Вывод таков: если в самое ближайшее время русский мужик не опомнится и не остановит безудержную распродажу акций на землю России, то целые поколения его потомков будут отрабатывать проданные «закладные». А выход один: взять за основу программу «эсеров» — социалистов-революционеров 1917 года: земля общегосударственная, но на правах полного управления Земельными комитетами областей, городов, районов. Комитеты формируются общественностью и сменяемы в любое время по требованию одной трети местного населения путем общественного опроса (референдума). В комитет входят крестьяне, рабочие, землепользователи. Перевыборы комитета ежегодны. Земля не может быть частной собственностью, но передается всем жела-

ющим, кто своим трудом может ее обрабатывать, пожизненно, с правом наследования. В любой форме: индивидуальной, коллективной, смешанной, с отменой налогов до 10 лет, а затем только поземельный налог. Установить запрет владения землей: иностранцам, СП, государственным структурам в любой форме, партийным структурам и так называемым «общественным организациям». Все международные соглашения на владения русской землей в любой форме аннулируются как неправомерные на основании ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, ратифицированной СССР. В статье сказано, что «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права». «Отклонение от императивной нормы недопустимо...» А в ст. 1 Пактов о правах человека 1966 года говорится о праве наций и народов на свои земли, воды, недра, животный и растительный мир, без права изъятия их от народа, — это и есть императивная норма, то есть общеобязательная для всех народов и государств по Уставу ООН (ст. ст. 1—2).

2 апреля 1991 года ВС СССР принял Закон «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР». В Законе выделена так называемая «особая форма предпринимательства» — новое контрактное соглашение между собственником-ведомством и управляющими предприятиями государственного характера. Суть новых контрактов — взятие предприятий управляющими на личную аренду с правом последующего выкупа в личную собственность. Вывод: приватизация предприятий госсектора пойдет по пути передачи их в частную собственность управляющих (директоров) — новых капиталистов СССР. Это создаст, по мнению законодателей, прочный заслон стремлению некоторых трудовых коллективов (как, например, ВАЗ, АЗЛК, шахтеры и т. д.) объявить имущество предприятий «народной коллективной собственностью».

Вот как сказано в этом Законе, введенном в действие постановлением Верховного Совета СССР от 4 апреля 1991 года (подпись — А. Лукьянов): «Особой формой предпринимательства является предпринимательская деятельность, осуществляемая руководителем предприятия, если он по контракту с собственником имущества или уполномоченным им лицом (органом) — (то есть начальником министерства, ведомства, треста, ассоциации, картеля, фонда и т. д. — *Авт.*) — наделен всеми правами и обязанностями и несет ответственность, установленную для предпринимателя настоящим Законом» (ст. 4 п. 4).

По Закону глава государственного ведомства или иного органа (аппарата) заключает секретный контракт с директором (управляющим) предприятия за спиной трудового коллектива, и полюбовно растаскивают госимущество в личную собственность — становятся советскими капиталистами. Но не за свои «кровные», а за счет потных спин и тяжкого труда многих поколений рабочих.

По мнению законодателей, эта новая сила будет стоять насмерть за право рвать под себя Россию, составит костяк, средний класс, для приватизации народного достояния. На их защиту будет поставлена вся сила аппарата: МВД, КГБ, армия, прокуратура, суды и т. д. Почему? Потому, что весь главный аппаратный корпус СССР автоматически становится становым хребтом

частной собственности всего промышленного корпуса Союза, всех учреждений бывшего государства. Это уже не лоскутные «партии», не крикуны с улицы, а живая массированная сила, имеющая прочный экономический фундамент. Вот основы фундамента по ст. 5 Закона: «Право приобретать полностью или частично имущество государственных предприятий в личную собственность», «нанимать и увольнять работников», «самостоятельно устанавливать формы, системы и размеры оплаты труда и другие доходы лиц, работающих по найму», «устанавливать цены и тарифы», «открывать счета в банках для хранения денежных средств», «свободно распоряжаться прибылью» (доходом от предпринимательской деятельности), «получать любой, не ограниченный размером личный доход», пользуясь в то же время «государственной системой социального обеспечения и социального страхования».

Но политическая основа кроется еще глубже. По ранее принятому Закону СССР «О налогах с предприятий, объединений и организаций» от 14 июня 1990 года и постановлению ВС СССР от 14 июня 1990 года установлен общий лимит зарплаты предприятия, не превышающий 400 р. (с апреля 1991 г. — 480 р.) в среднем на одного работающего. Таким образом, перекачка фонда заработной платы на долю «руководящих» по «их воле» (Закон) снизит уровень общей оплаты всех нижестоящих. С целью избежать конфликта управляющие станут искусственно сокращать штаты «по своей воле» (опять по Закону!), тем самым наращивать свой доход за их счет. Когда вопрос касается личной корысти, то никто не станет беспокоиться за «общество» или «предприятие». Главное — грабануть вовремя, урвать, пока дают и пока еще не поздно. А там хоть потоп! Хоть трава не расти! В крайнем случае, можно и за рубеж махнуть с валютным мешком (по новому Закону это уже будет личное имущество).

Есть в Законе и другой путь, а именно — слиться под одной крышей с СП или инофирмой. В ст. 9 постановления ВС СССР от 14 июня 1990 года сказано: «Установить, что положения ст. 7 Закона о налогообложении не затрагивают налогообложения иностранных юридических лиц, созданных на территории СССР совместных предприятий с участием советских юридических лиц и иностранных юридических лиц и граждан...». Значит, чтобы урвать побольше и погуще — тащи «родное» предприятие под крышу СП или инофирмы, где никаких ограничений в фондах зарплаты. Так и делают...

Правда, в Законе оговорено, что «ответственность предприниматель несет за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из контракта» (ст. 6 п. 5). Перед кем? Перед вышестоящим аппаратчиком, а не коллективом. Вот здесь и кроется секрет одурачивания наших славных «русских менеджеров». Их руками разбазарят предприятия, перетащат их под контроль и власть иноземцев или зарубежных «спрутов», а затем под благовидным предлогом «ненадлежащего исполнения» контракта (при желании можно хоть гения утопить!) вышибут их из седла. Но это еще не все. По Закону предприниматель будет отвечать «всем своим имуществом» с конфискацией всех личных вещей стоимостью свыше 500 рублей (квартира свыше 10 тыс. руб.).

Так что, надо думать головой, куда идти и нарабатывать: на русский народ, Россию или на зарубежного дядю Сэма. Хотя, впрочем, русский мужик, честно говоря, живет только днем сегодняшним. Кто устоит перед западным ширпотребом? Это все равно, что для туземца стеклянные бусы. Хоть мать родную продадут уважаемые «менеджеры», «предприниматели»...

Не это ли является причиной того, что насильственно вбиваются в народ Законы «о приватизации» народной собственности, об иностранных инвестициях, о монополизме новых цен, об ограничении потребления широких масс путем цен и налогов, об увеличении пенсионного возраста до 65 лет. При этом никаких социальных защит по безработице, обнищанию, падению жизненного уровня населения (за исключением компрадоров).

Остается единственный выход: передача всех предприятий в народную собственность трудовых коллективов, так называемые народные предприятия. На Западе их называют «коллективными капиталистами», без всякого выкупа, учитывая, что собственность в СССР — общенародная и завоевана кровью многих поколений советского народа. Не будет же народ сам у себя выкупать свою собственность! Управляющие должны наниматься по контракту с трудовыми коллективами, а не «верхами», и отвечать полностью перед трудовым коллективом, то есть пирамида должна быть перевернута: рабочие — собственники, управляющие — наемные работники. В этом и кроется величайший секрет всех форм государств, а именно: от общественного отношения, сложившегося между управляющими средствами производства и непосредственными производителями. Каково это отношение, такова и форма правления государством, таков и политический в нем режим. И не надо мудрить и пудрить мозги «наукообразными» статьями и заумными речами о благе народа. Не случайно, что этот секрет государства так тщательно скрывает машина массовой информации. Кстати сказать, в США и других развитых странах это поняли и через коллективную собственность стали успешно двигаться в XXI век. Одна треть всех предприятий США уже работает по этой формуле «коллективных капиталистов» с управленческим персоналом в качестве наемных работников у трудового коллектива. У нас же наоборот — движение в XIX век с «держимордами» в качестве собственников-управляющих.

В документах ООН, принятых в защиту прав человека, наций и народов, есть статьи, определяющие материальный уровень жизни человека, несоблюдение которого есть проявление геноцида, если вопрос касается всей нации, народа. Так, в ст. 7 Пакта об экономических, социальных и культурных правах человека указано, что труд людей должен обеспечивать «удовлетворительное существование для них самих и их семей», а также «достаточное питание, одежду и жилище... непрерывное улучшение условий жизни семьи» (ст. 11 Пакта).

Условия жизни по системе ЮНЕСКО слагаются из стоимости существования человека. Существование человека определяет стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу. Сю-

да входят пропитание семьи, образование, жилище, транспорт, одежда, досуг. Каждая эпоха относительно самостоятельно формирует средний уровень жизни человека. Если тысячу лет назад человек довольствовался тем, что имелось в мире, то сейчас в обязательный перечень условий жизни входят: ТВ, холодильники, швейные, стиральные машины, автотранспорт и т. д. Стоимость необходимых жизненных средств и составляет стоимость рабочей силы. В каждой стране она разная в зависимости от ВНП, но постоянным фактором является отчисление 70 процентов от промышленной прибыли на зарплату, 20 процентов рабочий уплачивает работодателю из прибыли за амортизацию оборудования и помещения и 10 процентов государству на общественные нужды. Существует минимальный уровень зарплаты в рамках ООН, ниже которого нельзя опускаться, чтобы не потерять человеческую сущность. Он ежегодно возрастает в зависимости от уровня роста мирового общественного продукта. Так, в 1990 году он составлял 1000 американских долларов в год на семью. В пересчете на рыночные цены России — на 2 апреля 1991 года — это 3000 рублей в месяц без налогов.

Вывод довольно неутешителен: 90 процентов населения СССР уже не имеет человеческой сущности и превращена в скотов.

Сейчас в международном праве существует самостоятельный институт — ПРАВО на ПИТАНИЕ. Сегодня считается с точки зрения международного права, что нарушение права человека на питание — это и нарушение его права на жизнь и квалифицируется как международное преступление наравне с геноцидом. В документе ФАО (Организация ООН по продовольствию и сельскому хозяйству) сказано: «Право на питание является гораздо более широким, чем право стоять в очереди за продуктами питания: индивид должен иметь право получать продукты питания не просто как акт милосердия, право получать продукты не просто вопрос калорий и достаточного питания, — оно должно быть приемлемо с точки зрения культуры питания... Все члены общества должны получать достаточный доход, с тем, чтобы продукты питания были доступны для всех» (Е/С. 12. 1989/5, с. 80; Е/1989/22—ЭКОСОС).

В документах ФАО сказано, что человек, народ имеют право на восстание, если действия государства «ведут к систематическому лишению человека или общества доступа к продуктам питания» и «когда государство своими действиями или бездействием ведет себя столь бесчеловечно, что это приводит к унижению человеческого достоинства» (там же, с. 81).

По данным ФАО, СССР по производству зерна занимает 3-е место в мире, по картофелю и молоку — 1-е место, по яйцам — 2-е место, по фруктам — 5-е место в мире. А по уровню потребления на душу населения — 124-е место в мире из 160 государств ООН. Вот, например, данные питания одного дня тюрьмы штата Небраски (США): «Завтрак: суп из кукурузных хлопьев, сливки, булочка с изюмом и сыром, кофе с шоколадом. Обед: говяжьи отбивные, запеченный картофель, витаминный салат, борщ с грудинкой, шоколадное пирожное, напиток «Кул йэд», хлеб, масло. Полдник: кофе со сливками. Ужин: суп-лапша с курицей, сандвич с сыром, крокеры, клюквенный сок, сырая морковь» (взято из журнала «Международная жизнь», 1989 г.).

Так за какие грехи россияне вынуждены жить хуже преступников? Наши высокие официальные лица нам говорят: в 1990 году в СССР «сгнило» более 1 миллиона тонн мяса, «порвано» 40 миллионов шкур скота, «пропало» 50 процентов овощей и фруктов, «сгорели» табачные склады, «испорчено» фуражное зерно и т. д. Но тогда вспоминается решение ООН (Экономический и Социальный Совет): «Умышленное, недобросовестное или иное уничтожение продуктов питания в массовом размере, а также искусственное сокращение посевных площадей в условиях нарастающего продовольственного кризиса к 2000 году является международным преступлением наряду с геноцидом, апартеидом и массовым загрязнением окружающей среды».

Кто же этот преступник? Отвечают: никто. Виновата система, а не люди. Но система крепится людьми, как гвоздями. Кто-то же руководил уборкой урожая, перевозкой, хранением? В Уставе международного военного трибунала (Нюрнберг) от 8 августа 1945 года сказано: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчения наказания» (ст. 7), а «тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает от ответственности...» (ст. 8).

Но суть еще в другом. Под видом «порчи» гонят продукты на Восток и Запад и продают за валюту для «приватизации». Вот данные ТАСС: сотни тонн мяса, рыбы, консервов, фруктов и т. д. «прогнали» в 1990 году только через один таможенный пункт — Брест. А сколько таких Брестов в Союзе? (см. «Политика», № 1, с. 11). ТАСС называет такие пункты «черными дырами». Весь Союз сегодня «черная дыра» планеты, если преступникам не воздается должное по международному праву за геноцидное деяние — лишение россиян права на питание. Поэтому, как никогда, в России нужен сегодня строгий и честный рабочий контроль типа Рабоче-крестьянских инспекций 20-х годов с правом снятия с должностей любых лиц.

И в заключение. О главном стержне наших бед. Как спасти русскую землю от продажи на акции Западу? Как защитить крестьян и рабочих от новоявленных «предпринимателей особой формы»? Как избежать тотального обнищания от спекулятивных цен, установленных свыше? Вот вопросы, поднимавшиеся на многих митингах и собраниях.

А ответ прост, как ларчик в басне Крылова. Как было сказано, величайшая тайна, скрываемая от всех, кроется в общественном отношении, сложившемся между управляющими средствами производства и непосредственными исполнителями (производителями). Это соотношение определяет форму правления государством, форму собственности и политический режим. Если реально собственниками средств производства являются аппаратчики сверху, а не производители, то и государство таково. Неча на зеркало пенять, коли рожа крива, говорят в народе. Пирамиду надо перевернуть. Все рабочие, служащие, крестьяне должны стать... частными собственниками. А управляющие, государственные уполномоченные и государство в целом — наем-

ными у собственников, которые могут заменить их в любое время (система государств тоже сменяема на основе права народов на самоопределение). Не надо шарахаться в страхе. У К. Маркса есть высказывание, для многих непонятное: «Беря отношения частной собственности в его всеобщности, есть коммунизм» (т. 42, с. 114). Поясним: частная собственность во всеобщности может выступать как индивидуальный труд, как коллективный труд, как смешанные формы, но при всех случаях жесткое правило: без права наемного труда! Ни одного по найму, кроме управляющих, государственных ведомственных лиц. Им запрещено быть частными собственниками, пока они на службе у трудовых коллективов. Итак, все собственники, никаких коллективных трудовых соглашений, никаких индивидуальных трудовых соглашений, контрактов. Не может же собственник сам себя обязывать, это все равно, что самого себя впрягать в телегу. Поэтому отменяются все государственные КЗоТы, ставки, тарифы, компенсации, налоги на потребление и т. д. Никто, кроме собственников, не может устанавливать оплату труда для них. Вмешательство государства, как акт добровольного общего согласия производителей-собственников, может осуществляться только в регулировании отношений между коллективами производителей и между отдельными производителями путем установления законов для защиты общих их интересов (прожиточный минимум зарплаты, 70 процентов на оплату труда от прибыли, запрет определенных вредных видов труда, лимит трудового возраста, защита безработных, инвалидов, пенсионеров, гуманные нормы обеспечивания досуга, гигиены на производстве, здоровья и т. д.). Все это давно наработано в международных документах МОТ, ЮНЕСКО, ЮНИДО, ВОЗ и т. д. Налоговая система должна быть установлена равномерно для всех, 70 процентов — себе от прибыли, 20 процентов — в производство, 10 процентов — государству, то есть предпринимательский налог. Ни грамма больше. На Западе государство пополняет казну еще за счет налогов на добавленную стоимость продукта (разница между затратами на производство и рыночными ценами на продукт), но не более 5 процентов на продукты питания и до 20 процентов на табак и вино. У нас же налог от 100 процентов до 1000 процентов, как на легковые автомобили, а о водке и разговора нет! Грабят, невзирая на лица... Не мы же собственники средств производства.

Вот почему страну трясут забастовки, вот почему миллионы понапрасну бьют лбы в исполкомах и не получают землю перед угрозой предстоящего голода в России, вот почему оптом и в розницу продают за рубеж богатства народа и даже его долю на питание, вот почему самовольно устанавливают сверху любые цены и душат нас ими. А когда весь народ станет реальным собственником, то никто не посмеет с «черного хода» продавать и растаскивать Россию-матушку.

Художник Б. Сопин

Юрий СЕРГЕЕВ

НОВЫЕ ВЛАСТЕЛИНЫ

Кинофантазия?

Много лет я работал в Якутии геологоразведчиком и на старательской добыче золота. Однажды старик в Алдане поведал о том, как некий старатель тайком отлил из наворованного золота обычную сковородку, закоптил ее жиром и на виду у всех долгое время жарил и парил в ней жратву себе, собираясь потом вывезти эту сковородку вместе с домашней утварью на материк. Тогда мне это казалось верхом изощренности ума, тем подводным течением, которое мы сейчас называем теневой экономикой. Сейчас, когда все мы знаем о мафии гораздо больше, все это выглядит почти невинностью по сравнению с «шалостями» нынешних воротил теневого бизнеса...

Работая над рукописью, я не пытался что-то придумать; все факты, изложенные в «кинофантазии», имеют место быть. Вы тоже читаете газеты и смотрите телевизор. Приглашаем вас к сотворчеству и к размышлениям.

На бойнях специально держат козлов-провокаторов, обученных вести стадо баранов на убой. В самый последний момент им открывают потайные двери, а стадо идет под нож.

Кто же хозяин «козлов» мировой бойни? Кто ведет нас на заклание?

Куда нас ведут?

Какие идеалы нам сулят и какое будущее? Какова судьба Русского Золота? Не за счет ли него разрушается Россия, наш Дом, судьбы наших потомков? Какова судьба Русского Леса и бумаги из него, терпящей разливанное море помоев на наше Отечество? Не мы ли платим и сами делаем веревку, намыливаем ее и не на ней ли нас же и повесят? Давайте подумаем вместе, оглянемся кругом, сбросим с себя тьму политиканства и импортные розовые очки. Нас одурачивали более полувека, но то была невинная шалость, как с золотой сковородкой, по сравнению с нынешним одурачиванием....

Новые властелины... Судя по Грузии, Прибалтике, России, да и всего СССР они страшнее, изощреннее иных библейских владык и фараонов, и они приходят к власти с нашего молчаливого согласия... Не станем ли мы рабами на своей земле? Она уже никогда не будет нашей в разодраниой на куски России...

Еще не вечер. Тьма только подступает к России, еще можно что-то сделать, еще жив здоровый народный разум, еще стоит на рубежах Русская армия, гонимая «демократами». В недрах есть несметные богатства (в этом я вас уверяю как геолог) и есть лес — на бумаге из него еще можно написать и нужные Отечеству законы, и нужные народу книги. Пора понять, что, кроме как себе, мы НИКОМУ НЕ НУЖНЫ! Внутренним и внешним «демократам» нужны наши пространства, освоенные нашими великими пращурами, нужны им наши плодородные земли и богатые недра. И если мы не очнемся от спячки и не сплотимся, то завтра грядет страшный геноцид славянских народов, особенно русского народа. Это не фантазия. За «бугром» изданы неокарты и земля наша поделена, порезана... Там давно предрешено наше уничтожение, приняты законы, наведены суперракеты и антенны мощных передатчиков на нашу молодежь, у которой выдирают с мясом русское сердце и вставляют управляемый ими бездушный компьютер.

Оглянитесь, братья и сестры! Неужто вы верите, что голод и нищета пришли в наши дома случайно? Это для того, чтобы

закрылись наши роддома, чтобы управлять нами с помощью куска русского же хлеба, озверить нас и опять толкнуть к самоуничтожению, это для того, чтобы исчезли деревни, наши песни и былины, наше светоносное Слово и Великая Культура России.

Мы ответственны за все! Ответственны перед великим прошлым и будущим. Мы талантливый и могучий народ. Мы — Россия! Неужто мы ваньки, не помнящие родства?! Неужто нас будут убивать по одному, как убили Пушкина, Лермонтова, Скобелева, Столыпина, Есенина, Рубцова, художника Константина Васильева и уже в этом году — смелого русского экономиста-патриота А. Кузьмича (А. Цикунова) и других... До каких пор будем молчать? Кто они — охотники, бьющие патриотов России влет?

Горит наш Дом! Но у нас крепкие руки, светлые головы. Если земля и Россия будут наши, мы возродим Отечество, его силу, его славу, остановим и рассеим застилающую нашу Родину зловещую мглу.

АВТОР

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?

Евангелие от Матфея

Низко клубится осеннее небо.

Глухая и дикая якутская тайга. Прозрачная река бьется и шумит на перекате. В устье безымянного ручья молодой геолог Валерьян Остапов промывает шлих. На дне лотка блеснул «таракан»-самородок. Валерьян радостно выхватил его, суетливо бросился вверх по ручью. Раз за разом берет пробы, но в лотке пусто... Он ломится вверх по течению, продирается сквозь нехоженую тайгу, опять лихорадочно берет пробы, и опять пусто...

Остапов изможден долгими скитаниями в поисках золота. Он в грязной и прожженной одежонке и в старой меховой шапке на голове. Геолог в отчаянии бросает кайло на мох и лоток у маленького водопадика, ползает на четвереньках по кустам, собирая горстями ядреную бруснику, жадно ест, размазывая сок по лицу. Подползает к ручью и пьет воду. Мельком смотрит через водопад и видит там кварцевую жилу. Хватает кайло и врубается им в берег ручья, в открывшийся кварц.

В его руке кусок молочно-белого камня, на котором распластался, вспыхнул в лучах пробившегося сквозь хмарь солнца чудной красы самородок в форме кленово-

го листа. Огненный листик искрится, играет золотым сиянием, с пальцев геолога точится алая вода, похожая на капли крови...

Темнеет. Простоволосый человек жмется к маленькому костру. На его коленях пастью раскрыта собачья шапка, набитая доверху самородным золотом. Сидящий осторожно перебирает его. В бликах костра занемевшее молодое лицо колышется отечной усталостью. Квело пробившаяся бороденка шевелится в такт пришептывающим что-то губам. Щуплый и худощавый, смахивающий на подростка паренек. И глаза-то тлеют шальной, мальчишечьей радостью. Вязко наваливается тягучий сон...

А рядом, за стволом огромной лиственницы, прячется какое-то мощное существо двухметрового роста в рыжеватой шерсти: то ли медведь, то ли неведомый лесной человек. Ночной пришелец внимательно следит за дремлющим геологом у костра, вспыхивают два глаза... И вдруг тайгу сотрясает утробный рев!

Валерьян ошалело вскакивает, судорожно хватает с земли шапку с золотом, протирает трясущейся рукой глаза. Налетает шквальный порыв ветра, тайга гудит и стонет под обвалом бурана, с треском падают деревья. И тут вновь раздается из тьмы ужасающий, неземной крик, мелькают молнии. Вокруг Остапова горит и чернеет трава, слышен грохот железных крыльев и стук гигантских шагов. Черный ворон орет над его головой: «Кар-кар-кар-р-р!» Из нутра Земли чудится тяжкий стон, и слышится Валерьяну старческий, пророческий голос: «Далось тебе редкое богатство... Не отдай его злым людям! Ибо золото сеет беду!»

К исходу катится тысяча девятьсот сорок второй год. Где-то там, за многие тысячи верст от этих маловедомых сопок, идут бои, падают в смертном хрипе люди, горят танки, самолеты, оставленное жилье. Идет свинцовый дождь...

Главный геолог прииска Остапов несет в обмерзшей ушанке открытое для Победы первое рудное золото Белогорья. Он спешит, смахивая со лба холодную испарину, изнывает от трясущей голодной слабости.

Следом за ним, на удалении, резво проскакивая от дерева к дереву, тайно движется загадочное существо, оставляя на первом снегу огромные разлапистые следы.

Через прибрежный ерник перед Валерьяном мутно качнулась река в студне плывущей шуги. Меркнет свет стылой зари, прерывисто бурунит в неистовом клекоте перекат, сгоняя ошмотья пены в отстойное место распахнутой глыбью ямы. Ниже ее, на мели, не остерегаясь раскоряченного в ходьбе человека, беспечно жируют припозднившиеся в перелете утки-чернети. Остапов занемелыми от холода пальцами выпростал из кармана наган. Уняв дрожливую слабость, навел островерхую мушку под темное живое пятно на воде. Снулую долину распороли три хлестких выстрела. Распластав по зыбкой воде крылья, оставшаяся уточка истомленно выгибалась шеей. Валерьян шагнул в морозный глянец воды и подцепил негнущимися пальцами еще трепещущий ком перьев.

Яркий костер на забитом плавником острове. Валерьян жадно рвет зубами и глотает без хлеба и соли обжаренную на огне утятину.

К утру разведрило. Снеговые тучи угнало за пределы горизонта, и махрово, по-зимнему нависли близкие звезды. Где-то меж ними спешили к югу и горестно гоготали табуны гусей. Мерцал кленовый лист в отсветах костра, тихо и нежно перемигиваясь с взошедшей Венерой.

Валерьян с трудом раскачал разморенное в тепле и неподатливое от тягучей истомы тело, пьяно тронулся в путь, привязав к левому запястью обвисшую шапку с самородками. Под ссохшимися за ночь броднями из лосины фыркнул подмерзший наст. По правую руку топорщился над скалистым обрывом реки темный листвяк, река с сухариным хрустом пережевывала ледок обмерзшими зубьями перекатных валунов. Отсвет зари кровенил снег...

Вдруг впереди Остапова что-то грузно шмякнулось о камни. Валерьян с опаской подошел к темному кому шерсти и угадал тушу самца дикой козы-кабарги, со свернутой шеей. Невольно поднял глаза на скалистый останец берега, и ему почудилась какая-то лохматая тень, прянувшая в лес с кромки обрыва. Первобытный ужас овладел молодым геологом, он кинулся было бежать, но голод остановил и вернул к туше. Наспех обдирал кабаргу ножом, сглатывая слюну и пугливо озираясь на скалу.

Горит большой костер в распадке, козий окорок пе-

чется на углях. Глазами неведомого жителя тайги мы видим с высокого обрыва первобытное пиршество человека у костра.

Остапов трясущейся рукой отомкнул свою избу на прииске. Запнулся и чуть не упал через порог. Растопил печь и заполз под шубу на нары, зябко подрагивая и перестукивая зубами. Метался в горячечном бреду, а когда очнулся через сутки, то первым делом вынул из шапки заветный самородок и долго разглядывал его.

Золото... Потаенное от людского соблазна, оно встречается разное: мелкое и пылевидное, чешуйчатое и окатанное, самородно изощренное природой. А самородки вообще не похожи друг на друга, как не похожи люди. И вот этот, искусно распластавшийся живым листом, уникален, как художественное произведение, неповторим, как картина Рембрандта или древний папирус.

Геолог проговорил вслух: «С легкой руки неспециалиста это чудо может пойти в переплавку, хрупкий листочек источится каплями в кирпичный слиток. Этого допустить нельзя... Такого нет ни в одном минералогическом музее мира... Возьму грех на душу...»

Остапов закрывает глаза и видит с высоты птичьего полета панораму якутской тайги: мощные развалы гор, снежинки останцев, реки и ручьи, дикий бурелом, горельники и болота, навалы курумников — все пройденное им в страшных лишениях ради золота для Победы. Он нашел его!

* * *

Полвека спустя...

Весна. Лесистые сопки вокруг золотого Белогорска в плешинах снега. Бешено клокочет разлившаяся река.

Сухопарый, высокий и бородатый старик торопливо идет по раскисшей дороге и пережидает въезжающие и выезжающие машины у ворот с вывеской: «Старательная артель «Салют». Подъемный кран опускает в кузов грузовика гусеницы бульдозера, куча рабочих возится у трейлера, загоняют на него импортный бульдозер «Фиат». У крыльца конторы слоняется масса сезонников, устраивающихся на работу, стоят плотной очередью на прием к председателю артели.

— Влас принимает? — мимоходом спрашивает старик у хмурого мужика.

— Дэ-э... Правление артели заседает второй час.

Из распахнутого окна доносится рокочущий бас Власа:
— Из Москвы прилетело дополнительное задание по золоту... Телефонограмма еще раз подтвердила, что в этом сезоне легкой жизни ждать не придется. Комбинат «Белогорскзолото» на этом основании увеличил нам план в полтора раза. Мы должны осознать, что в стране успешно решается жилищная программа, строятся новые города и заводы... Мы обязаны поднажать и с честью выполнить задание партии и правительства. Как ты, Бычков, на своем участке думаешь мобилизовать резервы?
— Влас Николаевич! Да у меня и геологических запасов металла нет на полтора плана. Побойтесь Бога!

Старик послушал и стал уверенно раздвигать толпу сухим плечом, настырно лез без очереди к дверям. На него шумят, хватают за плечи: «Куда, старый! Помирать надо, а ты все лезешь на работу!»

В кабинете Власа дюжина его помощников: начальники участков, механики, инженеры — члены правления артели. Накурено — хоть топор вешай, не спасает и открытое окно. Все в разных позах сидят на стульях вдоль стен, очумевшие от ругани. На столе у Власа, как у маршала, развернута геологическая карта месторождений Белогорья. Он пристально и тяжело смотрит на нее, до хруста сжимая в кулаке спичечный коробок. Поднял глаза и ожег ими каждого сидящего.
— Вот что, помощнички, — прихлопнул спички к столу. — Артель горит. Два участка, по всей видимости, годовой план не потянут из-за слабого содержания золота в песках. Пока еще не начали промывку и занимаемся вскрытием — думайте, что делать! Руководство райкома и комбината спуску нам не даст, последние штаны снимут! Ищите резервы, зубами грызите землю, но два плана мне дайте! Я это не уступлю никому. — Влас показывает на переходящее Красное знамя, которое прислонено к большому старинному сейфу за его спиной.
— Два плана?! — невольно вырвалось у молодого начальника участка Ковалева, одетого в линялую штормовку.
— Два плана! Если испугался — сдавай участок другому. Вы должны перекрыть отстающих, — благодушно

и непоколебимо заверил Влас. Резко сел в кресло.

Ковалев все еще с недоверием смотрел на небрежно развалившегося, влитого в добротный костюм-тройку председателя, коренастого и плотного старика. Выворачивался у этого живого мамонта золотой промышленности из-под изжелта-седого чуба широкий лоб. Усталые глаза на миг пристально поймали взгляд Ковалева и насмешливо зажмурились.

— Да у нас техники нет под это... вскрытых полигонов, — начал было опять Ковалев, — это же на износ, а где обещанные запчасти? А плывуны, да и солярки не хватит на такой объем...

Влас неожиданно вскочил и разбил кулаком коробок спичек вдребезги, спички брызнули по столу.

— Вы мне Лазаря не пойте! Я знаю, как в плывунах брать металл. Думайте! Меньше демагогии... Вы не на кафедре горного института!

— Если короче, — опять встает Семен Ковалев, — то я догадываюсь, куда вы гнете, Николаич... Землесосы? — Ковалев кивает в открытое окно. Там автокран грузил в машину огромную стальную улиту. — Уже и раздобыл их... Но еще никто не пробовал землесосы на старательской добыче золота, хоть у них и бешеная производительность земснаряда...

— Даю тебе неделю на сварку бункера и монтаж землесоса. — Влас неожиданно улыбнулся опешившему Ковалеву. — Ты молодой, прыткий, зубастый... технику знаешь. Не зря же я тебя сманил из геологоразведки. Главный инженер крупных партий.... Вот тебе и карты в руки.

— Я сам ушел... Никто меня не сманивал.

— Ладно, ладно, не ершись, — помягчел Влас и снова оглядел всех сидящих. — Навалимся скопом — и закрутится машина! Что мы, железяку не победим?! Евгений, — повернулся к главному механику артели, — сварщики должны раскуривать папиросы от горящих электродов. Ковалев! Ты отвечаешь за все! Вопросы? Предложения? Сомнения? Накалитесь яростью к работе — и бой выиграем. Свободны!

Переговариваясь, люди поднялись и столпились у выхода. Через них продрался старик, зло прихлопнул дверь за последним выходящим, немного раздышался и хрястнул со всей силы, в сердцах треух об пол. Склонившись через стол, испуганно выкатывая белки глаз:

— Беда-а, Влас, — утер рукавом взмокший лоб.
— Ну?
— Валерьяна Остапова бандюги пытали... Вломились ночью с бабскими чулками на рожах... хотели узнать об открытом им рудном золоте... измывались... — Старик пошарил в кармане и кинул перед Власом на стекло седой клок. — С бороды выдрали, в кровь избили, изуверствовали. Все перевернуто в избе вверх дном. Беда-а...
— Милиция?
— Ишшо не сообчали... к тебе поперва спешил.
— Та-а-ак... — Влас задумался, хрустнул в его пальцах сломанный карандаш. Он энергично потер ладонями усталое лицо и встал. — Та-а-ак... Свои или залетные?
— Разницы нету. Он все одно им не скажет, хучь на куски порвут. Железный мужик... Нашенский!
— Булатный, только гнется, да искры сыплются... не сломать. Это-то я знаю... Да-а-а... — Влас хмурился, быстро ходил по кабинету, закрыл дверь на ключ и отомкнул шкаф. Бросил оттуда тощую папку на стол, вынул бутылку коньяка и налил полный стакан. — Выпей, Кондрат Фомич, лица на тебе нет, — подвинул стакан и бросил конфетку. Сел, открыл папочку своего досье. С фотографии на него задиристо глянул молодой парень довоенной поры. — Доигрался, Валерьян, — хрипло пробасил Влас, — сколько раз ему говорил: «Покажи месторождение рудного золота!» А он: «Нет!» И все-е...
— Дюже разобиделся он на власть, — прошамкал Фомич, мусоля беззубым ртом карамельку, — ить припер в те годы из тайги шапку самородков. Сыскал для страны на Победу, ураганного содержания рудное золото... А ему малиновые парни из НКВД враз четвертак выписали. Надумали крупное дело по похищению золота на ем сварганить, чины и ордена получить... Сволота, — пересказывал в сотый раз давнюю историю Фомич. — Тут гад один был, Прудкин. Донес, что якобы Остапов укрыл от сдачи самородок расчудесной красы и формы... Кленовый лист вроде... Он ему показал, а сдавать в кассу не стал... Потом...
— Знаю. Я же сколько раз его просил! А оно, видишь, как оборачивается... Смотри — и ты доиграешься! Ведь у тебя тоже есть в заначке золотые ручьи, а может, и золотье где? — Влас пристально поглядел на Фомича.
— Не-а... Нетути, — отвел глаза старик, что-то выглядывая за окном и хитро щурясь.

— Кто же его бил?

— Да ты, поди, сам знаешь...

Влас положил па стол чистый лист бумаги и крупно написал: «МАРК.— С». Густо обвел имя кругом.

— Допустим, знаю... Но Марк не идиот, хоть и циник. Когда знакомится с кем, обязательно ввернет: «Маркс-с». Мания величия иль издевка — не поймешь.

— Ишшо какой не дурак! Валерьян с перепугу мпе счас и открылся, исповедовался, лежит избитый... чуть не при смерти... Влас, ты хучь раз тово председателя артели в бане видал?

— Нет.

— Никто его гольем не видал. Один парится. Валерьянко не один год к нему приглядывался. Уж больно привычки ему показались знакомыми, стать барская, глаза волчиные — немигучие, павыкате... Засумлевался, ить, человек знакомый, а лицо совсем другое. В бане к ево оконцу и приник, укараулил...

— Шерлоки, черт бы вас побрал, головы поотвернут!

— Не сбивай! Так во-о-от... На грудях тово Марка орел выколот над храмом божьим, а на плече — пиковый туз, в бубне, проткнутый кинжалом. Понял?

— Ну и что?

— А то-о-о... Это же маршальские погоны вора в законе! Перекладины на крестах собора — сколь раз садили, сколь побегов... Все на ем есть! Валерьян ево по лагерю угадал. Блатняки по приказу Марка убивали, живодерничали. Марк четыре лагеря на Колыме в кулаке держал, с полными карманами денег открыто шастал, начальство зоны его на своих машинах к бабам гулять возило... Убивец он, весь в кровях умазанный... Сколь душ погубил... Маршал бандюгский!

— Ты что мелешь?! Он же коммунист! Брешешь!! Как он тогда в председатели артели пролез? Нас строго проверяют...

— Да у нево все куплено, снизу доверху... Врачи морду перекроили, умельцы — документики чистые сварганили. Они — мастера-а-а... Ты прям смешной, Влас, как дите малое...

— Та-а-ак... Дальше!

— Кликухи даже упомнил его Валерьян: Академик, Кот, Зяма.

— Хм-м-м... — Влас пририсовал голову к обведенному слову па листе бумаги, лапы и хвост. — Дело серьез-

ное, Фомич. Надо спрятать Валерьяна на моем дальнем участке у Ковалева. Уломай его полететь... пусть отдохнет, порыбалит, а там грибки-ягоды поспеют. Заявлять на Марка без толку. Вывернется за давностью лет. Главное — не суетиться... Просчитаем... Подумаем...

— Котя-а-ра... — кивнул на рисунок Власа Фомич. — Голова кота у воров в наколках — метка осторожного.

* * *

У открытого окна в деревянном доме сидит Марк, внимательно следит за происходящим. На конторе вывеска: «Старательская артель «ЮБИЛЕЙНАЯ», участок ИДЖИК».

Он одет в добротную кожаную куртку, на шее белоснежный шарф. Взблескивая золотыми фиксами, аккуратно пьет кофе из маленькой фарфоровой чашечки, отставив мизинец. Хитро щурит глаза. Перед ним панорама участка. Рядами стоят бульдозеры. Сверкает электросварка, мечется начальник участка Хорик, сгоняет старателей из бараков и ремплощадок, орет:

— Все к «Белому дому», строиться на собрание!

Сезонники выстроились в четыре шеренги и замерли, как в зоне на перекличке. Вдоль строя стремительно вышагивает Хорик, свирепо вглядывается в лица стоящих. Руки Хорика за спиной в кожаных перчатках, сжимаются и разжимаются пальцы. Одет во все кожаное, на ногах хромовые сапожки.

Марк изредка оглядывается и смотрит на экран цветного телевизора, где крутится эротический видеофильм. Два телохранителя Марка — Проглот и Трубочист — за спиной шефа украдкой отпивают водку из горлышка бутылки по очереди, прилипли глазами к экрану и мельком следят за стройной девицей лет 25, которая варит кофе Марку и подсовывает на тарелке сладости.

— Катька, не мельтеши перед экраном, кина не видно, — бросает ей постоянно жующий Проглот. — Убери свой волнующий зад, мы с Трубочистом так возбудились от фильма...

— Кому ты нужен... Брюхатенький, — ловко прикуривая беломорину, язвительно огрызается Катька.

Она вызывающе хороша. Порочно-красивое лицо с темными, дерзкими глазами, умело и со вкусом подкрашенными. Только ранний веер морщинок на висках выдает

ее бурную жизнь. Одета всегда с шиком, во все фирменное, как будто ее только что «сняли» у гостиницы «Космос».

— Катька — Золотая Сиська, — не отрывая глаз от телевизора, дразнит уязвленный Проглот.

— Сказано тебе, не мельтеши! — взрывается Трубочист. — Не то счас изнасилую!

— Что я вам — бабочка? Над телевизором порхать буду? Наси-и-льник... Иди на конюшню! Трубочист...

— Катенька-а, угомонись... Взъерошилась, как кошка, — оборачивается и с улыбкой приказывает Марк, опять смотрит в окно и видит, как Хорик замер перед строем, раскачиваясь на носках сапог, хрипло взревел:

— Привет, козлы-ы!

По толпе вновь прибывших старателей прошел недоуменный ропот. Доплыл робкий голос:

— Мы не козлы...

— Кто там пищит? Запомните! На участке самый блатной — я! Сорок рублей поденки вам гарантирую, но забудьте обо всем! Обо всем, кроме работы! С этого дня я заменяю вам мать, отца, любимых баб и детей! И лозунг должен быть один: нам хлеба не надо — работу давай!

Марк стал от окна и усмехнулся:

— Обкатка новичков идет по моей схеме...

— Что, шеф, пора на выход? — вскочил Трубочист.

— Да-а, — небрежно говорит Марк и подмигивает Катьке. Проглот услужливо схватил портфель шефа.

Марк, чинно пройдя вдоль строя (за ним поспевали здоровенные Проглот и Трубочист), остановился рядом с Хориком и удивленно промолвил:

— Кто тут засомневался в словах начальника участка моей артели? Три шага из строя!

Вышел молодой, нескладный парень, невесело улыбаясь, смотрел на них. Марк повернулся к Проглоту и мирно проговорил:

— Дай ему на дорожку рублей... пусть катится.

Проглот открыл портфель, небрежно вынул пачку трояков, подскочил к парню и засунул ему в карман.

— Уматывай!

— Не нужны мне ваши подачки! — Парень выхватил пачку и бросил деньги россыпью под ноги Проглота, повернулся и пошел к бараку.

Трубочист мигом настиг его, саданул по уху и сбил с ног.

— А ну, подыми денежки, козе-ел! Иль раздавлю, как гниду!

Парень медленно встал на карачки, оглушенно потряс головой и тихо буркнул:

— Ты чего так больно... Трубочист! Мы так не договаривались.

— Вали отсюда, — зашипел Трубочист, — свое дело сделал, — демонстративно дал пинка под зад подставника, когда тот покорно собрал деньги и побежал к бараку.

В это время Марк напыщенно говорил:

— Партия и правительство доверили нам выполнение особой программы... Мы должны в полтора раза дать больше золота, а те, кто сомневается в этом... В баню — и на вертолет! У моей конторы каждое утро сотни желающих работать... Все распоряжения выполнять только бегом... сухой закон... любое распоряжение руководства участка не обсуждается. Работать!

* * *

Марк открывает дверь и заходит к Катьке в дом.

— Слава Богу, один, — оборачивается та, — надоели твои бройлеры с куриными мозгами!

— Они теперь до вечера заняты в спектакле. — Присаживается на диван к Катьке.

Она сидит перед телевизором, смотрит «Рэмбо». В губах неизменная беломорина. Катька прижимается к Марку, запускает руку ему за пазуху, другой рукой отводит папиросу, целуя его, томно бормочет:

— Носорог ты мой, шерстистенький... А посмотри, каков мужик этот Рэмбо, не то что твой слюнявый Бесогон...

— У тебя только мужики в башке. Перестань курить эту гадость, я же тебе привез целый блок «Данхилл» из Москвы!

— Они меня не продирают. Беломорчик — класс! Рэмбо!

Вдруг в окно заглядывает грязная, обросшая физиономия с единственным желтым зубом в открытом рту. Марк отстраняет Катьку и делает ей знак, чтобы вышла. Бич завороженно, разинув рот, смотрит на ее вих-

лявую фигурку, обтянутую полупрозрачным шелковым халатиком.

— Ты что средь бела дня приперся, Клык?! — тихо и жестко говорит бичу Марк. — Что случилось? Как дела у вас там, много шурфов пробили... Есть золотые?

— Ниче-е... Золото прет дуром... Варнак там ведет учет, у него и спрашивай. Жратва кончилась, меня кенты послали... Бузят, вчера чуть не передрались. Скажи Хорику, пусть загрузит в вездеход харчей из склада.

— Ладно... Сам поеду, жди меня на устье ручья. Я вас там мигом помирю! Никто не приезжал чужой?

— Вроде нет... Медведь какой-то дурной лазит... ящик мяса уволок, два мешка муки рассыпал. Варнак его зовет Хозяином Золота.

— Припадошный, — хмуро роняет Марк, — я Хозяин! Понял?! Чего еще там вам не хватает? Может, птичьего молока?

— Бабцов бы подкинул, парочку... я как на твою королеву глянул, столбняк пошел... Ух и краля!

— Бабцов? — задумчиво ухмыльнулся Марк. — Проваливай, не мозоль людям глаза!

— Понял, шеф... Меня тут не было, — бич пропал из окна.

* * *

Сопки... сопки... Тайга без конца и края, пульсируют вены рек и ручьев. Вертолетный грохот вынуждает людей кричать в салоне Ми-8, загруженого улитой землесоса, его запчастями. На откидных креслах тесно сидят трое. Влас отвлекает стариков от созерцания тайги:

— Что вы там не видели, вы же ее ногами всю протоптали! — кричит он. — Валерьян, очнись, давай говорить по душам! Мы помочь тебе хотим... покажи месторождение, ведь помрешь, не дай Бог, укажи пальцем, сразу поверну вертолет и в ноги поклонюсь! Мигом организуем там участок, бандиты от тебя отвяжутся. Я тебе значок первооткрывателя выбью в Москве, премию, в артель на довольствие возьму, до самой смерти кормить буду. Скажи!

— Ты зачем меня уговорил сюда лететь, — недоверчиво блеснул глазами старик, — мол, ягодки, грибков соберешь в зиму, отдохнешь у Семки Ковалева на участке. Что? От бандюг меня хочешь укрыть там?

— А хоть бы и так! Ты на глазах у людей будешь, не посмеют сунуться.

— Влас, зачем тебе лишние тонны золота? Реки вспять поворачивать? — старик кивнул за иллюминатор сивой головой. — Или чтоб на него министры в Африку на охоту летали? А бабы их — в Париж причесываться?

— Эй ты! — испуганно вскинулся Фомич и огляделся. — Не антисоветничай... а то загремим на уклоне лет баланду хлебать.

— Может, Чернобыль, Влас, на твое золото отгрохали, людей погубили, — не унимался Валерьян, — земель сколь богатых угробили, затопили гидростанциями, реки химией поотравили... я газеты читаю исправно! Не отдам! Не отдам, пока правители наши в ум не войдут, не опамятуются... Пока Хозяин в разоренной России не объявится...

Влас расстроенно махнул рукой и с укором промолвил:

— Начитался... эдак будем ждать до святого пришествия.

— Во-во, — кивнул головой Остапов, — святой и нужен для Святой Руси. Чтоб берег богатства для внуков твоих. Как уж царей ни охаивали, как ни мазали, а они вон какой кусище земли отхватили, к морям и океанам вышли. А Николай II издал указ, запрещающий золото добывать. Мол, нам хватит, надо оставить потомкам. Вот тебе и «кровавый»...

Влас заглянул в иллюминатор и объявил:

— Прилетели... Участок Ковалева.

Старики и Влас выходят из вертолета, их окружает шумная ватага чумазых старателей. Семен Ковалев руководит разгрузкой. Части землесоса закатывают на сани, и трактор везет все к кузнице. Механик тащит сварщикам пачки электродов... Работа закипела. Ковалев сверяет монтаж по чертежам.

И вот уже смонтированный землесос и бункер тащат на полигон. Устанавливают. Злые и мокрые суетятся вокруг мертвого железа, землесос не запускается. Зарядили дожди. Плывуны раскисли, превратились в кисель-мушмулу...

* * *

— Наверняка подсос воздуха под шпонку на валу.

— Все вроде проверили. Схватил пульпу и сдох, толь-

ко пульповод забили. Под шпонку? Интересно... Ведь и впрямь сальники стоят под внутреннее давление...

Они вдвоем разбирают землесос, Ковалев выстругивает ножом и сам забивает деревянные клинышки в зазор шпонки рабочего колеса. Собирают, и Ковалев командует:

— Сварной! Завари в пульповоде окно!

Влас с Валерьяном стоят молча. Валерьян вздыхает.

Ковалев с остервенением включает землесос.

— У-у-у! — надрывно взревел дизель, и землесос заработал.

Пляшут от радости старатели, тугая струя водяной пушки-монитора перемешивает на столе бункера песок, пульпа хлещет в колоду. Струей грязи от бункера обливает стоящих Власа и Остапова. Влас ругается и грозит кулаком мониторщику, сердито говорит что-то Валерьяну, показывая рукой на застрявшие и сломавшиеся бульдозеры.

К ним подходит улыбающийся Ковалев, вытирая ветошью руки. Влас продолжает:

— Ты погляди, старый, что творится! Мамаево побоище! В таких трудах граммами золото добываем, а у тебя в тайге лежат сотни килограммов. Мне повесили на артель полтора плана, чую, что прогорим в этом сезоне... людей без зарплаты оставим... Имей совесть, пожалей старателей, у них же семьи, дети...

— Планы... Планы... Что толку от твоих планов? — бубнит свое Валерьян. — Все равно тебя начальство надует, лишние деньги отберет комбинат на прокорм кабинетных трутней, а людям — шиш! — Остапов показывает выразительную дулю. — Отвяжись от меня, не то пешком в Белогорск удеру через тайгу, я привычный.

— Тьфу! — зло сплевывает Влас. — Ну-у, упертый... был бы помоложе, хоть бы бабу подсунул, в кабаке упоил, — с вялой улыбкой пытается балагурить Влас.

Валерьян долгим взглядом окидывает развороченный полигон, где крутятся десятки людей в неистовом ритме добычи золота, и неожиданно выдает:

— А в стране жрать нечего... Пла-а-аны...

* * *

Ковалев провожает Власа к вертолетной площадке, сзади, порядком отстав, тащатся старики. Только что

сел вертолет, и старатели споро разгружают его. Влас одобрительно хлопает Семена по плечу:

— Первый экзамен выдержал, а говорил, что не заработает землесос! Три бульдозера не успевают подавать пески. Это же чудо для старателя. Наворотим!

— С такой техникой можно, — радостно соглашается Ковалев.

— Запомни, Семен! Первое: в любом деле важно не суетиться и все просчитать! Второе: не упустить главное! Умей отметать с его пути все мелкое и второстепенное. Тогда ты будешь ясно видеть цель. Третье — верить в свои беспредельные возможности. Верить фанатически! И люди пойдут за тобой...

— Три завета старателя, буду помнить...

— Ты это... попробуй у старого вызнать, — Влас кивнул головой на Валерьяна,— может, у тебя получится,— он пожал руку Семену и уже было направился к вертолету, который начал раскручивать лопасти винтов, но вдруг возвратился к остающемуся Остапову и обнял его.

— Ну, Валерьян...

— И не проси... Не верю я никому! Не пришло еще время тому золоту являться людям. Вы же и впрямь в таких трудах золото граммами добываете... а там, наверху, — Валерьян ткнул пальцем в пустое небо, — его эшелонами раздают... Кормим полмира, дармовой нефтью поим, а сами с голым брюхом...

Загрохотали на полную мощь турбины вертолета, вздымая пыль и пригибая траву, засвистели винты. Фомич, имитируя руками игру на гармошке, вдруг проорал частушку:

Ла-адушки, ла-а-адушки,
Куба ест оладушки.
А мы черный хлеб едим,
Наедимся и-и... пер-р-дим...

Влас безнадежно махнул рукой на дедов и скрылся в вертолете, захлопнулась дверца. Машина с ревом ушла в небо.

Стояли на земле два старика, с растрепанными вихрем бородами и сивым волосьем на головах, все смотрели в пустое небо, как будто чуда ждали — манны небесной...

* * *

Вечер. Марк за рулем «уазика», рядом с ним болтает Катька, кокетничает и любуется через окно природой. На заднем сиденье — Трубочист и Проглот, с ухмылкой смотрят на нее. Машина сворачивает на старую, поросшую травой дорогу и останавливается в густом ельнике. Из леса выскакивает Клык, который приезжал за харчами, приветливо машет рукой. Все вылезают из машины. Проглот тащит за собой большой рюкзак, мимоходом ущипнул за бок Катьку, проговорил ей на ухо:

— Золотая Сиська, тебе шеф такой подарочек уготовил!

— Потерпи, в рюкзачке моем... хи-хи-и...

Марк сам садится за рычаги вездехода ГАЗ-71, Катька в кабину рядом, остальные забираются в крытый тентом кузов. Сразу трогаются. Едут долго, ночью. Натужно ревет двигатель, преодолевая перевал, звякают траки гусениц. К утру спустились в долину какого-то ручья и остановились у двух обветшалых домиков, невесть кем срубленных и брошенных в этой глуши. На одном из них свежая вывеска: «ДОРАЗВЕДКА, артель «ЮБИЛЕЙНАЯ».

Марк первый заходит в покосившиеся двери избенки и весело кричит:

— Па-адъем, гаврики! Жратву вам привез!

С общих нар сползают сонные, бородатые шурфовщики, один из них торопливо запалил толстую свечу на столе.

— Фу-у-у! Ну и вонища же у вас, — морщит нос Марк, — давно бы баньку в палатке сгоношили. Варнак! — обращается к мужику лет пятидесяти с хищным, злым лицом. — Ты, как бугор, должен за гигиеной следить...

— Мы не сеем, только пашем... Такова селява, — угодливо оскалил он свою щучью челюсть с железными зубами, — некогда, шеф... какая гигиена?! Жидкость от потливости ног и ту выжрали... — Он вскакивает и обметает скамью рукавом. — Присаживайся, начальник!

— Давай костер на улице, выпивон привез вам... плеснем под жабры, поговорим, — развязно и лихо «ботает» Марк.

Угрюмые лица разом оживились, шурфовщики суетливо начали выскакивать из домика. Мигом распалили ко-

стер, разогрели на огромной сковородке привезенную тушенку, нарезали хлеб. Худощавый однозубый Клык нетерпеливо подошел к Марку и барски пригласил за стол:

— Кишкодром готов!

Все уже сидели на скамьях за общим столом у костра, каждый со своей кружкой, и вожделенно глядели на Проглота, который тащил от вездехода ящик с водкой. Разлил сам Варнак. Выпили, закусили.

— Я Хорику всыпал по первое число, что мариновал вас без продуктов. Теперь все будет без осечки, — энергично говорил Марк, — только пашите что есть мочи! Плачу вам за каждый грамм металла по червонцу, к осени сколько огребете! Да еще... ваш гонец позавидовал мне... бабцов попросил подкинуть. Катька! Останешься здесь поварихой, нечего мужикам время терять на стряпню.

— Марк, да ты что?! Сдурел! Да эти кобели меня тут порвут на части. Не-е-е! Такого уговора не было. У меня и вещи там остались, я что — в этом наряде им варить стану?

— Проглот, выдай спецодежду поварихе, — сузил глаза и жестко приказал Марк.

Проглот перевернул рюкзак и тряхнул. Под его ноги вывалились: мятая фуфайка, кирзовые сапоги, спецовка защитного цвета и шапка-треух.

— Прости, Катька, лифчиков и бабьих трусов у нас на складе не нашлось... да они тебе только помехой будут, — ощерился он в улыбке.

— Ты-ы! Три ведра тухлого фарша, заткнись! — взбесилась Катька. — Ну что ж... Мужички-то немытенькие, я из вас сделаю Ален Делонов. — Она подошла к спецодежде, сгребла ее в охапку и исчезла в избушке. Через минуту явилась в новом одеянии. В сапогах, мешковато висящих штанах, перехваченных женским изящным пояском. Фуфайка на голом теле. Она вышла королевой, презрительно глянула на Проглота и кинула ему под ноги свою шикарную одежду. Проглот машинально нагнулся за ней, и тут-то Катька мигом напялила ему на голову свои трусики.

— Сдашь на склад, бегемот...

Шурфовщики грохнули смехом. Катька вошла в их среду, как нож в масло. Покорила. Да тут еще налила

граненый стакан водки и хлопнула залпом, лихо утеревшись рукавом фуфайки и раскуривая беломорину.

— Ну-у, Катька — свой парень! — восторженно проговорил Клык, щеря свой прокуренный зуб.

— А что, мальчики, поладим?

Все дружно закивали головами. Марк подозрительно щурился на нее, криво лыбился.

Она вдруг сорвала золотые серьги, кольца и бросила ему. Смех мгновенно прекратился, мужики затаились в ожидании, что будет дальше. Это был смелый вызов, месть, пощечина Марку. Тот на минуту смешался и неловко обратил все в шутку:

— Зачем ей теперь мои побрякушки, к осени вы ее с ног до головы в золотье оденете... Такие бабки вам плачу за доразведку и попутную добычу золота. Пошли, Варнак, сдашь мне металл, в этом месяце с планом в артели туго. — Он встал, ожег Катьку взглядом и ушел с портфелем к вездеходу, сзади тащился Варнак.

Когда вездеход уехал, Проглот кинулся к Катьке и намерился ее ударить за унижение. Но тут меж ними встрял худосочный Клык, процедил:

— Ты-ы... Только тронь нашу Катеньку, урою, сука-а-а! — истерично крикнул и обернулся к столу. — Урою?!

— Клык уроет, — согласно закивали головами мужики, — у него справка, псих... три срока. Уроет...

Проглот выматерился и ушел к ручью.

* * *

Марк лихо ведет вездеход, впритир проскакивает меж больших деревьев, дергает рычаги поворотов. ГАЗ-71 продирается напрямик через мелколесье. Перед лобовыми стеклами смертно вздрагивают и падают под жернова гусениц молодые сосенки, с хрустом ломаются.

— Что у тебя за кипеж был на участке? — жестко спрашивает Марк.

— Шакалье... Передрались...

— Может быть, почуяли чего?

— У них остался нюх только на выпивку... Я этих бичей по всей Якутии без документиков тщательно отобрал... бросовые. Они нигде не числятся во всем белом свете...

— И не должны числиться! — многозначительно роняет Марк.

— Не понукай, дело знаю... один новенький, молодой, дергается, но он тоже без паспорта и трудовой... Некуда им деваться. Ты водочки-спиртику к зиме подкинь побольше... Тайга просторная, всем места хватит, всех укроет снежок... Только меня не обидь! Я крученый, как хрен поросячий...

— Я тебя из полосатого режима вытащил, от вышки спас... Разве Академик когда обманывал верных людей? Дело кончишь и свалишь. Сто кусков твои. Железно!

Вездеход вылетел на поляну к заброшенной охотничьей избушке, неприметной среди девственного, заваленного буреломом леса. Марк проехал мимо и остановил вездеход в укромном, обросшем кедровым стлаником месте. Они спрыгнули на землю, Варнак стал на колени и отвалил дернину мха. Тускло блеснули два металлических цилиндра, врытые в землю, с ввинченными пробками-серьгами на торцах. Варнак отворачивает одну из них и довольно ворчит:

— Ну, Академик, у тебя и мозги, сроду никто не найдет наши титановые сейфы. И не утащишь, и золотье не высыпешь, клапана внутри.

Марк достает из портфеля два тугих мешочка, подает их.

— Это с моих участков доля, засыпай.

— Голова-а-а, — льстит Варнак, высыпая через отверстие золото и бросая самородочки. — Один уже полный, — закручивает болт-серьгу и высыпает остатки в другой.

Марк в это время надевает рукавицы и разматывает трос от лебедки вездехода, вешает на толстую лиственницу ролик. Пропущенный через него трос Варнак цепляет за серьгу одного из сейфов. Марк садится в кабину и включает лебедку. Из земли медленно вылазит длинная и толстая болванка, похожая на вагонную ось. Варнак отцепляет ее и придерживает вертикально, а Марк сдает задом вездеход, и они вместе грохают ее на дно железного кузова. Варнак маскирует оставшийся сейф. Подходит довольный Марк и говорит:

— К сентябрю успеем вторую наполнить и выполнить заказ?

— От тебя зависит, на моих бичей надежда слабая.

Был бы экскаватор и пара бульдозеров еще. Все вручную, зверски пашут.

— Может быть, тебе тут обогатительную фабрику построить, — усмехается Марк и похлопывает рукой по грязной болванке в кузове, — на эту вагонную ось колесики напрессуют, и пустим вагончик куда надо. Поехали!

Среди тряпья, запасных траков и другого железа перекатывалась на ухабах тяжелая болванка с золотом, с виду годная только в металлолом. Сквозь лязг гусениц, хруст ломаемого мелколесья явственно прозвучал голос Марка:

— Валерьяна Остапова притащите на эту фазенду... Сам займись с ним... И если опять не скажет... Мне нужно его дурное золото!

Вездеход объезжает охотничье брошенное зимовье...

* * *

— Пи-и-и-ть... — слабым, последним усилием тянул старик.

Проглот взял у ямы лопату и придавил кадык Валерьяна, с садистской улыбочкой проговорил:

— Так где то местечко, где золотую пшеничку можно этой лопаткой грести? Или чуть давану — и кровью напьешься...

Валерьян смотрит на них уже спокойно, на его лице нет ни тени страха. Проглот под его взглядом смешался и отшвырнул лопату, поднес фляжку к губам старика.

— Еще правда загнешься... ищи потом твое рыжье...

— Отвязывай его — и в избушку... Сейчас он у меня заговорит, — прорычал Варнак, подскакивая и вышибая из рук Проглота фляжку, — за каким чертом ты его поишь, размазня!

* * *

Влас говорит по телефону:

— Марк, приезжай ко мне... В сауну сходим, потолковать надо...

— Баню не терплю, сердечко слабое... шалит.

— Ну, поговорим так. Жду!

— У меня нет времени. А что случилось-то?

— Тогда я приеду, через полчасика...

Влас стремительно заходит в кабинет Марка. Тот кивает Трубочисту на дверь, и он нехотя удаляется. Влас уверенно сел за стол и изучающе уставился в глаза Марка. Тот выдержал взгляд, дернулись тонкие губы в напряженной усмешке.

— Я весь внимание, Влас Николаевич.

— С моего участка... от Ковалева пропал Валерьян Остапов...

— Я-то здесь при чем, я такого даже не знаю.

— Не крути... Его все обязаны знать... это живая история золотого Белогорья.

— Может быть, ушел по грибы, заблудился.

— Ему глаза завяжи — выйдет куда надо, протопал геологом всю тайгу. Если он не объявится... пропадет,— в бессильной ярости повысил голос Влас, — смотри... ты меня знаешь.

— Влас, ты меня утомил. Тебе что, делать нечего? Давай стране золото, получай знамена и вымпела... Это забота милиции, найдут... Все лезешь куда не надо. Вернется твой геолог... «А путь далек и долог. И нельзя повернуть назад... Крепись, геолог, держись, геолог...» — проговорил Марк слова старой песни, ядовито улыбнулся и притворно вздохнул. — Мы два медведя в одной берлоге, надо терпеть... тесно, смрадно, грязно... опасно...

Влас напрягся, почуял, что сейчас сорвется, но все же посчитал нужным подстраховать жизнь Остапова, угрожающе выпалил:

— А может, в баньку общую тебя сводить... раздеть, чтоб люди поглядели на голенького Академика, Кота... или как там тебя еще звали... уголовная харя! — Влас презрительно сплюнул и спокойно поднялся. — Со всей ответственностью заявляю: головой ответишь за Остапова!

— Шею свернешь! — сузил глаза Марк. — Не суйся, куда тебя не просят... это первое правило техники безопасности.

— Не пугай, я пужаный... вашей мрази век не боялся! — Он попытался сгрести Марка за грудки, но сзади рванули за плечи, и Влас обернулся.

Поигрывая финкой, стоял Трубочист. Он прошипел:

— Дядя, не распускай руки... протянешь ноги.

Влас усмехнулся и промолвил на прощанье:

— Помни мои слова, Марк!

* * *

Участок Ковалёва. Влас и Семен Ковалев идут лесом к полигону, доплывает рев бульдозеров и землесоса. Влас хмурится, прет напрямик через кусты, как трактор. Это его характер. Сердито говорит Ковалеву:

— Я его выведу на чистую воду! Поговорю с начальником милиции, пусть наведет о нем справки... Наглый, сволочь... Телохранителями обставился... Ему тут не Сицилия, понимаешь...

Бульдозер выталкивает на кромку отвала торф, ломает деревья, невдалеке от идущих.

— Как же они его украли, никто не заметил, поздно ночью... как в воду канул. Мы думали, что на рыбалку ушел, — виновато говорит Ковалев, — куда же они могли его спрятать?

— В тайге дорог много, могли упереть на вездеходе или на моторке по Тимптону хоть за тыщу верст. Ищи теперь... Полк МВД не найдет... Скользкий... Но я его прищучу!

Они забрались на высокий отвал отработки, взору открылась безбрежная тайга, сопки, развороченная техникой долина реки.

— Я поговорю с директором комбината, он умный мужик... Надо Марка хоть с председателей артели турнуть.

— А где факты? — робко возразил Семен. — План по металлу он выполняет. Все надо продумать, как в шахматах, на несколько шагов вперед.

— Шахматы не люблю, в них долго играть... Да и не привык из-за угла ход конем делать. Пойду в райком к Бесогонову. Надо его подключить...

— Не спеши, Влас Николаевич... Первый у него частенько в сауне бывает, а у тебя нет... Кто знает, откуда у Бесогонова новенькая «Волга» появилась.

— Ты это мне брось! Долгие годы инженером... секретарем парткома комбината работал. Брось! Я Бесогонова знаю двадцать лет. Свой мужик...

— Смотри, Николаич... Надо продумать все.

— Пока мы думаем, они у Валерьяна вызнают месторождение и заявку на него оформят. Там же тонны золота! Мы смогли бы всех обставить, лет пять жить без головной боли и гнать стране золото, сколько она потребует. Идет перестройка!

* * *

Трубочист вставляет в видеомагнитофон кассету, включает его. Марк поворачивается на кресле к экрану импортного телевизора, говорит:

— Покажи, покажи... что у тебя там получилось за кино...

По экрану рябь, плывут деревянные стены бани, мелькает серьезное лицо Катьки в раздевалке...

— Отдушина тесная, видеокамера не все берет, — комментирует Трубочист, — сейчас войдет, гусь лапчатый...

Распахивается дверь сауны и показывается вальяжный мужчина, приветливо машет Катьке рукой, она помогает ему снять пиджак, галстук. Щебечет:

— Солнышко, как я по тебе соскучилась... о-о-о... не спеши.

На экране сплошная темнота. Трубочист расстроенно:

— Стеснительный, свет вырубил...

Из парилки выходит мужик, пояс обвязан полотенцем, садится за уставленный закусками стол. На экране крупно пьяное лицо. Сзади подошла голая Катька, обняла его, подняла и направила к камере лицо... Он встает, обмотанный в поясе полотенцем: пытается ее поймать.

— Сейчас она сдернет с него полотенце, — продолжает комментировать Трубочист, — все мои инструкции выполнила, пай-девочка... Кино хоть кооператорам в видеосалон продавай. Вот бы в Белогорске крутануть! Я даже рекламу придумал, представь, шеф: «Тайные оргии Бесогонова. Голый король Белогорья!»

— Когда надо — крутанем, — деловито прерывает его Марк, — теперь он нам все подпишет, любую крышу даст... бабий угодник...

Телефонный звонок. Марк нехотя поднимает трубку и усмехается, прикрыв рукой микрофон трубки:

— Долго жить будет... легок на помине.

— Бесогонов говорит, — голос из трубки.

— Слушаю вас, Арнольд Титович. — Лицо Марка ехидное, краем глаза смотрит на экран.

На другом конце провода мужик из бани восседает в шикарном кабинете за полированным столом, солидный и напыщенный. Бесогонов говорит в кокетливо отставленную от лица трубку:

— Марк! Ты что с этим дураком связался? С кем, с

кем... Только что у меня был председатель артели «Салют» Влас Николаевич Петров. И тут мне такое наговорил! Понимаешь... В основном это касается лично тебя... так сказать... Про машину что-то вынюхал... Говорил же тебе, оставь ее у моих стариков в Киеве... И про сауну... Знает, что отдыхаю у тебя... изредка. Больше никаких бань!

Марк слушает, смотрит на экран и лыбится. Там продолжаются любовные похождения первого секретаря. Теперь он возле столика с водкой и закусками, с полуодетой Катькой на коленях, дарит ей золотые сережки, сам вдевает в уши. Она притворно охает, целует его, ласкает. Потом опять опрокидывается на кожаный диван.

Голос в трубке продолжает рокотать:

— Умоляю, не дразни этого бизона! Он нам таких хлопот наделает, что оба из партии вылетим... кстати, он намекал мне про твои тюремные наколки... Конечно, это клевета... Бред какой-то... Спятил он. Давай мирись с ним...

В трубке послышались гудки, а на экране Бесогонов продолжает жить и говорить. Как пылкий юноша, он бродит по предбаннику, обвязанный в поясе полотенцем, и театрально читает обалдевшей Катьке стихи Маяковского. Та кокетливо пялится на него, краешки ее губ дергаются от сдерживаемого смеха.

Посерьезневший Марк вынул кассету из деки и положил ее в сейф. Затем раскрыл на столе свой кейс-компьютер фирмы «Ташиба», сунул дискетку и прошелся по клавишам пальцами, с издевкой проговорил Трубочисту:

— Что с ним мириться? Я что, унижаться к Власу пойду? Пусть на параше посидит... подумает, годик-два, а то и больше.

На экране дисплея загорелось:

ПЕТРОВ ВЛАС НИКОЛАЕВИЧ, 1925 года рождения...

Марк читает вслух:

— Происхождение, образование, работал директором прииска Ыныкчан, Солнечный, комбината Джугджурзолото... Ага, вот! На экране светились строки. Марк читает:

ТЫНДА. ВАГОН МЯСА, БАРТЕРНАЯ СДЕЛКА С ТЮМЕНЬЮ НА ИМПОРТНЫЕ ЗАПЧАСТИ... КОРЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА...

— Да, тут есть к чему прицепиться, — раздумчиво

проговорил Марк, — посмотрим дальше, что там Влас закупил... моя разведка работает четко, не зря устроил к нему помощником бухгалтера своего человека... надо все предвидеть, не зря платил этой бабе денежки... — Оборачивается к Трубочисту: — Организуй немедля заявление от его снабженца... Иванова, дай ему по фиктивному наряду поставки запчастей десять тысяч, десять «штук» для смазки и заверь, что его к ответственности за мясо привлекать не станут. Организуй его заявление к прокурору нашего района... о мясе и запчастях к КАТам... у Иванова с Власом недавно конфликт был и наметился разрыв, пригласи на работу в нашу артель... он денежки люто обожает...

— Будь спокоен, шеф, я на этого Власа спущу свору ментов.

— И еще... Пусть Иванов изымет и передаст мне через тебя бумагу об отказе Кореи от вагона с этим мясом для своих лесорубов под Тындой... Тогда Власу не выпутаться...

* * *

За длинным столом члены бюро райкома. Лощеный и надменный от своей безграничной власти, первый секретарь Арнольд Титович Бесогонов, высокомерно оглядывает сидящих и с пафосом говорит:

— Я собрал внеочередное бюро по одному важному и щекотливому вопросу, значит... э-э-эм... На повестке дня стоит вопрос об исключении из рядов КПСС бывшего председателя артели «Салют» Петрова. В то время, когда партия бьется с проблемами, как накормить народ, реализует продовольственную программу, находятся люди типа Петрова, понимаешь, которые саботируют эти политические решения, значит, устраивают махинации за спиной партии. Товарищи! Мы с вами заботимся, чтобы на столе каждого труженика было сытно и изобильно, а Петров обменивает вагон отборного мяса на какие-то запчасти к бульдозерам.

— Ка-ак?! Фондовое мясо для Белогорска? — спрашивает женщина с высокой прической.

— Какая разница, фондовое оно или нет, — морщится Бесогонов, — снабженец артели купил мясо где-то на БАМе, а Петров вместо того, чтобы помочь своему району и увеличить норму выдачи по талонам этого ценного

продукта нашим труженикам, угнал вагон в Тюмень и там обменял его на запчасти...

— Надо толком разобраться... не спешить выгонять... — раздается реплика с места, — артели сами вольны распоряжаться своими деньгами и тем, что добыли вне фондов.

— В карман он свой эти запчасти не положил, ни копейки не взял; мы его знаем, — говорит пожилой мужчина. — Нам ведь комбинат и райком запчастей не дают, а план требуют на полную катушку... вот и крутимся, ходим по лезвию бритвы.

— Товарищ Боровков, вы как председатель артели вправе защищать своих дружков... Запчасти... — морщится Бесогонов, — с ними вечно морока, понимаешь, мы докладываем в обком, пишем письма в министерства... Но дело в другом! В феврале месяце Тында сидела без мяса по вине Петрова, это уже политическая акция. Там работает народный контроль, выясняют, куда оно девалось... Товарищи! Не станем же мы ждать, когда из ЦК придет бумага на нашего Петрова? Мы обязаны оперативно реагировать.

— За такие делишки надо из партии гнать в шею! — истерично крикнула все та же дородная женщина с высокой прической. — Бедные наши женщины с сумками носятся по магазинам, а Петров мясо на железки меняет...

— Вы как директор Продснаба, Аделанда Ефимовна, к этому мясу не имеете никакого отношения, — сурово перебил ее председатель артели «Амга» осетин Бестаев, долгие годы проработавший на Севере, — не сидели бы по жарким кабинетам, не гоняли бы чаи, а повертелись, как наши снабженцы. Тогда район не знал бы, куда мясо девать... кстати, у вас его и девать некуда, пять лет строите холодильник, а мясо гноите в довоенном ветхом леднике.

— Товарищ Бестаев! — перебил его Бесогонов и строго нахмурил брови. — Вы на что намекаете? На кого наводите тень? Сейчас не время для дебатов. Вопрос стоит конкретно о Петрове, а не о директоре Продснаба. Ставлю вопрос на голосование! Кто за то, чтобы Петрова Власа Николаевича исключить из партии? Прошу поднять руки... Так, кроме председателей артелей, все за...

* * *

Влас сидит в одиночке на нарах. Угрюмо смотрит в зарешеченное окно. Рубашка его неряшливо расстегнута, на подбородке седая щетина, глаза поблекли от горя и усталости.

Загремели в дверях ключи, и в камеру степенно вошел прокурор района, брезгливо поморщился от запаха, присел на краешек стула, услужливо подставленный из коридора милиционером. Вздохнул. Открыл папку и долго шелестел бумагами, перебирая их. Потом резко проговорил:

— Все доказано, нет смысла запираться, ты не маленький, Влас... Надо подписать протокол и получить свое... На суде я буду объективен, постараюсь смягчить статью... Защитника хорошего подыскал. Подписывай, не мучай следователя и себя...

— Катись ты, жалельщик, — вяло ухмыльнулся Влас, — сколько же тебе Марк сунул в лапу, гражданин прокурор?

— Прекратите! Это что еще за намеки?! Да я вас за клевету упеку! — зашелся гневной одышкой и побагровел прокурор. Резво вскочил, опрокинув стул.

— Ива-ан Степаныч, не строй из себя оскорбленную институтку, ведь я ж тебя вижу и знаю как облупленного. Купили тебя, старый пень, обставили со всех сторон... ты думаешь, что про твою стрельбу с вертолетов в лосей только Марк знает? Про уютный домик в Анапе, построенный его людьми для тебя... Завяз ты, Степаныч, и местечко это на нарах твое, — Влас похлопал ладонью по голым замызганным доскам.

— Прекрати клеветать!

— Сядь, Ваня, угомонись и не ори на меня... я тут многое передумал, многое увидел, спала пелена с глаз. Пока я рвал жилы и давал стране золото, все начальство района уже сидело на кукане у Марка и не трепыхалось... Бесогонова новой «волжанкой» и пьянкой в бане сокрушил, тебя охотой и домиком, следователь мой бредит «жигуленком», наверное, уже и гараж ему строят и гонят машину из Невера... Классическую мафию развел ты, Ваня... Паучье гнездо! Но времена-то идут другие, это тебе не тридцать седьмой год, когда ты в чине лейтенанта НКВД щеголял в галифе и хватал открыто людей... Так что иди и подумай про старость, у каких бо-

гов отмаливать грехи будешь... — Влас встал перед бледным прокурором, у которого тряслись от бессильной ярости губы и палилось свекольным цветом лицо. — Иди, Ваня, а то еще что-то вспомню, и тебя инсульт хватит, уж больно ты полнокровно жизнь прожил, на чужих судьбах катился по ней, как на тройке... Пшел вон! Воняет от тебя кровью, продажная шкура...

— Вы за все ответите... вы не имеете права так говорить со мной, клеветать!

— Ва-аня... Иди, ради Бога... противен ты мне, и не боюсь я ни тебя, ни твоего мафиози. Мой совет: подай заявление и уматывай на пенсию в Анапу... Песок ведь сыплется, а жадность не дает уступить место другому. Иди-иди... У меня зла на тебя нету, только жалость...

Нечего сказать в ответ Ивану Степановичу. Спиной пятится к двери, рубашка взмокла и прилипла к спине. Рой мыслей в голове, как вывернуться, как заставить Власа замолчать? Эх, где вы, тридцатые годы... сейчас бы шлепнул из нагана прям на нарах, и все...

— Постой, Ваня, чуть не забыл... теперь скажу тебе главное. В 1942 году, как я помню, ты возглавлял райотдел НКВД здесь. Помнишь, за что ты получил орден Красной Звезды? Вспомни, вспомни... Моя разведка это выяснила, я даже из этой вонючей камеры веду расследование... Ты сфабриковал дело о крупном хищении золота молодым геологом Остаповым, за что и отхватил орденок в тылу... Совесть имей, хоть не надевай его на Праздник Победы, сдай! А геолог на суде уперся, не показал месторождение и отрекся от выбитых показаний. Но это не помогло. Упрятали в лагерь... Так вот, люди Марка украли сейчас Остапова и вырывают у него признание о рудном золоте... Ты головой ответишь за несчастного старика, которому исковеркал жизнь, не дозволил Родине получить тонны золота и много-много оружия за него в годы войны...

— Хватит! Прекрати-и-и! — затрясся прокурор.

— Скажи своему Хозяину, пусть освободит Остапова... не приведи Бог помрет... Я раскручу это дело, ты меня знаешь. Я знаю, машина запущена, и вы меня посадите. Ничего-о... Знаю, что никто мне не поверит... Но как ты живешь, Ваня? В этой лжи и грязи, правильно говоришь... Какое ты имеешь моральное право судить людей? «Есть Божий суд, наперсники разврата...»

С грохотом хлопнула окованная железом дверь. Ми-

лиционер заскочил, испуганно взглянул на Власа и забрал стул.

* * *

Марк сидит в сауне на полке, в такой же позе, как Влас па нарах, парится. Осторожно трогает свое волосатое тело, разглядывает сам себя. Тело в наколках. На груди — собор с куполами и парящий орел над ними, на плече — пиковый туз в бубне, проткнутый кинжалом. Марк плещет ковшиком на раскаленные камни, парится молча, словно затаившийся зверь. Вот он идет к двери; на ягодице, словно живой, кот бросается за мышью.

Марк сидит перед самоваром в предбаннике, пояс и одно плечо обернуты простыней, словно у римского патриция, на хмуром лице вызревшие капли пота. Пьет импортное пиво. На столе водка и богатая закуска: рыба, зелень, арбуз. Марк все делает молча, ест без аппетита, тяжело вздыхает и снова осматривает себя, придирчиво, любовно. Встает перед большим зеркалом, приближается к нему и впивается ногтями пальцев в наколки. В глазах его боль. Он один, он зверь в своей берлоге. Умный, но меченный дурной молодостью зверь...

В углу, на резной деревянной табуретке, стоит компьютер. Марк усаживается перед ним, открывает крышку и набирает код. На экране вспыхивает таблица:

МИНИСТР ЧЕРПАКОВ . . . . . . 400 тыс.
ДЕПУТАТ ПОПОВ . . . . 300 тыс., дача
БЕСОГОНОВ . . . . 120 тыс., «Волга»
ДИРЕКТОР ТРУБНОГО ВАСИН . ящик коньяка
ПРОКУРОР . . . . 100 тыс., дом
ДАЧА В КРЫМУ . . . . 192 тыс.
ПРОИГРАЛ В КАРТЫ (нужным людям) 170 тыс.
АГРОПРОМ . . . . 0,5 тыс.

Марк играет пальцами по клавишам, как опытный пианист. Бегут и бегут по экрану фамилии, суммы взяток, досье на людей, которых еще предстоит купить, и их слабости, тайные финансовые операции, вклады в банки через подставных лиц и предприятия, номенклатура Госснаба, имена директоров крупных заводов, фамилии адвокатов и платных осведомителей созданной им тайной разведки, даже списки любовниц по разным городам, их телефоны и суммы, потраченные на подарки.

Все помнит и все знает его самый верный помощ-

ник — японский электронный мозг «Ташиба», все впитывает в себя бездонный блок памяти и в любой миг выплескивает по первому зову самую нужную информацию.

Марк наливает граненый стакан водки, пытается выпить, но она не идет, и он выплевывает ее на пол, его начинает рвать и корчить.

Снова угрюмо сидит па полке в сауне, рука безвольно опущена, из смятой в кулаке банки струйкой течет пиво...

* * *

Лунная тихая ночь. Охотничье зимовье Варнака темной глыбой высится над черным зевом могилы на поляне. Вдруг раздается треск сломанного и упавшего дерева, трещат обламываемые сучья.

Валерьян топчется в тесной и глубокой яме, с нетерпением смотрит наверх. Он ждет... Посыпалась сверху земля, огромная черная тень опускает в могилу цельное дерево, с обломанными, как ступени, сучьями. Валерьян хватается за комель, упирает его в дно и лезет наверх. Только он вылез, раздался душераздирающий вопль.

Через освещенную луной поляну бежпт двухметровая мощная тень с обвисшим Валерьяном на плече.

* * *

Варнак с рюкзаком идет через тайгу, он спешит, местами бежит. Вот он выскакивает на поляну и застывает в недоумении перед охотничьей избушкой. Дверь сорвана с петель, бревна наката крыши свалены, за порогом валяется исковерканный стол и неимоверной силой помята железная печка, как консервная банка от гусеницы трактора. Из могилы торчит целое дерево с кроной, которое можно поднять только подъемным краном. Варнак озирается и видит невдалеке толстый пень этого дерева с отломанным комлем. Испуганно оглядываясь, он выхватил из рюкзака десантный автомат АКС, вставил магазин и передернул затвор. Медленно приближается и заглядывает в могилу. Она пуста. Он быстро слазит по дереву вниз, недоверчиво трогает стены, носком сапога копает землю на дне... Вздрагивает от какого-то неясного звука наверху и опрометью выскакивает из ямы, поводя

вокруг стволом автомата. И тут он видит на свежей земле огромный след босой ступни человека. Ставит в него ногу, след вдвое длиннее и шире...

Взгляд Варнака страшен, у него щелкают зубы, глаза дико вытаращены, отступает лицом к разоренной избушке и яме в ту сторону, откуда пришел через всю поляну.

Вдруг хлестанул утробный и дикий, замораживающий душу обезьяний крик из чащи леса, как рев паровоза... Варнак срывается с места и бежит, не разбирая дороги. Падает, теряет рюкзак и шапку, но автомат в его руках. Леденящий душу крик раздается то справа, то слева, то впереди — преследует его... Слышен могучий топот, хряск сучьев, дьявольский свист и улюлюканье... Варнак мечется по тайге, как заяц, лицо его исцарапано сучьями в кровь, одежда в лохмотьях...

Он обезумел... Он хохочет, потрясая автоматом над головой... Хохочет... уже никого не боится... что-то бессвязно орет, кого-то ищет в буреломе, разрывает бугры мха руками, как могилы, и скулит: «Батяня... Батяня... Батяня...»

Он пьяно забредает в горельник. На огромной площади тайги здесь когда-то бушевал лесной пожар. Сухие, бескорые лиственницы, отбеленные дождями, по колени стоят в красном, кровяном пламени цветов иван-чая, стоят как люди, растопырив корявые сучья-руки. Ребрами скелетов выпирают из мха дуги мертвого кедрового стланика. Многие деревья упали, тянут черные руки корней...

Варнак бродит по этому кладбищу и трижды по-русски целует каждое дерево, крепко обнимает, радостно говорит: «Здорово, братан... А-а, это ты, теть Луша, — обнимает и целует лесину. — Сестра-а! Верка. Как же ты выросла, ну прям невеста... Здравствуй, мамань... спеки мне любимую шаньгу... Дядь Борь, — целует и обнимает очередную сухостоину с обломанным верхом... Дед Никита... Корнеев! Че разлегся, вставай! — Варнак трясет за корень огромный выворотень, пытается поднять заросший мхами, наполовину утонувший в болоте ствол. — Дедуль... Ты че — не признаешь? Это же я, Николка Корнеев... Вставай... Деда...»

Никто не откликнулся. Выжжен род Корнеевых, русская деревня залита кровавым полымем иван-чая, любящим пожарища... Померли от голода, в лагерях, от запоя. Горельник — символ разоренной России. И бьется в нем сумасшедший с автоматом, страшный корешок не-

когда большого, работящего и красивого рода, изломанный и пропащий, растерявший все...

— ...Марк! Ма-арк! — Хорик и Проглот расталкивают Марка. Он лежит, скорчившись, на холодном и заблеванном полу предбанника, вокруг него валяются закуска и бутылки с перевернутого столика. На резном табурете горит экран компьютера с единственным словом:

«КАТЮША»

Марк поднял голову и огляделся мутным взглядом, подручные помогли ему встать и усадили на диван. Марк выдохнул перегаром им в лицо, клацая зубами от холода, натягивая на себя саван простыни:

— Кто выпустил старика из могилы? Кто-о?! Они перестрелялись? Все?

— Мы вчера с Проглотом ездили туда, — развел руками Хорик. — Но так ничего и не поняли... Они все исчезли... Пропали... Ушли... Все на месте, даже костер еще дымил... Как испарились!

— Это все Катька, — встрял Проглот, — я слышал, как она их подговаривала ехать в Вологодскую область... в ее деревню. Обещала каждому по брошенному дому... по невесте привести. Это она увела... Представляешь, толкует бичам, у которых букет уголовных статей: «Если даже на нашей земле останутся один мужик... одна баба и церковь — Россия возродится!»

* * *

Раннее, свежее утро. Сквозь трепетную листву с вызревшими каплями росы, падающими на землю, видна река, укрытая клочьями тумана. Солнце только взошло, косо пронзили животворные его лучи гомонящий птицами лес. Играют блики на мокрых валунах. По колени в кисее тумана, реку переходит огромный и призрачный, лохматый силуэт. Он несет в сильных лапах тщедушную фигурку человека, похожую на ребенка. Светлый лик Валерьяна Остапова покоится на могучем плече. Они скрываются в тайге на другом берегу...

* * *

Валерьян Остапов лежит на спине в красочном ковре мха. По его щеке ползает муравей, распрямляются тра-

винки меж пальцев рук. Валерьян улыбается с закрытыми глазами. Умные оленьи глаза сочувственно смотрят на него, телята-тугуты сосут рядом важенок, оленье стадо бродит вокруг Валерьяна. На шее у вожака взвякивает ботало. Шевелится лес рогов, обтекая лежащего Остапова, олени кормятся...

Слышится из палатки писк пастройки рации, пиликанье морзянки, и голос эвенка с акцентом вызывает по рации оленеводческий колхоз:

— «Заря», «Заря»... Я — «Енгра», я — «Енгра»... на связи бригадир Иннокентий... «Заря»... «Заря»... Хто меня слысыт, ответь. На реке Джелтуле нашли старика... Однахо дохтор ната... Ранен брюхо старик... Однахо помрет... Вертолетка ната... Дохтор... К утру старик стохнет... Дохтор? Дохтор?

— Вас слышу, старательский участок, — плывет из рации голос, — чем помочь, у нас связи с городом до утра тоже нет... Говорит начальник участка Ковалев... Где вы находитесь, выезжаю на вездеходе... Ясно, на устье Орондокита. Ждите...

* * *

Распугивая оленей, вездеход вырвался из тайги и с лязгом замер у палаток эвенков. Из него выпрыгнул Семен Ковалев, отдернул полог и упал на колени перед лежащим на шкурах Валерьяном. Глаза Валерьяна были закрыты, легкая улыбка застыла на губах, изредка по лицу пробегала судорога боли, и едва слышался приглушенный стон.

— Нацяльник! Помнис Кешку-бригадира, за цаем и сахаром, однахо, к тебе приезжал весной... — дергал Семена за плечо невысокий пожилой эвенк.

— Да-да, помню, — машинально ответил Ковалев, — что же делать! Как сообщить в город? В ночь санрейс не придет... Как он попал к вам?

Кешка враз посерьезнел, оглянулся кругом и проговорил на ухо гостю:

— Однахо... Лесной целовек принес. Он сыбко хоросый дух, болсо-ой... Кеска сам след видел.

— Что за лесной человек? Что ты мелешь?

— Молци! Молци! Он узнает... Злой дух Харги. Лесной целовек тогда пропади собсем...

— Что за чертовщину несешь?

В палатку заглядывали оленеводы, мелькнула какая-то девочка, и Кешка испуганно прикрыл свой рот ладонью, приказывая Семену молчать. Ковалев непонимающе хмыкнул и отвернул с Остапова покрывало. Увидел на его животе, меж нижних ребер, обломыш сучка дерева в засохшей крови.

— Однахо, крепкий старик, собсем амикан, — дошел до сознания Семена голос эвенка, — однахо резать ната... Пропадет собсем...

— Как резать?! — не понял Ковалев.

— Ната рещать, однахо, к утру сдохнет. Палка брюхо залез... Резать ната... Доцка у меня ветеринар, Люськой звать. У-у-у-у... шибко ученый, собсем умный, книжки читает. Пусть резет, нацяльник, кишки мыть ната, сшивать брюхо ната. Пусть резет? Цто олень резать, цто целовек — собсем одинаково.

Ковалев вскочил.

— Зови дочку! Где она?

— Та-а, нозык мало-мало тоцит, — Кешка указал рукой, как точат ножи о камень. — Амикана нато привязать маутом к нарте... сыбко хоросо!

Эвенкийские собаки сбились стаей за палатками и азартно лаяли на лес, но во тьму не совались. Семен подивился этой робости, лайки в одиночку держат медведя и сохатого, а тут шерсть дыбом на загривках, а от стойбища не идут.

— Чего это они бесятся? — спросил он у Кешки. — Медведя чуют?

— Лесной целовек бродит...

— Да ладно тебе, брехня все это про снежного человека.

— Зачем не веришь? — Бригадир нагнулся к Валерьяну и снял с его одежды длинный и грубый рыжий волос. — У медведя собсем не такой мех... Это сыбко хоросый целовек. Всю зиму спит, как амикан... Ноги резвые, оленя догоняет... Эвенки все знают о нем, якуты знают, ламуты знают... зачем не веришь...

Валерьяна осторожно раздели, Кешка втащил нарты и застелил их шкурами, уложили Остапова, и бригадир сам накрепко привязал его оленьим маутом (лассо) к стойкам полозьев. Кешка, словно открывая еще бо́льшую

тайну, вожделенно сказал Ковалеву, сглатывая слюну:

— У ней спирт есть, однахо, мне не тает... прячет. Спирту нато ему дать... собсем не больно пьяному, я знаю...

На железной, мигом раскрасневшейся печке, в обычной кастрюле уже кипятились ветеринарные инструменты: тяжелые скальпели, пинцеты, зажимы. В палатке хозяйничала, бесшумно порхала эвенкийская девушка с марлевой повязкой на лице и в белой косынке, одетая в грубый синий халат, с завязками на спине. Она невозмутимо, не обращая ни на кого внимания и ни слова не говоря, готовила нитки для операции. Отрезала от рыболовной сети кусок капронового шнура, распускала его на тонкие пряди и бросала нитки в стакан со спиртом. Кеша насильно влил Валерьяну в рот полкружки разведенного спирта, тот закашлялся. Оставшиеся капли эвенк с наслаждением вылил себе на язык, сладко причмокивая.

Операцию делали втроем. Кеша сидел на ногах раненого, чтобы тот не дергался, и спокойно подсвечивал фонариком в растерзанный живот. Ковалев придерживал голову и плечи стонущего Валерьяна, сам вздрагивая и кривясь от физического ощущения боли, испытываемой стариком. Эвенк что-то советовал дочери на своем гортанном языке, невозмутимо покуривал трубку. За время операции Люся не проронила ни слова, только живыми угольками тлели глаза над марлевой повязкой. Семен с надеждой смотрел на нее, видел эти уверенные, полные сострадания и влаги женские глаза. Казалось, что она забыла обо всем на свете и исполняла высший долг милосердия, без всякого страха и сомнений. А когда она поднесла к этим глазам обломок сучка, пропитанный кровью, зрачки ее блеснули такой ярой ненавистью и болью, что Семен даже вздрогнул от этой могущественной силы.

Когда Люся наложила последние швы и тугой бинт вокруг пояса лежащего, руки ее вдруг задрожали, ее всю колотило от нервного потрясения. Отец обнял за плечи, успокаивая.

— Ну что? — хрипло проговорил Ковалев и осторожно тронул ее плечо. — Есть надежда?

Она взглянула на него снизу вверх, устало содрала рукой повязку и стянула через голову грубый халат. Свитер снялся вместе с ним, и Семен на мгновение уви-

дел ее точеную, обнажившуюся фигурку и крепкую, маленькую грудь. Это невинное явление полоснуло Ковалева пронзительным ощущением нежности к ней и мальчишечьим стыдом; он резко отвернулся. И Люся заметила это. Она быстро одернула свитер и смущенно взглянула опять на него. Перед Ковалевым стояла юная и красивая девочка, по виду совсем подросток. Под его удивленным взглядом Люся растерянно улыбнулась и вытерла ладошкой слезы.

— Будет жить... печень не задело, кишки промыла раствором, все сделала как надо. В городе откроют и заменят нитки. Этот старый амикан крепко закален жизнью, выдержит. По утренней связи закажем санрейс. Вертолет увезет его...

Кеша что-то сказал дочери по-эвенкийски и занялся сам Валерьяном. Напоил его чем-то из маленького грязного пузырька, выпув затычку-тряпицу, потом влил в рот несколько ложек путряного медвежьего сала, зажег пучок сухой травы и стал окуривать лежащего, шепча заклинания.

— Не станем отцу мешать, идемте ко мне в палатку чай пить, — проговорила Люся и робко потянула за рукав Семена.

В своей палатке она растопила угасшую печку, включила радиоприемник и нашла хорошую музыку. Нарезала ломтями вареного мяса, самодельных лепешек и поставила чайник на печурку. Поймав на себе его пристальный взгляд, засмущалась. И вдруг зябко передернула плечами.

— До сих пор вся дрожу. Вы не представляете, как было страшно... это же не олень. Мы, оказывается, с вами храбрые люди: без инструмента, без наркоза и почти без медикаментов рискнули.

— Это вы смелая, — улыбнулся Ковалев, — я ведь только держал. — Он не мог оторвать от нее взгляда, какая-то необоримая радость, нежность разлилась в его груди, и помимо воли вдруг вырвалось: — Эх, Люся-Люся... Будь я моложе... бросил бы все к чертям и остался тут пасти оленей. Вы какая-то... неземная... магнитная... светлая.

— Старый глухарь песню не испортит, — неожиданно серьезно сказала Люся и опалила его огнем глаз. — Раз я неземная... Хотите, покажу настоящий танец шамана... у нас в роду все были шаманы... — Она стала что-то

искать в углу палатки под ворохом оленьих выделанных шкур, выкатилась из упавшей сумки губная помада и пудра. Они показались Семену в этой тайге и девственной простоте жизни эвенков настолько неестественными, что он украдкой спрятал их обратно. Люся вынула из мехового тюка расшитую бисером замшевую камлейку, надела ее, как мешок, через голову, понизу камлейка была оторочена мехом соболя, на уровне колен Люси позванивали колокольчики на фоне модных джинсов. Семен скептически улыбнулся, разглядывая орнамент па ее одежде и старинный бубен в руках Люси.

— Не смотрите пока на меня, надо сосредоточиться. И загадайте желание.

Семен отвернулся. Послышалось тихое пение, колыхнулось пламя свечи. Пение переросло в высокий, вибрирующий стон, он взглянул на девушку и онемел: разлохмаченные волосы, безумные глаза и разом постаревшее лицо. Плавно двигаясь по кругу, она ударяла колотушкой по бубну. В ее голосе угадывался испуганный храп оленей, рев яростного медведя и вой зимнего бурана. Семен испуганно отодвинулся в угол палатки, завороженно смотрел на все ускоряющийся танец. Она упала на шкуры рядом с ним, устало прикрыла ладонями лицо и стала вещать:

— Я все узнала про тебя. Все, что загадал, — не сбудется... Память первой любви болит в тебе... девушка предала тебя. Я видела вас на разных берегах огромной и бурной реки. Напрасно ты ждешь встречи и надеешься вернуть прошлое... Половодье жизни разделило вас навсегда... Рядом с нею я видела двоих детей... мальчика и девочку. За ее спиной тени двух мужчин... Она не любила тебя и уже забыла...

— Точно! — возбужденно вскинулся Семен. — Я это загадал. Фантастика! Она действительно живет со вторым мужем, и у нее двое детей. А будущее мое тоже видела?

— Я его и без камлания знаю... но могу ошибиться. Ой-ой... Страшный зверь крадется к тебе... Надо зажечь костер! Огонь мне все скажет о тебе... Но смотри... будущее трудно знать... Никто не любит правду о себе... Никто не должен знать конца своего, как не ведает начала зарождения...

Они углубились в лес. Семен наломал сучьев, приволок сухостоя и разжег костер на залитой луной большой

поляне. Искры его смешались с искрами тусклых звезд... С интересом смотрел на Люсю. Когда пламя поднялось и набрало силу, она опять забыла о Семене, простерла над огнем руки и... Вдруг! Пламя стало управляемым, послушным ее воле. Оно то стлалось по земле, растекалось, то взметывалось с ревом чадным факелом, то совсем гасло. Люсе подчинялся огонь, она смотрела в костер расширившимися, горячими от него глазами и вдруг улыбнулась, потом радостно рассмеялась.

— Ну и что ты нагадала, — шепотом промолвил ошарашенный вконец Семен.

— Верь только сердцу своему... что оно подскажет, так и поступай, Старый Глухарь... Ты не простой человек... ты умеешь чувствовать жизнь... я это сразу увидела еще в палатке. Все будет хорошо...

— Как ты управляешь огнем? Или это фокус?

— Я могу и ветер вызвать... Этого надо сильно захотеть и... чтобы чужие духи не мешали. — Она опять лукаво скосила на него прорези своих тунгусских глаз,— хочешь попробовать? Я попрошу Духа Огня — Хатана Тэмзрию, чтобы он тебя слушался. Подними над костром руки... не бойся его... он добрый. Очень, очень пожелай, чтобы пламя пригасло...

Семен напрягся, мысленно представил угасший огонь, а потом недоуменно пялился на красные головешки. А когда поднял глаза, то вздрогнул, увидев ее пронзительный, полный неведомой мощи взгляд из-за костра. Взгляд совсем взрослой и мудрой женщины, взгляд матери, взгляд самой Земли. Услышал предостерегающий шепот-заклинание:

— Терпи... сейчас огонь пройдет через твои руки и наполнит сердце твое солнечным теплом... очистит тебя... сгорит и опадет все плохое... Терпи! Он не обожжет тебя... Энергия света нужна тебе... Впереди смертельная схватка... Я вижу ее! — Горячий язык огня лизнул ладони Семена, боль пронзила всего... Он терпел, видел и не верил глазам своим, как пламя проходит меж пальцев, сквозь ладони, с треском что-то сгорает черной сажей и опадает вниз... — Терпи-и! Бешеный Волк скоро обложит тебя своей стаей, как сохатого на останце. Терпи! Он злой и несчастный человек... Он боится света и добра...

— Бешеный волк?

Огонь опал, и Семен видел свои красные руки, раска-

ленные, как железо в горне. Он не чуял боли, все тело наполнилось силой, голова стала ясная... мысли бежали стремительно и вольно. Ладони сами сжались в кулаки и почудились ему стальными...

— Чудо... — шепотом промолвил он. И услышал, как в стойбище опять дружно залаяли собаки. Уже ничему не удивляясь, проговорил: — Познакомь меня с лесным человеком?

Люся вздрогнула и твердо сказала:

— Нельзя... ты еще не готов к этому... а пока можешь с ним поговорить... свистни громко, он ответит.

Семен по-мальчишечьи сунул два горячих пальца в рот и пронзительно свистнул.

Вначале отозвалось эхо, потом резкий, вибрирующий свист всколыхнул ночную тишину, и собаки взъярились еще пуще...

— Когда тебе будет плохо в тайге, зови, он придет... Добрый Дух... его надо беречь. Бойся Бешеного Волка, я еще не знаю, кто это...

* * *

Грязный конец оси с ввинченной серьгой, которую Марк с Варнаком когда-то бросили на дно вездехода. Пламя автогена срезает серьгу. Наждачный диск с воем, высекая снопы искр, полирует торец. Какой-то цех, депо. Двое человек напрессовывают колеса на эту ось, красят ось черным лаком. По рельсам катится ось с колесами. Удар молота. Снова огонь автогена. Блок с двумя парами колес. Мощный кран поднимает одну сторону вагона, быстро меняют блок колес. Вагон выкатывается из ночного депо.

* * *

В вагон загружается лес. Вагон в составе на товарной станции. На стенке выведено мелом «КОРЕЯ», руки внизу приклеивают бумажку с красной полосой. Какой-то человек на станции сует бумаги в окошко диспетчера и коробку конфет, хватает другую бумажку и бежит назад. Быстро стирает написанное на вагоне, срывает бумажку с красной полосой и пишет мелом: «ФИНЛЯНДИЯ». Товарняк трогается, человек в спецовке железнодорожника впрыгивает на тормозную площадку на ходу. Отдувается, снимает рюкзак из-за спины.

Ужинает на газете, где крупно написано: «ПЕРЕСТРОЙКА», «Даешь УСКОРЕНИЕ». За разложенной снедью: огурцами, колбасой, янтарной разорванной рыбой, плывет прекрасная дикая природа Южной Якутии. Мелькнуло: «Малый БАМ».

* * *

По тайге мчится состав, груженный лесом. На площадке сопровождающий болтает ногами, внизу крутится вагонная ось, наматывает километры. Среди тайги стоят шикарные мраморные вокзалы БАМа, мертвые и никому не нужные, с ржавыми рельсами пустых станций.

* * *

Поезд стоит на разъезде. Кругом степь. Довольный сопровождающий соскакивает размяться, бегает, машет руками и вдруг выпученными глазами смотрит на вагон, там надпись: «Кооператив АНТ. НОВОРОССИЙСК». Человек прыгает по насыпи, стирает шапкой надпись и пишет крупно мелом: «ФИНЛЯНДИЯ».

* * *

Составитель поездов в стеклянной скворечне диспетчерской перебирает бумаги на вагоны и говорит напарнику:

— Совсем чокнулись! Лес из Якутии гонят в Финляндию. А у меня телефонограмма из министерства, весь лес заворачивать в Армению для ликвидации землетрясения. — Он нажимает кнопку на пульте. Переводится железнодорожная стрелка, и вагон, со спящим сопровождающим, лихо бежит с горки, состыковывается с хвостом другого состава.

* * *

Среди барханов и зарослей саксаула проносится состав с трубами большого диаметра для газопроводов. Один вагон с лесом среди них. Сопровождающий сидит на площадке в трусах, отупело смотрит на желтые пески, прихлебывает из канистры воду и ест дыню. Рядом виноград, яблоки, баранья нога.

* * *

На станции вывеска «Кзыл-Орда», осмотрщик в тюбетейке стучит молотком по вагонным осям, подозрительно вслушивается и лезет под вагон с лесом. Сопровождающий соскакивает к нему, выманивает осмотрщика бутылкой водки, размахивает руками, приседает, убеждает, сует бутылку и бьет по рукам.

* * *

Вагон стоит на какой-то станции. Свернувшись калачиком, спит сопровождающий. Под головой рюкзак с харчами. Чужие руки осторожно вынимают рюкзак и через минуту опять засовывают. Утром сопровождающий зябко ежится, развязывает тесемки рюкзака, чтобы перекусить, и с недоумением вытаскивает из него пару кирпичей.

* * *

Вагон с золотой осью мотается по стране в хаосе наших перевозок. За ним тщательно следят люди из центра, которым Марк передал золото с целью контрабандной вывозки за границу. Составы переформировываются, вагон загоняют в самые невероятные области и тупики, сорвав график выхода вагона на таможню. Лес давно выгрузили, в вагоне — то трубы, то удобрения, то уголь.

— Шеф! — хрипит междугородный телефон голосом совсем отупевшего и отощавшего сопровождающего. — Я из Караганды. Вагон забили коровами, стоит в тупике трое суток. Кормлю их. Какие будут указания?

Ревущие коровьи морды, сопровождающий ломает от буханки хлеб и сует им. Вагон трогается. Сквозь проломленный пол ляпает коровий блин на ось с золотом. Она начинает вращаться в дерьме.

* * *

Писклявый, немощный голос по телефону:

— Шеф! Вагон загрузили лыжами для Узбекистана. Еду в Ташкент.

* * *

— Шеф! Звоню из Бухары. Ищу лыжную базу, куда сдать груз. После этого буду грузить лошадей на выставку в Персию. Ага! Два мешка хлеба уже купил на всякий случай.

* * *

Участок Ковалева. Тайга вокруг вертолетной площадки. Садится Ми-8, из него выскакивают трое в белых халатах, осторожно перекладывают из кузова на свои носилки Валерьяна Остапова. Врач с баулом делает ему укол, щупает пульс и показывает рукой на вертолет. Санитары уносят носилки от вездехода. Врач подходит к Ковалеву и говорит:

— Молодцы! Температуры нет повышенной, пульс нормальный. Кто оперировал? Ваш врач?

— Ветеринар... вон она, Люся.

Люся стоит рядом с Кондратом Фомичом, врач жмет ей руку и бежит к вертолету. Вертолет взмывает.

* * *

Ковалев, Люся и Фомич в рубленом доме, где живет Ковалев на своем участке. Кондрат Фомич стремительно ходит по комнате, жестикулируя корявыми руками, возбужденно говорит:

— Бабки счас грамотные, ядри их корень, на кой черт я им нужон? Портки мои стирать? Я тут присватывался к одной, все веселей, думаю... А она мне толкует: «Дюжеть старый!», а самой карге под восемьдесят... Молодова ей подавай...

Люся с Семеном смеются.

— Молодец, дочка, — обращается к ней Фомич, — отремонтировала Валерьянку, аж дохтор похвалил... Молодчага. Небось училась где фельдшерить?

— Техникум закончила...

— Доброе дело... А вот ты, Семка, зазря жизнь изводишь, хучь и с дипломом горняцким! — Он окидывает их взглядом и довольно крякает. — Вы ж такая парочка... Гусь да казарочка... Завидки берут. Я вот молодость прошляпил и... один как перст. И ты, Семка, не прогляди. Все же баба рядом — великая благость! Хоть... и

надоедливая штука, больших трудов стоит с ей поладить, угодить... И все же семья... дети. А так, смолоду истаскаешься.. Все мы, кобели, новенького хотим... Огурчиков свежих в пупырышках, чтоб хрустело под рукой и пахло. А как раскусишь — одна вода. Я в свое время отчаянным был и бестолковым. Море по колепо! Баб не пропускал мимо... Был такой грех... Ну и нарвался на кралю! Губы бантиком, ботинки новые, береточка с перышком, идет и задом за собой кличет, хоть активисткой перьвой слылась. Я и побежал взаслед, вылупил зенки, — Фомич прошелся фертом по комнате, — родила энта фифочка мне дочь, в себя непуть... все сладко жить норовит, а отца не признает...

А я по тайге шалался, золотье добывал. В каких трудах мы ево достигали — кино не покажет! Бегали по ручьям плешивые волки, жрали все сырьем по-волчьи, кровицу сырую пили и в сырой мох косточки свои клали... И ты по молодости лет к золотью лезешь... а с ним завсегда рядом смертушка лихая. Если бы не Люська — Валерьянке конец. Хошь, Семка, я тебе цену золота покажу?! Хошь? Ить не дай бог окочурюсь, а тайну эту не могу с собой забрать... унести. Непосильна она. Вот, с Валерьяном беда меня вынудила открыться... Хошь?

— Хочу...

— Пошли и ты, Люська, чайку нам там сваришь, ушицу... Платоновский ключ был рыбный, я лески и мушек припас для хариусов. — Старик вскакивает, кидает за спину приготовленный загодя рюкзак. — Уговорились! Мне одному страшно там быть... Полвека ногой туда ступить боялся. Поклонимся... помянем. Нет ничего страшней и возвратней памяти, особливо к старости... Все нутро выжжет...

Втроем вышли к звериной тропе вдоль речки. Как только ступил на нее Фомич, мгновенно преобразился. Шел быстро и молодо, резко бросая по сторонам взгляд. На голове кособоко торчит зимняя шапка-треух, обут в латаные болотники, на плечах вылинявший добела плащ, изжелта-серый веник бороды скрывает грудь. От долины реки свернули в теснину ущелья, шли вдоль ручья. Кондрат остановился у старой ели с высохшей вершиной, показал на ее стволе оплывший и заросший полувековой давности затес.

— Эта метка избу кажет. Она во-о-он в тех осыпях.

Фомич припал ухом к стволу ели, как бы слушая ее

старое нутро. Его ладонь нежно оглаживала залитые слезливой смолой царапины и пеньки от вывалившихся сучьев, губы что-то шептали невнятное. Кондрат рывком натянул треух на свою сивую и косматую голову, позвал:

— Ну, пошли дальше...

Продвигались по осыпи наискось вверх, прыгая по навалам камней. Едва приметно, в нише под вздыбившимися плитами у маленького ручейка, угадывалось рассыпавшееся в прах жилье. Остатки трухлявых бревен проросли травой, только в самом дальнем углу, под плитами, угадывалось ржавое кайло. Фомич торопливо сбросил рюкзак, трясучими руками вынул бутылку водки, сорвал желтыми ногтями пробку и окропил квадрат зимовья. Сурово приказал Семену, указывая на мох под плитами:

— Копай тут!

Ковалев снял с плеча принесенную лопату и стал разрывать мох. Выбросил что-то истлевшее и черное, поднял и тут же испуганно бросил расползшийся кожаный сапог, из которого торчала кость голени человека. Люся стояла в сторонке, не вмешивалась в «науку» Кондрата. глаза ее были напряжены, следила за всем и все знала.

— Сказано, рой! Испробуй в натуре золотье-то, чем оно пахнет... Споведуй, — непреклонно, словно передавая в наследство опасную долю старателя, принуждал старик.

— Что это? Кто здесь погиб? — смятенно вопрошал Ковалев.

Люся с любопытством и горячей тайной в глазах смотрела, как Фомич вынул и отряхнул от земли позеленевшее медное распятие, протер его рукавом и перекрестился.

— Померзли друзьяки мои... зимушка лютая нас тут распяла... От бескормицы и мороза все загинули... Одново меня эвенки подобрали, по льду реки в беспамятстве куда-то полз... Семеро их осталось тут... Ванька Хромой, Никишка Блудный, Сенька Лысый и Платонов — старшинка артели, а троих и не припомню уж... Вот так-то, Семка... Золото завсегда со смертушкой рядом...

Они выкопали все кости и похоронили в братской могилке; на кресте, наспех сделанном Ковалевым, Фомич приладил распятие. Люся осталась сидеть у этой могилки, а Кондрат взял лопату и стал рыть яму в самом углу под плитами. Глухо крякнул и выполз. В руках его темнела бутылка мутного стекла.

— Вот она, думал, не сыщу... Подержи!

Схватил Семен за горлышко, и рука от тяжести упала.

— Ого-о! Около полпуда тянет! Что будем с ним делать?

— Это тебе к плану сгодится, оприходуй, высыпь в колоду, чтобы никто не видал и не догадался, откель оно, ибо милиция затаскает.

— Что же ты раньше не сдал?

— Затаскали бы... Валерьянка вон сдал на свою голову... шапку самородков припер и досель не опомнится... Да и боялся я к нему подходить, будь оно неладно. Смертно боялся!

Они спустились к ручью, патянули полог, заготовили сухостоя на ночь и разложили костер, к которому тут же подошла и застыла над огнем Люся. Она молча смотрела в пламя и что-то видела в нем, ей только доступное... Старик достал из рюкзака припасы, крупно нарезал свежий хлеб и вареное мясо. Глянул на него Ковалев и обмер: текли по щекам каменного лица и разбегались по морщинам светлые слезы. Фомич незаметно смахивал их рукавом.

— Ты чего это, Фомич, раскис?

— Дряхлею, видать, слезливый стал. Дряхлею...

Они поужинали, и Кондрата стал морить сон. Дочь шамана едва приметно двинула над костром рукой, и Фомич расслабленно вытянулся на подстилке из елового лапника, смежил глаза усталой дремой, только губы шевелились в скрытом разговоре. Вдруг дернулся всем телом и повел вокруг мутным взглядом. Смятенно прохрипел:

— Кубыть, Ваньки Хромова голос из тайги зовет? Не слыхал?

— Нет... Птица ночная кричит, — ответил Семен.

— Не птица... Они бродят тут с тех времен, друзьяки мои... Страх божий! Зачем я поперся сюда, скорей бы рассветало. Да ишшо золотье при нас. Не выпустят нас отсель! Духи тунгусские не выпустят. Богатства отдать не захотят. Выкинь ты эту бутылку от костра! Выкинь! — старый нашарил бутылку с золотом и катанул ее в темь.

Низкий рев всколыхнул распадок, и старик безумно вытаращил глаза, затрясся, придвигаясь ближе к огню.

— Медведь это, Фомич, — спокойно проговорил Семен, — любопытные они, часто к бивакам подходят и

пугают со своей территории. У меня жаканы в стволах ружья, не бойся, оборопю.

— Окстись! — прошипел дед. — Какой медведь? Окстись! Вона, гляди! Ходют-ходют. Вон они! Вона... Господи-и! Как же это?! — Неумело и часто старик перекрестился. Сумасшедший взгляд его метался по сторонам, седые волосы растрепались, мелкой дрожью плясали сизые губы.

— А говорил, в бога не веруешь? Выпей чайку, Кондрат Фомич, да ложись-ка спать.

Люся тихо подошла к старику, обняла за плечи, погладила по голове и, как дитя, уложила. Сама пристроилась рядом, тихо приговаривая: «Спи, дедушка, спи...» Да и сама уснула. Семен тоже улегся и прикрыл глаза. Только задремал, и они пришли. Семеро...

Молодые и статные, переговариваясь, расселись у костра. Одеты в чистые косоворотки и обуты в плетеные лапти, подпоясанные кушаками. Один выделялся степенностью. Второй — лысый со светлой бородой, третий прихрамывал, подходя к огню.

Четверо без особых примет.

— Вот, братцы, явился Кондрашка попроведать нас,— низким голосом завел разговор старшинка, — постаре-е-е-л, а мы такими и осталися... Вона, храпит, как худая гармонь и в амуницию уж больно ветхую одетый... Неприглядно.

— Небось в коммунизме проживает! А нищим глядится, — поддакнул хромой, — ить батраки при старом режиме чищей ходили.

— А этот молодой и девка? За золотом нашим пришли? В пай их Кондрат кликнул аль как? — обернулся к старшинке лысый, оглаживая бороду.

— Неведомо мне, — махнул тот с колен тяжелыми ладонями, как крыльями.

Ковалев неотрывно глядел на сидящих. Не мог шевельнуться от испуга. За близкими языками огня сидели беззаботные и сильные парни из эпохи первых пятилеток. Семен переборол себя и встал, налил кружку остывшего чая, жадно отхлебнул и поднял глаза. Думал, исчезло видение, ан нет... Испытывающе и молча глядели через костер на него семеро.

— Здорово живете, артельщики, — хрипло выдавил Ковалев.

— За наше здоровье не бойся, — усмехнулся старший. — Зовут-то как тебя, паря?

— Семеном...

— Тогда здоров, коль не шутишь. По золоту промышляешь?

— Стараюсь, как и вы. Участок за той сопкой.

— Любопытно вот... Как живете опосля нас? Перевели ли напрочь кулаков-мироедов, как свершили индустриализацию, что хорошего построили, окромя Днепрогэса? Хотим знать...

— Живем помаленьку, — смешался на миг Ковалев,— хлеб пока есть, голые не ходим... сорок с лишним лет без войны... И то дело...

— А что, была война? — вскинулся старшинка. — Хто же это на Рассею поперся опять?

— Фашисты.

— Не слыхали про такой народ, — скрипуче встрял Хромой.

— Че им не хватало, хвашистам энтим? — раздумчиво промолвил старший. — Ведь растерялись бы по нашей земле и сгинули. Никто не покорит ее, подавятся таким куском, непременно подавятся! Ишь че надумали! Рассею прибрать? Пока живой хоть один человек — безнадежная глупость!

— Может быть, подскажете, где еще есть золотые ручьи, — осмелился спросить Ковалев.

— Да сколь хошь бери по левому борту Летнего ручья, что падает в Орондакит. Я там все пролез, шурфики бил. Там коренная жила где-то, мне не далась... Если подфартит, лопатой будете гресть. От жилы в долину вынос шел. В зеленом камне ищите, не в кварце. В камне-е-е!

Силуэты сидящих старателей стали размываться, уходить в темь туннелем из синего тумана, зыбко пропадать в ночи.

Ковалев проснулся и протер глаза, ошалело огляделся вокруг. Люся задумчиво сидела у ручья, смотрела на бег воды и слушала ее. Фомич всхлипывал во сне и все продолжал разговаривать. Семен растолкал Кондрата и в нетерпении спросил:

— У Сеньки Лысого нос свернут был? Борода русая?

— Поперва очухаться дай, потом лезь с дурацкими вопросами... На кой ляд он тебе? Лысый-то? Кажись, нос был поломан... Это в наши годы у многих было. Ить в кажной деревне кулачки на праздники, стенка на стенку шли... Бою с малолетства русский человек воспитан, потому в войнах непобедим... А на кой тебе Сенька сдался? Ага-а... Вот и тебя завлекло, не я один заговариваюсь... Не выпустят нас отсель тунгусские духи, ума лишат, как нас тут тогда страху перед лютой зимой лишили, заведут в какую-нибудь глушь, закружат в болотах... Свят, свят...

— Не заведут, не закружат, — доплыл уверенный голос Люси от ручья, — духи наши добрые к добрым людям... Сам Хозяин Золота вчера кричал, помните? Он прогнал злого духа Харги...

Заря запалила на водоразделе лес, горел он бездымно и ало, сея розовенький свет в темный распадок.

Фомич опять откинулся на лапнике и промолвил немочно:

— Давай полежим ишшо трошки. Обессилел я вчерась. Заново всю жисть свою протопал, пережил ее изнова и сердцем изболел... Ох! И непутевая жизня была. Лучшей бы с ими замерз тут... Ишачил, горбатился в шахтах стахановцем, по три нормы давал. А старость пришла и никово-о рядышком нетути. Захворай — воды некому подать... среди людей стараюсь быть напоследок, насытиться жизнью хочу, разговором человечьим и красой земной... Ты поглянь, че творится кругом! Все дышит и шевелится, все к солнышку поднялось и радуется. Помри в своей хатенке на закрайке Белогорска, до весны никто не хватится... Мыши поганые съедят. Вот че боюсь страшней смерти. Нет ничего лютей одиночества, ребятки вы мои милые. Припомните мои слова, старость, как зима накатится... Глазом не успеете моргнуть... Так лучше уж в семье ее встретить, а не под холостым одеялом... Ты оприходуй ее, не то милиция, — Фомич указал Ковалеву на зеленую бутылку, покрытую густым слоем серого, смертного пепла от сгоревших лесин. — Оприходуй, я боле к золотью не коснусь до конца дней своих. Греховный этот металл-убивец, антихристов соблазн... сколь душ исковеркал-погубил, сколь горя принес. Будь оно проклято — З о л о т о!

* * *

Ночь, Туркмения. Голос говорит по телефону:

— Шеф... Вагон прошел ремонт после аварии, идет под другим номером. Стоит неделю в Красноводске, паромы не ходят в Баку, там бастуют. В Ашхабаде загрузили сантехнику. Ага... Понял.

У хвоста поезда мелькают какие-то подозрительные тени в высоких папахах. Три верблюда на железнодорожном полотне запряжены цугом. Тянут отцепленный вагон от состава. Человек в папахе переводит стрелку, и вагон уплывает в пустыню по заброшенной ветке.

Пустой вагон стоит в тупике. Рядом на унитазах сидят кружком аксакалы, что-то решают. Степенно уходит караван верблюдов с гроздьями унитазов на горбах. Последний верблюд тянет веревками ванну, в которой едет беспечный и довольный обретенным богатством хозяин.

Вагон обливают из канистр бензином и поджигают.

На товарной станции Красноводска мечется меж составами фигура сопровождающего, ищет свой вагон, даже смотрит на небо, недоуменно разводит руками и чешет затылок.

Три кибитки пастухов в пустыне. Женщины в халатах оживленно разговаривают, рассматривая диковинные унитазы, заглядывают в них, щупают. Довольный хозяин цокает языком...

* * *

Маневровый тепловоз заталкивает сгоревший вагон между гор металлолома, сварщики его режут на куски автогенами, большой кран переносит куски. В воздухе проплывает знакомая ось с засохшим коровьим навозом и двумя закопченными колесами, падает на кучу металлолома.

* * *

Бескрайняя якутская тайга с высоты птичьего полета открывает взору завораживающие картины. К горизонту волнами уходят голубеющие сопки, зубрятся, хребты гор, и алмазами горят белоснежные гольцы, реки проглядываются до дна, их долины залили рубиновые кусты карликовой березки, галечные косы, белая кипень перека-

тов, лимонной спелости лиственницы, волнуется вечнозеленое море кедрового стланика; безоблачное пустынное небо, синее до тоски и ощущения бессмертности природы... Волшебная Осень...

Долины золотоносных ручьев у Белогорска вывернуты драгами наизнанку, розовые курганы и навалы гранитного галечника, омертвевшая вода. С высоты виден поселок старателей, рядом с поймой Олеиьей реки. Жучками копошатся на полигонах бульдозеры, бьют мощные фонтаны мониторов, машут стрелами экскаваторы.

На колоду заходят трое съемщиков и начальник участка Семен Ковалев. Они отмыкают и открывают железную крышку колоды, словно крышку гроба-великана, тридцатиметровой длины. Съемщики выдирают железные трафареты, начинают бугорить скребками, сгоняя из колоды гальку, и добираются к ячеистым резиновым коврикам, где набилась крупинками соль этой холодной земли — шлиховое золото. Они стряхивают коврики в металлический контейнер, похожий на молочный бидончик, закручивают его и пломбируют, замыкается крышка колоды.

Бульдозер подает под струю водяного монитора горы песка, пульпа от землесоса вновь бьется в тесном стальном туннеле колоды и выхлестывается из ее жерла пустой, оставив все золото людям.

Съемщики едут в кузове машины, они вооружены, везут контейнер. Втроем заходят в избушку, на которой вывеска: «ЗПК — Вход посторонним строго воспрещен», пропускают золото через ШОУ (шлихо-обогатительную установку). Очищенное золото взвешивают, пакуют в мешочки и везут к вертолету.

Садится вертолет. К нему спешат съемщики и Ковалев. Из вертолета выходит инкассатор, проверяет пломбы, складывает мешочки в голубой контейнер, закручивает и пломбирует его. Вертолет летит в город, дремлет один инкассатор в огромном пустом салоне, в ногах его несколько контейнеров с золотом.

Приближается Белогорск. Вертолет садится, и к нему тут же подлетает бронированный, полугрузовой «форд» с охранниками, инкассатор передает им контейнеры с металлом и сам садится с ними, едет сдавать металл в ЦЗПК (Центральную золото-приемную кассу). Там золото придирчиво взвешивают и закрывают в огромные бронированные сейфы.

Сейфы пустеют — охранники носят и складывают тяжелые мешочки в большой стальной контейнер размером с холодильник. Наполняют его, замыкают и пломбируют. Заталкивают контейнер в «форд». Машина въезжает на территорию аэропорта к спецсамолету, забирающему металл месячной добычи всего комбината. Двое охранников захлопывают дверь, и самолет взмывает, летит над тайгой.

Впереди виден чадный смрад огромного промышленного города. Торчат дымящие трубы заводов, доменные печи, смог закрывает жизнь... Самолет подлетает к этому хаосу и идет на снижение, мелькает железная дорога, аэродром.

Раскаленное железо печи афинажного, золотоплавильного завода. Течет по лотку струя расплавленного золота и заполняет формы. Рабочий на поддоне автокара, как обычные кирпичи, везет слитки золота в лабораторию, где люди в белых халатах тщательно взвешивают их и ставят клеймо: 999...

Мы видим крупные руки, ставящие это клеймо обычным молотком, и зубило с цифрой 9 на торце. Мы видим первую выбитую девятку... вторую... третью... Мы видим слиток с противоположной стороны, и вспыхивают золотые цифры — 666, символ Дьявола, увеличивается и наплывает на весь экран...

* * *

Москва. По проспекту Калинина мчится черная «Чайка» с занавесками на окнах. Регулировщики дают ей зеленый свет. Уверенный, жесткий и повелительный голос большого чиновника иногда прерывается шумом встречных машин:

— Вы слишком мелко плаваете! Когда сюда ворвутся трансконтинентальные корпорации, начнут делать бизнес их фирмы... Ты что, не понимаешь?! Они сжуют нас железными челюстями и выплюнут на обочину, в сточную канаву! Мы должны успеть положить в швейцарские банки изначальный капитал в твердой валюте. Наши рубли — это продовольственные талоны для дураков. А ваша структура действует на уровне банд двадцатых годов. В Литве пропали две партии металла, словно испарился вагон с золотой осью в Туркмении.

— Я понимаю... — ответил вялый голос, — но в этом

нет моей вины, я отправил металл четко. Я постараюсь компенсировать потери...

— В таком случае, даю тебе все права и любую крышу, нужен металл живьем. А за провал на таможне прошлой партии золота должны ответить виновные... За Туркмению тоже... 200 миллионов потерять! Сейчас наша перестройка, — донесся язвительный смешок, — перестраивай все. Выводи на мировой уровень. Всех лишних убрать... старые ветви отсечь, дать дорогу молодым, инициативным и грамотным парням, верным и проверенным. Мы сейчас создаем иностранные консорциумы, союзы, концерны с целью захвата земли, промышленности, а главное — сырья. У нас самые дешевые сырье и рабочая сила. Приватизация госсобственности, ликвидация армии и любого национального патриотизма для овладения рынком и недрами... Мы сейчас вкладываем миллионы в предвыборные кампании, купленные нами депутаты уже провели основные законы в правительстве, тонко устраняющие преграды для транснациональных корпораций... Вернешься с Крыма, полетишь на пару недель в Лондон... якобы на курсы менеджеров. Там все тебе дадут, что надо... Все зависит от тебя, как сработаешь в Крыму...

— Все ясно...

— Разберись во всем... Будь Первым, подчини всех единой цели... Но, не дай бог, когда станешь моей правой рукой... ты не имеешь права ошибаться!..

— Я докажу, на что способен! Мне нужен классный авиаспец... С концами нужен... Проверну такое дело... Все просчитано.

— Быстрее, все в России уже продано и перепродано западным банкам, мы должны успеть урвать свой куш. Наши лоббисты-законодатели провели закон об аренде... Это бизнес на земле, он оценен в сорок триллионов. Надо немедленно скупать землю за бесценок и через пару лет продать ее ТНК за миллиарды. Нужна валюта... твое золото и так называемая «теневая экономика», которая через пару дней будет в твоих руках... я в этом не сомневаюсь... Будь Первым!

Москва бурлила, суетилась своей обычной, ставшей вдруг голодной, жизнью. Машина резко свернула с проспекта и остановилась за углом. Из нее выскочил и сразу вяло поник от свалившейся непомерной усталости измочаленный Марк; оглянулся и суетливо закурил.

Марка пошатывало, когда он забрел в подворотню и обессиленно рухнул на ящик среди кучи мусора, жадно затягиваясь сигаретой. В глубине двора — магазин с длинным хвостом очереди за водкой. Шумит народ на лезущих нахально вне очереди, ломятся в двери, отбрасывая милиционеров, лезут по головам в магазин и вырываются оттуда настолько радостные, прижимая к груди заветные бутылки, что Марк позавидовал им и усмехнулся:

— Какие они счастливые... как мало надо русскому человеку... — Глаза его были полны смятением и надеждой. Проговорил опять вслух: — Ну, Кот... свершилось!

Пробегавшие мимо два алкаша крикнули ему:

— Мужик, будешь третьим?

— Нет, я уже Первый... — энергично встал Марк.

* * *

Москва. За рулем «мерседеса» неузнаваемо разодетый, подстриженный и до синевы выбритый, но, как всегда, хмурый, Трубочист. На заднем сиденье Проглот отрезает финкой куски ветчины, запихивает в рот, прикрывая от наслаждения глаза, жует.

— Перестань жрать, — зло цедит Трубочист, — шеф идет.

От гостиницы солидно вышагивает Марк, усаживается на переднее сиденье, небрежно бросает подручным дорогие сигареты.

— «Данхилл», высший класс.

Проглот вытирает губы и смачно закуривает. Марк четко и напористо командует:

— До «Внучки» с ветерком... Проглот летит со мной, ты своим ходом в Ялту. Документы в порядке?

— Ксива в норме. Где вас там искать?

— Через Риту... Она впервые покажет мою дачу. Мы будем там. Что еще... сними в дорожку телку, попроще, не валютную... не то тебя рэкетиры обуют... разрешаю, — весело осклабился Марк.

— Что с тобой, шеф? — недоуменно выставился на него Трубочист. — То гонял меня за это дело...

— Настроение хорошее и... твердый расчет, чтобы она за рулем тебе не давала уснуть. Все надо предвидеть. Никаких катастроф не должно быть! А вот и «Внучка»...

Наплывает вывеска аэропорта «Внуково». Проглот суег

финку и пистолет Трубочисту, бежит за Марком, идущим со своим кейсом в руке.

Трубочист провожает взглядом самолет шефа и жадно переводит глаза на группу беспечно фланирующих девиц у ресторана. Подъезжает к ним, включает в салоне музыку и распахивает дверцу, обращаясь к самой смазливой и молодой:

— Детка, я вижу, что ты давно не была на море... бледненький цветочек. Даю штуку и билет сверху от Симферополя.

— За штуку трястись на этом корыте? Фи-и... Полторы! — с секундным замешательством торгуется проститутка.

— Идет!

«Мерседес» стремительно мчится по Симферопольскому шоссе, «девочка» что-то болтает, лезет к Трубочисту.

* * *

«Мерседес» кружит по крымским серпантинам, впереди блеснуло море. Машина притормаживает, из нее вылетает немного помятая «девочка» и бежит к киоску с газводой с пустой банкой. Покупает воды, расплачивается и удивленно пятится на дорогу. Машины нет.

* * *

Ревет море, прибой бьет о камни. Вдоль моря по шоссе летит «мерседес», в салоне музыка и смех. Все трое опять в сборе. Марк откинулся на заднем сиденье, на коленях открытый кейс-компьютер. На дисплее загорается:

АВАНЕСОВ ТАРАС АМЗОРОВИЧ 1911 г/р
ВОР В ЗАКОНЕ
ПАХАН
ТРИЖДЫ ИЗБИРАЛСЯ НА СЪЕЗДЕ ВОРОВ
СУДИМОСТЕЙ 87 ЛЕТ
«ОТПЫХТЕЛ В «АКАДЕМИИ» ЧИСТЫХ
27 ЛЕТ
ПЯТЬ УБИЙСТВ
ЛЮБИТ: МАЛОЛЕТНИХ ПРОМОКАШЕК,
АРМЯНСКИЙ КОНЬЯК.
МИЛЛИАРДЕР, ЧЛЕН «МЫТАРИ-КЛУБА».

Дальше шли тексты расшифровки судимостей, недвижимости: домов, дач, дел и закодированных операций, имена и адреса многочисленных жен. Некоторые цифры

были подчеркнуты. По экрану дисплея бежала полная анкета, фамилии верных ему людей, связи с центром и зарубежьем. Марк просмотрел все и бегло прошелся пальцами по клавишам. Загорелось короткое, как выстрел, слово: «АУТ».

Серпантины дороги уходят в горы, и скоро машина останавливается перед шлагбаумом, к ней подходят трое настороженных, спортивного вида парней-боевиков. Марк что-то шепнул одному из них, и машину пропускают. «Мерседес» заезжает во двор шикарной виллы, окруженной садом и высокой кирпичной стеной. Самые разные машины ныряют в автоматически открывающиеся ворота. Огромный двор забит ими. Боевики с короткими автоматами охраняют виллу, осматривают окрестности через бинокли со стен. Марк степенно вылазит из машины, идет коридором, перед дверью в зал двое с автоматами охлопывают его с боков, он открывает им кейс, и они убеждаются в отсутствии оружия.

За огромным столом вальяжно сидят солидные люди разных возрастов и национальностей; одеты со вкусом, расслабленно переговариваются. Во главе стола восседает седой и обрюзгший от старости Пахан, приветливо зовет рукой Марка и приглашает на пустой стул рядом с собой. Сам встает, шум разом смолкает, на лицах озабоченное и деловое выражение. Марк наливает из бутылки стакан минералки; выпивает. Пахан начинает говорить:

— Дорогие друзья! Разрешите поздравить вас с открытием очередного съезда... деловых людей... (Аплодисменты в зале.) Мы не называем это уже съездом воров. Это архаично... Но порядок и регламент работы сохраним те же... Будем все говорить и все, без исключения, проходить старое наше испытание. Правилку! Пришло очень интересное, я бы сказал, революционное время в нашем деле. Власть запаршивела, потеряла авторитет, все покупаются и всё продается. Многие прокуроры и менты с нами в доле, и мы имеем неограниченные возможности для работы цеховиков... Вся власть кормится при нас, издают правительственные законы за наши деньги и для нас, и при этой слабости мы — хозяева! Ну что же, начнем работу съезда с отчетов... Кто что сделал, кто увеличил прибыль.

Пахан торжественно достает из сейфа на стол черный футляр и открывает его. На красном бархате лежит никелированный стилет. Вместо ручки центром насажен

кружочек, чуть больше металлического рубля, с тесаными символами. Патриарх встает, величественно поднимает двумя ладонями стилет на уровне груди и объявляет:

— Наша семья разрослась... многие регионы вошли в дело и прислали своих представителей для межрегиональной связи... Кое-кто затесался чужой... кто ссучился... Для покоя общего дома, и блага нашего, и дела начнем испытание. Первым встанет Шмель... Прошу. — Пахан с элегантным кивком головы протягивает стилет идущему к трибуне толстяку. Тот небрежно берет стилет.

Раздвигается занавес в конце зала, и открывается большая мраморная чаша с лепестками, в середине отверстие, как в ванной, для слива воды. Толстяк становится ногами на отверстие, снимает и отбрасывает в сторону пиджак, двумя пальцами левой руки сжимает стилет за середину лезвия, острием против сердца. Вокруг него медленно ходит здоровяк в колпаке, в красной с черным одежде палача. Он то неожиданно замахивается, норовя ударить кулаком по пятаку стилета, то отдергивает руку, то опять делает выпад. Пугает. Но все же дает закончить оратору говорить. Багровое лицо Шмеля становится меловым к концу выступления, и Пахан задает вопрос:

— Куда делись триста тысяч от оборота в твоей работе?

— Начальники за сырье стали драть почище рэкета, — округлил глаза Шмель, — прошу списать эти триста тысяч на взятки, сколько давал и кому — четкий учет, могу показать списки. И этот, рэкет! Того и гляди прирежут... любители-фармазоны. Это что же делается? Сплошной бандитизм! Самодеятельность... А как свяжешься с поставками госпредприятий — хана! Нарушены все связи, кооператоры развелись, как клопы, рвут из-под самого носа... Партию джинсовой ткани вместо Одессы заслали в Дудинку. Оттуда, как можно догадаться, — Шмель сочувственно обращается к съезду воров, — возврата нет. Пришлось мести следы... Стало труднее вертеться... Этот рэкет... Развели спортсменов, зачем их столько для страны!

— Ты нам спагетти на уши не вешай, — усмехнулся благодушный Пахан, — а где ты был тринадцатого мая... в шестнадцать тридцать?

— А-а... Разве вспомнишь?! Может, на бабе лежал, может, девок щупал или сырец добывал...

— Шмелек, ты хороший парень, честно служил делу...

но-о... Ты стал пугливый и прожорливый и... тринадцатого мая... — Пахан вдруг резво вскочил и вскрикнул, указывая рукой в лицо Шмеля, — па-асма-атрите на эту жирную свинью! Не вытирай пот! Не вытирай!

Лицо Шмеля корчилось в недоуменных гримасах, налилось кровью, пот градом катил по жирным щекам, он что-то мычал, пыжился оправдаться, но Пахан расслабленно сказал последнее слово:

— В тот день и час этот дистрофик сел в машину майора Нефедова и стал сексотом. Я могу назвать номер машины...

— Не-е-е-т! — истеричный, поросячий визг Шмеля, он дернул рукой, пытаясь откинуть стилет от груди.

Но сталь уже по самый пятак сидела в сердце. Шмель вытаращил глаза, зевая беззвучно ртом, потянулся руками к сидящим и тяжело рухнул в раковину. Человек в колпаке задернул занавес.

— Следующий, — мирно проговорил Пахан.

Марк встал и направился к занавесу, который медленно открывался; палач домывал из резинового шланга «трибуну» и захлопнул люк, куда сбросил тело Шмеля. Марк брезгливо, двумя пальцами берет из его рук стилет, протирает крахмальным платочком и уверенно становится в чашу, прижав к ребрам стальное жало.

Горы над виллой дрожали в мареве полуденного пекла, боевики напряженно сидели на стенах, вяло переругиваясь, посматривая с нетерпением на часы и синюю полоску далекого моря. Впритык к первому этажу виллы стоит крытая машина с надписью на будке: «Продукты». Двое мрачных верзил запихивают в черные целлофановые мешки скатывающиеся по желобу трупы. Один из них буркнул:

— Шестой уже, — в прошлом году было четверо в первый день.

— Знать, разговор душевный, — усмехнулся второй.

* * *

Говорит сам Пахан с зажатым у сердца стилетом. Палач стоит почтительно в сторонке, скрестив на груди руки. Старик говорит страстно и яростно, его дряблое лицо и речь — традиции уголовного мира. Вдруг подходит Марк и задает вопрос:

— Как получилось и кто ответит за тонну груза, ко-

торая попала к таможенникам и пропала в Туркмении? Это сотни миллионов!

Пахан опешил, удивленно смотрит на Марка. В облике старика на миг проступила дряхлая немощь и растерянность.

— Шмелек правильно говорил, — вскинулся Пахан, как старый конь, — в ЭТОЙ стране стало невозможно работать. Воруют дилетанты, тянут... все стихийно. Связи вообще никакой. Дозванивался сутки в Красноводск — дали Красную речку под Хабаровском.

Марк вдруг наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Пахан испуганно отшатнулся. Марк молниеносным движением ударил кулаком в пятак. Старец рухнул. Марк сам выдернул стилет, даже не вытерев кровь, прижал к белой рубашке у сердца и поднял правую руку над вскочившим съездом.

— Наш босс... стал трухлявый пень. Да! Пришло новое, революционное... Наше время! У меня есть крыша для всех! Мы через пятьсот дней станем ворочать миллиардами, а не жалкими миллионами в бабьих чулках и молочных бидонах! Се-е-есть! — Вдруг жестко рявкает Марк, ломает стилет и выбрасывает, задергивает занавес и уверенно садится за стол на место Пахана. — Съезды наши с этого дня станут более демократичны. Стукачи будут умирать современно, от инфаркта... — Марк открывает свой компьютер. — Нам дают канал спутниковой связи, — под его пронзительным взглядом съезд садится, — а вот теперь начнем говорить о деле! Первое задание всем, но особенно московской и ленинградской группам. В Москве приведены в ветхость и стоят пустыми сотни домов. Немедленно создать строительные ассоциации по их ремонту, отделке и продаже за валюту иностранным фирмам, договоренность с властями есть, все необходимые документы и права получите немедленно. Через строительство прокачаем миллионы, отмоем не только свои денежки, но и тряханем на пару миллиардов городские власти, доходы пополам. Второе, хватит заниматься мелочевкой, спекуляцией вареными штанами, я дам каждому фантастическое на первый взгляд задание и через год спрошу исполнение. Берем под контроль торговлю грузовыми автомобилями, легковыми, сельхозтехникой. Экспорт и импорт всего сырья — отныне в наших руках и под нашим контролем. Требую развить в себе государственные категории мышления, ибо оно

должно нами управляться. Третье — взять под контроль все стихийно возникшие уголовные группы, рэкет. Отобрать из них и проверить своих людей, парализовать с их помощью снабжение нашей столицы всем необходимым, особенно продуктами, взвинтить цены на все. Пора открыть нелегальные игорные дома в крупных городах, разжиревшие кооператоры не знают, куда девать деньги, а нам они сгодятся. Валютной проституции — наш жесткий контроль... Везде, всюду должны быть только Мы! Откроем подпольную академию бизнеса, вы все пройдете через нее, полетите в Италию, в Нью-Йорк на учебу и для связей. Последнее... Как только рубль станет конвертируемый, к нам хлынут наркотики... Это миллиарды долларов. Надо готовиться. Отныне мы выбираем политиков, ведущих экономистов, с нашего голоса поет радио и телевидение. Итальянский «Спрут» — «мурзилка» перед нашими перспективами.

* * *

Лондон. Шикарный отель. Обслуга — милые и хрупкие филиппинки. Марк бродит по просторному номеру, смотрит в окно. Открывает холодильник, забитый самыми экзотическими яствами и выпивкой, на каждом продукте этикетка с ценой. Только вынешь банку с пивом, под дном щелкает кнопочка и электроника сама заносит в счет проживания все взятое. Марка уже мутит от такого сервиса, все предугадано и рассчитано до мельчайших прихотей и в любое время суток.

Марк едет по улицам Лондона с лощеным седым англичанином, свободно говорящим по-русски. Хозяин показывает город гостю и уже пятый раз говорит, кивая головой на плавучий ресторан:

— Это заведение моего брата.

— Сколько же у вас братьев?

— Много, — усмехается англичанин и показывает изящный перстень на своей руке в форме виноградной грозди, сделанный из сизого металла, — сегодня вечером вам наденут такой же перстень. Это очень большая честь... И вы станете моим братом, а я вашим... великое и могучее братство... Оно правит миром. Для этого вас и прислали сюда...

* * *

Москва. Правительственная дача. Тайное заседание

«Мытари-Клуба». Здесь открыто обсуждаются такие проблемы, что у Марка хребет прохватывает морозец. На его руке красуется новенький перстень — виноградная гроздь. Обстановка заседания величественна, у братьев нет тайн, решается общими усилиями, элитарным мозговым центром будущее страны. Большой бизнес... Связи с крупнейшими банками мира, с правительствами. Марк потягивает через соломинку коктейль и слышит обращенные к себе слова:

— Даем вам три месяца, чтобы завершить дела в Якутии... Вы нужны здесь, сегодня получите ордер на пятикомнатную квартиру и отдайте паспорт на прописку. В квартире все есть, вплоть до туалетной бумаги, так что не тащите с Севера свое барахло. Печальная весть... умер один из депутатов Верховного Совета. Через три месяца вы займете его место в парламенте... Вам все ясно?

— Так точно!

— Подумайте, как остановить добычу золота и алмазов в Якутии, к примеру, используя национальное ущемление якутов. Нечего сейчас разбазаривать сырье, оно нам пригодится через пару лет. Пусть якуты потешатся свободой, а у самих средств нет для добычи... Средства окажутся у нашего банка Менатеп... Летите, утрясайте свои дела...

* * *

Аэропорт Белогорска. Взлетает самолет, ползает заправочная машина, гудят турбины. Стоянки самолетов обходит группа администрации аэропорта в летной форме, они гурьбой следуют за высоким человеком с нашивками большого чина Аэрофлота, который распекает их, приказывает убрать с поля лишние агрегаты, объясняет им. Он стремительно двинулся к отдельно стоящему грузовому самолету Ан-26 и приказал механикам убрать кожух с двигателя. Те быстро исполнили его волю. Человек сам залез к мотору по хлипкой лесенке, долго копался в нем, все проверил, часто вытирая руки платочком, засовывая его в карман и опять вынимая, что-то им протирал в хитросплетении мотора. Показал всем грязный платок и стал ругаться, приказал механикам закрыть двигатель кожухами. Сопровождающие его работники кивают головами, усердно записывают все его распоряжения. Уходят вместе с ним толпой в аэропорт.

* * *

Без хозяина в кабинете Власа Петрова было неуютно. Семен Ковалев уже освоился с назначением председателем артели, но что-то еще угнетало его душу. Сиротливо оставшееся кресло Власа он занял папками с бумагами, а сам пристроился за общим столом, переставив селектор и телефоны, чувствуя себя временным здесь, ожидая освобождения незаконно посаженного председателя.

Верткий и плотный человек в потертой кожаной куртке взглянул на табличку «Председатель артели» и решительно распахнул двери. Прямо с порога заорал, грохнув за собой дверь:

— Семен Иванович! Это черт знает, что творится! Прилетел в наш аэропорт какой-то из Москвы перестройщик... Инспектор. Всех летунов поставил на уши, все перевернул по-своему, много отменил наших рейсов. А вертолеты, почти все, угнал на лесные пожары! Срываются графики доставки золота с отдаленных участков. Там накапливается металл в недопустимых количествах. Это опасно!

— Ты опытный заместитель по сохранности, вот и занимайся. Звони, требуй, жалуйся, но драгметалл вывози с участков вовремя. А инспектора всегда чудят... прыть показывают. Найди к нему подход, не мне тебя учить...

— Да он какой-то чокнутый! Представляешь? Говорит мне: «Дайте мне график, когда, откуда и куда отправляем золото, я его, дескать, сам переделаю с учетом возникших трудностей». Да это же не его собачье дело! Он что? Издевается, проверяет, провоцирует на нарушения или залетный дурак? У нас их тут у самих с избытком... Начальник порта у него на побегушках, весь от страха трясется и валидол грызет горстями. Вот же черт принес его в разгар промывки! — ругался зам.

— Он что... действительно просил график инкассации? — в раздумье проговорил Семен. — Но они же строго засекречены... даже самому министру не имеешь права показывать... та-ак. Вот что, Петр Михайлович, действуй активней... А где он живет, в портовской гостинице?

— Если бы! Там уж я бы его достал, взял на измор, — загадочно улыбается заместитель, — представляешь! Я уж тут провел частное расследование. Сам выследил, как сыщик, сроду не думал, что до такого докачусь. Оказалось, что этот придурок живет... Где бы ты думал?

— Где?

— В трехкомнатной секции племянника Марка, а тот с женой вдруг укатил в разгар промывки в отпуск на море. Разве такое бывает в разгар промсезона? Он же начальник участка и головой отвечает за план. Ну и хите-е-ер Марк, на лету подметки рвет! Вот у кого надо учиться подмазывать тачки...

— Когда уехал племянник?

— Да перед самым явлением инспектора.

— Думаешь, Марк опередил нас? Небось у него проблем с вывозом металла нет?

— В том-то и загвоздка, что и у Марка все затарено на участках драгметаллом, а при этом он инспектора и кормит, и поит.

— Интересно... Ладно, я сам к нему наведаюсь. Ты больше туда не суйся и забудь о нашем разговоре. Попробую уломать. Где он живет, записываю адрес.

Когда заместитель по сохранности ушел, Ковалев долго ходил по кабинету, думал. Интуиция подсказывала, что в этой невинной истории, связи залетного инспектора и Марка, кроется какая-то жгучая тайна. Семен машинально поправил модель самолета на сейфе Власа. Взглянул через окно на дальние сопки. Вздохнул.

* * *

«Волга» останавливается у пятиэтажного дома. Из нее вылезает с тяжелым портфелем Семен, говорит своему шоферу:

— Можешь меня не ждать, сам доберусь, — заходит в подъезд.

Ковалеву открыл холеный, высокий мужчина лет пятидесяти. Он одет в белоснежную рубашку, строгий галстук, что-то смачно жевал.

— Можно к вам на минутку... я председатель артели старателей «Салют» Ковалев, — Семена было трудно узнать: отглажен, выбрит, одет с иголочки, как на свидание. На лице исполкомовская улыбка.

— Помилуйте! Я ведь тоже человек, у меня трудная работа, — высокомерно заговорил инспектор, который водил авиаторов по стоянкам самолетов. — Завтра, завтра... Приходите официально в кабинет начальника аэропорта, милости прошу...

— Мне надо сегодня, очень серьезный вопрос, завтра утром срывается вывозка золота с участка. — Семен нахально переступил порог.

— Ладно, одну минуточку подождите в прихожей, — инспектор удаляется в комнату, где суетливо отключает кейс-компьютер от сети, закрывает крышку и прячет его под стол. Спешит к незваному гостю. Недовольно ворчит: — Отдыхать не даете... Но так уж и быть! Сам председатель заявился, а то все снабженцев посылают. В чем суть вопроса?

Семен усаживается в кресло у журнального столика, достает из портфеля пакеты с коньяком и торчащими хвостами копченых ленков.

— Уберите немедленно! — капризно приказывает инспектор. — Я такие штучки не терплю! Говорите свои проблемы.

— Да проблема одна... Вертолеты... Участки задыхаются без запчастей и продуктов. А вертолеты инкассаций? Помогите сделать график. Если нет вывозки — это для меня тюрьма, нельзя на участках накапливать золото. Нагрянет какая-нибудь банда. Кто ответит? Время сейчас суматошное, потом концов не сыщешь. Вы-то в Москву улетите... — Семен мельком оглядывает комнату. На стуле висит форменный китель инспектора с широкими нашивками на погонах. И тут же видит в щель занавесок на дверях другой комнаты кейс-компьютер Марка под столом, со знакомой наклейкой на нем.

— С вертолетами я наведу порядок, но пока — экология... экология, друг мой, — доходит до сознания отвлекшегося в мыслях Ковалева, — все силы на спасение лесов, нашего зеленого золота, наших с вами легких. Есть приказ сверху срочно локализировать пожары... А вы действительно председатель артели, которая добывает настоящее золото в глухих дебрях, вдали от родных и близких? Это так романтично... и, наверное, опасно? Медведи...

— А что, я первый председатель артели, кого вы встретили в Белогорске? — Семен нагло и не мигая изучает лицо инспектора. — Пожары... Пожары они каждый год, но срывов таких не было... Значит, я первый председатель...

— И последний, даст бог... я со старателями ничего не хочу иметь общего... М-м... мне не рекомендовали еще в Москве с вами связываться, чтобы спать спокойно потом. Приходите завтра вместе с начальником авиаотряда, пригласим начальника порта, хоть его надо снимать за беспорядок...

— Как вас величают по имени-отчеству-то? — ухарски, возбужденно поднялся Семен. — Давайте стаканы, — махнул рукой и бесшабашно опалил инспектора взглядом. — Давайте расслабимся, вмажем по полтинничку, уж больно коньяк хороший, — срывает пробку с бутылки и встряхивает ее.

— Зовут меня: Вадим Викторович... только к чему все эти нелепые реверансы... вряд ли поможет. Да и не пью я, к сожалению... Рад был познакомиться, — насмешливо кланяется инспектор, — всего вам доброго, спокойной ночи. Устал чертовски...

— Завтра приду, — Семен встает и идет к выходу, «забыв» портфель и коньяк с деликатесами.

Инспектор догоняет его на лестнице с открытым портфелем, в который свалены пакеты с коньяком и рыбой. Семен небрежно его берет и роняет. Катятся бутылки, одна разбивается на ступенях. Инспектор суетливо и раздраженно помогает собрать, оглядывается на двери соседей. Ковалёв сидит на корточках в углу, вид у него совсем пьяный, заплетающимся языком говорит:

— Какой аромат... армянский коньячок, зря ломаешься, возьми. Пригодится... Я все равно тут оставлю... Наше северное гостеприимство почище кавказского.

— Пошел ты отсюда, старатель, — инспектор вбегает в квартиру и захлопывает дверь. Через минуту открывает и видит стоящий у дверей портфель, гостя уже нет. — Тьфу! — Он хватает его и заносит в квартиру.

По стенке подъезда идет прибитый гвоздиками телефонный провод «лапша» из квартиры племянника Марка. Семен в полутьме достает из кармана наушник, чиркает спичками и протыкает иголками, припаянными к проводам, телефонную лапшу. Прижимает головой к плечу наушник, расслабленно привалился к стенке на первом этаже дома. Пьяный, случайно забредший в чужой подъезд. Глаза сонно прикрыты, с нетерпением слушает:

— Тут какой-то председатель артели приперся с коньяком, вы кому-нибудь давали мой адрес? Откуда он узнал, где я остановился?

Марк лениво слушает раздраженный голос в трубке, наблюдая через окно конторы, как упираются в сумерках пятеро старателей, закатывая в кузов машины бухту кабеля.

— Городок наш маленький... многое на виду, — раз-

думчиво отвечает Марк, — что за председатель, как фамилия? У нас тут шесть артелей, скоро все прибегут.

— Кузнецов, что ли... уже вылетело. Такой молодой, нарядный, в галстуке. Пять бутылок коньяка под дверью оставил... Хорошо хоть, никто не видел!

— Нет такого председателя, — забеспокоился Марк, — еще раз вспомни фамилию!

— Что он меня, напоить хотел? Пять бутылок коньяка и одна разбилась. При мне не пил, а так развезло... Что вы за люди! Нажраться заранее и идти на деловой разговор!

— Может быть, Ковалев?

— Точно, Ковалев! Намекнул мне, что просит помощи в составлении графика инкассации золота с участков, что в тюрьме не хочет сидеть за задержку вывозки. Спьяну болтал...

Марк напряженно молчал. Потом озабоченно спросил:

— Надеюсь, мой кейс он не видел?

— Что вы, я его отключил и спрятал. Программу просмотрел, завтра обсудим. Потрясающая игра и чемоданчик каков! Вот бы нашему министерству, порядок бы сразу навели с рейсами и в кассах. А еще... Потрясающая игра! Есть пара замечаний...

— Завтра обсудим, не болтай лишнего по телефону, — прервал его Марк и поморщился, он не переваривал трепачей. Положил еще говорящую трубку. — Ковалев... Ковалев... Кто ты? — вслух размышлял Марк, сузив глаза... — Нарядным никогда не видел его... пьяным шатается по незнакомым, тем паче нужным людям... Готов раскрыть секретные сведения... Кто ты, Ковалев? На комитетчика не похож... но все время суешь нос в самое пекло... Не Букварь... Темная лошадка... Ковале-е-в... Зеленый лучок... Я тебя съем. Доиграешься!

Ковалев выдергивает иголки из телефонного провода, быстро прячет наушник в карман и осторожно выходит из подъезда. Проходит рядом со стенкой дома до его торца, чтобы залетный гость не увидел его из окна, скрывается во тьме...

* * *

Марк сидит вдвоем с Трубочистом. Протягивает ему толстый пакет, завернутый в газету, и говорит:

— Здесь пятьдесят три тысячи... три тебе на расходы. Пятьдесят штук вручишь одному мужичку в Якутске и

отдашь вот эту бумагу — об отказе корейцев от вагона некондиционного мяса, на котором влетел Петров. На словах передай, что надо немедленно освободить Власа Петрова из следственного изолятора из-за отсутствия состава преступления и вернуть его в Белогорск на свое прежнее место... Председателем артели... Понял?

— Что, мы его зря упрятали туда? Да в артели уже командует Семка Ковалев, этот мальчишка...

— Слишком резво командует! Я за этого мальчишку два десятка таких умников променял бы, как вы с Проглотом. Надумал меня учить?

— Все понял, шеф!

— Валяй, работай тонко, интеллигентно... Никаких кабаков и девочек... Выгреби Власа, а Ковалева отправим в тайгу, на его участок... Так будет надежнее... Тайга большая... медведи злые бродят, могут задрать ненароком...

— Я его сам задеру, — с готовностью ощерился Трубочист.

— Побереги свою извилину, — посуровел Марк.

* * *

Понурый, задумчивый Ковалев в кабинете Власа, так и не решивший сесть в его кресло, где по-прежнему лежит стопка скоросшивателей и папок с бумагами. И вдруг в кабинет влетает радостная, возбужденная Люся. Увидев его, широко улыбается, завораживающе прекрасная и юная. Ковалев остолбенело пялится на нее, рывком встает, спешит навстречу.

— Как ты здесь оказалась? Прилетела с моего участка на вертолете?

— На вертолете хорошо, на олене — лучше! Зачем эвенкийке железная и вонючая кастрюля, — смеется она.

— Триста километров по тайге, на олене? Что случилось?!

— Ничего... я почувствовала, что тебе плохо...

— Да-а, с тобой не соскучишься... Действительно, все плохо. Влас Николаевич в Якутске под следствием... Меня за себя назначил... Такую глыбу на плечи взвалил... Не знаю, с чего и начинать...

— Его хотят погубить плохие люди, — нахмурилась Люся, — но все будет хорошо... не печалься и никого не бойся.

— Будет хорошо? Откуда ты знаешь...

— Мои духи сказали... Я же шаманка, — загадочно и уверенно отвечает она.

— Я не могу работать в полную силу, неудобно перед людьми. Вроде как самозванец, захватил должность... на беде, — начал было оправдываться Семен, но Люся прикрыла его рот своей крепкой и теплой ладошкой, быстро заговорила:

— Я видела, как амикан нападает на сохатого... Когда сохатый выставляет свои острые рога и готов пробить его передним копытом, медведь ходит вокруг и думает. — Люся потешно и образно стала ходить вокруг стола и показывать, как думает медведь. — Сохатый уверен, что амикан испугался. Поднимает голову и высматривает, куда убежать. В этот миг амикан прыгает и ломает ему хребет... — Люся прошлась, как в танце, и легонько перекинула папки на подоконник, шутливо, но твердо указала пальчиком на кресло Власа, — сядь и думай! Нехорошие люди подняли рога на тебя... Будь осторожен и мудр, как медведь... Сядь! Думай! Пусть Бешеный Волк уверится, что ты испугался... Думай... Я вижу эту схватку, вижу кровь... Я хочу тебе добра... Я боюсь за тебя!

Ковалев с усмешкой исполняет ее волю и вдруг сразу успокаивается, уверенно подвигая к себе телефоны и селектор. Люся вернула ему решительность, заставила поверить в свои силы.

— И все же трудно, плохо без Власа...

— У тебя нет времени на сомнения, — решительно прервала его Люся и указала на старинный сейф Власа, — открой этот железный ящик, там главное...

Семен нерешительно шарит в столе и находит тяжелый ключ. Отмыкает сейф, отворяет стальную дверь и в недоумении поднимает глаза на вмиг посерьезневшую Люсю. Она даже чуть отшатывается от сейфа, нюхает воздух. В сейфе стопка старых конторских счетов. Больше ничего.

— Эти дрова и есть главное?

— Это не дрова... это пахнет кровью... порохом... золотом... потом. Посмотри, на каждых счетах аккуратно написан год: 1917... 1933, 37-й, а на 57-м маленький спутник подрисован. А на самом верху стопки — счеты детские, пластмассовые.

— Да-а... Тут целая эпоха. — Семен извлекает счеты и раскладывает их на столе. Счеты в основном старые, с истертыми пальцами и выщербленными костяшками, со

следами чернил, подлатанные на углах медяшками, жестью от консервных банок, расхлябанные работой.

Семен машинально садится в кресло Власа, увлеченно разглядывает эти реликвии, мало еще что понимая.

— Надо же... ну и Влас! Зачем их хранит? — бормочет он.

— Неужели ты не видишь, что они волшебные? — тихо говорит Люся. — Ну ладно... Думай!

Семен, как завороженный ребенок, щелкает темными костяшками, даже не заметив ее ухода. Спрятал в сейф и замкнул счеты, оставив самые старые на столе. Рука сама тянулась к костяшкам, завораживали счеты, магнитили...

* * *

Ночь. В кабинете Власа полумрак, горит настольная лампа. За столом сидит в раздумьях Ковалев. Пьет чай, ходит с кружкой по кабинету, опять садится в кресло и что-то записывает на бумагу. Перед ним веером разложены старые власовские разнокалиберные счеты. Семен щелкает на них костяшками, сбрасывает какие-то суммы, или доводы, и опять набирает счет... Опять ходит, останавливается перед сейфом Власа... Думает, глядя на самолетик...

Макет самолета падает на счеты, и его сверху придавливает рука. Слышен голос Семена:

— Все!

Что-то быстро считает, пишет. Вскакивает и выбегает из кабинета. Заскакивает в ярко освещенную теплицу и скоро выходит оттуда, выдергивая из обычной метлы ручку.

В кузнице ревет огонь, красные блики от горна пляшут по стенам и фигуре Семена Ковалева. Он бросает в тигель бронзовую ручку, оторванную от двери кабинета. Весь перемазанный сажей, он держит метлу над тазиком с древесной золой, другой рукой переворачивает ковшик с расплавленной бронзой на прутья метлы. Жидкий металл разбивается об упругие прутья и осыпается каплями в таз, обретая в золе причудливую форму мелких самородочков и шлихового золота.

* * *

Белогорск. Аэропорт.

Заканчивается обслуживание и подготовка к взлету

грузового самолета Ан-26. Техперсонал сдает самолет экипажу и удаляется. К самолету подъезжает бронированный «форд», из него выскакивают двое охранников с автоматами. Перекатывают в грузовой салон контейнер с золотом, похожий на большой сейф, садятся сами. Пилот шутливо спрашивает у старшего:

— Сколько везем? По весу — тонны две...

— Много будешь знать, быстро на пенсию спишут, — сурово огрызается автоматчик.

Самолет выруливает к взлетной полосе.

* * *

Самолет точкой исчезает в облачной дымке. Марк провожает его глазами из окна и обеспокоенно оборачивается к быстро входящему в комнату авиаспецу:

— Сработает?

Они в знакомой квартире, куда наведывался Ковалев, рядом с аэродромом. Инспектора трудно узнать, лицо его вымучено, упал мешком в кресло, отдуваясь. Раздраженно отвечает:

— Сработает! Я что, сюда, за шесть тысяч верст, прилетел щи лаптем хлебать?! Черт бы их всех побрал! Начальника порта действительно надо снимать, в самый ответственный момент исчез куда-то механик, некому было подписать готовность самолета, чуть не перегрузили на другой борт... Звонят, ищут, бегают... Никто не хочет брать на себя ответственность... Инструкции... бумаги... инструкции... Тьфу!

— Сами же бумаги понавыдумывали в кабинетах Москвы от безделья, — с усмешкой говорит Марк, — там, где начинается авиация — кончается порядок, — говорит известный афоризм.

— Вот было бы! Все насмарку... Такой куш накопили у старателей. Я только молился, чтобы пожары не кончились. Держал вертолеты... А потом вывезли разом. Ты не представляешь, что это мне стоило! Сейчас в воздухе двухмесячный план целого комбината, — инспектор срывает покрывало с портативной рации на столе, настраивает ее, включает динамик, — мы на их волне, будем контролировать.

— Я — борт 1826... иду на высоте... скорость, — пищит маленький динамик.

Авиаспец рывком выдвигает портфель Ковалева из-под стола, открывает бутылку коньяка и пьет с на-

слаждением прямо из горлышка. Закрывает и прячет в портфель, не предлагая Марку.

— Я свое дело сработал, надо сматываться, — уверенно говорит он, — по-моему... мною начали интересоваться. Начальник порта осмелел, подозрительно косится, еще раз смотрел командировочное удостоверение.

— Доведешь дело до конца! — жестко приказывает Марк.

* * *

Под крылом самолета река Лена. Салон самолета. Охранники дремлют у контейнера. Пилоты спокойно переговариваются, ведут самолет. Вдруг один из них встревожился, защелкал тумблерами. Говорит:

— Нулевое давление масла в правом двигателе... перебои... Иркутск, я — борт... Отказ правого двигателя!

Охранников у контейнера тряхнуло, самолет пошел креном.

* * *

Марк и авиаспец прильнули к приемнику, из него сквозь помехи и грозовые разряды слышались переговоры:

— Отказ правого двигателя, дымовая полоса из сопла. Раздается треск, как будто рвется обшивка.

* * *

Спец недоброжелательно оглядывает Марка, небрежно закуривает и еще прихлебывает из бутылки. Закидывает ногу за ногу.

— Все о'кэй, это же для меня детские игры... Мои проценты в кармане. Какие будут еще вопросы?

— У подъезда тебя ждет заправленный «уазик», вот ключи и документы. Поедешь до Большого Невера, машину оставишь у вокзала на стоянке, мои люди заберут. Поедешь в центр на поезде, самолетом тебе рисоваться опасно... В порту уверены, что ты улетел в Чульман... Никто не хватится...

— Что, меня за идиота держишь? — вяло усмехается спец. — Ты мелко плаваешь, «шеф». Любопытно, на каком километре меня поджидают твои парни, чтобы зарыть в тайге?

— Не блажи, это приказ!

— Чей приказ, твой? Я плевать хотел на твои приказы! Понял?! — Спец вскочил и помахал перед носом Марка авиабилетом международных линий. — Меня не такие умники пытались словить! Всю жизнь меня принимали за дурака! Все думали, что я не понимаю их игр! Моя доля — миллион... в долларах, разумеется. И не дай бог я его не получу или исчезну! Потрудитесь перевести мою долю в Швейцарский национальный банк на счет 3344... Повторяю, счет две тройки, две четверки... В противном случае органы КГБ заинтересуются важными документами и записью переговоров... не только с вами. — Спец вынимает из кармана и показывает портативный диктофон фирмы «Сони», он работает. — Разговоры не только с вами. Они у меня скопированы в большом количестве и хранятся в надежном месте у надежного человека... Только сутки не будет моего контрольного звонка в Москву, и им дадут ход... По этому билетику я вылетаю послезавтра в Женеву... Никто мне не помешает... Никто! И буду ждать там денежек... Если их не будет, вам всем придется сесть за решетку...

— Живи... — Марк с ненавистью смотрел, как спец переложил оставшийся коньяк и рыбу в свою сумку, оделся и вышел.

* * *

Винт правого двигателя недвижим. Под крылом надсадно ревущего одним мотором самолета петляет Лена.

— Олекминск дает полосу для вынужденной посадки, — звучит в кабине самолета.

Командир спрашивает:

— Сколько тянуть до Олекминска, штурман?

— Четырнадцать минут. Рассчитываю посадку.

* * *

Лицо Марка страшно. Он разъяренно мечется по квартире. Раздается трель звонка «межгород», он хватается за трубку.

— Даю Москву, — прогундосил женский голос.

Марк нетерпеливо топтался у телефона и вдруг услышал голос автоответчика из Москвы:

— Ждите ответа... ждите ответа... Говорите. Мы слушаем вас внимательно. Дадим ответ.

— Это отдел снабжения, — проговорил Марк условную фразу. — У меня все нормально, груз отправлен по

адресу, только конец не получился... Ушел снабженец... Уволился, поругался... Решайте со снабженцем! У него все адреса поставок. Решайте сами! — почти лепетал Марк. — Он застрахован, улетает в Швейцарию.

— Вам нужна врачебная помощь? — вдруг пророкотала трубка раздраженным мужским голосом. — Вы, гражданин, куда звоните? Точнее надо набирать. У нас все предусмотрено, работает автоответчик... Все предусмотрено, не трепите нервы! Это вам не психиатрическая клиника. Успокойтесь... звоните точнее.

Марк раздраженно бросил трубку и в ярости проговорил:

— Законспирировали-ись, су-уки!..

* * *

Грузовой Ан-26 приземляется в Олекминске на одном двигателе. К нему спешат: «скорая помощь», допотопная пожарная машина, технички. Самолет останавливается, из дверей выглядывают охранники, и один из них грозно кричит:

— К самолету не подходить! Двое техников к двигателю, остальным быть на месте! Покинуть поле!

Технари снимают кожух мотора и кричат пилотам:

— Все-е, отлетались, голуби! Подшипники заклинило. Маслопровод проеден... Мышей развели?

Пилот зло сплевывает, оглядывается на экипаж:

— Ну, теперь позагораем, пока заменят двигун...

Подъезжает начальник аэропорта, кричит охране:

— Срочная радиограмма из Белогорска, вам приказано перегрузить спецгруз на другой самолет, он пустой летит в Иркутск. Желаю вам приятного полета.

Охранники переглядываются. Один говорит:

— Что будем делать, это не положено по инструкции.

— Сидеть с нашим грузом в промежуточных аэропортах вообще не положено, — отвечает второй.

— Ладно, полетим, — решает старший и кричит начальнику порта, — летим, но только со своим экипажем! Это положено по инструкции. У тех нет допуска к перевозке.

Охранники сами подгоняют машину технарей и перекатывают на нее контейнер, один садится за руль, и оба едут к другому самолету. Открывают двери в салон и заталкивают контейнер лебедкой. Только потом старший

охранник подзывает рукой начальника аэропорта и кивает внутрь салона:

— А это что еще за подарочек?

В глубине салона стоит обтянутый кумачом гроб и два больших тюка рядом, густо обвязанных веревками.

— Он вам не помешает же? Он у меня второй день тухнет на складе. Родственники в Иркутске ждут. Парень погиб на лесоповале.

Охранник идет к гробу и открывает крышку автоматным штыком. В гробу действительно покойник со спекшимися от крови волосами, белое лицо, синюшные губы, заострившийся нос, сукровица сбегает из уголка рта. Охранника опахнуло зловонием, и он брезгливо зажимает нос рукой, прихлопывает крышку и отскакивает к двери, ругается вслед уходящему начальнику порта.

— Вы что-о! Не могли его в цинк запаять!

— Откуда у нас тут цинк? С лесосеки привезли, думали еще вчера отправить. Имейте совесть, там же родня с ума сходит. Терпите!

Приходит экипаж, и самолет взлетает. Охранники дремлют под гул моторов, зажав меж колен автоматы.

Крышка гроба вздрагивает и чуть приподнимается. Оттуда с тихим шипением вырывается струя мутного, нервно-паралитического газа. Через минуту охранники валятся на пол, стенка гроба откидывается на встроенных шарнирах, выскакивает человек в новом костюме, белой рубашке и противогазе. Хватает со дна гроба автомат.

Держа под прицелом пилотскую кабину, вспарывает ножом тюки. Из одного извлекает большой грузовой парашют — цепляет захваты к контейнеру с золотом, сам надевает парашют из малого тюка и подскакивает к двери пилотов. Условный стук: три раза, потом еще два. Наготове баллончик с газом. Второй пилот чертыхается, встает и открывает дверь. Ему в лицо бьет струя газа. Человек в противогазе отшвыривает его в салон и заскакивает в кабину, газ растекается по ней. Первый пилот тоже роняет голову на штурвал. Весь экипаж парализован. Человек в противогазе сваливает первого пилота с кресла себе под ноги и уверенно включает автопилот. Устанавливает под штурвал плоскую коробочку и сверяет свои часы с циферблатом на ней. Потом в салоне распахивает дверь, первым вышвыривает гроб и с трудом выталкивает через нее контейнер на колесиках в об-

лака. Сам прыгает следом. Два парашютных купола плывут над тайгой.

* * *

Ровно летящий самолет. Вдали показывается полоска воды. Над Байкалом в кабине всплеск огня, самолет начинает в пике падать в озеро. Вздымается огромный столб воды.

* * *

На экране локатора гаснет искорка самолета.

В диспетчерской аэропорта:

— Повторяю... двадцать минут назад потеряна связь со спецрейсом 1826. Прошу всех, находящихся в квадрате 32—40, установить связь с этим бортом. Исчез грузовой борт 1826...

Диспетчер повторяет информацию.

Рассвет. По тайге напролом идет вездеход ГТТ. Из кабины выскакивают двое в геологических штормовках. Один из них говорит пароль в микрофон портативной рации. Из кустов выходит, прихрамывая, человек в белой рубашке с автоматом и рацией в руке, лицо его неестественно белое, напудрено, на подбородке камуфляж крови.

— Ты что, ударился... кровь? — спрашивает один из приехавших.

— Маскарад... покойником был, — радостно и страшно щерится в улыбке «покойник». Не дай бог бы вам заглянуть туда, где я лежал... я очумел от вони дохлятины.

— Где груз?

— Да вон, в распадочке, парашюты я уже закопал, золото перегрузим, а контейнер надо гусеницами затоптать в болото.

— Сделаем... Ты бы хоть умылся, на черта похож.

— Я сейчас, ага... — Он кладет автомат рядом с ручьем и начинает шумно, с наслаждением и весело умываться, стоя на коленях.

Один из приехавших выхватывает пистолет и стреляет в затылок парашютисту. Тот падает и в агонии переворачивается напудренным лицом вверх.

— И впрямь артист, на покойника похож, — ухмыляется стрелявший, пряча пистолет, — прости, карифан, приказ на твой отстрел имеем. Лицензию! — Деланно

смеется и приказывает напарнику: — Тащи лопату! Зароем...

Вездеход мчит по тайге. В кузове грузно перекатываются две железные бочки. Белой краской на них намалевано: «Дизмасло».

Крытый брезентом КамАЗ-вездеход стоит в тайге, трое человек сидят у костра, выпивают, закусывают. Один из них что-то говорит по рации, и скоро на поляну выкатывает заляпанный грязью ГТТ. Из него выскакивают двое, один идет с автоматом на изготовку, говорит пароль. После ответа особо не расслабляются, но все подходят к костру и жадно начинают есть.

— Проголодались, орлы, — говорит пожилой мужик с суровым лицом, наливает из бутылки в кружки водку и подает приехавшим, — расслабьтесь. Дело сделано.

Они пьют, тянут руки за закуской и вдруг в страшных корчах падают на землю. Зажатый судорожно в руке приехавшего, бьет автомат в костер, разбрасывая угли. Пожилой наступает на него ногой и освобождает от руки.

КамАЗ мчит по трассе. В кузове у кабины стоят знакомые бочки. Впереди загорелись огни большого города. Мелькает в свете фар вывеска: «Улан-Уде».

* * *

Белогорск. Частная квартира в деревянном доме. Семен Ковалев нажимает дверной звонок, ему открывает сухощавый, стройный якут лет сорока. Семен удивленно говорит:

— Макаров? Здесь?!

— Здравствуйте, Семен Иванович, — радушно отвечает якут, — проходите, — пропускает гостя в комнату, сам мельком выглядывает в коридор и запирает дверь.

— Семен Иванович, как следователь по особо важным делам, я приношу вам официальную благодарность за тот наш разговор в Якутске. Только с вашей помощью мы смогли хоть что-то сделать, что-то предпринять...

— Что случилось?

— Исчез спецрейс 1826 с грузом комбината. Уж очень он точно упал в Байкал. Погиб экипаж и двое наших ребят из спецназа.

— А золото? В Байкале... там глубина, не дай бог...

— Вы спасли золото, в контейнере была «кукла», тщательно изготовленная по вашей технологии. Самолет уже

подняли, место катастрофы указали рыбаки, к счастью, там было мелко... В самолете контейнера нет! Вот в чем загвоздка! Эксперты установили, что двигатель, перед вынужденной посадкой в Олекминске, испорчен, маслопровод разъеден снаружи кислотой. Это сделано кем-то перед вылетом в Белогорске. Все у них было просчитано и сработано гениально. Это очень серьезная операция... как говорится, на уровне мировых стандартов, а то и выше. Припомните наш разговор в Якутске, вы что-то недосказали, я в чем-то усомнился. Вы припомните, что было месяц назад?

* * *

— Можно? — Ковалев заходит в кабинет с длинным свертком под мышкой и портфелем.

— Проходите, — вежливо встает навстречу якут в черной прокурорской форме. На его лацканах по три крупных звезды отличия. Над головой висит портрет Дзержинского. — Макаров Прокопий Прокопьевич, — подает руку.

Семен усаживается напротив, представляется:

— Семен Ковалев, временно исполняющий обязанности председателя артели старателей «Салют» из Белогорска.

— За Власа Петрова пришли просить?

— И за него тоже, — Семен раздумчиво смотрит в окно, — мне посоветовали обратиться именно к вам... Только к вам.

— Слушаю.

— Мне кажется... вернее, я требую, взять под особый контроль отправку золота с комбината на аффинажный, золотоплавильный завод самолетами. Я чую, готовится его хищение...

— Кем?

— Пока это только интуиция...

— Интуиция — вещь хорошая. Нужны факты.

— Факты будут! Вы можете месяца три отправлять золото комбината другим путем?

— Вряд ли... На это есть специальная служба.

— Ну, смотрите, если, не дай бог, что случится... раз я тут объявился, потом не дергайте меня...

— Конкретно можете что-то сказать? Мы не можем изменять порядок перевозки золота по догадкам..., даже председателей артелей...

Ковалев шарит в кармане и неожиданно высыпает перед следователем прокуратуры на стекло добрую горсть шлихового золота и причудливых самородочков.

— Вот, смотрите...

Следователь внимательно разглядывает, шевелит самородочки кончиком карандаша и говорит:

— Настоящее золото... Вы что, с повинной пошли?

— Настоящее? Это же хорошо, богатым будете, — Ковалев достает из портфеля маленькую фарфоровую чашечку и наливает в нее из пузырька светлую жидкость. Бросает в нее самородочек из кучки. Он мгновенно с шипением растворяется в кислоте.

— А вот настоящее, — Ковалев бросает туда же маленькую пшеничку шлихового золота, и она блестит на дне.

— Потрясающе! — восклицает следователь. — И как вы его сделали?

— Меня научил один старик. Так китайцы в двадцатые годы дурили скупщиков. — Ковалев бесцеремонно вынул ящик из стола, высыпал из него бумаги и поставил на пол. Развернул газету и вытащил обыкновенную метлу.

— Я, грешным делом, думал, что вы гранатомет притащили ко мне, — весело смеется якут.

— Смотрите! — Ковалев вытряхнул карандаши из чарона — стакана на столе и склонил его над метлой и пустым ящиком. — В тазике у нас обычная древесная зола. Льете через прутья метлы расплавленную бронзу, а лучше — бражму. Жидкий металл разбивается о прутья и капельки обретают самую причудливую форму мелких самородочков и шлихового золота. Потом смываете водой и насыпаете в мешочки. Отличить почти невозможно...

— Любопытно, я про такое не слышал. Это сколько же метелок потребуется, чтобы перелить тонну латуни?

— Это уж ваши проблемы. — Ковалев протягивает метлу следователю. — Сувенир на память, как символ вашей работы.

* * *

Опять квартира в Белогорске. Семен и Макаров за столом.

— Давайте думать вместе, — говорит следователь, — хватит играть в благородных. Все ниточки, всю свою ин-

туицию и все ваши догадки — мне в руки. Так дело пойдет быстрее.

— Где Влас Петров? Неужели вы не понимаете, что его подставили, и он ни в чем не виновен?

— Разобрались мы с ним... сейчас подлечивает сердце в Кисловодске, в закрытом пансионате. Я устроил. Через недельку прилетит, и сразу сдадите ему дела. Так нужно. С ним все стало ясно, когда выяснилось, что его пытались освободить за взятку и вернуть на прежнее место. Вы крепко кому-то насолили... Влас для них более безопасен... Кто-то поторопился его посадить. Не будем спугивать, пусть случится, как они хотят. Будьте осторожнее. Как председатель артели вы имеете табельное оружие, держите наган всегда при себе и не отлучайтесь в тайгу один.

— Ясно... кому охота в подземные войска, добровольцем.

* * *

Австралия. Марк спускается по трапу из «боинга», он прилетел заключать контракт и открыть свой участок для добычи золота из песков с помощью землесосов. Его встречают какие-то люди и привозят в уже снятый для него шикарный офис. Идут переговоры в узком кругу лиц. Марк говорит, лощеный переводчик синхронно повторяет за ним:

— Оборудование и моих рабочих-старателей будет доставлять военная авиация, «Русланы». Как и указано в моем проекте контракта, все добытое золото пополам. Насчет авиации вопрос решен и подписан договор. Военные самолеты не подлежат таможенному досмотру, и ваша задача загрузить их контейнерами со всем тем, что я поручаю в этом списке.

— Кто будет принимать контейнеры с оружием?

— Не беспокойтесь, мои люди. В первую очередь отправите сорок тысяч автоматов «узи» в Прибалтику и Армению. Ксерокопировальную технику, портативные типографии и рации, боеприпасы и пластиковую взрывчатку. Если дела пойдут успешно, все пятьдесят процентов моего золота будут ваши. Телефаксная связь через штаб НТС во Франкфурте-на-Майне, Тель-Авив и мой офис в Москве. В телефаксах ничего лишнего, только кодом и эзоповым языком...

Марк едет по Сиднею вечером. Горит реклама. Маши-

на останавливается у старинного оперного театра. Марк выходит. Одет элегантно, небрежно закуривает свои любимые английские сигареты «Данхилл». Встречающие проводят его в ложу, Марк увлеченно смотрит оперу и говорит своим австралийским друзьям:

— Хоть ни хрена не понятно, но здорово! Хватит тут прохлаждаться, поехали в офис. Обмоем контракт и займемся делом! — Когда переводчик закончил говорить, все дружно закивали головами и вышли из ложи.

Офис. Марк и двое людей с ним. Один из них знакомый англичанин из Лондона. У всех на пальцах перстни с виноградной гроздью. Переводчика нет. «Братья» понимают друг друга. Англичанин переводит австралийцу, тот доволен, энергичен и деловит. Англичанин суров, без эмоций, ровно и назидательно говорит Марку:

— На ваши демократические партии переведены миллионы долларов, миллиарды затрачены ЦРУ и советологическими центрами на раздел России. Она распадается на двадцать кусков и упадет колонией, сырьевым гигантом к нашим ногам. Надо действовать стремительно, заглядывая на десятки лет вперед. Приятно общаться с деловым человеком... В новом российском правительстве вам уготован портфель министра золотоплатиновой и алмазной промышленности. Так что старайтесь...

Марк напряженно смотрит на говорящего, любовно поглаживает сизый перстень на руке.

— Когда полетим или поедем смотреть участок добычи золота?.. Мне надо прикинуть место для поселка, где брать воду для промывки, нужны геологические карты и подсчет запасов, — деловито проговорил Марк своим собеседникам.

Те переглянулись, когда англичанин перевел его слова.

— Никогда, — твердо ответил человек из Лондона.

— Как так? Хоть с вертолета покажите, где будут пахать русские старатели.

— С вертолета можно, вам покажут, — сухо заговорил англичанин. — Понимаете ли... сэр, разве вас не предупредили в Москве, что место добычи золота не совсем удачное...

— В каком смысле? Нет воды? Так прокинем водопровод хоть с Индийского океана.

— Вода есть, золото есть, карты есть... но-о... Это место в начале пятидесятых годов было закрытой зоной

Англии. Там был ядерный полигон, мы испытывали там ядерное оружие.

— Под землей?

— Не совсем... Везде...

— Значит, россыпи радиоактивны... вода... все?..

— К сожалению, если бы этого не было, золото давно бы извлекли. Надеюсь, вы не станете разрывать контракт, ведь русские прекрасно живут на Урале после взрыва в пятьдесят седьмом году ядерных отходов, живут вокруг Чернобыля... Их не берет радиация... иммунитет... — Англичанин пронзительно смотрел Марку в глаза. — У вас будут возражения?

— Нет! Я ничего не слышал и ничего не знаю... Придержите своих «зеленых», пока я выгребу там все золото. Мне нет дела, как и где старатели будут зарабатывать деньги... Гораздо важнее ваши поставки, под видом гуманитарной помощи, оружия в обозленную Россию... Оружия нашей власти над ней!

— О'кэй!

* * *

Москва. Обычный старенький «жигуленок» кружит по тесным улочкам города в районе Садового кольца. Временами он останавливается, и солидный человек, сидящий за рулем, небрежно говорит Марку:

— Эти дома тоже наши, идет перестройка внутри под квартиры немыслимой площади и комфорта. В нижних этажах конторы и офисы. Заказчик есть, контракты подписаны.

Марк смотрит через открытое окно на многоэтажные старинные здания, там кипит работа, мощные краны опускают в пустые еще коробки связки швеллеров, доски. Глазницы окон печально смотрят на мир.

— Как война прошла, — усмехается Марк, — весь центр Москвы перестраивается.

Окончание на стр. 129

Бородинское поле. По традиции в годовщину сражения здесь проводится праздничное представление с участием воспитанников Московского военно-исторического клуба.

Фото А. ШАДРИНА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

ЦАРСТВО ПТИЦ

С Геннадием Воробьевым мы познакомились на «Российских встречах» в Ленинграде зимой минувшего года. Тогда еще малоизвестный воронежский писатель, выступая в одном из Домов культуры, без преувеличения произвел сенсацию. За те немногие минуты, что ему были отведены, он сумел заинтересовать своей фантастической на первый взгляд теорией о взаимосвязи мира птиц и человеческого общества. Каждый человек, утверждает Г. Воробьев, несет в себе образ птицы, а зная ее функцию в природе, нетрудно предсказать модель поведения человека.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию беседу нашего корреспондента с Геннадием Воробьевым, писателем и ученым-орнитологом.

Вячеслав ЕРОХИН

— Мне известно, что Вы прошли стадию «орнитологической учености» и вот стали писателем. Вы умеете слышать птиц, распознавать их, описывать природу, но в ряде своих произведений вы затрагиваете философские моменты, которые выходят на уровень обобщения государственных проблем. С чего это у Вас все началось!

— В детстве я жил с бабушкой Олей и дедушкой Николаем в Ельце. Жили мы очень бедно, всего на сорок рублей в месяц, потому дедушке, полному кавалеру Георгиевских крестов, приходилось тачать сапоги, паять примуса, лудить кастрюльки. Мне было шесть лет, когда мы впервые с дедушкой со свалки стали приносить различные железки. Дедушка изготовлял всякий скобяной товар, делал хорошие венки, и мы по воскресеньям продавали кое-что на женском рынке. Я еще, разумеется, далек был от вопросов: почему соцгородок, вороны и свалки были на одном конце города, а церковь, кладбище, соловьи — на другом. В церкви я молился, слыша сквозь стекла величественное пение соловьев. Мне было шесть лет. Однажды в церкви я как-то спросил бабушку: «Кто эта птица?» — «Это голубок, святой дух!» — «Тогда почему святой дух нарисован рядом с боженькой и его здесь любят? А на свалке голубка никто не любит. Почему он оборван там, почему на свалке он умирает? Зачем их так клюют вороны?»

Потом я часто думал об этом: «святой дух» — а вид, будто кусок засаленного мусора на красненьких и коротких лапках. Позже, когда пришло осознание того, что мы живем не при развитом социализме, а на государственной обочине, я стал соотносить бездуховное прозябание многих людей с тем помятым и засаленным, уже не летающим голубком, и еще со свалкой. Это было, пожалуй, первое осмысление государства, в котором я живу, но осмысленное через птиц. Потом пришел к выводу, что государство и природа зеркально тождественны.

В детстве я много, замирая и холодея от страха, летал во сне над Ельцом, старым бунинским кладбищем, над Вознесенским собором. Уже тогда как любил я птиц! Как слушал соловьев!

Потом пошли дневники, изучение свалок, птиц на них, их связи с государством, городом, человеком. Государством я называю все, что культурно и социально построено человеком на земле. И намеренно считаю природу организмом отдельным. Почему? Это будет понятно дальше. На сегодняшний день опубликовал по птицам до 30 научных работ. Ввожу понятие ландшафта православного и ландшафта атеистического. Много уделял внимания певчим птицам, вранн, хищным. Старался понять их историческую сущность в природе, их биосферные задачи перед природой и перед государством. Человек ошибочно старается управлять миром без участия Бога. Поэтому все, что я худого видел у людей в государстве — ту же копию немного спустя я видел и у птиц в природе. Это как бы главный закон. Закон зеркальности: человека в птицах (и — наоборот) и природы в государстве (и — наоборот).

И МИР ЛЮДЕЙ

— Не приведете ли Вы примеры такого взаимного отражения!

— Примеров такое количество, что для этого потребуется немало места.

Можно начать с 1917 года. Ложнопевчие и некрофилы захватывают власть. В основном — это стервятники, врань, коршуны (всем им нужны падаль и трупы). Я очень скрупулезно считывал лица наших революционных вождей, и у всех была биосферная сущность тех птиц, о которых я выше упомянул.

Что делают они? Они, прежде всего, расправляются с теми людьми, в лицах которых есть певчие птицы, или хищные монаршие птицы (офицерство белой армии), у которых есть черты национальных, глубоко исторических и священных птиц (дрофы, стрепеты, журавли, лебеди), которые являются своеобразным индикатором православия ландшафта.

Начиная с 1919 года люди, носящие в лицах всех этих птиц, уничтожаются как враги новой республики. Чуть позже в природе начнут уничтожать хищных птиц, всех крупных и особенно певчих. В Воронеже в 1919 году председатель губчека Хинцберг, в лице которого притаился ворон, повесил архиепископа в мужском монастыре, где в свое время работал дворником и садовником М. Горький, сочинивший поэму о буревестнике. Кстати, сам Горький — ягнятник-бородач! Отсюда его близость с В. Ульяновым — всеядной сойкой.

В 1918 году убивают Л. Г. Корнилова, в лице которого крылся ястреб-перепелятник. Очевидно, будь в его лице ястреб покрупнее, он бы, наверное, не поддался на уговоры Керенского и взял весь Петроград, установив власть русскую и истинно народную.

Итак, начинается война тех «птиц-людей», которые созидают общеединое соборное и монархическое тело государства по законам природы и Бога — с теми «птицами-людьми», которые подражают только певчим птицам (пересмешники, каким был, например, Н. Бухарин) и кому надо освободиться от труда, чтобы жить, не работая, но сытно есть. И этими птицами стали интернациональные убийцы — врановые

птицы, а их у нас в России до десятка видов. Им всем нужна интернациональная система, то есть такая, которая дает с излишеством падали, даровых пищевых отбросов. Им нужно, чтобы целое было обязательно в разрозненных «свободных» кусочках, которые необходимы для эксплуатации или поедания. Им нужна свалка. Свалка вообще, во всем. На ней они блестяще себя чувствуют. Вот в 1980 годы на свалках России на вранъ приходилось по 50—100 килограммов пищевых отбросов на одну голову в день! А певчие зерноядные, из-за отравы на полях, умирали и умирают сейчас тысячами и миллионами. И это свобода, о которой кричала вранъ? А в обществе нашем «пайковом» разве мы видим не то же самое? Задача людской врани — превращать православный национальный ландшафт в атеистический с идейным «амвоном» — свалкой! Вранъ не любит держателей и учителей, выразителей этих православных ландшафтов. Отсюда в 20-е годы большевистская вранъ так беспощадно боролась с митрополитами и вообще со священством. Эти люди, живя для неба и Бога, не давали стоическими и аскетическими проповедями переворачивать треугольник государственности.

Изучая природу, я прихожу к выводу: в ней все живет по законам Божиим в системе полного обмена между землей и небом. Эта система обмена в науке называется «круговоротом веществ в природе». Макроэкосистема и биогеоценоз с химическими и духовными обменами связей. А церковь просто выражает этот закон Бога. Она на пасху дает яйцо — символ всей земли и жизни. И эта форма символизирует верховную жизнь, нашу жизнь в Боге. А посредине в яйце — церковь земли нашей, объединяющая небо и землю. И вот эту-то целостную жизнь и клюют ненавистники жизни — вороны, кому нужно разложение и антихристианское состояние природы и государства. То есть природы и государства, не стремящихся вверх, а превращенных в общую свалку — уходящих вниз, через распад и гниение.

— Вы уже стали раскрывать дверцы в вашу философию! От чего она у вас идет!

— Она идет из глубин земли и выносится водой, носительницей памяти Земли, и с высокого неба, куда устремлена ипостась земли через песни птиц и церковь человека. Между этими двумя точками есть обмен, и он имеет вид эллипса, вид яйца. В нем существует Бог. Это и есть Святой дух, выражаемый в церкви в виде голубка. Яйцо мы видим у птиц. Мы видим, что природа была первичнее, нежели государство, птицы — древнее человека. Мы знаем, что говорить и петь человек научился у природы, то есть у птиц. Но встает вопрос: откуда появилась церковь в государстве? Вот моя точка зрения: птица и человек стоят почти вровень. Но человек стоит чуть-чуть выше. У него все от природы, все от птиц. Если сравнить с рекой, то птицы — это утренний пар реки, уносящий реку в небо. И природу они уносят в небо. Форма яйца — это формула обмена земли и космоса. Многим неясна ипостась человека и птиц. Но и до меня эту ипостась осмысливали. Правда, кому-то это осмысление не по нутру, ибо оно дает в конечном итоге ту небывалую правду, тот свет озарения, при котором человек перерождается в новую свою национальную и историческую фазу. Кое-кто этого очень сильно боится. Ибо управлять таким человеком грубо и материально, как это сейчас делает сионистское мировое правительство, будет не под силу. Тогда человек так возвысится через птиц, что увидит Бога.

— Что представляет, с Вашей точки зрения, спор Бога с Дьяволом!

— Православная (девственная) природа есть пирамида, по которой несутся жизни в устремлении своем к одной точке в этой пирамиде и уносящейся через духовную материю и волновую метрику земли туда, откуда жизнь пришла и зародилась. Эта волновая метрика земли уходит в небесное лоно только через птиц в природе, а в государстве только через человека и церковь. Но при этой пирамиде существует всегда царь. Он охранитель красоты и жизни. Когда этого охранителя природа лишается, пирамида рушится и наступает хаос, где процесс распада очень сильно преобладает над процессом собирания и соборности, то есть объединения во имя Бога и жизни. Демократия сионизма — это и есть пирамида перевернутая. И если в первом случае все живое, солидаризуясь в обмене жизни, стремится вверх, то при перевернутом треугольнике, когда демократия отрицает напрочь монархию, а значит, природу и Бога, мы получаем, что в широкую воронку этой пирамиды через атеистическую систему движутся все и катятся все жизни и вся история вниз к своему концу, попадая на самый кончик этой пирамиды, где через пищу, воду, почву, воздух, отравленные системой этого треугольника — человек со всей природой исчезает в далекие кладовые земли, разъедая все двери ее, чтобы попасть в ад, в чашу Дьяволу, который стоит у конуса и собирает в чашу капельки на-

ших жизней. Вот что такое атеистическая система. А западный мир, как бы он себя ни называл, какие бы религии и мысли себе ни присваивал,— этот мир сплошь атеистический, а потому и обманный. В западных центрах уже и птицы не поют, то есть там все настолько погрузилось в подземелье, что на свету остался у западного человечества, пожалуй, один рот, а сами люди утратили в своих лицах национальных птиц. Запад племенами перемешался, расторг договор с птицами, интернационизировал лица. Не от этого ли они так борются с птицами певчими? Едят их в ресторанах, рвут им языки, делают из печенок паштеты, а наших хищных птиц покупают консервированными у турок. Хищные птицы, как и наши белогвардейские воины, превращаются и превращались ради «интернационала» в физическое или нравственное филе, то есть в расщепленное состояние своего индивидуального начала. Вот что такое западная свобода!

— Вы хотите сказать, что по Вашей «системе взаимного отражения» птиц в людях белая армия в лицах воинов чем-то напоминала хищных птиц!

— Есть прямые тому доказательства. Я уже говорил вам, что в каждом лице человека более-менее нравственного государства есть какая-нибудь вещая птица. Помните, еще во Влесовой книге упоминается эта характеристика: когда наступает полное счастье человека на земле? — когда роль птицы — исторической носительницы биосферных задач, памяти и т. д. соединяется с лицом человека, который вполне выражает эти функции птицы в человеческом обществе. Вот, например, Сергей Есенин. Если вы его лицо сравните с образом и внешним видом (и «лицом») славки садовой, то вы найдете и в Есенине и в славке этого вида высочайшее сходство. Есенин нашел себя. Он был счастлив потому, что его гений, вложенный в него биосферой, воплотился в его сочинительский подвиг поэта. Есенин — певец. Славка — певец. Отсюда и величайший его дар. Можно сказать такое же и о Бунине. Он был певчим дроздом. Изо всех певчих птиц дрозд почти самая крупная птица; ее выражение — песня, рассказ и мудрая широта во взгляде на историю, даже философичность! То есть певчий дрозд, если брать по генеалогическому древу, немного старше по времени славки. В нем больше памяти, обобщений земли и неба. Отсюда у Бунина и проза. Да какая! Снова видим совмещение поэзии и таланта, проявленных в прозе. Вот Андрей Платонов был степным жаворонком, Михаил Шолохов — тоже жаворонок. А философ Н. Ф. Федоров — филин! Филины, они — философы! Серафим Саровский — также филин!

Такая жизнь в мире. Все по-своему в обществе и государстве делают свое дело. Такое дело, какое ему дано делать природой, то есть Богом. Одному петь, другому воевать, третьему думать. И все они сообща в образцовом государстве находятся в пирамиде, как и птицы, в девственной природе! В природу же вы приходите и говорите: красота! Так почему же национальная красота, монархия, это «фашизм?» — как говорят иные демократы, социалисты, баптисты и западные материалисты? Вспомним, монархия имеет знак треугольника. Кстати, и у древних русичей этот знак означал род, жизнь, божественное начало! Отсюда и на поставленный вами вопрос: белая армия — это хищные птицы? — отвечу так: не только хищные птицы. Ведь солдаты были сплошь крестьяне, выступающие против жидовства и большевиков. Но то, что почти все полководцы и высшие чины белой армии были хищными птицами — это бесспорно. Почти все, начиная от ястребов (Л. Корнилов) и кончая беркутами (А. Деникин) или скопами (А. Колчак), были в белой армии именно хищными птицами, и именно им суждено было защищать в России

красоту, национальную свободу и православную Русь, то есть самую величайшую по своей свободе и правде монархию, на троне которой восседал русский сокол — царь Николай Второй.

— Тогда кто же были большевики! Что они хотели в действительности!

— Давайте посмотрим. В России, несмотря на бойню революции, обитает еще и сегодня до 770 видов птиц. Революцию делали в большинстве своем видов 25—30. Остальные «птицы» были контрреволюционерами. Ленин, как я уже говорил, был красноголовой сойкой, Троцкий — сорокой, Свердлов — галкой, Сталин — красным коршуном, Дзержинский — стервятником. Много было и прочей трупоядной и всеядной птицы, их лозунг: чем больше хаоса и свалки — больше трупов и больше еды! — тем больше интернационала! Тогда можно освободиться от работы и не работать. Только ешь. И они по-своему абсолютно правы. Для ложнопевчих, каковыми являлась верхушка большевиков,— этот лозунг паразитизма и лозунг своего процветания оправдывал их видовую сущность. Для себя они были правы. Именно-то эти «птички» переворачивали треугольник как символ чистой православной природы, монархии и красоты. И им помогало мировое правительство. Переворачивали до желания совсем перевернуть, чтобы наступила иная идеология и иная жизнь. Теперь мы ее хорошо разглядели. Это свалка.

Не все птицы созидают, как не все стали ангелами ангелами! Есть птицы от Дьявола. Это — черная врань! Ной из ковчега выпустил ворона в разведку, как гласит одна из вотяцких легенд, он улетел на запад клевать падаль и не вернулся. С тех пор, наверное, Дьявол подбивает ипостась врани в человеке превращать солнечный православный мир сначала Рима, потом — Византии, потом Руси — в развалины. И это дело Дьявола. Химия и яд — тоже конечное дело Дьявола. Вот есть православие — это когда все разрозненное собирается в центр и накапливается энергия, из которой творятся искусства, дух, единящий людей, нации, государство и природу, землю и небо. Иная религия и люди, носители ее, внедряются в эти энергоносящие центры и разоряют их, растаскивая из центра все по периферии. Эта вторая религия — иудаизм, а в политическом прислужении его — сионизм, как грубая и внешняя сила Дьявола. У них есть свои птицы: одни — ложнопевчие, другие — всеядные, третьи — трупоядные. Они также разрушают мир природы. А их ипостаси в людях разрушают общества, системы, государства, природу, монархии. Их дело — расщепить все, расколоть на партии, всех и все освободить ото всего, чтобы этому всему бессвязно умереть, отсоединившись от целого. Разве это божественная задача? Нет, я думаю, те, кто продаются за благо и материю, в которой есть обязательная ложь Дьявола,— те несвободны по сути своей, те лжецы и глупцы. Они могут обхитрить все человечество, всех завоевать, но, завоевавши всех, уничтожив всех, они все отдают в руки Дьявола — по перевернутому конусу, и скоро скатятся туда же сами. Они иначе не могут. Они, может быть, и стремятся всегда к свободе и зовут всех к ней, но потому, что сами из-за зла никогда не свободны, они в цепях Дьявола. Да вспомните хотя бы персонажей пьесы древнегреческого писателя Аристофана. Кто ведет к чертям странников, ищущих пухово царство (коммунизм)? Их ведут сорока и ворона. В 1918 году, вспомним, это был Троцкий, позже Тухачевский и десятки других политических аферистов.

— А какие птицы стоят у нас во главе СССР теперь!

— М. Горбачев — красноголовый нырок. Вид, говорящий о принадлежности к тайным организациям. Г. Попов — черноголовая сойка. И может рассматриваться как преемник В. Ленина в утрированном вари-

анте. А. Н. Яковлев — красноносый нырок. По существу, если рассматривать, они с Горбачевым самые близкие. Так и в жизни. Б. Ельцин — сорокопут серый. Это пересмешник, много поет под мелких певчих птиц. Но посмотришь на него и задашься вопросом: а зачем певцу клюв хищной птицы? Специалист скажет, что это мелкий хищник. Ловит мышек, птичек, ящерок. Но ловит и певчих пташек. Вот тебе и певец!

— Расскажите поподробнее о связи человека и птицы.

— Человек и птица являются самыми высшими представителями в иерархии биосферы земли, то есть самыми достойными формами, стремящимися в небо, как к духовной тверди. Что значит вечная жизнь? Это когда твердь земли устанавливается на небе. Отсюда, имея общую землю, человек и птицы имеют общее тело, физически данное землей и устремленное в небо. Земля как могила отцов есть и физическая единая данность всякого живого организма, устремленного туда, откуда идет источник жизни. А какой это источник для земли и человека? Это солнце, и это Бог! Стремление земли в небо существует во всех формах жизней, но лишь человек и птица далее всего могут поднять землю в небо, имея любовь и веру. А земля поднимается через природу и церковь!

Но при чем тут тогда птицы? А птицы являются самыми высшими проявлениями природы, тогда как человек — только высшее проявление государства. Государство должно слиться с природой, своими треугольниками сойтись с ней, при этом одухотворяя природу и структуры государства. И это делалось до 1917 года. То есть птицы и люди шли навстречу друг другу. Им надо было вместе поднять землю в небо, создать духовную твердь неба. Но революция, говорящая о «свободе» и рае на земле, не дала совершиться духовному акту. «Свобода» уничтожила и государство и природу, поссорив и отдалив человека и птиц, которые, не будучи вместе, не поняв друг друга, не имея защиты друг в друге, теперь завоевывают не небесами, а адом земли, увлекаясь по отдельности в землю и не возрождаясь более, ибо отторгнута идея великой Троицы. Мы это видим по крупным городам, где певчие птицы уже не живут и почти не поют; по полям, в которых не осталось ничего живого, птиц увидим мы мало — отравлены. Все взялись жить землей, все так и стремятся в ее могилу на вечное усыпление. В каменных городах ныне враль и птица космополитическая. Традиционно национальные птицы изгоняются из таких полуправославных ландшафтов, в которых проповедуются западная свобода и сионизм. Но что значит песня певчих птиц? Это духовное продолжение ландшафта! Почему в Центре России создан очаг лучшей национальной культуры? Да потому, что тут самые лучшие почвы и самые лучшие на них певцы.

Тут культуру творит сама земля через солнце, птиц и человека.

Когда мне задается вопрос: увидев лицо человека, как вы определяете суть этого человека в государстве? Отвечаю: по лицу я сужу о птице. А о сути каждой птицы в природе я знаю хорошо, эта суть каждого вида удивительно отточена самим небом. Земля всегда сотворчествует с небом. Это атеизм, то есть силы Дьявола стараются разъединить небо и землю. Грамотно ли это? Даже наука говорит, что нет. Ибо не будет круговорота веществ в природе. Но наука знает о круговороте мало, она знает лишь о первых этапах этого обмена. А куда стремятся и птицы и люди? Стремятся вместе туда, к Тому, Кто дал им эту задачу стремиться к Нему. Стремиться к свободе — значит, стремиться вверх, осуществить на земле во всем подъем, а не падение. Я уверен: на своей национальной земле есть птица для каждого человека, и вместе с ней он осуществляет в мире свое единственное судьбоносное возвышение. Вслед за ХРИСТОМ — трудное возвышение к НОВОЙ ЖИЗНИ.

К 600-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ
СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

РЫЦАРИ-ИНОКИ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Среди героев Куликовской битвы история донесла до нас имена двоих иноков Троицкого монастыря — Пересвета и Осляби.

Мы знаем, как перед походом великий князь Всея Руси Дмитрий прискакал с дружиной в Троицу, как игумен Сергий Радонежский благословил князя и войско и отпустил с ним братьев-иноков, бывших богатырей, Пересвета и Ослябю.

Вот как описан поединок Пересвета в «Сказании о Мамаевом побоище» (в сокращении):

«Выехал злой печенег из великого полку татарского... подобен он был древнему Голиафу... Увидев его, рек старец Александр Пересвет: «Этот человек ищет равного себе, хочу переведаться с ним». Был на главе Пересвета шелом архангельского образа, вооружен схимою повелением игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня грешного. Брат Андрей Ослябя, моли Бога за меня...» Бросился он на печенега, и ударились крепко копьями, земля едва не проломилась под ним. И упали оба с коней на землю и скончалися».

КЕМ БЫЛИ НАШИ БРАТЬЯ ДО ИНОЧЕСТВА

Моя гипотеза заключается в следующем. В Куликовской битве погибли Пересвет и сын Осляби Яков (он упоминается, помимо «Задонщины», в «Сказании», в отряде Василия Тупика, взявшего «языка»). Сам же Ослябя остался жив. Вот что сообщает о нем Московский Свод 1479 года: турецкий султан осадил Царьград, и патриарх попросил денежной помощи у Москвы. Великий князь Василий I «съжалися зело и обънмыслив съ отцем своим митрополитом Киприаном с съ своею братиею и с прочими князьми русскыми и послаша в Царьград много серебра и милостынию с черньцом Родионом Ослебе — тем, иже преже был боярин Любутьскы». Но наш ли это Андрей Ослябя, если в местнических актах есть упоминание «боярина митрополита Киприана Андрея Ослеби» (Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище, Спб., 1906)? В этих известиях нет ни малейшего противоречия, ибо Ослябя был больше известен под своим мирским именем (Андрей), чем под иноческим (Родион). Да и будучи чернецом, он оставался боярином по происхождению и положению в свите митрополита (тоже чернеца). И скорее всего он и раньше служил у митрополита, только у Алексия.

Но как же появились на Москве любутские бояре из бывшего Чернигово-Брянского княжества? Разные могли быть пути, но вероятнее всего, они бежали от Ольгерда. В 1356 году в Брянске не было князя и Ольгерд «воевал брянские пределы». Затем Василий Смоленский добыл у хана ярлык на Брянск, но, едва приехав, умер. И в 1356 году «бысть в Брянске лихостью лихих людей замятьия великая и опустение града и потом нача обладати Ольгерд Бряньском». Это значит, что на вече в Брянске победила литовская партия, а сторонники Москвы, зная тяжелую руку Ольгерда, бежали из Брянска и других городов. Видимо, и любутские бояре, не желая служить Литве, побежали на Москву. Там всеми делами заправлял великий политический деятель митрополит Всея Руси Алексий. Он предложил братьям поступить к нему в митрополичьи бояре (были такие!), чьей обязанностью, помимо управления митрополичьими владениями, было сопровождать Алексия в его частых поездках по епархии, а также в Византию, Литву, Орду. Опасны были эти поездки. Так, в Царьграде на глазах Алексия свергли императора Кантакузина, в Орде Алексий, исцелив ханшу Тайдуллу, попал в замятию (убийство хана Джанибека), а в Киеве люди Ольгерда пленили его и чуть не убили. Правителю государства вооруженная стража, своего рода «гвардия кардинала», была необходима. Когда же возмужал воспитанник Алексия князь Дмитрий и наступила пора схваток, можно не сомневаться: в них принимал участие и «владычный полк».

В 1378 году, после смерти Алексия, начался «мятеж в митрополии», и целых три года место ее главы пустовало. Оставшимся без хозяина,

израненным в битвах (50—60 лет) братьям захотелось покоя, и их приютил у себя Сергий, друг Алексия. Но покоя хватило ненадолго.

Разумеется, это только гипотеза, но поддерживаемая источниками. О дальнейшем судим более уверенно. После Куликовской битвы Ослябя стал знаменит. Люди понимали, что воин и дельный боярин Ослябя значит больше, чем просто инок. Поэтому более чем вероятно, что Дмитрий Донской и его духовник Федор Симановский (который обязан был сопровождать князя) уже на Куликовом поле (возможно, и в Москве) предложил ему вернуться на старую службу при митрополите. Скоро должен был приехать новый митрополит — Киприан, болгарин по происхождению, и князю был важен свой человек в его свите. И Ослябя оправдал надежды, его ценили, если он удостоился такого важного поручения, как привезти в Царьград деньги, собранные со всего государства. Провезти их через степи, где шныряли в поисках наживы татарские и литовские отряды. Вот где пригодился глаз опытного воина!

КАК СЕРГИЙ ПОМОГ ДМИТРИЮ В ВОЖСКОЙ БИТВЕ

Летом 1378 года Мамай послал «воя многи» на великого князя Дмитрия. Тот «в силе тяжце» выехал навстречу, достиг реки Вожи и «стояху промежю собою реку имущу», выжидая удобного момента. Татары 11 августа переправились через реку, бросились в атаку, но натолкнулись на такой решительный отпор, что побежали в панике, и весь день 12 августа русские гнались за бегущими. Было убито 5 татарских князей во главе с Бегич-ханом. В 1379 году «повелением великого князя» Сергий Радонежский поставил монастырь на реке Дубенке на Стромыне и воздвиг церковь во имя Успения Богородицы. А после Куликовской битвы Дмитрий Донской в благодарность Сергию за предсказание («Аще Бог ми поможет... поставлю монастырь... Богородице Успение» — это из «Жития» Епифания) ставит Дубенский (Шавыкинский) монастырь.

И вот получаем следующие удивительные совпадения. Вожская битва произошла 11 августа за 4 дня до праздника Успения Богоматери. В честь битвы основан Успенский Стромынский монастырь. Куликовская битва произошла 8 сентября 1380 года в праздник Рождества Богородицы. Сергий предсказал победу 18 августа, через 2 дня по Успении Богородицы. В честь предсказания и победы основан Успенский Дубенский (Шавыкинский) монастырь, а в Симоновском монастыре построена церковь Рождества Богородицы и около нее захоронены герои Куликовской битвы.

Совершенно очевидна связь: обе битвы заранее приурочивались к празднику Богородицы (Успению или Рождеству) в расчете на ее заступничество, и в благодарность строились в монастырях соответствующие церкви. И так же ясно, что делалось все это по совету Сергия, которому было явление Богородицы (во всех «Житиях») и который свято верил в ее покровительство и умел передать эту веру Дмитрию и воинам. Участие Сергия особенно заметно в куликовских событиях: он назначил князю встречу на 15 августа, но Дмитрий, получив весть о выступлении Мамая и собирая войско, опоздал на 3 дня. Вместе с предсказанием победы Сергий посоветовал начать битву именно 8 сентября, что Дмитрий исполнил в точности и за что отблагодарил Сергия.

Но ведь то же самое просматривается и на Воже: битва произошла за 4 дня до Успения (русские выжидали, но татары ускорили ее начало), и памятный монастырь на Стромыне — Успенский. И, наверное, не только за очевидный совет начать битву в праздник Заступницы, но и за предсказание победы. Так что и в Вожской битве слово Сергия подняло дух воинов.

А Пересвет с Ослябей? В какой это битве они показали «умение ратному делу, удальство велие и смельство»? В схватках с литовцами и осаде Твери (1368—1375)? Возможно. Но самая крупная и самая близкая к Куликовской была все-таки битва на Воже, под руководством самого великого князя. Вот тут-то он и заприметил мастерство и смелость братьев и по свежему впечатлению выпросил их у Сергия, посетив его накануне Куликовской битвы.

ПОЧЕМУ БРАТЬЯ-ИНОКИ ПОХОРОНЕНЫ В СТАРО-СИМОНОВЕ?

Согласно преданию Пересвет и Ослябя захоронены у деревянного храма Рождества Богородицы в Симоновом монастыре, но в 1509 году, по возведении каменного храма, были перенесены в него. Место захоронения, по всей видимости, выбрал сам Ослябя. После битвы у него на руках осталось два тела: брата Пересвета и сына Якова. Где их похоронить, если сам Ослябя рассчитывал впоследствии лечь рядом с ними? В Троице? Но там братья находились недолго: вся их родня жила в Москве. К тому же Яков не был монахом, почти наверняка был уже женат (в те времена женились в 16—17 лет), и родня тоже предъявляла свои права на убитых. Родным, естественно, хотелось захоронить погибших рядом, в подмосковном монастыре, чтобы можно было ухаживать за могилами, устраивать панихиды. И самому Ослябе хотелось того же. Местом, удовлетворявшим всем условиям, был Симонов монастырь, являвшийся как бы филиалом Троицкой обители в Москве.

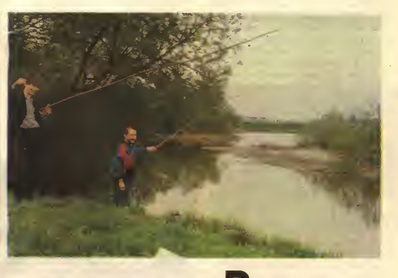
Во всех «Житиях Сергия» есть раздел «О составлении монастыря на Симанове». Там сообщается, что у Сергия был племянник Иван (сын его брата Стефана), постриженный в монахи в 12—13 лет под именем Феодора. Юноша удивлял всех своим воздержанием, и Сергий прочил его в свое место. Но Феодор под влиянием митрополита Алексия решил создать собственный монастырь. Впоследствии Феодор Симановский стал духовником самого Дмитрия Донского и его бояр. Он трижды ездил в Константинополь, стал Ростовским архиепископом. Мог стать и митрополитом, но Сергий поддерживал Киприана.

Симоновский монастырь часто посещал Сергий и другие монахи Троицы, словом, это было идеальное место: близкое от родственников, связанное с Троицей и с митрополитом. И возникла на Симонове, помимо Успенской, еще и Рождественская Богородичная церковь, и легли возле нее павшие как раз в день Рождества Богоматери 8 сентября 1380 года: Пересвет, Яков и их боевые друзья. Позднее к ним присоединился и Ослябя.

Н. СЕРОВА

Нижний Новгород

Земля русская

у реки Вожи

Что может быть правдивей и печальней русской дороги? Изъезженная, ископыченная, с какой-то подземной копотью, сочащейся наружу еще с былых пожаров и разоров,— тянет она свою песнь. А то вдруг завернет, захлестнет петлей лес, реку, луга, и уж тут — рви рубаху по вороту, ибо здесь — Русь!

Недалеко от села Большое Коровино берет свое начало незарастающая дорога — величайшая из малых рек России — Вожа. Прекрасная, но горькая судьба выпала на ее долю.

1378 год. Бегич идет по Рязанщине. Смерть и гибель. Вот Шатров холм, где располагался татаро-монгольский хан. Далее — пологая гряда — Татарский вал. Вот лес — Засека. Рязанские воины засекали и валили деревья на пути конницы кочевников, а лучники устраивали здесь засады... Вот — Рудинка. Так называют лощину, где впервые русские войска побили степняков и одержали очень важную победу, явившуюся генеральной репетицией перед Куликовской битвой.

Гордостью, радостью полнится человеческое сердце в этих краях. Сама земля, сохранившая в названиях память о тех героических днях, питает душу свободой и волей. Жители окрестных сел рассказывали мне, что неоднократно находили тут ржавые кольчуги, наконечники от стрел, полуистлевшие мечи и кованые топорики.

Семионовская летопись сообщает о побоище на Воже, что после разгрома и бегства ордынцев весьма разгневался Мамай... «той же осенью собрал оставшуюся силу свою и собрал воинов многих, пошел ратью быстро, без вести, внезапным набегом на Рязанскую землю... Переславль и прочие города взяли, и огнем пожгли, и волости и села разорили, а людей многих посекли, а иных в полон повели и возвратились в страну свою, много зла причинив земле Рязанской».

Здесь, в небольшом селе Лужки, жили мои предки. Помню бабушку, ее лицо — открытое, доброе. Ах, милая Наталья Егоровна! У нее и в глазах-то песня была. Где теперь встретишь такие прекрасные, одухотворенные русские лица? Может быть, оттого они стали редки, что исчезла истинная любовь к земле, забылась задушевная вольная песня, и заменилась она у нас стилизованным, нехитрым мотивчиком. Поблекли иконописные лики, размывают их резкие и выразительные черты реки забвения, реки беспамятства.

Ветшают и гибнут леса, села, черствеют людские души. Тонны фосфатов, гербицидов и других «сладчайших» удобрений каждую весну с полой водой стекают с полей в реку. Гибнет рыба, гибиет лес, скудеет поле...

Говорят, в чертах человека отражается та земля, где он родился и живет. И вправду, взгляните на Алексея Степановича Сливкова — плотные, тугие мышцы его рук подобны холмам, не глубокие, но резко очерченные морщины лица — не овраги ли это? А широко раскрытые, спокойные глаза похожи на озера и речные затоны.

Алексею Степановичу уже за семьдесят. Позади кипучая жизнь, Великая Отечественная. Он с ранней зари и до позднего вечера в трудах. А как же? Разве легко содержать трех коней и полсотни овец да еще и без хозяйки. И накосить, и напоить, и вымести, и привезти — все сам.

Чутко слушает Алексей Степанович природу, любит ее. Знает, когда собирать зверобой, когда мяту, от каких хворей принимать тысячелистник, от каких — мать-и-мачеху. Любит рыбалку и охоту, но никогда не убьет зверя или птицу без надобности.

«Поставили заправку тракторов возле Вожи,— досадует Алексей Степанович.— Солярка в реку-то и просочилась. Гляжу — голавль и подлещик дохлые плывут... Ну что за люди! Сами себе враги! Тут и коровы

пьют, и люди пьют. Я как увидел — колодец себе сделал. Нешто травиться?!»

Горькие такие рассказы все чаще слышу от него. То с фермы нечистоты в реку спустили, то не ко времени поле засеяли, то тракторами дорогу разбили, что даже лошадь не пройдет. А ведь это наша дорога-то, родная. Как же мы без нее? И еще клял в сердцах Алексей Степанович дачников, привыкших не земле свой добрый труд нести, а из нее последние соки выжимать: — Ты глянь только! Энтот приезжий огородил свой участок колючей проволокой, все одно что тюрьму какую возвел. И посадил картошку. «На кой колючку-то навешал,— спрашиваю его,— кому твоя картошка нужна? У нас тут воров нет». А он отвечает: «Не твое дело, старый. Мой участок. Как хочу, так и делаю». Так вот я тебя и спрашиваю, если каждый на земле что ему в ум взбредет делать станет — что получится? — И, долго прикуривая, сокрушенно качает головой.— Скоро из реки рыбу нельзя будет есть. Вот под Алешней собираются асфальтовый завод строить. Люди сходились, против высказывались, да кто теперь людей слушает. Как начальство в райцентре, в Рыбном-то, порешило, так и сделают. Одна говорильня, что народ хозяин.

Алексей Степанович угрюмо смотрит перед собой, но вдруг взгляд его яснеет:

— А знаешь ли, что мне отец рассказывал о битве с Ордой? Ему дед его рассказал — и так туда еще дальше...

В Глебове рязанцы после того, как кочевники через Вожу переправились, стали отступать к деревянной церкви. На ее месте теперь каменная стоит, на взгорке-то... Так вот, вошли рязанцы в церкву, а степняки подожгли ее и подумали, что все русские — сгорели. А не знали, что из той церкви вон аж до Алешни, где школа теперь, подземный ход был, и по нему, стало быть, все наши воины спаслись, да еще сзади на степняков-то и напали, в лощину потеснили и всех побили.— Окинул взглядом Алексей Степанович даль, смахнул с колен просыпавшиеся крошки махорки и задорно подтолкнул меня плечом: — Ничего, парень, и на этот раз не сгорим.

Как ни губили эту землю, не потеряла она своей притягательной силы, зовет к себе души неравнодушные, пытливые, чуткие. С этой землей не пропадешь: она многое пережила, многое поняла и выстрадала. Мудростью своей, материнской лаской и добротой обережет и наполнит каждого, кто склонится перед ней в труде и любви.

Евгений ЮРЬЕВ

На снимках: на берегу Вожи; Алексей Степанович Сливков на своем подворье; боевой топор древних воинов, найденный в огороде.

Фото автора

ПРЕОДОЛЕТЬ РОЗНЬ МИРА СЕГО

Обращение к мирянам

Православные! Миряне в земле русской и в рассеянии сущие!

В какой бы стране мы ни жили, какою бы Церковью ни окормлялись, 25 сентября (8 октября по новому стилю) 1992 года все мы будем отмечать 600-летие преставления Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, предстателя и молитвенника за русский народ перед престолом Господа Бога.

«Похвала наша Сергию не ему пользу приносит, но для нас спасением будет духовным»,— сказано в житии Преподобного. Как своевременно звучат эти слова! Ныне Россия переживает тяжкие суровые испытания не только в экономике и не только в ухудшающейся экологической обстановке.

Зло, насилие, жадность, безверие и эгоизм — разве это не приметы нашего яростного, «огнепального» времени? Чем это чревато — понять не сложно. Оскудение душ человеческой неминуемо ведет ко вселенской катастрофе.

Шесть с половиной веков назад, в пору кровопролитных войн и нескончаемых пожарищ, когда в смертельной борьбе с врагом рождалось великое Русское государство, Преподобный Сергий Радонежский поставил в лесу, недалеко от Москвы, на горе Маковец, Троицкую Церковь, «дабы взиранием на святую Троицу побеждался страх перед ненавистной рознью мира сего».

Минули века, но тьма не заслонила тихий свет лампады Святого Сергия. И свет этот, теплясь в душах наших, всем нам — от мала до велика в России и рассеянии — говорит одно: Родина наша, русская земля, как ни одна другая страна, нуждается сейчас в мире и согласии. Но мир и согласие в стране рождается из мира и согласия в Русской Православной Церкви. Высшие интересы Отечества требуют, чтобы мы, отложив свои суетные дела, собрались в Москве на Съезд православных христиан, который промыслительно было бы провести 8 октября 1991 года, то есть за год до 600-летия преставления Преподобного Сергия Радонежского.

Памятуя заветы Преподобного Сергия, Съезд должен призвать Иерархов всей Русской Православной Церкви положить конец противостоянию и раздорам, объединиться самим и объединить православных мирян «перед ненавистной рознью мира сего».

Владимир ДЕСЯТНИКОВ,
Игорь КОЛЬЧЕНКО,
члены Совета Международной неправительственной организации «Всемирный Русский Собор» и общества «Паломник», Москва

ЭКСПАНСИЯ ИЗРАИЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Не будет новым утверждение, что Израиль является важнейшим союзником США и других стран НАТО в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. События 1990—1991 годов в этих регионах наглядно демонстрируют место Израиля в военно-политической стратегии США. Факты истекших десятилетий указывают на неизменность американо-израильского альянса, направленного против революционно-освободительных движений и независимых государств на Ближнем и Среднем Востоке.

Однако сфера интересов Израиля отнюдь не ограничивается регионом «от Нила до Евфрата». Взаимодействуя с США, с их колоссальным пропагандистским и разведывательным комплексом, Тель-Авив стремится развивать связи с рядом стран и режимов Латинской Америки. Антикубинская и проимпериалистическая политика Израиля в Латинской Америке во многом обусловлена союзом Тель-Авива и Вашингтона, общими целями и задачами сионистов по обе стороны Атлантики, их стремлением изолировать Кубу и революционно-освободительные движения на континенте. Кроме того, израильские лидеры и поддерживающие сионистскую экспансию транснациональные корпорации намерены превратить Латинскую Америку в «стабильный» источник сырьевого обеспечения Израиля в обмен на инвестиции, поставки оружия, предоставление разведывательной информации, групп «коммандос» и т. п. Подобная израильская стратегия основывается на безоговорочной поддержке Соединенными Штатами любых действий Тель-Авива в региональном и глобальном масштабе.

В мае 1990 года в британской, кубинской, иракской и сирийской печати сообщалось, что через карибские острова Антигуа и Гренаду длительное время направлялись в Панаму, Колумбию и Суринам израильские боевики, оружие, в том числе ракеты «земля — земля», шпионско-диверсионная амуниция, валюта и даже фальшивые денежные знаки латиноамериканских стран. Некоторые группы боевиков переправлялись затем в Никарагуа, Сальвадор, Гондурас и Перу для действий против национальных правительств или революционно-освободительных организаций.

Израильский военный советник в Колумбии Я. Кохен заявил, что часть израильских поставок предназначалась для антиправительственных групп на Антигуа, Тобаго и других карибских островах, но «по ошибке» эти поставки были направлены боевикам колумбийского кокаинового картеля (через порты Картахена и Санта-Марта). Впоследствии оказалось, что многие должностные лица правительств Антигуа, Гренады и других карибских островов причастны к израильским махинациям в регионе и имеют связи с колумбийской и боливийской мафией, а также — с финансируемой «Ройал-Датч Шелл» (англо-голландский нефтяной трест) «армией освобождения» Суринама. Было установлено, что израильский транзит через карибские острова в Центральную и Южную Америку осуществлялся (и осуществляется?) с ведома британских властей: англоязычные карибские острова состоят в Британском Содружестве, главой их законодательной власти является английская королева, представленная генерал-губернатором. Некоторые из этих островов по-прежему являются владениями Лондона. Однако «Моссад» решила, видимо, перехитрить англичан и, не без поддержки ЦРУ, создать в Карибском регионе военно-политические форпосты Израиля (Siria Times, 30.5.1990; Diario Caracas, 25.5.1990). Рост инвестиций израильских фирм на многих карибских островах, прежде всего на Антигуа, Гренаде, Арубе и Тобаго, подтверждает заинтересованность Тель-Авива в карибско-израильском стратегическом альянсе. Британская и канадская печать неоднократно отмечала, что Лондон не ожидал от Израиля антибританской политики в Карибском регионе, но при этом поощрял участие «Моссад» в действиях против революционно-освободительных движений в Центральной и Южной Америке (Siria Times, 30.5.1990).

В Никарагуа, сразу после победы на выборах антисандинистской оппозиции (февраль 1990 г.), новый президент этой страны В. Чаморро официально пригласила офицеров «Моссад» в качестве консультантов службы безопасности, основу которой составляют бывшие «контрас». В том же году подписано соглашение с Израилем о поставках в Никарагуа вооружения и боеприпасов. В свое время Сомоса признавал, что воевать с сандинистами ему активно помогают инструкторы «Моссад» и израильское оружие: примерно 90 процентов вооружения гвардейцев Сомосы было израильского производства. В 70-х годах Никарагуа являлась важным транзитным плацдармом поставок оружия, инструкторов и т. п. из Израиля в Сальвадор, Гватемалу, Гондурас, Панаму, Колумбию.

По зарубежным оценкам, свыше 300 сотрудников «Моссад» и министерства обороны Израиля являлись советниками Дювалье, Дуарте, Пиночета, Стресснера, Гейзела, Лаухеруда и других латиноамериканских диктаторов.

При участии моссадовцев в ряде стран (Парагвай, Гватемала, Колумбия, Никарагуа, Гондурас, Гаити, Чили, Сальвадор, Боливия, Перу) проводились «превентивные» карательные акции против индейцев и других местных жителей. Жертвами этих бандитских операций (до сих пор проводимых в Перу, Боливии, Колумбии, Парагвае, Гаити, Сальвадоре и Гондурасе) становятся десятки тысяч женщин, детей, стариков («Эль-Моджахид», Алжир, 18.8.1990). Палестинская практика сионистов небезуспешно перенимается их союзниками в Латинской Америке.

Военно-разведывательный потенциал Израиля активно использует-ся США в антикубинских действиях. Так, на американской базе Гуантанамо (Куба) и станциях слежения за кубинской территорией на оккупированном США гаитянском острове Навасса и в других пунктах Гаити (Жереми, Моль-сен-Никола) имеются «секции израильских интересов». Резидентуры «Моссад» функционируют также на Багамских островах, Арубе, Пуэрто-Рико, в Доминиканской Республике. В Гаити, Гондурасе, Сальвадоре, Колумбии, Парагвае и Чили действуют финансируемые сионистами пункты вербовки агентов подготовки террористов, радиоперехвата, глушения радиопередач («Радио Гаваны», повстанческих) и т. п.

Экспорт военного снаряжения из Израиля в Латинскую Америку ежегодно составляет 2—2,5 миллиарда долларов (в первой половине 70-х годов —1,3—1,5 миллиарда долларов). По зарубежным и израильским оценкам, военный экспорт Израиля в этот регион увеличится к 1995 году до 5 миллиардов долларов. Основными военными импортерами Тель-Авива будут Колумбия, Гондурас, Сальвадор, Гаити, Никарагуа и Боливия (Foreigh Relations, Tel-Aviv, 1991, № 2, p. 9—11).

В Израиле разработаны проекты строительства военных заводов, в том числе пунктов сборки танков и ракет «Кфир» в Гватемале, Гаити, Гондурасе, Парагвае и на Антигуа (аналогичные проекты уже реализованы в ЮАР, Заире, Либерии, Малави, на Тайване, острове Маврикий). Американо-израильское военное производство налажено в Техасе, Калифорнии, Канзасе, во Флориде, на Пуэрто-Рико *.

Одной из задач Израиля в Латинской Америке является поддержка усилий США по экономической и политической дестабилизации тех стран, правительства которых стремятся проводить самостоятельный внутри- и внешнеэкономический курс, развивают отношения с Кубой, поддерживают ООП. Дестабилизация таких стран включает, в частности, стимулирование гиперинфляции путем их «заполнения» фальшивыми национальными денежными знаками, значительная часть которых производится совместно с мафиозными картелями (в Колумбии, Боливии, Перу, Бразилии). Одним из способов дестабилизации является также скупка израильскими и подставными фирмами по низким ценам драгоценностей, строительных материалов, продовольственного, лекарственного сырья и т. п., которые затем вывозят в США, Канаду, Нидерланды, Израиль, ЮАР. В то же время население страны-«экспортера» испытывает все возрастающую нехватку продуктов питания, жилья, медикаментов. Подобную деятельность израильские и им подобные фирмы осуществляют во многих странах Центральной и Южной Америки (политический портрет Латинской Америки, с. 83; Lucha popullar, Bogota, 1989, № 12, p. 19). И Латинская Америка — вовсе не единственный континент, где израильские фирмачи преуспевают в неоколониальном ограблении государств и народов.

Вышеупомянутые израильские поставки через карибские острова колумбийским мафиози, состоявшиеся якобы «по ошибке», свиде-

---

* Остров Пуэрто-Рико оккупирован США с 1898 года. С 1952 года имеет статус «свободно присоединившегося к США государства». С 1972 года ООН не признает этот статус и декларирует право народа Пуэрто-Рико на независимость.

тельствуют о том, что Израиль не прочь разжиться и «кокаиновыми» долларами. Ибо, как отмечают зарубежные эксперты, эти поставки — не единичный случай, а отлаженная годами система, которая, в свою очередь, не могла успешно функционировать без покровительства Лэнгли, «Моссад» и британских спецслужб. Поэтому неоднократные заявления Кубы, Ливии, Алжира, Ирака, Ирана и ООП о причастности США и ТНК к международному наркобизнесу имеют реальное обоснование, что, естественно, раздражает Вашингтон, Тель-Авив и их союзников.

Таким образом, карибские территории, как и Латинская Америка в целом, являются объектами военной, политической и экономической экспансии Израиля, поддерживаемой США. С учетом увеличивающихся с 1991 года поставок венесуэльской и колумбийской нефти в Израиль (транзитом через США, Багамы, Тринидад, Антигуа и Пуэрто-Рико) можно сделать вывод о том, что Латинская Америка на прицеле сионистов Тель-Авива и Вашингтона.

Как видно, вмешательство Израиля в латиноамериканские дела становится все более опасным для стран и народов этого континента.

Алексей **ЧИЧКИН**

ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Еще один вариант «освобождения», более «либеральный», чем проект XIX века, в котором принимает участие «независимый» республиканец, лидер 86 мифических русских организаций мистер Белосельский-Белозерский.

Эта карикатура была опубликована в 1966 году в выходящем на Западе журнале «Российская независимость». Перед нами карта «свободной России», как мыслили ее в те времена за океаном.

В 1959 году конгресс США принял закон 86—90 с перечнем жертв «империалистической политики коммунистической России». Традиционно в США проводилась «неделя порабощенных наций», к коим причислялись Польша, Венгрия, Литва, Украина, Чехословакия, Эстония, Белоруссия, Идель-Урал, Казакия и многие другие.

Особое внимание государственные деятели США проявляли к «порабощенным народам» Прибалтики. Достаточно вспомнить события 1982 года, связанные с 60-летием признания США государственной независимости Прибалтийских республик. Официальные приемы в госдепартаменте поверенных в делах этих республик, письменные подтверждения в том, что Америка не признает законным включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР. Все это было составной частью «холодной войны». Теперь, когда ее цели почти во всем достигнуты, а сама «холодная война» ведется «пятой колонной» внутри Советского Союза, нелишне вспомнить, кто добивался раскола нашей страны. А как видно по нынешним событиям, древний принцип «разделяй и властвуй» формирует свой тип «нового мышления».

«ТОВАРИЩ»

Ведь святых на Руси
только, знай, выноси.
В этом высшая вера.

Ал. БУШЛАТОВ,
поэт,
ушедший безвременно

ТАЙНА ИМЕНИ

Когда в газете «Воскресение» появилась первая статья «Россия и рынок» за подписью «А. Кузьмич», читатели были потрясены. Пошли письма, телефон издательства каждый день выхлестывал поток самых разных эмоций — от возмущения до экзальтированного восхищения. Патриоты приняли статью безоговорочно. Это был свежий грозовой ветер, которого ждали. Многие знали, догадывались о нечестной игре правящих кругов, находили в печати то один, то другой подтверждающий факт, иронизировали над понятием «общеевропейский дом», негодовали по поводу одностороннего разоружения. Но вот появилась статья-документ, содержащая огромный фактический материал со ссылками на постановления ООН, ЮНЕСКО, нашего Минфина... Как оказалось, Россию цинично грабят и продают, продают сознательно и давно.

Кошка, до времени играющая с несмышленым мышонком,— вот что такое «дружба» развитых капстран с раздавленной экономическими диверсиями Россией (СССР).

Одна за другой появлялись статьи А. Кузьмича: «Рынок России в свете нового законодательства», «Хлебная карточка, или Петля на шее» (за подписью А. Кузнецов), «Почему совфинансы не поют романсы», «Как нас грабят ценами», «Международные «игры» и тайна России» и др. (здесь перечислены только статьи, опубликованные в «Воскресении», а ведь А. Кузьмич печатался и в «Домострое», и в «Русском вестнике», и в «Советском патриоте»).

Доходчиво написанные, эти статьи были понятны не только опытным экономистам и юристам, но и простым людям. Они были перепечатаны во всех газетах и журналах, где в руководстве были русские люди. Русские эмигранты перепечатывали их в своих изданиях за рубежом. Большая же пресса, находящаяся в руках нерусских, сделала вид, что не заметила сенсационных разоблачений А. Кузьмича.

А читатели «Воскресения» недоумевали — кто этот «А. Кузьмич»? Ученый? Журналист? Почему раньше не знали? Ничего не слышали? Ходили слухи, что «А. Кузьмич»— это коллективный псевдоним. Работает группа единомышленников, а то и... аппарат помощников Егора Кузьмича Лигачева или Ивана Кузьмича Полозкова. Почему авторы скрываются под псевдонимом? Чего они боятся?

Впрочем, бояться следовало. Травле, изощренной и разносторонней, подвергся редактор «Воскресения» (в конце концов издательство-учредитель просто закрыло газету) А. Батогов, а с ним вместе и директор издательства писатель А. Алешкин. В борьбе с инакомыслящими враг не брезгует никакими средствами. Даже физической расправой. Нам, русским, давно пора издавать новую газету:

«Вести с погоста». Все наиболее умное, яркое и талантливое, что осталось у нашего народа после кровавого 1917 года, 20-х, 30-х и последующих годов, сегодня в опасности. Зверски убит видный ученый и общественный деятель, председатель Комитета советской общественности против установления дипотношений с Израилем, блестящий публицист Е. С. Евсеев. Убийцы не найдены. Недавно зарезан лидер казачьего движения на Тереке А. Подколзин. «Неизвестными» повешен К. В. Осташвили-Смирнов, председатель Союза за национально-пропорциональное представительство.

Увы, «смерть при невыясненных обстоятельствах» не миновала и патриота, подписывавшегося псевдонимом «А. Кузьмич». Настало время сказать правду. Все эти статьи принадлежали перу одного человека. Это — Цикунов Анатолий Кузьмич, великий русский публицист и ученый, так и не получивший признания при жизни.

Его судьба трагична, как у любого талантливого и честного человека на нашей многострадальной Родине. Цикунов Анатолий Кузьмич родился 27 ноября 1933 года в Смоленске. Отец погиб на фронте. Мать, простая женщина, ставившая крестик вместо подписи, была чернорабочей. Мальчик рано узнал, что такое голод. Отзанимавшись семь лет в школе, Анатолий уехал в Горький, в речное училище. Стал механиком. Работа на Оби, в речном барнаульском пароходстве позволила многое узнать будущему ученому и журналисту. Он видел жизнь простого человека в стране с мощными северными реками, полными рыбы, видел вековую тайгу, откуда везли на продажу лес, видел рабочих, возвращавшихся с приисков. Спрашиваю себя, почему среди всего этого изобилия человек остается униженным и нищим! Вернувшись после Барнаула в Смоленск, к матери, Цикунов пришел в газету «Смена», показал свои рассказы, стихи. Его сразу берут литсотрудником.

Отлично сдает все экзамены в Московский государственный институт международных отношений, но предпочитает учиться в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы, на факультете экономики и права.

Университет, аспирантура, кандидатская диссертация. При всем этом Анатолий Кузьмич до самой смерти прозябал за той самой чертой бедности, за которой находились и находятся почти все честные русские люди. Он прекрасно понимал, кто очертил этот ареал для нас, но не подозревал, что столкнется с настоящей брежневской мафией (сегодня нацепившей шкуры «демократов»). А она зорко следила и следит за каждым талантом, который мог появиться на столбовой дороге экономической науки и политики. Она и выжила его из Всесоюзного юридического заочного института, где он проработал много лет, как «не прошедшего по конкурсу». Обычная формулировка в таких случаях. Устроиться в другое научное или учебное заведение мешала все та же мафия. Последние три года жизни он занимался журналистикой и лекторской работой.

Во время командировки в Нижневартовск утром 20 мая 1991 года был найден в гостиничном номере мертвым. Смерть подозрительная. Сидит в кресле, на столе сердечный препарат. Очень похоже на демонстрацию с готовым диагнозом.

Наталья ОЛЕНЕВА,
газета «Русское воскресение» № 2 за 1991 г.

Н. ЛИТВИНСКАЯ

ПОБЕЖДАЮЩАЯ ДОБРОТА

«В России любят театр, любят страстно. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть...»

Сегодня это утверждение В. Г. Белинского, казалось бы, еще раз подтверждается возникновением огромного количества театров-студий, созданных за последние годы в Москве и Ленинграде. Но все более пустующие театральные залы свидетельствуют о другом. Антикультура, бездуховность, «порнуха» буквально затопили театральные подмостки России. Целенаправленно извращается и истребляется изначальный дух русского театра, его реалистическая основа, его суть — потрясать и возносить душу зрителя.

Возродить высокое предназначение русского театра, его гражданскую, созидательную и гуманистическую позицию — вот идея, сплотившая и вдохновившая группу ленинградских актеров, режиссеров, композиторов и художников на создание театра русской драмы «Патриот» во главе с его художественным руководителем Г. С. Егоровым. Название театра не случайно. Патриотизм, любовь к своим корням, к живительным истокам тысячелетней народной мудрости, соборности и духовности, украденным у нас,— все это способно в очередной раз совершить чудо — возродить из пепла нашу поруганную национальную культуру, в том числе и искусство драматического театра.

И не удивительно ли, что в условиях рыночного ажиотажа и торгашеского духа труппа театра — от известных мастеров сцены до актерской молодежи — проявила истинный подвиг самоотречения и подвижничества, своими руками возведя свой театр. Уже сейчас этот театр резко выделяется среди своих собратьев, вызывая острейшие, хотя и противоречивые отклики и интерес зрителя и прессы.

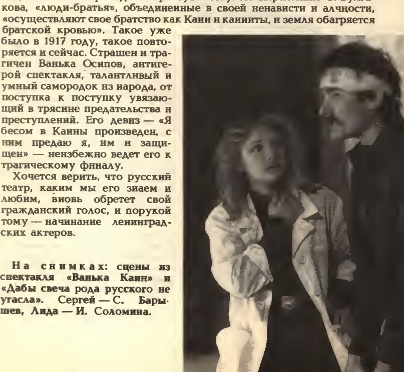
И вот — первые московские гастроли. На сцене московского окружного Дома офицеров москвичи познакомились сразу с тремя премьерами театра — спектаклем-концертом «Дабы свеча рода рус-

ского не угасла», спектаклем по пьесе В. Белова «Сказ о Солдате и бессмертном Кощее» и спектаклем по пьесе К. Скворцова «Ванька Каин». «Дабы свеча рода русского не угасла» — этот завет московского князя Симеона Гордого красной нитью проходит через два отделения спектакля-концерта, ставшего своеобразной визитной карточкой театра. Широкий творческий диапазон программы — от героической драмы до сочного народного фольклора, от лирической песни до виртуозной клоунады.

В спектакле «Сказ о Солдате и бессмертном Кощее», поставленном по пьесе В. И. Белова, через древние мифологические образы русских преданий и легенд мы осмысляем наш сегодняшний день, вновь вставшие перед нами извечные философские проблемы соотношения Добра и Зла, Жизни и Смерти, Непротивления и Насилия... В исполнении артистов Т. Пилецкой, Ю. Оськина, В. Горбунова, В. Чемезова, Б. Маслова, Т. Кудрявцевой, И. Соломиной полузабытые сказочные образы оживают, находя отклик и сопереживание зрителей. Яркий, афористичный язык, тонкий лиризм и поэтика, острый, драматический сюжет, талантливая музыка А. Захарова привлекают и взрослых, и детей.

Трагифарс по пьесе К. Скворцова «Ванька Каин» сделан на историческом материале времен царствования Елизаветы Петровны, но острота проблем, поднятых режиссером и драматургом, полностью созвучна нашему времени. Библейская притча о братоубийце Каине, в сатанинской гордыне бросившем вызов Богу, становится ключом к пониманию спектакля. Политические игры, в которых народ становится игрушкой в руках беснующейся мафии, рвущейся к власти, неизбежно приводят к братоубийству. По выражению С. Булгакова, «люди-братья», объединенные в своей ненависти и алчности, «осуществляют свое братство как Каин и каиниты, и земля обагряется братской кровью». Такое уже было в 1917 году, такое повторяется и сейчас. Страшен и трагичен Ванька Осипов, антигерой спектакля, талантливый и умный самородок из народа, от поступка к поступку увязающий в трясине предательства и преступлений. Его девиз — «Я бесом в Каины произведен, с ним предаю я, им и защищен» — неизбежно ведет его к трагическому финалу.

Хочется верить, что русский театр, каким мы его знаем и любим, вновь обретет свой гражданский голос, и порукой тому — начинание ленинградских актеров.

На снимках: сцены из спектакля «Ванька Каин» и «Дабы свеча рода русского не угасла». Сергей — С. Барышев, Лида — И. Соломина.

МОГИЛА СТОЛЫПИНА ВОССТАНОВЛЕНА

Прах Столыпина пребывал под черной и толстой корой асфальта с 1960 по 1990 год. Под грубой и грязной корой антирусской идеологии с февраля 1917 года покоилась в насильственном забвении истинная история российская.

Память нашей души, как трава по весне, пробила крепкий асфальт забвения. Наша память возжаждала высшей справедливости — очищения исторического полотна России от всего чужеродного, бездарного, грязного. И как из-под слоев красок посредственных художников при реставрации появляется картина Мастера, так из-под слоя материализованного, интернационалистского асфальта понемногу появляется истинное историческое полотно России. И восстановленная могила Столыпина — подлинный фрагмент этого полотна.

Возрожденная могила Реформатора — духовный подвиг отца Дамиана — священника Киево-Печерской лавры, киевских журналистов и реставраторов, борющихся за торжество исторической справедливости.

Владимир СОРОКИН

МЫСЛИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

Кампания по выборам Президента РСФСР показала, что:

— у СССР есть три министра иностранных дел — Горбачев, Шеварднадзе, Бессмертных;

— у СССР нет Президента, есть лишь невакантная президентская должность;

— у СССР нет хозяина, есть лишь бестолково мечущееся, ни на что не способное руководство;

— у КПСС нет Генерального секретаря, нет своего действующего Центрального Комитета, есть лишь тяжелый, неповоротливый аппарат, которому глубоко безразлична судьба народа, судьба СССР;

— в Англии, США, Франции, ФРГ, Италии, Южной Корее, Японии, Занзибаре, Островах Зеленого Мыса, Тринидаде и Табаго и т. д. и т. п., то есть во всех развитых и неразвитых, цивилизованных и не вполне цивилизованных странах президенты и другие руководители государств, допустив провалы в своей «безальтернативной» политике, тут же уходят в отставку, у нас же все наоборот — считают, что народ в лидерах, разваливших страну, партию, весь мировой социалистический лагерь, души не чает, что без них не сможет жить;

— М. С. Горбачев считает, что победа Ельцина его не касается. Народ же сделал выбор в пользу Ельцина только потому, что он против никудышной политики и Президента СССР, и Генерального секретаря ЦК КПСС;

— нужен незамедлительный съезд КПСС, нужно обновление руководства партии, мы знаем и верим, что заменить Горбачева и все аморфное Политбюро у нас есть кому — Зюганов, Антонович, Белов и многие-многие другие;

— надо спасать Россию, Советский Союз! Нынешнее руководство СССР и КПСС не способно этого сделать, оно способно лишь привести наше Социалистическое Отечество к полному разрушению!

В течение шести лет нам внушали, что в руководстве страны М. С. Горбачеву, А. Н. Яковлеву, Э. А. Шеварднадзе и др. альтернативы нет. Последняя выборная кампания показала, что настоящие патриоты есть, народ их увидел! Особенно полюбились всем А. Тулеев, А. Макашов, своей прямотой В. Жириновский.

Анализ показывает, что эти умные люди и не могли стать Президентом России, потому что у них не было поддержки, не было также ни времени, ни средств. Но они добились одного — они вселили веру в народ, что Россия-матушка обладает умными людьми, что альтернатива Яковлеву и Горбачеву есть! Будущее — за этими людьми, и народ их поддержит!

Ветераны войны,
ветераны партии:
В. АНИКЕЕВ, Д. ЕГОРОВ, В. МИХАЙЛОВ, П. ГНЕЗДИЛОВ, ХОТЬКО, А. ВЕТРОВ

г. Орел

«НАШ СОВРЕМЕННИК»

До конца этого года и в 1992 году вы прочтете в журнале «Наш современник» следующие произведения:

Проза

Виктор АСТАФЬЕВ. Новые произведения.

Дмитрий БАЛАШОВ. Похвала Сергию. Роман (о жизни Преподобного Сергия Радонежского).

Василий БЕЛОВ. Рассказ; главы из новой книги.

Юрий БОНДАРЕВ. Мгновения (цикл художественных миниатюр); размышления о русской и мировой литературе.

Отец Дмитрий ДУДКО. Проповедь через позор (свидетельство православного священника, прошедшего через унижения властей и брежневские лагеря).

Олег ВОЛКОВ. Воспоминания (новое произведение тематически продолжает книгу «Погруженне во тьму»; писатель рассказывает о тех нравах, которые царили в Московской писательской организации в 60—80-е годы, о том, как общественность боролась за спасение Байкала, русского леса, рек, за чистоту нашей природы).

Дмитрий ЖУКОВ. Сны (исторический роман о монархисте и мистике В. В. Шульгине, видевшем всех властителей за последние 100 лет — от Александра II до Брежнева, бывшем другом и врагом великого множества исторических фигур-персонажей книги; роман о размышлениях Шульгина, его пророчествах, деяниях, испытаниях и загадочных встречах).

Владимир КРУПИН. Прощай, Россия, встретимся в раю. Стариковские записки. Повесть.

Станислав КУНЯЕВ. Сергей Есенин. Из серии «Жизнь замечательных людей».

Эдуард ЛИМОНОВ. Рассказы.

Валентин ПИКУЛЬ. На задворках империи. Главы из неоконченной третьей части романа.

Александр ПРОХАНОВ. Ангел пролетел. Роман-метафора (в центре повествования атомная суперстанция как Вавилонская башня в центре России; персонажи романа — левые, правые, русофилы, русофобы, технократы — узнаваемые лики сегодняшней национальной драмы; все они находятся в острейших личных и социальных конфликтах).

Валентин РАСПУТИН. Новые произведения.

Аркадий САВЕЛИЧЕВ. Потоп (трагическая история затопления старинных русских сел и городов на Волге в предвоенные годы).

Владимир СОЛОУХИН. Камешки на ладони.

Княгиня Зинаида ШАХОВСКАЯ. Рассказы.

Стихи

Леонида БОРОДИНА, Виктора КОЧЕТКОВА, Юрия КУЗНЕЦОВА, Виктора ЛАПШИНА, Бориса СИРОТИНА, Валентина СОРОКИНА, Геннадия СТУПИНА, других поэтов.

Очерк и публицистика

Юрий БОРОДАЙ. Третий путь.

Николай ИВАНОВ. «ШТОРМ-333» (неизвестные материалы, рассказывающие о том, что предшествовало принятию решения о вводе наших войск в Афганистан).

Андрей ЛАПИН. Наука и природа (предисловие И. Шафаревича «Метод, несущий смерть...»).

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Слово о Волге.

Владимир ЛИЧУТИН. Новые очерки из цикла «Душа, неизъяснимая народу».

Федор НЕСТЕРОВ. Наиболее интересные фрагменты из только что законченной книги «Очерки по истории зарубежной русофобии».

НАМ ГОТОВЯТ 41-Й ГОД... (Ядерный щит и национальная идея; «круглый стол» в Сарове и Москве).

Владимир ОВЧИНСКИЙ. «Бархатная» революция, или Контрперестройка.

Анатолий САЛУЦКИЙ. Вечная номенклатура.

Игорь ШАФАРЕВИЧ. «Русофобия»: десять лет спустя.

Юлия ШИШИНА. Психодизайн-XXI. Технология Апокалипсиса.

Николай ФЕДОРЕНКО. Китай: открывая будущее.

Свои новые работы в «Наш современник» передают Михаил АНТОНОВ, Александр ДУГИН, Игорь ДЬЯКОВ, Станислав ЗОЛОТЦЕВ, Вадим КОЖИНОВ, Аполлон КУЗЬМИН, Сергей КУРГИНЯН, Александр МИХАЙЛОВ и другие авторы.

В рубрике «Летопись России: история в лицах»

Лев ГУМИЛЕВ. Великий князь Святослав Игоревич.

Отец Дмитрий ДУДКО. Святые князья — страстотерпцы Борис и Глеб.

Николай ЛИСОВОЙ. Святой равноапостольный князь Владимир; Митрополит Илларион.

Вадим КОЖИНОВ. Ярослав Мудрый.

Юрий ЛОЩИЦ. Феодосий Печерский; другие материалы.

В рубрике «Отечественный архив»

Николай КЛЮЕВ. Неизвестные письма.

М. О. МЕНЬШИКОВ. Неопубликованные работы.

Сергей НЕБОЛЬСИН. Запрещенный Александр Блок.

В рубрике «Зарубежная мысль»

Мартин ХАЙДЕГГЕР. Философские эссе.

Дуглас РИД. Спор о Сионе. 2500 лет еврейского вопроса.

В разделе «Критика» выступают:

Глеб ГОРЫШИН, Валентин КУРБАТОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Олег МИХАЙЛОВ, Петр ПАЛИЕВСКИЙ, Дмитрий УРНОВ и другие критики.

ИЗБА В ЛАЗУРНОМ ПОЛЕ

Тому воскресному утру суждено было навсегда остаться в его памяти. Лодка тихо плыла мимо затопленного храма, над спокойной речной гладью возвышалась колокольня без колоколов. Это обжигающее детское впечатление позже помогло Евгению Мартышеву осознать трагедию России. И не случайно с юношеских лет тема Родины стала главной в творчестве художника.

Он вырос в провинции. Спокойная северная природа, медленные баржи на речной воде, сказания и поверья деда Кирилла — все это просилось на бумагу. Женя рано поступил в городскую изостудию. На ее пороге мальчишек и девчонок встречала педагог А. А. Алексеева, ученица К. С. Петрова-Водкина, закончившая Академию художеств в 20-х годах. Она из того невымирающего типа русских подвижников, который только и встретишь где-нибудь за тысячи километров от Москвы.

Первое ее задание для Жени было нарисовать с натуры веточку черники. «Сколько раз видел ее в лесу, а тут будто бы впервые разглядел»— так вспоминает художник свой первый этюд.

После школы уже с первой попытки он был принят в столичное художествено-промышленное училище имени Калинина, в мастерскую педагога С. И. Сафонова, выходца из семьи палехских мастеров. Он помог и поддержал стремление Мартышева познать народные ремесла. В это время он работает над памятным юбилейным альбомом С. А. Есенина, выполненным в традициях федоскинской лаковой миниатюры.

Привет, Россия,— родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой
воли
Любовь к твоим овинам у
жнивья,
Любовь к тебе, изба
в лазурном поле.

Из Никольского, как и отовсюду, привезена целая гора этюдов и эскизов. Своей удивительной простотой и немногословием деревенская природа северных русских пределов раскрывала ясность и гармоничность мира, она привела к четкому силуэтному решению лирических работ.

Получив диплом, молодой художник едет в Ивановскую область на фабрику деревянных игрушек. Его тянет провинция, хотя были предложения сотрудничать в Москве.

Он много работает: пробует себя в театре художником-декоратором — в спектакле «Тихая моя Родина». Основой декорации становится большое панно — образ России, где на белом фоне графическая вязь линий вырисовывает силуэты изб, полей, дорог.

Эта театральная постановка ближе познакомила Мартышева с творчеством Николая Рубцова. Поездка на родину поэта, в село Никольское Тотемского района, стала событием в жизни художника. Она дала осмысленное понятие всего того, что в юности оставалось лишь духовным предчувствием. О чем сам Николай Рубцов сказал:

Все чаще и чаще Евгений Мартышев обращается к традициям мастеров древнерусской иконописи. Одна из последних работ художника —«Спас Нерукотворный» (дерево, масло) написана в соответствии с канонами церковной живописи. В старой России лик Христа Спасителя был и на воинских стягах, и в красном углу деревенских изб. Работа над ним — это возвращение к светлому началу, к живым родникам детства и юности.

Л. ГРУДЕВА

Эти снимки сделаны нашим фотокорреспондентом С. Ростегаевым в Москве на празднике, посвященном славянской письменности и культуре. Звучит русская песня. Современный коробейник.

ТОВАРИЩ

Юрий СЕРГЕЕВ

НОВЫЕ ВЛАСТЕЛИНЫ

Кинофантазия?

Окончание. Начало на стр. 15

— Не представляешь, сколько сил нам стоило заморозить ремонт жилого фонда на многие годы... И вот пришел час... — говорит человек за рулем.

— Пришел ча-ас... Я слышал, финны хапнули шестьдесят миллионов и хорошо сделали «Метрополь»? Надо забрать этот готовый отель... и пора кончать с финнами и прочими. Надо треть платить своим, найти мастеров... Шестьдесят миллионов в валюте! Правители наши совсем рехнулись...

— Заберем... и «Пекин» заберем, вместе с их экзотической кухней. В Моссовете есть свои парни... Отдадут.

Машина выезжает на площадь Дзержинского, и вдруг Марк бесшабашно говорит:

— А ну-ка, дружок, сделай круг почета вокруг этого дяди в шинели... Это мой ритуал... Стоит, бедный, один... Ни подойти к нему, ни цветов положить. Эх-ха. Дядя Феликс... — весело издевается Марк, — спасибо за Страну непуганых дураков.

— Куда теперь?

— В мой офис, заберу шмотки и с ветерком до «Дедушки»...

— В Домодедово, что ли?

— Да-да... Может быть, последний раз лечу в Якутию и вернусь сюда насовсем. Работаете хорошо, надо еще лучше. Всего одно казино в гостинице «Ленинградской», я же говорил на съезде, немедленно открыть сеть игорных домов. Пока подпольных...

— Делаем, два уже работают.

— Молодцы! Марк вас не забудет... Так неохота переться в эту северную дыру...

* * *

Печально и упоительно-прекрасно якутское предзимье. Гортанные плачи косяков гусей, отпевающих умершее лето, прихваченный заморозками хрусткий мох, в безоблачной стыни неба чувствуется хлад катящейся зимы, налетают чередой снежные бураны и тают в дневной неге солнца. Слышна холодная, ледяная поступь. Все меркнет под обвальным снегопадом и смертно засыпает на многие месяцы...

Кабинет Власа Петрова. За окном шуршит падающий снег. Семен Ковалев сдает дела вернувшемуся председателю артели. Петров осунулся, грустный и вялый, нет уже того задора и энергии, что были раньше. Нехотя просматривает документы, довольно ворчит себе под нос:

— Молодец, молодец... люблю порядок во всем, план выполняешь. Я боялся, что ты запурхаешься, не потянешь... Молоток! На пенсию пойду — только тебе сдам артель... Ведь жалко, сколько сил и здоровья в нее вложил, начинал с нуля, а достанется какому-нибудь дураку, сокращенному из райкома... У них там разгоняют крайних, и все в большие начальники норовят устроиться... а работать ни хрена не умеют, только языком трепать да бумажки перебирать и слать...

Звонит телефон, Семен вопросительно смотрит на Власа. Тот разрешающе машет рукой — возьми. Семен берет трубку.

— А-а, это ты, Иванов... Как там, в Туле? Вагон стального листа выбил?! Молоток! Снабженец ты мой хороший. — Семен на миг опять становится хозяином кабинета, и это не ускользнуло от зорких власовских глаз. Он говорит Ковалеву:

— Не захваливай! Разгильдяй этот Иванов, потерял бумагу об отказе корейцев от мяса, а я из-за него грыз нары в одиночке. Дай мне трубку, — грубо приказал Влас. — Иванов! Это Влас с тобой говорит... Что замолкто? В зобу дыханье сперло... Ворона! Приедешь и мне растолкуешь, как это расчудесно опять нашлось письмо корейцев... что-то нечисто, дружок. Стальной лист он достал... велика заслуга. Ты мне приволоки вагон автоматов, чтобы в России всех гадов перестрелять! — Он бросает раздраженно трубку, которая еще пищит далеким голосом.

— А ведь приволокет... — рассмеялся Семен, поднимая брошенную мимо телефона трубку, и говорит: — Ты меня

слышишь? Ну! Лист отправляй на Невер, а с автоматами Николаевич пошутил...

— Какого черта! Я никогда не шучу... скоро пригодятся, — уже беззлобно ворчит Влас, — волоки, продажная шкура, — опять рявкает в отнятую трубку, — сколько тебе Марк заплатил, сволочь?

Вдруг дверь распахивается и чинно входит Бесогонов с приклеенной, извинительной улыбочкой. Влас медленно положил трубку и набычился на гостя.

— Влас Николаевич, с возвращением вас! Мы так заждались. Вы же знаете, что я был противником вашего исключения из партии, но обстоятельства... сильнее нас. Идет перестройка, давит обком... бдительность. В четверг снова бюро, мы обязательно обсудим ваш вопрос первым и, без сомнения, восстановим в партии. Э-э-э, значит... Уверен, что принципиальность и партийная этика восторжествуют, и мы, так сказать, торжественно вручим вам партийный билет.

Влас ошалело пялился на разглагольствующего Бесогонова. А тот упивался словословиями, как канарейка своими трелями.

— Вы, как коммунист с незапятнанной совестью, э-э, значит, мы уверены, что сможем доверить вновь вам такой важный участок коммунистического строительства, как руководство золотодобывающей артелью. — Бесогонов перевел дух, чтобы набрать воздуха и запеть снова, но вдруг его глаза недоуменно остановились на Власе. Тот разъяренным быком пер на него и рывками, обрывая петли на своем поясе, выдергивал из брюк кожаный ремень. Бесогонова, как нашкодившего мальчишку, словно парализовало... Влас уверенно развернул его спиной к себе и со всей силой врезал по круглому заду. Бесогонов от испуга и боли икнул и прошептал:

— Вы не имеете права... я буду...

— Пошел вон, обезьяна... иди жалуйся! — Влас грубо вытолкал первого за дверь и вдруг расхохотался до слез, еле продыхнул Ковалеву: — Е-хе-хе-хе... ого-го-го-о... есть еще порох в пороховницах! Го-го-го-го-о... За все... от души врезал!

Он вдруг посерьезнел и тихо, уверенно промолвил:

— Не буду принимать дела! Противно... — подошел к сейфу, — ты уж меня прости, старика... Крути дальше сам, у тебя получается добротно... кое-чему тебя успел научить. А мое дело, видимо, — Влас распахнул дверцу

сейфа настежь, — как этот пустой сундук... все нутро разворовано, выгорело... и уже не заживет, не отболит... Предъявили счет... я должен платить, — он осторожно вынул свои реликвии — стопу конторских счетов, нанизал их на брючный ремень и перекинул через плечо. — Предали нас, рядовых и честных коммунистов, бесогоновы. Зажрались, рай-иконы... Слава богу, не все... есть надежда. Бросают нас эти рай-иуды на заклание голодной и изуверившейся толпе... Мне страшно, Ковалев... Никогда никого не боялся, а сейчас страшно... в тюрьмах и лагерях кто-то ведет агитацию среди закоренелых у́рок, что демократия отменит смертную казнь, их всех выпустят, как пострадавших от коммунистов, и дадут всем оружие... Ты представляешь, что будет? Не за себя, за детей и внуков страшно, никого не пощадят... всех здравомыслящих опять вырежут под корень... а потом постреляют этих у́рок... История повторяется. Борись, Ковалев! Насмерть стой, а из меня пар вышел... Создам подполье из своих старых кадров... больше пользы принесу Родине. Прощай, не поминай лихом...

* * *

Грохочет драга на замерзающей реке, догрызает последние кубометры породы, последние граммы плана комбината, выбрасывая горы отработанных валунов. Влас понуро плетется мимо нее по дороге и неожиданно сталкивается нос к носу с идущим навстречу Валерьяном Остаповым.

— Здорово, Влас!

— Здорово, старый... еще скрипишь?

— Да и ты не молодой, как с лица-то спал, умученный...

— Ну-у... от сумы и от тюрьмы не зарекайся... не мне тебе говорить, сам страдал...

— Принял снова артель?

— Ухожу, Валерьян, — выдохнул мучительно Влас, — а ведь правду ты говорил... всю жизнь пахал как проклятый и сразу никому не нужен... с пустой сумой тащусь, мы с тобой как те отработанные и выброшенные драгой валуны... без золота, — Влас кивнул на реку. — И еще страшное сомнение во мне заронил, Валерьян... Я как-то раньше не задумывался над этим... Куда пойдет золото

с этой драги? В чьи руки оно попадет? Может, это на вред стране! А?

— Может, и такое, всяко случается, особливо при нынешнем укладе борьбы за власть... Съездюки на сессиях день и ночь болтают, а за их спинами такие дела творят... Беда, Влас! Куда же ты теперь?

— Уйду на пенсию, подамся на родину и стану жить как люди...

— Поздно, Влас, хорониться. Ить ты за границу не убегешь, русский... Молиться надо своей земле, она поможет одолеть напасть... много их было. И войной шли, и революцией травили брата на брата, а теперь пришло время судное. Последний бой... Или мы, или они!

— Ты че мелешь, старый? Люди пока живут...

— Газеты читаю, повыписал на двести рублев... Люди живут по-разному, может, рано пасуешь? Ить нас умыслом гнетут, гнут души, грязью заливают, помоями. Выстоим, Влаской Я вижу... В партию надо вернуться...

— Не хочу, устал... Хватит!

— Вернись, Влас. Большая это сила, партия... больная она у вас сейчас, нельзя ее отдавать на разор кому попало. Этого и добиваются, изверги доморощенные и чужие... Окромя ее, нечем счас сплотить народ. Так уж и быть, укажу я тебе это проклятое золото, нос всем утрешь добычей, план дашь с лихвой.

— Пла-а-ан... Пла-а-аны. И не вздумай! Да провались оно пропадом, твое золото! Не желаю я больше на бесогоновых работать... Семке Ковалеву укажи... Все правильно сделает... пусть уж он, передай секрет... А добывать его не надо сейчас. Не пришло время, как ты говорил... Я изработался, — Влас перебросил связку счетов на ремне с одного плеча на другое.

Валерьян невесело усмехнулся:

— Сума-то у тебя и впрямь пустая... сколько на них золота отщелкано, сколь судеб людских в лагеря спроважено... а в душах и карманах пусто... ветер.

— Прощай, Валерьян, вряд ли свидимся. — Влас пошел согбенный и враз постаревший. Плелся, по-стариковски шваркая ногами, как юродивый странник по Руси...

Остапов с грустью глядел ему в спину, покачивая головой, и вдруг снял треух и низко поклонился вслед.

— Какого мужика ухандокали... боже ты мой! — шептали его мятые губы.

* * *

Вот и зима на улицах Белогорска. Ядреный мороз под пятьдесят, проносятся машины и оленьи упряжки. Только неугомонных ребятишек не берет никакая пропастина. Раскрасневшиеся, с расстегнутыми шубейками и сползшими шарфами, они с криком носятся по сугробам, размахивая портфелями, барахтаются в хрустком снегу.

Артель «Салют». Кабинет Ковалева. Семен сидит за столом и беседует со своим вальяжно развалившимся, демократично-очкастым заместителем, все же навязанным после ухода Власа районными властями.

— Какого черта тебе понадобилось зимой на Елизаровском ключе? Мне-то хоть можешь сказать?

— Ищи вездеход... Ты мой заместитель и не можешь третьи сутки найти, — спокойно, с укором говорит Ковалев.

— Ну что мне с тобой делать! Не дают вездеход, а наш сломан. У геологов все разбиты за полевой сезон. Что ты там забыл, скажи? Зимой!

— Не могу... Пойду на лыжах!

— С ума сошел, — заместитель покрутил у своего виска пальцем, — сотня верст! Мороз под пятьдесят! Мне потом за тебя отвечать? Запрещаю...

— Пока запрещать могу только я, — жестко поправил его Ковалев.

— Да я из жалости, простудишься... Да, кстати! Тут вчера обаятельнейшая эвенкийка заходила, когда ты был на совещании в комбинате. Спрашивала тебя. Приехала на семинар оленеводов из тайги.

— Где она?

— У своей подруги остановилась, сказала, что ты знаешь адрес. Есть снегоход «Буран», вчера привезли, новенький. Для разведки зимников купил. Если не терпится, дуй на нем. Уже покатались на нем, заправили. Канистру бензина прихвати, а то и две, он прожорливый.

— Еду! — Ковалев вышел из конторы и стал осматривать оранжевый вездеход у склада. Надел на складе полушубок, валенки, шоферы в это время увязали пару канистр с бензином. Завел снегоход и выехал за ворота.

Сидя в кресле председателя, заместитель торопливо набрал номер телефона и доложил кому-то:

— Все же уехал, на снегоходе... Да, я понимаю, но ничего не смог узнать. Я решил так, что после его возвра-

щения мы по следу снегохода все узнаем, что он там искал и где... Да он был дома у Остапова, просидел у него весь вечер... отвез ему казенную спецодежду со склада, полушубок... за это не зацепишься, мелочь, да и выписал на себя, положено... Ага. На запчастях подставим, как Власа... Не надо спешить...

* * *

Семен постучал в двери, где жила Люся.

— Кто там? — отозвался ее голос.

— Злой дух Харги-и! — ответил он грубым голосом нараспев.

— Семен! Здравствуй, — Люся стояла на пороге, сияющая и невообразимо прекрасная. — Я знаю, что ты вернулся из Москвы... Чуяла... Заходи!

— Я на минутку, уезжаю сейчас в тайгу на мотонартах. Заскочил проведать. На Елизаровский прииск.

Люся спешно стала одеваться. Поверх дубленки накинула полушубок. Семен молча смотрел на нее.

— Ты это куда собралась?

— С тобой. У меня три дня свободных.

— Нет-нет! А вдруг что случится со снегоходом!

— Ничего не случится. Одного не отпущу, я сегодня видела кровь во сне... Я тут с ума сойду, пока ты будешь ездить.

— Сны — это вранье, — безнадежно махнул рукой Семен. — Ведь придется брать, не отстанешь. Холод такой, сидела бы в тепле.

— Знать, не судьба, Сема, мне в тепле сидеть, а судьба с тобой ехать, — промолвила она как-то загадочно и отрешенно.

— Поехали! — обреченно промолвил Ковалев.

За городом выскочили на заваленную метровым снегом старую дорогу, потом на гладкую ленту застывшей реки.

— Не замерзла? — обернулся к ней.

— Не-а! Я привычная! Терплю-ю-ю... — Она соскочила на ходу и побежала следом, потом опять вспрыгнула на сиденье. — А куда ты меня везешь? — крикнула ему на ухо.

— На кудыкину гору, в царство Хозяина Золота!

К вечеру приехали на место. Семен подрулил к одиноко стоящей, старой, покосившейся избе.

— Чей это дом? — спросила Люся.

— Валерьян сказал, что дарит его нам.

Отгребли снег от дверей, и Люся первой пролезла в избу.

— Ура-а-а! Печка есть, и дров куча. Живем! — Она быстро нащепала лучины своим ножом, выгребла золу в дырявый тазик и затопила печь из бочки.

— Давай помогу, — сунулся было Ковалев.

— Очаг дело женское, — отстранила она его, — зачем мы сюда приехали, вот что интересно?

— Много будешь знать — быстро состаришься, — отшутился Семен.

Он вышел из избушки, отвязал от мотонарт лопату и кайло, стал отбрасывать снег от угла домика. Долбил кайлом мерзлую землю, крошки летели в глаза. Подошла Люся, молча стала рядом и потом не выдержала:

— Зачем ты роешь эту яму?

— Вижу, что тунгусские духи тебя оставили? Угадай!

Кайло звякнуло по железу, и Семен осторожно стал обкапывать ржавый, перевернутый чугун. Запустил в него руку и крикнул:

— Есть! — Он развернул полуистлевшую газету.

Люся нагнулась поближе и вдруг увидела на ладони Ковалева белый камень с приклеившимся к нему резным листочком.

— Это лист смородины-каменушки прилип, что ли, а?

Но тут Семен отер рукавом свитера иней с листочка, и он ярко вспыхнул желтым светом.

— Зо-о-ло-о-ото! — восхищенно пропела она.

— Да, Люся... Уникальный, достойный любого минералогического музея мира образец! Он оплачен человеческой судьбой Валерьяна Остапова. И должен лежать в Алмазном фонде под бронированным стеклом, как достояние страны...

— Ты за этим и летал в Москву?

— И за этим тоже... Такой образец нельзя отдавать в переплавку. Валерьян прав. Какую красоту творит природа! — Семен зарыл пустой чугунок опять в яму, заровнял снегом. Обрушил с крыши навесь сугроба лопатой, который скрыл все следы работы.

— Зачем маскируешь?

— Ты же сама говорила, что плохие люди идут за нами... Зачем им знать о самородке... я теперь верю твоим предсказаниям, — Семен в порыве радости подхватил ее на руки и закружил у избы, утопая выше колен в снегу.

Лиственничные дрова бушевали в печке огнем, она раскраснелась, ало освещая темную комнату. В избе были общие широкие нары, покрытые старыми матрацами и одеялами, колченогий стол из грубых досок, на подоконнике огарки свечей.

— Прошлым летом здесь был участок артели Боровкова «Селигдар», домывали россыпь, — заговорил Семен, — от них все осталось. А до войны тут шумел огромный прииск, давали стране золото товарищи Валерьяна. Никого из них нет сегодня...

— Мы будем хранить эту память, — промолвила Люся.

— Будем! — Он снял свитер и повесил над печкой. — Люся, давай ужинать, я кое-что прихватил со склада! — Достал из нового рюкзака консервы, хлеб, пачки печенья и чая. — Воды надо натопить из снега, чайку заварим покрепче.

— Я сейчас наберу, — метнулась Люся к двери с пустым котелком.

Семен крупно резал хлеб, суетился у стола. Люся зажгла огарок свечи и приладила его в пустой консервной банке. Заварила чай, опять стала веселой и скорой на руку.

— Ковалев? — Она вдруг обратилась к нему по фамилии с полным ртом, озорно поблескивая прорезями узких глаз: — А тебе не кажется, что ты лучше меня не сыщешь жены? Я чувствую тебя всего, предугадываю каждое твое движение и слово. Когда я так успела изучить тебя, сама не пойму?

— Ты же шаманка, видишь людей насквозь, — отшутился он.

— Тебе будет трудно без такой, как я. Ты не приспособлен жить, как все, тебя невозможно понять женщине, которая не знает свободы, тайги, любит только себя...

— Люся, не терзай меня. Ты слишком молодая.

— Разве это плохо?

— Ну... Как-то неловко перед тобой.

— Старый Глухарь... Это не причина. — Она обняла его за крутые плечи и приникла к спине головой. — Какой ты огромный! И большое доброе сердце, как у сохатого... бьется... Какой ты большой. Ужас! Как медведь-амикан... И такой же хитрый, путаешь след, уходишь за перевалы. Глупый, от меня не скроешься...

Семен нерешительно погладил ее густые волосы.

— Сема... Ты будешь моим первым мужчиной и последним, если уйдешь от меня. Я не буду держать. Я, наверное, схожу с ума, говорю такое, но не могу молчать. Какая жара! Я вся горю. — Она села и зашуршала одеждой, раздеваясь.

Семен лежал на спине, он тоже весь пылал, подрагивая в горячечном ознобе всем телом, он еще чувствовал шелковую нежность ее губ. Люся опять заговорила срывающимся голосом:

— Не кайся, я иду к тебе открыто, чисто и без фальши, поддаваясь только своему чувству и ничему другому. Я ничего не прошу взамен, ни на что не надеюсь и ни о чем не жалею...

Люся вдруг вскрикнула и порхнула в древнем ритуальном танце, она то растворялась во тьме, то загоралась вся золотой статуэткой. Движения ее были стремительны и первобытны, угадывался танец журавлей, брачная схватка лосей и медведей, за право продлить жизнь, с ее губ слетали тревожные, зовущие крики чайки, лебединые стоны поднебесные, слышались мощные шорохи крыл, стук рогов и крики важенок.

Завороженный, Семен помимо своей воли сначала сел, потом спрыгнул на пол. Его понесло в каком-то безумном ритме под ее пение, он случайно коснулся ее тела и отдернул руку, ладонь словно обожгла искра. Люся бросила свою дубленку на холодные матрацы и повлекла его за собой. Коснулась осторожными, мягкими пальцами его щеки:

— Поцелуй меня, милый лючи... я никогда не думала, что полюблю русского... лючи...

Он неловко повернулся на бок, обнял ее, маленькую и горячую, нашел дрожащие губы. Они шевелились в тихом шепоте, нежно касались его бровей, лба, то открывались в жарком дыхании, то испуганно сжимались и уже не могли его насытить...

По древнему обычаю эвенков она его нюхала, как соболюшка, впитывала его запах и стонала сквозь зубы, вся трепетала, рвала с него остатки одежды. Семен тронул рукой ее покорное бедро, впился губами в ее маленькую и крепкую грудь, на миг в озарении ощутив через себя — ребенка... А вязкий шепот все торопил, умолял, через сведенные судорогой зубы...

Стонущий шепот распух и оборвался опустошаемым

криком до оторопи близкого и родного существа... В отблесках огня Семен видел ее расширившиеся глаза и благостную, умиротворенную улыбку явившейся в мир страдалицы-женщины...

— Боже... За что мне такое счастье? — промолвил он.

Смотрел на них из печки алым зрачком мерцающего угля седой от пепла Хатан Тэмэрия — Великий Дух Огня...

* * *

Утром Семен и Люся выехали по своему следу назад. «Буран» легко несся проторенной и подмерзшей тропой. Семен ехал осторожно, но все же попался в наледную промоину, снегоход провалился и мигом обмерз в воде. Помучился, пытаясь вызволить мотонарты, и промочил ноги в валенках. Когда их скинул, пальцы на ногах стали белеть. Люся растерла их шарфом, безжалостно отхватила ножом от своего полушубка рукава и наскоро сделала ему из них унты. Семен надел их, ноги сразу согрелись. Нерешительно сказал:

— Может быть, вернемся в избу... осилишь дорогу пешком?

— Туда возвращаться нельзя... у меня предчувствие... Осилю!

Она первой побежала по твердому следу мотонарт, весело смеясь и маня его за собой. Семен облегченно вздохнул и пошел быстро следом.

* * *

Марк в своей сауне с тоскливой яростью смотрел на экран видео, где красивая и нарядная Катька была снята на Ласточкином гнезде, Мисхоре и Алупке. Она улыбалась Марку, звала его к себе... А вот и он на фоне гор, она снимает его видеокамерой, и слышен ее смех... Марк невольно покосился на себя в зеркало и проговорил:

— Черт подери! Как я постарел...

* * *

Мороз принуждал торопиться. Семен и Люся сперва бежали по следу мотонарт, потом шли ночь напролет, потом, спотыкаясь, брели весь день, не обращая внимания на расползшиеся унты. Грели руки и ноги у скоротеч-

ных костров, целовались, как безумные. Ее любовь, ее глаза и уверенность вливали в него свежие силы. Грудь распирала радость... Он говорил ей, говорил... какой они построят большой деревянный дом. Они дурачились, валялись в снегу и шли опять...

* * *

В лесу у вездехода Марк яростно орал на Проглота и Трубочиста, те отнекивались и не хотели идти в тайгу. Марк ударил ногой в живот одного, пнул под зад другого и пригрозил выхваченным пистолетом... Они не шли... Тогда мрачноликий Хорик и с ним двое молодых телохранителей уверенно залезли в вездеход, и он понесся в клубах снежной пыли, ломая и круша мелколесье. Марк продолжал что-то яростно орать своим помощникам, те трусливо отводили взгляды, оправдывались...

* * *

Семен и Люся растирали друг другу ноги снегом, шарфами — щеки. И опять спешили вырваться из когтистых лап мороза. Люся стойко переносила их первое смертное испытание. Подбадривала Семена, улыбалась и светилась почерневшим от усталости лицом, падала, вставала и шла опять... Они слышали, как стороной проревел в тайге вездеход. Семен радостно проговорил:

— Наверное, нас ищут, мой зам беспокоится... Сейчас найдут мотонарты, все поймут и догонят...

— Пошли скорее, — вдруг решительно заявила Люся и толкнула его по тропе... — сами дойдем! — Она боязливо оглядывалась и уже почти не останавливалась.

* * *

Ночь. Марк мечется в своем кабинете меж столов, шкафов и опрокинутых стульев, как попавший в клетку зверь. Он не находит дверей из своего кабинета, на окнах тяжелые кованые решетки. Двери исчезли! Нет выхода в его замкнутом мире! Не может сбросить груза взятых на себя дел. Давит его страшная тяжесть, согнула плечи, нет сил избавиться... Нет спасительного выхода, одни стены...

Горит дьявольским огнем дисплей компьютера... мелькают на нем цифры, имена, концерны, банки... из его электронного нутра слышны смертные крики убитых на съездах воров, стоны истязаемого Валерьяна... весь экран

заполнен одним словом ЗОЛОТО... потом мелькнула КАТЮША... крики демонстраций, автоматные очереди... сизая виноградная гроздь и потеки алой крови сверху покрывают ее...

* * *

К исходу второй ночи Семен и Люся едва держались на ногах. Обнявшись, плелись по ребристой тропе мотонарт, говорили, мечтали, чтобы не уснуть, и замерли от неожиданности. Перед ними мерцал огнями Белогорск. На посадку шел самолет, тепло светились окошки, там были люди.

— Ты еще не потерял тот камень? — обмершими губами прошептала она.

— Главное — не потерять... тебя, — хрипло отозвался Семен.

* * *

Марк сидит в кабинете и пристально смотрит в окно. Рядом с конторой дети катаются с горки на санках. Доплывают крики, веселый смех, ребятишки кувыркаются с санок и устраивают в снегу кучу малу. У Марка никогда не было семьи и детей, его раздражает этот детский писк...

Зазвонил телефон. Марк напряженно вслушивается в далекий московский голос, и смертельная бледность заливает его лицо. Обреченно говорит:

— Не может быть!!! Какая туфта, какая бронза?! Я сам видел, как грузили в самолет. Я сделал вам две тонны... Не может быть... но раз подтвердили мои люди, которые сопровождали груз... Я исправлю! Я все сделаю, не порите горячку, я вас завалю этим дерьмом, дайте только срок... — Марк боязливо кладет рокочущую трубку и стонет: — Ковале-е-ев...

* * *

Светает. В «уазике» с замороженными стеклами двое. Марк и Трубочист. Телохранитель Марка нервничает, то и дело вглядывается через продувы теплого воздуха на лобовом стекле в улицу. Марк раздраженно говорит:

— Сосунок! Надумал меня учить! Весь дрожишь как козий хвост! Да я тебе такое дело и не доверю, я сам... я сам обязан! Это дело моей чести. Понял?

— Залетим, шеф... брось! Не ребячься...

— Мое слово — закон! Подстрахуешь... будешь меня ждать около больницы, за старым детсадиком... Следи за дорогой, если будет погоня, рви навстречу им и делай аварию... Понял!

— Понял. Зря... Нас все тут знают, не дай бог кто увидит... Повяжут...

— Пора менять тебя, Трубочист... дуру гонишь и труслив стал. Но... лошадей на переправе не меняют. Ты же знаешь все... От меня просто так не увольняются... Только АУТ!!! Так что стань прежним! Вытри слюни, за нами слишком много грехов, чтобы ломаться...

— Все сделаю шеф, сам пойду!

— Нет! Это глупо, безрассудно, но я так решил и никому его не отдам... Вспомним молодость! — Марк вдруг громко и яростно пропел:

Дожди-и-ик ка-апал на рыло-о
И на дуло нага-а-ана-а...

Потом успокаивающе проговорил:

— Я все просчитал до секунды. Все получится...

— Чем же он так тебя допек, шеф?

— Скажу прямо, как на исповеди... он оказался умнее даже моего компьютера... Да, не лыбься! Он умнее меня и за это должен погибнуть... В нашем талмуде сказано: «Убей лучшего из гоев», — отрешенно и мечтательно вдруг стал философствовать Марк, — русский человек непредсказуем... опасен... Даже в сказках всегда побеждает Иван-дурак... как они умеют прикинуться Ваньками... рот разинут, уши развесят... ну дебил, и все... А в башке такие компьютеры крутятся, что японцам и не снятся... Тот же Влас, одним разговором в камере так вырубил нашего прокурора, что тот в три дня рассчитался, сбежал в Анапу, загнал за бесценок построенный нами дом... Совсем рехнулся, перевел деньги на артель и... сдох как собака от запоя у дочери своей в чулане. Вот тебе и Влас... Обнаглел, прислал мне открытое письмо и приказывает немедленно убраться из Белогорска... Уберусь, через пару дней... Ждут великие дела нас, Трубочист. А повязать — не повяжут. — Он отвернул полу куртки, и Трубочист выпучил глаза, увидев красное знамя на его лацкане. — У меня депутатская неприкосновенность, вывернусь, если даже поймают... Москва не даст в обиду... Я член парламента России... Вот так-то, дружок...

* * *

Белогорск. Раннее утро. Столовая. На площадке стоят много машин, двигатели работают вхолостую, шоферы завтракают в теплой столовой. Одетый в телогрейку Марк уверенно подходит к груженому КрАЗу, вынул ручку-ключ из кармана, открыл кабину и сел за руль. Посмотрел на часы. Проговорил: «Семь сорок». Врубил скорость и выехал на дорогу. Из высокой кабины КрАЗа редкие прохожие казались маленькими и беззащитными. Впереди открылся пологий спуск. Марк на мгновение остановил машину, хищно вглядываясь, похлопывая от скрытого волнения кожаными перчатками по баранке.

От дома на обочину дороги, окруженную валами расчищенного снега, вышла пара. Семен и Люся шли спокойные, счастливые, о чем-то весело и беспечно разговаривая.

Семен вдруг вскинул недоуменно голову от надвигающегося рева и увидел за стеклом летящей на них машины холодные глаза Марка. Потом наступила темнота...

Люся тоже увидела ревущую машину в двух шагах, она неистовой силой рванула Семена на себя к обочине, прянула вверх, как в предсмертном скоке кошка-соболюшка, и немыслимым извивом тела ушла от удара, увидя все... Она узнала страшный лик Того человека и пронзительно крикнула: «Бешеный Во-олк!»

Когда машина унеслась, она кинулась к отброшенному далеко в снег на обочину, окровавленному Семену! «Се-ема-а! Се-ема-а!»

В машине «Скорой помощи» Люся трепетала и прижималась к Семену, словно пытаясь согреть его своим телом. Он был смертельно бледен и как-то особенно красив. Губы его прошептали одно слово за всю дорогу: «Ма-арк-с». Люся камлала, молилась на коленях русскому Богу и звала на помощь эвенкийских духов, смятенно твердила:

— Не умирай... Наши духи не дадут разлучить нас! Не умирай!! Бог лючи... русский Бог, Небесный Могучий Старик! Спаси его... Возьми меня взамен... Хатан-Тэмэрия... Великий Дух Огня! Не дай погаснуть моему Солнцу! Я буду кормить тебя вкусными смолистыми щепками, я буду хранить тебя вечно... Хатан-Тэмэрия... Дай ему силы и мне... Ты же знаешь, мне суждено родить великого Человека от него... который спасет нашу землю

и всю тайгу... Покарай Бешеного Волка... спали его черное сердце... Помоги мне, Великий Дух Огня!!! Сема-а, я сама буду тебя резать и оживлять. Я спасу тебя! — Она нюхала его одежду и лицо, перемазанные кровью, глаза ее пылали безумным пламенем, губы спеклись в неимоверной жажде...

Старый врач «Скорой помощи» тихо проговорил парализованной увиденным молоденькой медсестре:

— Вот как надо любить, дочка... Это... Это выше смерти...

В операционную палату Она провожала Его долгим взглядом-заклинанием. В палате ярко вспыхнул свет над операционным столом... «Хатан-Тэмэрия! Ты с ним!» — прошептали ее губы.

* * *

Под какую-то неслышанную, чудесную музыку подъехала Золотая Карета. Она вся сияла под солнцем, украшенная чеканкой по червонному золоту, немыслимым и благородным орнаментом. Дверцы со стеклами из горного хрусталя сами распахнулись, и счастливый, радостный Семен Ковалев уселся на пурпурное кресло внутри. Здесь тоже все горело золотом, драгоценными каменьями. Дверцы закрылись, и карета тронулась в путь, мягко покачиваясь. Семен видел свои родные донские поля, старинные курганы, реку Медведицу в заросшей дубами пойме, казачью станицу, где народился на свет. Любо ему все это, дорого, светло на душе... Он видит себя белоголовым мальчишкой, купающимся с ребятишками в реке, отца, мать, большую, но ветхую церковь посреди платца, где его деды и прадеды скакивали некогда на конях, учились ратному делу... Он видит дедов и прадедов, бабок своих и прабабок, угадывает их, говорит с ними, а карета все едет неведомо куда, и вся жизнь Семки Ковалева протекает мимо с ее радостями и печалями.

Вот и по Якутии мчит карета, видит он своих друзей, с которыми работал в геологии, выросший из тайги город Нерюнгри, где он совсем недавно охотился на глухарей и вел буровую разведку угля... Летит стремительно карета...

И вдруг Семен видит:

Он распростерт на операционном столе, нестерпимо ярко горит свет, а над ним склонились, увлеченно что-то

ладят в его теле два глубоких старца с седыми бородами... Одежда на них сказочно красива, сияют нимбы вокруг белых голов, глаза мудрые, добрые... Чудно все это Ковалеву... Открылся вдруг притягательный и сверкающий тоннель в небо, тянет его вихрем туда, хочется ему улететь, а старцы не пускают от тела... держат. До-олго он глядел на себя...

Вдруг его больно стали хлестать по щекам. Далекий голос приказывал:

— А ну! Покажи язык! — опять хлестанул по щеке. — Шевельни правой рукой, — грубый, ненавистный голос, не хотел Семен подчиняться, противился... — Открой глаза, хватит придуряться, — опять резкая пощечина.

Семен рассерчал не на шутку, так было хорошо ехать в карете, чудесные видения были, все цветное и живое... не успел поглядеть, что ж там, за тоннелем? Что за старцы были над ним? Но невольно подчинился голосу и открыл глаза...

Мутно проступили над ним люди в белом, спереди ровно, никаких застежек, почудились крылья за их спинами, и Семен прохрипел едва слышно:

— Гля-я-кось... ангелы!

— Будет жить! — уверенно проговорил усталый хирург, сдирая с лица повязку. — Спасибо за комплимент! — и радостно расхохотался. — Во дает! Впервые меня ангелом повеличали... Крепкий мужик! Ну и повозились мы с тобой! Калекой не будешь, ничего страшного...

— Я... Я-а — казак! — крепнущим голосом проговорил Семен, вдруг напрягся, судорогой исказилось лицо, закружилась голова, и вновь увидел ревущую машину... — Люся! Люся! Лю-ся!

— Да здесь она, здесь, не блажи... Живая и здоровая. Сейчас увидишь.

— Да?! — Семен обмяк и потерял сознание от нахлынувшей радости.

* * *

Заскорузлые руки укладывают в фанерный, довоенный чемодан дивной красы самородки. Они горят в кварце, один красивее другого. Заполняют чемодан, и сверху ложится знакомый самородок в форме кленового листа.

Аэропорт Белогорска. Валерьян Остапов стоит в оче-

реди на посадку с перевязанным бельевой веревкой крест-накрест этим чемоданом. Вдруг он вздрагивает от знакомого голоса и недоуменно, опасливо косится. В зале ожидания по цветному телевизору показывают какое-то огромное собрание сидящих в креслах людей. На высокой трибуне, утыканной несколькими микрофонами, уверенно и горячо говорит Марк:

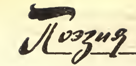
— Товарищи депутаты! Шестой год перестройки окончательно провален административно-командной системой. Всему народу стало ясно, что страну вытащит из болота только рыночная экономика, только децентрализация, только частная собственность, только привлечение капитала иностранных фирм. Бюрократическая централизация должна смениться самоуправлением па местах суверенными республиками, суверенными регионами. Только тогда мы сможем накормить и одеть народ. Наша межрегиональпая группа депутатов твердо стоит на фундаменте общеевропейского дома, осталось только возвести нам всем его сообща. Хватит изобретать велосипед, надо взять готовые экономические реформы и рецепты Запада. Да! Придется потуже затянуть пояса, работать интенсивно эти пятьсот дней, за которыми грядет изобилие и достаток! Зачем нам такая могущественная армия, отнимающая у детей Чернобыля хлеб с маслом? Мы введем небольшую паемную армию профессионалов. Зачем нам армия, если все недра, леса проданы за бесценок. Кому мы нужны? На пас никто не собирается нападать... Я прошел сталинские лагеря, был репрессирован и осужден по 58-й статье... Поэтому знаю все лишепия народа, знаю цену хлеба и все страдания дорогих соотечественников. Наконец-то демократия восторжествовала!

Валерьян очумело глядел на экран и невольно проговорил вслух:

— Какая 58-я статья?! Ка-ак, репрессирован? Это ло-ожь! Он убийца... Вор... в законе...

— Не клевещите на народного депутата! — вдруг перебила его накрашенная, интеллигентная дамочка. — Наверное, сам в лагеря сажал и писал доносы, старичок!

Валерьян искоса посмотрел на ее злое лицо, печально усмехнулся и покачал головой. В чем ее убедишь? По виду учительница или библиотекарша, нахлебалась желтого дерьма из левых изданий и мнит себя передовой... Пришли на ум слова японца, соседа по нарам в лагере: «Не сыпь бисер перед свиньями». Да и не виновата она...

Нина КАРТАШЕВА

ВЫШЕ ПРОЧИХ КРАСОТ

«Стихи я писала всю сознательную жизнь, — призналась в нашей с нею беседе Нина Карташева, — и только недавно с благословения своего духовника решила принести их в редакции русских патриотических журналов».

Нина Карташева — человек глубоко религиозный. Об этом необходимо знать для проникновения в суть ее поэтического видения мира и богатой словесной символики. Так или иначе относясь к христианской религии, мы забываем о том, что она — необычайно поэтична, потому что образна. Это ее свойство, может быть, и заставило глубоко верующего человека взяться за перо. Из немалого числа стихотворений, поступивших в наш журнал, сложилось представление о личности весьма эмоциональной яркой, самостоятельно сформировавшейся и поэтически одаренной. Причем стихи эти отнюдь не замкнуты на внутреннем, на воображаемом мире, лишены бездеятельной созерцательности, но напитаны конкретными реалиями нашей горькой действительности, наполнены болью за отчий край, состраданием к ближнему, в них слышен призыв к действию.

Религиозное мироощущение в стихах Н. Карташевой восходит к классической литературной традиции славянофильского направления. Возможно, отталкиваясь от философско-религиозной поэтической концепции Вл. Соловьева, поэтесса нередко использует в своем творчестве образ «Ее» как олицетворение Божественного женского начала. «Она» в стихах Н. Карташевой — символ Божесной Премудрости и Красоты.

В личной судьбе поэтессы два душевных состояния — глубокая вера и беззаветный патриотизм — бесспорно, неразделимы, едины, равны по своему одухотворенному содержанию, однако в творчестве, в поэзии патриотизм является первостепенной побуждающей силой, подвигающей к борьбе за торжество добра, света и правды. На этом самом трудном жизненном пути главное — остаться верным себе до конца. И стихотворения Нины Карташевой убеждают: сердце их автора готово к самопожертвованию, к служению во благо Родины, к страданию ради спасения своего народа.

Валерий ХАТЮШИН

* * *

Я подхожу к сияющему трону
Природы, где задуман образ наш,
Я прикасаюсь к чистому картону,
Макая кисти в розовый пейзаж.

А небо! Господи, какое небо!
Убей меня, но только не отринь!
Не надо ни покоя мне, ни хлеба —
Останься, небо! Золото и синь!

Стекают в реки пламенные зори,
Стоят закаты до плечей в воде,
Белеют паруса в небесном море,
О Боге говорит звезда звезде!

И я пишу небесные портреты,
И я прошу чудесные цвета
Запечатлеть нетленные приметы
Души одной, чье имя — Красота!

* * *

Многобожие — суть безбожие,
Многовластие — суть безвластие.
Вся страна на себя не похожая,
Нет ни лада в ней, ни согласия.

Ни достатка в ней, ни достоинства.
В прах — земных плодов изобилие,
Над плодами духа — насилие,
Безоружно святое воинство.

Что же будет? Путь горьких опытов?
Вновь грядем путем испытания.
И ни возгласа, и ни ропота.
Скорбь — спасение и оправдание.

БОРИТЕСЬ!

Пусть наша речь — смешенье языков.
И жизнь — как ненадежные хоромы.
Но если слышен звон колоколов,
То все-таки пока еще — мы дома!

Своей земли коснусь я грешным лбом,
Коснусь устами древней чистой речи,
Напомню, как при Сергии святом
Молились люди и горели свечи.

Как низко тучи над землей идут,
Как близко снова грозное дыханье!..
И к пиру тайных, правящих иуд
Готовятся народы на закланье.

Как бьется колокол! Я, бедная, молюсь
Над вами, над собой — так соберитесь,
Как Сергий собирал Святую Русь.
Мужи и братья, сыновья! Боритесь!

РУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ

Девочка плачет слезами до времени взрослыми.
«Где твоя мама?» — И нервным кричит заиканием:
«Там... На Кавказе...
В окно маму сбросили...»
Господи, вот я! Стою с этим русым созданием!

Нас не услышат они, кто за это в ответе.
Господи! Вот мне о чем заикаются дети!
Нас не услышат! Как будто бы в жертву приносят.
Сыты ли мы, есть ли крыша над нами — не спросят.

Господи! Создал меня Ты, чтоб я танцевала да пела,
И про любовь, про цветы щебетала стихами...
А я заикаюсь! А я молодой поседела.
Господи! Слезы и кровь за строками...

БЕРСЕНЬ

О, детство! Все оттуда, весь мой клад!
Берсень-крыжовник, русский виноград...

Я на коленях бабушки сижу,
Она рисует мне, а я гляжу,
Я слушаю — как сладко выпевает,
О бывшей жизни внучке вспоминает:

«Вот, деточка, мой дом, где я жила.
Крыльцо... Балкон... Столетний старый сад.
Вот здесь сирень лиловая цвела...
А здесь крыжовник — русский виноград,

Берсень-крыжовник...» — Падала слеза
На акварель, и тон ложился легче
Там, где росла колючая лоза,
Которая недуги злые лечит.

Я разыскала после этот дом,
Там старая районная больница,
И обрекли ее уже на слом,
И о болящих некому молиться.

И сада нет. Но в диких лопухах
Кольнул знакомый с акварели кустик,
Берсень-крыжовник! — В радости и грусти,
И в бабушкиных дождевых слезах.

И я его к себе перевезла
С комком земли из бабушкина сада.
Берсень ты мой! Наследство и награда,
Лекарство от беспамятства и зла.

* * *

Мне отмщенье, Аз воздам, говорит Господь.
Послание к Римлянам
св. Ап. Павла

Не всех поработил Синедрион,
Библейский змей не всех коснулся жалом,
Нет, мудрецы, великое есть в малом,
Хоть знаем, ваше имя — легион.

Гордыней сатанинской ослеплен,
Грядет ваш царь, взлелеянный кагалом,
Для вас он куплен золотым металлом,
Для вас он вознесен на древний трон.

Но можно ль злом и лестью мир управить?
Но можно ль рост иль жизнь себе прибавить,
Из зависти все лучшее убив?
Вы страшным сделали свое вероученье,
Сознательно от Бога отступив!
Не я сужу вас. Господу отмщенье.

* * *

Есть от чего покоя нам лишиться,
Отведали тюрьмы, теперь сумы,
Но есть за что на правое решиться!
Свет не погас среди кромешной тьмы,
В великом, в малом — что кому по силам,
Не так уж безнадежно пали мы.
Поклонимся отеческим могилам,
Отцов помянем правдой и добром.
Мы на своей земле. Мы к людям — с миром.
Так почему опять наш грабят дом?
За что срамят нас? Уськают своих же?
За что на нас с ножом и топором?
Скажите: кто был русскими обижен?
Учили вас за счет своих детей,
Кормили вас, возили по Парижам
Для пасквилей «Московских новостей».
Ну, что ж, пусть русских образумят беды.
Но кто тогда не соберет костей?
ВЕДЬ РУССКИЕ ВОЮЮТ ДО ПОБЕДЫ!

* * *

Мне снился кедр уральский и душистый,
Текла в руках, как шелк, его хвоя.
Была зима лучистой и пречистой.
Все было в голубом! И тут проснулась я.
Но запах кедра шел смолистый, сильный,

И ветер по лицу крылом скользил.
Вдруг вспыхнул образ на стене старинный
Средь темной комнаты! Снял и говорил:
«Не мудрая, познай Мою Премудрость.
Слепая, виждь. И разомкни свой слух.
Преодолей земную боль и трудность.
Прими в себя и Благодать и Дух!»
И далее был свиток мне развернут
Непостижимой высоты небес!
Земля была внизу планетой черной,
Которую святил сияньем Крест.
Что было вне Креста — во тьме осталось.
Но где касался луч — там все цвело,
Любовь от света в людях пробуждалась,
Росло добро, и умалялось зло.

* * *

Саровской пустыни святыня и солнце!
Вот голубем диким душа моя ждет.
В икону смотрю, как в простое оконце
Избы деревенской, где радость живет.
Мне, страннице бедной печального мира,
Там будет приют, и любовь, и покой.
Стою у окошка усталой и сирой.
А Старец меня подзывает рукой.
Войду! Обогреет, напоит, накормит,
Поплачет со мной, посмеется со мной,
И сердце оттает, рассеется горе,
И сотами пахнет, целебной травой...
Прильну я всем сердцем к приюту родному,
И, силы набравшись, бесстрашно гляжу
На путь предстоящий мне к Вечному Дому.
Поклон положу. И легко ухожу.

* * *

Есть Слово — Господь. И над словом — Господь.
Поэзия — Господа дар и призванье.
Содержится словом Его мирозданье,
И слово Его облекается в плоть.
И есть Красота выше прочих красот —
Пречистая Дева и Божия Матерь.
Ее постигает художник, ваятель —
И зримо нам образ прекрасный дает.
Есть Музыка — Ангелов сферы и светы,
И слух нам лелеют, и звук нам несут.
Все в мире гармонии ими напеты.
И счастливы мы, если нас призовут:
Да будут уста наши мудростью святы,
Да будут глаза наши светом ясны,
И руки чисты, и одежды не смяты,
Творенья да будут честны.

Художник С. Трофимов

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Книга II

ЧАСТЬ VI

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

В четыре часа утра двадцать девятого апреля в фюрер-бункер вызвали Лоренца, представлявшего в ставке фюрера печать, и двух офицеров СС. Все они были в маскировочных халатах, в касках и с оружием. Им надлежа-

Окончание. Начало в № 7—8.

ло перейти фронт и вручить завещание Гитлера Деницу в Шлезвиг-Гольштейне и Шернеру в Чехословакии.

Затем наступила тишина.

Ровно через час ураганный огонь советской артиллерии обрушился на правительственный квартал. Снаряды взрывались в саду имперской канцелярии и около фюрербункера.

Спустя некоторое время огонь переместился в направлении Фридрихштрассе — Унтер-ден-Линден.

Ева, Гитлер и Борман сидели в приемной и разговаривали.

Вошел Монке.

Один вид коменданта правительственного квартала заставил их прекратить беседу: Монке сообщил, что русские танки прорвались на Вильгельмштрассе и к Ангальтскому вокзалу.

— Сколько мы можем продержаться? — спросил Гитлер коменданта.

— Два-три дня, мой фюрер, если меня обеспечат боеприпасами.

Гитлер, ничего не сказав, ушел к себе и лег. Каждые пять минут он вставал, выходил в приемную и спрашивал любого, кто попадался ему:

— Где русские?

После полудня стало известно, что советские войска подходят к территории имперской канцелярии.

2

Все собрались в приемной. Гитлер, делая вид, будто он вполне владеет собой, играл с щенком. Борман строчил что-то, Геббельс, поседевший за эти дни, курил сигарету за сигаретой. Фюрер не обращал внимания на нарушителя его приказа. Ева шушукалась с секретаршами Гитлера.

Раздался крик:

— Русские стреляют из автоматов в дверь запасного входа. Их снайперы на крышах ближних домов.

Все, кто был в приемной, вскочили. Сломя голову помчались к запасному выходу охранники-эсэсовцы.

Скоро выстрелы смолкли.

К ночи Вейдлинг пришел с докладом: русские ворвались в Тиргартен со стороны Цоо. Между Ангальтским вокзалом и Потсдамерплатцем русские танки на рассто-

янии не более трехсот метров от правительственного квартала. На Принценштрассе, Фридрихштрассе и у Шпитальмаркта идут тяжелые бои.

Гитлер молчал. Молчали Монке и Гюнше. Геббельс, накануне бодро уверявший по радио берлинцев в скором подходе армии Венка, сегодня скис.

— Господа, как вы думаете, смогу ли я поспать эту ночь спокойно или русские придут сегодня?

— Сегодня — уже завтра, — ворчливо ответил ему Гитлер: шел седьмой утренний час.

В соседней комнате кто-то пел пьяным голосом. Крики и шум привлекли внимание Гитлера. Оказалось, Раттенхубер справлял день своего рождения. Пошатываясь, Раттенхубер вышел из комнаты и что-то сказал заплетающимся языком. Фюрер поздравил его. Раттенхубер все ловчился поймать и поцеловать руку рейхсканцлера.

Гитлер брезгливо отдернул ее.

Борман, Бургдорф, Кребс, Хавель и Фосс дремали в креслах. У каждого под рукой лежал заряженный пистолет.

День прошел в ожидании русских. Бои шли в Тиргартене и у рейхстага.

3

К утру последнего апрельского дня бой утих.

Нежную, только что пробивавшуюся зелень травы в саду имперской канцелярии согревало весеннее солнце. Все предвещало жаркий день. Солдат Менсгерхаузен, стоявший на посту у запасного выхода бункера, грелся в лучах дневного светила.

Дверь бункера открылась. Менсгерхаузен по привычке сделал «на караул». Ева Гитлер улыбнулась солдату.

— Не надо, — сказала она. — Я не начальство. Просто вышла погулять и посмотреть в последний раз на солнце.

— Да, оно сегодня теплое, фрау Гитлер, — ответил солдат. — Что ж, пройдитесь!

Он не придал никакого значения словам Евы насчет «последнего раза».

Ева погуляла с полчаса и ушла в бункер. Едва дверь закрылась за нею, снова заработали пушки русских. Солнечный, весенний день превратился в ад.

Менсгерхаузен выругался и прижался к стене бунке-

ра. С грохотом рушились дома поблизости от правительственного квартала. Улицы превращались в пустыню, полную обломков, мусора, обгорелых бревен.

В полдень фюреру сообщили, что с часу на час можно ждать прорыва русских к его последнему убежищу.

Гитлер заказал обед на два часа. Приглашены: секретарши и повариха Марциалли. Рядом с ней сидела Ева.

Гитлер пытался вести непринужденную беседу, но это плохо удавалось ему: все знали, что будет на десерт.

Обед приготовлен на славу — Марциалли постаралась на этот раз. Гости ели плохо. Как-то сам по себе возник разговор о смерти да о том, что ожидает человека на том свете.

Выпив кофе, Гитлер встал, попрощался с фрау Христиан, Юнге и Марциалли. Ева обняла и расцеловала их.

В большой гостиной фюрер встретил Бормана, Геббельса и Гюнше.

— Ну, до свидания, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

Борман выругался про себя: «Скажи-ка! Назначает нам свидание... Где?»

— Да, — торопливо проговорил Гитлер, — скажите Гюнше, чтобы в бензине недостатка не было. Дотла, Гюнше, дотла! — И, взяв под руку Еву, ушел.

Геббельс и Борман остались в гостиной. Вскоре к ним присоединился Бургдорф, плохо спавший ночью и зевавший.

Кребс, только что вернувшийся с переднего края, сказал, что пятьдесят шестой танковый корпус Вейдлинга, фольксштурм и разрозненные отряды еще сражаются, но силы их иссякают: еще день-два, и все кончится.

Геббельс, к кому были обращены эти слова, хмурился и кусал ногти. Затем все замолчали и стояли, прислонившись к стене. А снаружи бушевала битва.

4

В это время Кемпка возился в гараже. Распорядившись о смене постов, он собирался уходить. Раздался телефонный звонок.

Говорил Гюнше. Хриплым голосом он сказал:

— Ты должен немедленно доставить двести литров бензина.

Кемпке показалось, что тот валяет дурака, и попытался объяснить Гюнше, что он требует невозможного.

Гюнше завопил:
— Бензину! Эрих, бензину!
— Да для чего тебе?
— Не могу сказать по телефону. Пойми, я должен иметь бензин! Послушай, я должен иметь бензин немедленно у входа в бункер, даже если бы тебе пришлось для этого перевернуть весь мир!
Кемпка сказал, что может достать бензин только в Тиргартене, где закопаны бочки с несколькими тысячами литров горючего.
— Но не могу же я посылать людей на верную смерть. Там ад, русская тяжелая артиллерия работает вовсю. Подожди хоть до вечера. К тому времени обстрел утихнет. Уж сколько-то времени можно подождать?
— Я не могу ждать и одного часа. Попытайся достать бензин из баков разбитых автомобилей. Сейчас же присылай своих людей с бензином к выходу из бункера фюрера и иди сюда сам!
Гюнше повесил трубку.
Большая часть машин в подземном гараже еще не сгорела, но была придавлена обрушившимся потолком.
Кемпка приказал своему заместителю опорожнить все баки и доставить канистры куда приказал Гюнше, а сам, пробираясь через развалины, пошел в бункер узнать, что случилось.
А случилось вот что.
В четвертом часу пополудни Гитлер прошел в комнаты, занимаемые Геббельсом, простился с ним, Магдой, вернулся к себе и вызвал Линге.
— Вы хотите попрощаться со мной, мой фюрер?
— Да. Приказываю вам идти на прорыв, — устало проговорил Гитлер. — Постарайтесь небольшими группами прорваться на запад.
— Мой фюрер, а зачем нам пробиваться?
— Вы еще пригодитесь для грядущего поколения! — напыщенно ответил фюрер. Помолчав, он сказал: — Надеюсь, вы выполните свой последний долг? Помните, о чем я говорил вам?
— Но...
— Вы обязаны выполнить свой долг! — резко прервал его Гитлер.
Помрачневший Линге вытянул руку: он в последний раз приветствовал шефа.

Спустя несколько минут в кабинет Гитлера прошла Ева; все утро она просидела у Магды.

Дверь захлопнулась...

Геббельс вышел из своей комнаты. К нему присоединились Борман, Кребс, Бургдорф, Раттенхубер, Аксман, Штумпфегер, Гюнше.

Они ждали. Ждали только одного. Скорей бы!

После разговора с Гитлером Линге отправился в буфет, выпил стакан шнапса, проверил, хорошо ли заряжен пистолет, прислушался.

В кабинете Гитлера — зловещая тишина.

Часы где-то пробили четыре часа. Линге заглянул в гостиную Евы. Там никого не было. Крадучись, он пробрался в кабинет Гитлера. Прошло несколько минут. Те, кто были в гостиной, услышали выстрел. Вскоре туда зашел мертвенно-бледный Линге. Все обернулись к нему.

— Что там? — спросил Гюнше.

— Думаю, все кончилось, — пробормотал Линге. Поколебавшись, он открыл дверь в кабинет.

5

На диване у стола сидел Гитлер. Голова его упала на стол. Рядом, на ковре, лужа крови. Правая рука Гитлера лежала на колене ладонью вверх, левая висела вдоль тела. У правой ноги валялся пистолет «вальтер».

Ева, поджав ноги, сидела на диване. Ее туфли стояли на полу рядом. Крепко сжатые губы. Мертвенная бледность.

Линге вышел из кабинета.

— Фюрер умер! — Он не мог поднять глаз.

— А Ева? — спросил Геббельс.

— Оба.

Прошелестел вздох облегчения. Словно по команде все вынули портсигары и закурили.

Штумпфегер, выбросив окурок, прошел в кабинет. Следом за ним — Гюнше и Линге. Через несколько минут Гюнше вышел и махнул рукой.

— Все кончено!

И тут на него налетел Кемпка.

— Ради бога, Отто, что случилось? — вскричал Кемпка. — Ты, видимо, сошел с ума, если требуешь, чтобы я при таком обстреле доставил тебе бензин!

Гюнше, не слушая, бросился к двери кабинета и запер ее. Затем повернулся к Кемпке:

— Шеф отправился.

6

«В тот момент, — рассказывает Кемпка *, — один из моих людей вошел в приемную и доложил, что к входу в бункер доставлено сто восемьдесят литров бензина.

Я отослал его обратно. Дверь в комнату Гитлера открылась, оттуда вышли врач и Линге.

— Бензин! Где бензин? — закричал он.

Я ответил:

— Бензин приготовлен.

Линге бросился обратно в кабинет. Через несколько секунд доктор и Линге вынесли труп Гитлера, завернутый в одеяло. Лицо шефа было закрыто до самой переносицы. Сквозь сильно поредевшие волосы просвечивал мертвенно белый лоб; левая рука выскользнула из одеяла и свисала вниз.

Борман нес Еву Гитлер. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид мертвого шефа. Ева ненавидела Бормана. Она претерпела от него много обид. Его интриги в борьбе за власть давно уже были известны ей. И вот теперь ее, мертвую, нес к последнему пристанищу ее величайший враг. Нет, ни одного момента не должна она оставаться на руках у Мартина Бормана!»

Кемпка сказал Гюнше:

— Помоги нести шефа, а я возьму Еву. — Подошел к Борману и молча взял труп Евы у него из рук.

«Я не учел, что к выходу из бункера надо подняться на двадцать ступенек. Силы отказали мне, и я должен был остановиться. На половине лестницы Гюнше пришел мне на помощь. Мы вместе вынесли труп Евы.

Территория имперской канцелярии — под ураганным обстрелом. Рвались русские снаряды. Бесчисленные фонтаны земли поднимались вверх. В воздухе стояла пыль...»

Штумпфегер и Линге положили на землю труп Гитлера в трех метрах справа от входа в бункер. Рядом стояла большая бетономешалка, которую в свое время при-

* В 1952 году Кемпка опубликовал в Мюнхене книгу «Я сжег Адольфа Гитлера», в которой подробно описал свою службу в качестве личного шофера Гитлера и свое участие в сожжении трупов Гитлера и Евы Браун.

везли для того, чтобы усилить бетонное перекрытие бункера.

Гитлер лежал, завернутый в одеяло, ногами к бункеру. Одеяло, на котором его несли, не сняли... Брюки задрались вверх. Правая ступня, как и при жизни, была повернута внутрь.

Гюнше и Кемпка опустили Еву наземь рядом с Гитлером.

Вокруг рвались русские снаряды.

Кемпка бросился в бункер, чтобы отдышаться и переждать, пока утихнет артиллерийский огонь. Потом схватил бак с бензином, выбежал из бункера, поставил его рядом с трупами и, быстро нагнувшись, поправил левую руку Гитлера, пододвинул ее ближе к телу.

И сорвал пробку с бака.

Снаряды разрывались совсем рядом... Вокруг свистели осколки. Спасаясь от обстрела, Кемпка снова бросился в бункер.

Нервное напряжение достигло предела. Все выжидали момента, когда разрывы снарядов станут реже, чтобы облить трупы бензином.

«Низко пригибаясь, — продолжает Кемпка, — я выбегаю наружу, хватаю бак с бензином. Меня охватывает дрожь. Были моменты, когда я не мог совладать с собой. «Я не могу этого сделать!..»

Ветер играл одеждой мертвых, пока она не намокла от бензина.

Снаряды продолжали рваться, и нас то и дело обдавало землей. Забыв об опасности, я вытаскивал из бункера один бак с бензином за другим. Артиллерийский огонь настолько усилился, что выйти из бункера было невозможно. Только чудо уберегло нас в тот момент от гибели.

У входа в бункер стояли Геббельс, Борман и доктор Штумпфегер. Никто не мог в этот момент покинуть бункер. Снаружи был ад!

Однако как же зажечь бензин?

Предложение поджечь его гранатой я отклонил. Случайно мой взгляд упал на тряпку, которая валялась рядом с пожарным шлангом у выхода из бункера.

— Вон тряпка! — крикнул я возбужденно.

Гюнше бросился и схватил ее. Открыть бак и намочить тряпку бензином было делом одной секунды. Тряпка быстро пропиталась горючим.

— Спичку!

Геббельс достал коробку из кармана и протянул мне. Я чиркнул спичкой и поджег тряпку. Едва огонь вспыхнул, Гюнше бросил горящий шар, и он, описав дугу, упал на трупы, политые бензином.

Мы смотрели на них широко раскрытыми глазами.

Через секунду вверх взметнулось огромное пламя и поднялось облако черного дыма.

Зловещее зрелище представлял собой этот огромный столб дыма на фоне горящей столицы.

Словно окаменев, смотрели на эту картину Геббельс, Борман, Штумпфегер, Линге, Гюнше и я.

Бензин догорал. Между тем трупы даже не обуглились, и, поскольку подливать бензин в еще не потухший костер было невозможно, приходилось выжидать, пока огонь не погаснет, а потом снова поливать трупы бензином и поджигать их. Русская артиллерия не прекращала обстрел, и казалось, что сжечь трупы так, чтобы они обратились в пепел, нам не удастся».

Раттенхубер (следователю). Это был жуткий костер. Менсгерхаузен сказал мне: «Невозможно стоять здесь. Нас тошнит от запаха горелого мяса!»

Мы нашли палки и столкнули горевшие трупы в бомбовую воронку, где лежала отравленная ядом Блонди. Вот оно так и вышло, как было написано у нее на ошейнике: «Оставь меня всегда при себе...»

Солдат Герман Карнау (следователю). Я шел в столовую имперской канцелярии... Подойдя к бункеру, нашел дверь запертой и решил пройти через сад, чтобы добраться до запасного выхода. Повернув за угол у сторожевой башни, я увидел около входа в бункер два охваченных огнем трупа... Это было омерзительное зрелище.

Мансфельд (солдат, дежуривший на сторожевой башне, следователю). Я видел, как эсэсовцы несколько раз выходили из бункера и поливали трупы бензином. Позже мы с Карнау подошли к трупам. Конечности обгорели почти полностью, так что были видны кости ног Гитлера. Час спустя я снова подошел к трупам. Они все еще горели, но пламени уже не было.

Кемпка. Сожжение трупов длилось до вечера. В труднейших условиях мне удалось достать еще две сотни литров бензина. Вечером Раттенхубер сказал мне, что он, Линге и еще несколько охранников потушили пламя.

Обуглившиеся трупы Гитлера и его жены были похоронены у стен моей квартиры, рядом с бункером.

Раттенхубер (следователю). Итак, Гитлер мертв. Ни на кого это не произвело особенного впечатления. Каждый думал об одном: как ему выбраться из бункера. Хлопали выстрелы — кто-то кончал с собой... Другие судорожно собирали вещи. Начался дикий разгул.

Он начался накануне вечером. Все знали: не сегодня завтра русские ворвутся в правительственный квартал.

В складах — запас напитков на год. Еды сколько хочешь. Сигареты, шоколад, фрукты.

Словно сорвавшись с цепи, солдаты, офицеры СС, челядь из бункера, девушки-связистки набросились на еду и выпивку. Оргия, продолжавшаяся всю ночь, не давала спать обитателям бункера. Вершины она достигла вечером тридцатого апреля.

В темных закоулках подвалов женщины отдавались солдатам. Дикий хохот сменялся истерическим плачем. Здесь же ели, здесь же блевали, чтобы снова накинуться на еду и водку.

Какая-то девушка, обезумев от пьянства, разорвала кофту и плясала с оголенными грудями нечто непристойное. Офицер, раненный в руку и голову, остекленевшими глазами долго наблюдал за девкой, чья похоть доводила солдат до одурения. И он тоже начал плясать... Он толкался на одном месте в ритме танца, потом содрал с себя повязки и тут же упал замертво. Эта картина вызвала приступ пьяного хохота.

Похабные песни, площадная брань, корчившиеся от обжорства солдаты, вонь, смрадный дым...

Так справили поминки по фюреру.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Охранять больше некого. Гитлер сожжен. Не оставаться же и не стеречь его могилу и не отбивать от русских то, что осталось от него! Они забыли о приказе фюрера: не позволить русским найти его труп. Они думали, что сотни мертвецов, кое-как присыпанных землей во дворе имперской канцелярии, введут русских в заблужде-

ние и труп Гитлера не будет обнаружен. И жестоко ошиблись.

То, что осталось от Гитлера и Евы Браун, нашли. Нет, их прах не выставили напоказ, как того боялся фюрер. Судебно-медицинская экспертиза с непреложной точностью вышибла карты из рук тех, кто распространял в те времена и сейчас распространяет небылицы о побеге Гитлера.

«В 17.00 меня вызвали в фюрер-бункер, — рассказывал Монке. — Там были Геббельс, Борман, Кребс, Науман, Бургдорф. На их лицах было написано одно: «Что делать?»

Кребс предложил вступить в переговоры с русскими; Берлин не может больше держаться. Взят рейхстаг, и на нем развевается красное советское знамя. Конец близок.

— Недавно, — продолжал Кребс, — в моем присутствии фюрер сказал фельдмаршалу Шернеру, что он мог бы договориться только со Сталиным. Но русские никогда не сядут с ним за стол переговоров. «Главная помеха к этому я» — так сказал фюрер. Своим самоубийством фюрер как бы указал нам, с кем мы должны вести переговоры.

Кребс предложил послать к русским штабного офицера, так сказать, нащупать почву для переговоров, которые потом завершат члены правительства.

— Важно добиться от русских перемирия, чтобы мы могли снестись с рейхспрезидентом Деницем и получить от него инструкции, что предпринимать дальше: сражаться или сдать Берлин.

Борман и Геббельс согласились с Кребсом, но яростно отвергли всякую мысль о капитуляции.

Борман сказал, что отношения между западными союзниками и Советским Союзом не могут быть прочными: у них совершенно разные цели. Занятием Шлезвиг-Гольштейна и Дании англичане отрезали русским путь к Северному морю. Вторгнувшись в Грецию и включив в свою орбиту Турцию, они отняли надежду русских на свободный проход через Дарданеллы в Средиземное море.

— Кребс прав, — окончил Борман. — Важно хотя бы для вида сговориться на первых порах с русскими. С их союзниками мы столкуемся.

Геббельс сказал, что он хотел бы послушать коменданта Берлина Вейдлинга. Если есть возможность сопротив-

ляться, надо протянуть время. Мало ли что может случиться за эти дни. Вдруг действительно западные союзники вступят в вооруженный конфликт с русскими?

— Чем черт не шутит! — пожал плечами Борман.

Вызвали Вейдлинга. Прячась в развалинах от обстрела русских, он кое-как пробрался в фюрер-бункер.

И вот что там произошло, как потом рассказывал Вейдлинг.

Геббельс (с пафосом). Генерал, фюрер умер.

Вейдлинг (встав и помолчав). Я не знал.

Борман (мрачно). И пусть пока никто не знает.

Вейдлинг. Почему?

Борман (свирепо). Это дело рейхсканцлера. Ваше дело подчиняться ему.

Вейдлинг (изумленно). Но он умер, вы же ска...

Кребс (прерывая его). Фюрер перед смертью назначил доктора Геббельса рейхсканцлером.

Вейдлинг. Вот как?

Геббельс. Да, вот так. Знаете, зачем вас вызвали?

Вейдлинг. Понятия не имею, господин рейхсканцлер.

Борман. Разговор короткий. Мы не можем сдать Берлин англосаксам. Хочешь не хочешь, надо договариваться с русскими.

Вейдлинг. О чем, смею спросить?

Геббельс. О перемирии.

Вейдлинг. Но, господин рейхсканцлер, неужели вы думаете, что русские так наивны, чтобы согласиться на перемирие, когда они вот-вот овладеют всем Берлином?

Геббельс. Я бы посоветовал вам поменьше рассуждать.

Борман. Вот именно, черт побери! Из-за таких рассуждающих мы и проиграли войну.

Вейдлинг. По-моему, если они и согласятся, то только на капитуляцию.

Геббельс (резко). Это исключено.

Борман (в бешенстве). Неужели вы до того напуганы русскими, что ваши мозги перестали варить? Нам нужно оттянуть время, ясно?

Геббельс. ...И любыми средствами вынудить русских признать новое правительство. Оно должно собраться в Берлине. Мы полагаемся на любезность советского командования.

Вейдлинг. Понимаю.

Борман. Кажется, до него дошло, Кребс, а?

Вейдлинг (с отвращением). Не все, господин рейхслейтер. Я солдат и привык разговаривать по-солдатски прямо.

Кребс. Ну?

Вейдлинг. Неужели вы думаете, что русские будут вести переговоры с таким правительством, где вы, господин Геббельс, занимаете пост рейхсканцлера?

Геббельс (сокрушенно). Нет, он не годится для переговоров.

Борман. Пусть пойдет Кребс. Кстати, он знает русский язык.

Кребс. Так точно, господин рейхслейтер. Как-никак, не один год работал в Москве военным атташе.

Борман (подмигнув ему). И кое-что поразнюхали там, а?

Кребс. Не без того.

Вейдлинг (холодно). Мне можно уйти?

Борман. Да. Слушайте, Йозеф: пока идут переговоры, не прекратить ли стрельбу?

Геббельс. Это мой приказ.

Вейдлинг. Слушаюсь.

2

Первого мая Кребс и начальник штаба Вейдлинга подполковник фон Дюффинг, переводчик и солдат-парламентер перешли линию фронта. Их привезли на командный пункт восьмой гвардейской армии. В дни Сталинградской битвы эта легендарная армия числилась как шестьдесят вторая. Кребса принял ее бессменный командующий генерал-полковник В. И. Чуйков.

Кребс (доверительно, играя в эдакого своего парня). Господин командующий, вы первый иностранец, которому я сообщаю о смерти рейхсканцлера Гитлера. Тридцатого апреля он покончил самоубийством.

Чуйков. Эка печаль! Туда ему и дорога!

Смех присутствующих.

Кребс (поняв, что его сообщение наткнулось на каменную стену презрения). Имею честь предъявить свои полномочия на ведение переговоров. Подписано рейхслейтером Борманом. Далее, передаю список нового германского правительства, назначенного и вступившего в

исполнение обязанностей согласно завещанию фюрера. И еще документ — обращение к советскому верховному командованию о временном прекращении огня в Берлине, что должно создать базу для переговоров нового правительства рейха с Советским Союзом.

Чуйков (отложив документы). Так! Чего же хочет ваше «правительство»?

Кребс (волей-неволей пропустив мимо иронию в словах Чуйкова). Временное прекращение военных действий даст нам возможность связаться с остальными членами правительства, находящимися вне Берлина. Мы сообщим им о посмертной воле фюрера и одновременно поставим германский народ в известность о смерти Гитлера и о новом правительстве. Тем самым оно станет узаконенным, и Советское правительство будет иметь официального партнера при последующих переговорах о заключении мирного договора.

— Заключить мир? — переспросил Чуйков, понимая все вероломство затеи Геббельса и Бормана. — Значит, подписать его сепаратно от наших союзников? Не выйдет, господин генерал. И не надейтесь. И вообще, — добавил он, — я не имею полномочий вести переговоры с вашим правительством. Судя по списку, оно ничем не отличается от предыдущего. Только что Гитлера нет. Могу сообщить ваши предложения высшему командованию, а со мной вы можете договариваться о капитуляции. О полной и безоговорочной капитуляции.

— Тогда я буду ждать ответа вашего верховного командования.

— Пожалуйста.

— Нет, нет, я не имею возможности вести иные переговоры, кроме как о перемирии. Это же в ваших интересах!

— Послушайте, — остановил Чуйков излияния Кребса. — Ясно ли вам мое предложение о безоговорочной капитуляции?.. Неужели вы будете зря бороться и терять людей? Я задаю вопрос: в чем, в конце концов, смысл вашей борьбы?

— Мы будем бороться до последнего, — уклончиво ответил Кребс. Он продолжал изворачиваться. — Боюсь, что может появиться еще одно правительство, которое будет против решений фюрера. Я только что слушал Стокгольм. Мне показалось, что переговоры Гиммлера с

союзниками зашли слишком далеко. Вы должны быть заинтересованы в создании нового германского правительства! — стоял на своем Кребс.

— Не понимаю, на что вы рассчитываете? — Чуйков пожал плечами. — Наиболее популярным будет то правительство, которое согласится на капитуляцию.

Чуйкову надоело переливать из пустого в порожнее с генералом, который извивался, как карась на сковородке.

— Понимаете ли вы, что мы и союзники требуем полной капитуляции? По-моему, немецкое население достаточно хлебнуло от бомбежек.

— Надежды на будущее немецким народом потеряны, — уныло признался Кребс. — Фюрер понял, какую жертву принес наш народ.

— Поздно понял! — отмахнулся Чуйков. — Вы, вижу, очень побаиваетесь других правительств?

— Гиммлер предал нас и может создать новое правительство. Он еще не знает о смерти фюрера и о его завещании.

— Ну и ладно: знает — не знает. Как вы думаете связаться с другими районами? Ведь они отрезаны.

— Посредством перемирия.

Чуйков махнул рукой. Толчется на одном месте, и черт его знает, что у него на уме.

— Послушайте, — начал он после молчания, — это ваше правительство не для того ли создано, чтобы собрать все силы и продолжать войну с нами?

— Нет, чтобы начать переговоры, а потом кончить войну.

— А может быть, кончить войну, а потом начать переговоры?

— Ответ может дать мое правительство, а не я.

— Странно все это! Вы хотите, чтобы лилась кровь? Если вы не капитулируете, мы пойдем на штурм. Разбирайся, где там какое правительство. Снаряду не различить, кто солдат, кто член правительства.

Снова бесплодные потуги Кребса объяснить, чего ради он приехал.

К этому времени в штаб Чуйкова приехал генерал армии Соколовский. Он спросил Кребса, когда Геббельс намеревается объявить народу о Гитлере и Гиммлере? Кребс ответил, что это будет сделано немедленно, если

русские и он придут к соглашению о признании нового правительства. Чуйков на это заметил, что до капитуляции новое правительство создано быть не может.

— Нет, — упрямо стоял на своем Кребс. — Без Деница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляцию.

— Тогда вы не создадите правительство, — решительно объявил Чуйков.

Получив ответ Советского правительства, настаивающего на немедленной и безоговорочной капитуляции, Соколовский вручил его Кребсу. Всем солдатам Берлинского гарнизона гарантировалась жизнь, офицерам — сохранение орденов и холодного оружия, раненым обещана медицинская помощь.

— В случае принятия предложения о безоговорочной капитуляции Советское правительство даст возможность Борману и Геббельсу связаться с Деницем с тем, чтобы немедленно обратиться к союзным державам с просьбой начать переговоры о мире.

Кребс вернулся в правительственный квартал. Геббельс отверг предложения Советского правительства. Кребс тут же застрелился.

Штурм Берлина возобновился.

Неслыханным изуверством окончился предпоследний день фюрер-бункера: Геббельс и его жена умертвили детей. Им впрыснули морфий. Они уснули.

Магда Геббельс, награжденная Гитлером орденом «За храбрость», это чудовище в образе женщины, сделала то, от чего отказались врачи, бывшие в бункере: ни у кого из них не поднялась рука на детей.

Их умертвила мать.

...В ночь на второе мая все, кто еще был жив, готовились к бегству из фюрер-бункера. Приближенные Гитлера уходили не с пустыми руками. Знак к грабежу подал Аксман. Он исподтишка сунул в карман пистолет, из которого фюрер стрелял в себя. Проделка Аксмана не прошла незамеченной. Началась вакханалия. Люди тащили все, что могли унести с собой: вино, фрукты, еду, картины, дорогие ткани. Кто-то удосужился захватить сапоги Гитлера. Линге, перед тем как вынести из бункера труп шефа, содрал с его мундира золотой партийный знак. Исчезли драгоценности Евы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Матерый шакал, родоначальник стаи шакалов, убрался. Но еще рыскал по Германии в поисках логова шакалий выводок, с теми же повадками, как и их вожак. В конце концов он обосновался в городке Флейсбург на севере страны, почти на границе с Данией.

Рейхспират Дениц стал рейхспрезидентом.

Чтобы не быть обвиненными в предвзятости, дадим слово главе государства. Он произнес его по радио первого мая сорок пятого года вечером.

«Немецкие мужчины и женщины, солдаты немецкого вермахта!

Наш фюрер Адольф Гитлер погиб. В глубочайшем трауре и с благоговением кланяется ему немецкий народ. Он очень рано распознал ужасную опасность большевизма и посвятил борьбе с ним всю свою жизнь. И его героическая смерть в столице немецкого рейха является концом этой борьбы и его прямого и твердого жизненного пути. Вся его жизнь была служением Германии. Его борьба против большевистского натиска относилась не только ко всей Европе, но и ко всей мировой культуре.

Фюрер назначил меня своим преемником. С полным сознанием ответственности принимаю я руководство немецким народом в этот тяжелый час. Моей первейшей задачей является спасение немецкого народа от проникающего большевизма. И только с этой целью продолжаются дальнейшие военные действия. А так как достижению этой цели нам мешают пока британцы и американцы, мы должны защищаться и продолжать бороться и против них. Следовательно, англичане и американцы продолжают воевать не ради своих народов, а исключительно для того, чтобы способствовать распространению большевизма в Европе.

Все, что немецкий народ совершил в круговороте этой войны и что он вынес у себя на родине, случается в истории только раз. Когда наступит трудное время для нашего народа, я буду стремиться, насколько это будет в моей власти, к тому, чтобы создать сносные жизненные условия для наших мужественных женщин, мужчин и детей. Если мы сделаем все, что в наших силах, то и

господь Бог не оставит нас после стольких страданий и жертв...»

Еще в октябре тысяча девятьсот тридцать девятого года, когда между Германией и Норвегией были мирные отношения, хотя уже поднимала голову пятая колонна Квислинга, Дениц посоветовал фюреру вломиться в чужой дом, то есть в Норвегию, и отнять у нее порты Тронхейм и Нарвик.

Дениц подкопался под гросс-адмирала Редера, обвинив его в недостаточной жестокости, и сам стал гросс-адмиралом и главнокомандующим военно-морским флотом.

Этот гросс-адмирал, чьи злодеяния перекрывают все похождения пиратов прошлых веков, написал мемуары. Конечно, военные беды Германии он тоже сваливает на того, кто в конце своей жизни возвел его в ранг президента издыхавшего вместе с Гитлером фашистского рейха.

Он же, мечтая о реванше, умоляет немцев «не унижать чести воина, чтобы не стерлось чувство уважения к тем, кто в последней войне отдал жизнь при выполнении своего долга».

Карл Дениц признается, что Гитлер казался ему «не только законным и легально пришедшим к власти главой правительства, но и представлялся мне, военному, крупным политическим деятелем, человеком высокого интеллекта и большой энергии...» И лицемерно добавляет, в угоду, так сказать, моде: «Слишком поздно мне удалось рассмотреть его демоническую натуру...»

Дико думать сейчас, что фленсбургское правительство существовало двадцать три дня! И не только существовало, но управляло и воевало, когда русские и союзники стояли лицом к лицу на Эльбе!

2

Дениц начал правление с прямой лжи. Первого мая он довел до сведения немецкого народа, что «наш фюрер, борясь до последнего вздоха с большевизмом, пал за Германию...».

Воззвав к милосердию немецкого господа бога, гросс-адмирал между тем слал вовсе не милосердные приказы вермахту продолжать войну и, очевидно, во имя того же господа бога уложил еще полсотни тысяч мужчин и мальчишек.

«Как ни тяжело, — пишет он, — но создавшееся положение заставило продолжать военные действия на всех фронтах и морях, вызывавшие дальнейшие потери в войсках и среди гражданского населения в результате воздушных бомбардировок. Со всем этим приходилось мириться поневоле, так как потери были все же меньше тех, которые могли возникнуть в случае преждевременного прекращения сопротивления на востоке Германии... Если бы в период, когда немецкие армии находились далеко от англо-американского фронта, спросили мое мнение, я, по упомянутым выше причинам, отнесся бы отрицательно к немедленному прекращению военных действий...»

Но и став правителем, Дениц столь же отрицательно отнесся к «немедленному прекращению военных действий»...

Одно беспокоило Деница: Гиммлер тоже рвался к власти.

«В этом, — признается Дениц, — таилась опасность для меня. В распоряжении Гиммлера имелись органы власти, у меня не было ничего. Возникал вопрос, как отнесется он к создавшемуся положению? Не могло быть и речи о совместной работе с ним теперь, когда на меня ложилась ответственность за подбор людей на руководящие должности. В мои планы вовсе не входило, чтобы на меня оказывалось какое бы то ни было политическое давление. В то время я точно не знал, в чем виновен Гиммлер, но ясно было уже тогда, что мы с ним не сойдемся. Необходимо было высказаться по этому поводу и объясниться с ним. Тем же вечером тридцатого апреля я поручил своему адъютанту попросить Гиммлера срочно прибыть ко мне. Тот ответил отказом. Тогда я стал говорить с ним сам и подчеркнул необходимость немедленной встречи. В конце концов он согласился приехать».

К тому времени в ставку Деница прилетели Грайм и Ганна Райч.

3

«Когда я поднялась в воздух, Берлин был сплошным пылающим костром», — вспоминает Райч.

Минут через пятьдесят они приземлились на аэродроме Рейхлин. Отдав приказ стоявшим там эскадрильям срочно вылететь на помощь фанатикам, оборонявшим

Берлин, Грайм направился в Плоен, чтобы узнать у Деница, где Гиммлер.

Новый рейхспрезидент либо действительно не знал, что происходило в фюрер-бункере 30 апреля, либо притворился незнающим. Он сказал Грайму, что Гиммлер будет у него второго мая.

Действительно, вечером второго мая в Плоен, куда собрались члены нового «правительства», приехал Гиммлер. Его сопровождала сильная, до зубов вооруженная охрана.

Правительство совещалось с Граймом. Райч сидела в приемной Деница. Вошел Гиммлер.

Вот как передает Райч свой разговор с рейхсфюрером СС.

Райч. Один момент, господин рейхсфюрер. Есть у вас несколько свободных минут?

Гиммлер. О, разумеется! У меня теперь много свободных часов и дней.

Райч. Правда ли, господин рейхсфюрер, что вы связались с союзниками и предложили им капитуляцию, не имея на то разрешения фюрера?

Гиммлер. Ну конечно!

Райч. Но ведь это государственная измена! Вы сделали это тогда, когда ваше место должно было быть рядом с фюрером.

Гиммлер. Полно! Какая там государственная измена! Вы увидите, что история оценит это совсем иначе. Фюрер хотел продолжать борьбу... Смешно! Он свихнулся, окончательно свихнулся. Безжалостно проливать немецкую кровь?.. Крови-то, в сущности, уже не осталось! Когда я понял, что Гитлер сошел с ума, я предпринял известные вам шаги.

Райч. Фюрер сумасшедший? Я была с ним тридцать шесть часов назад! Он умер, а вы и Геринг — предатели и трусы!

Гиммлер. Ну, зачем же такие слова, Ганна! Все это я сделал для спасения немецкой крови, поверьте мне. Спасти все, что еще осталось от нашей страны, — вот моя цель.

Райч. И это вы говорите о немецкой крови? Вы, проливший моря ее?»

Гиммлер махнул рукой и ушел в зал совещаний.

Дениц попросил членов правительства выйти.

«Гиммлер, — пишет Дениц, — появился в сопровож-

дении шести вооруженных офицеров-эсэсовцев. Мой адъютант присутствовал при разговоре. Я предложил Гиммлеру сесть, а сам занял место за письменным столом, на котором, прикрытый бумагами, лежал поставленный на боевой взвод пистолет... Я не мог знать, чем окончится наше свидание.

— Прошу вас, прочтите! — сказал я, протягивая Гиммлеру только что полученную радиограмму о моем назначении рейхспрезидентом, и стал следить за выражением его лица.

Гиммлер не сумел скрыть овладевшего им сильнейшего смущения и разочарования. Он побледнел, и по всему видно было, что рушились имевшиеся у него надежды».

Дениц (отобрав у Гиммлера радиограмму из бункера). Ну, что скажете?

Гиммлер (как бы покорившись судьбе). Разрешите в таком случае быть вашей правой рукой в правительстве.

Дениц (зная, что даже англосаксы не потерпят в его правительстве Гиммлера). У меня нет для вас должности.

Гиммлер (вызывающе). Быть может, вы пожалеете об этом.

Дениц. Довольно! (Удар кулаком по столу.) Разговор окончен, господин рейхсфюрер».

В том же разговоре рейхспрезидент обвинил Гиммлера в кровавых преступлениях. Напомним, слова эти он произнес второго мая. Что же он пишет в мемуарах?

«В то время мне очень мало было известно о бесчеловечных действиях национал-социалистской власти. Глубоко потрясенный, я узнал обо всем лишь по окончании войны!.. Теперь передо мной ясно предстали мрачные стороны национал-социализма. И вместе с тем изменилось мое отношение к созданному этим учением строю. Глупо и недостойно не учитывать уроки прошлого...»

Когда Деница судили, ему напомнили о переговорах с Гиммлером.

«Да, — ответил Дениц, — тридцатого апреля я решительно отверг предложение Гиммлера о совместной работе, но порвать с ним окончательно не мог...»

Почему?

Очень просто.

«У него (Гиммлера) в руках находились полицейские силы, а у меня ничего такого не было...»

Как так? Ведь в то время гросс-адмирал и рейхспрезидент уже был в ранге главнокомандующего! В его распоряжении — весь уцелевший вермахт, батальон подводников, охрана штаба.

«Положение изменилось после того, как вся Германия была занята оккупационными войсками союзников. Пятого мая я освободил Гиммлера от всех занимаемых им постов...»

Да ведь еще Гитлер сделал это, господин гросс-адмирал! К тому же в те времена Дениц знать не знал, где Гиммлер и что с ним. А он уже был трупом. Его поймали, обыскали. Ротозейство того, кто производил обыск, помогло Гиммлеру избежать петли: в пустом дупле сгнившего зуба у него была ампула с ядом. Умер он мгновенно, так сказать, освободившись без приказа Деница от всех должностей.

Гросс-адмирал распорядился арестовать Геббельса и Бормана, если они появятся во Фленсбурге. Как будто он не знал, что Геббельс отравился и зверски расправился со своими собственными детьми, а Борман неизвестно где.

Так началось правление рейхспрезидента.

4

Он задумался над составом своего кабинета.

«Особенно важным для меня было найти опытного помощника по внешнеполитическим вопросам... Меня посетил министр финансов Шверин-Крозиг... Его ясное представление и трезвое суждение о создавшейся обстановке произвели на меня благоприятное впечатление. Я убедился в том, что его взгляды на будущее Германии связаны с Западной Европой и соответствуют моим собственным убеждениям по этому вопросу...»

Шверин-Крозиг назначен консультантом при рейхспрезиденте и председателем кабинета министров. Дениц решил сделать перемены в верховном главнокомандовании вермахта на том основании, что оно «оторвалось от фронта и не в состоянии принимать правильные решения».

Короче, он хотел убрать туповатого солдафона Кейтеля и назначить на его место Манштейна. Йодля он решил оставить... Чем прельстил его генерал, смотревший в рот Гитлеру и сочинявший победоносные реляции в

угоду ему? Оказывается, «объективным, здравым образом мышления и настоящей солдатской порядочностью!».

Держа в своих руках средства связи, еще далеко не нарушенные, Дениц, как это ни странно, не сумел связаться с Манштейном. «Поэтому, — меланхолично пишет он, — Кейтель и Йодль остались во главе верховного командования».

Чем же было озабочено фленсбургское правительство?

«Мне хотелось отвести наши армии насколько возможно ближе к уже известной нам границе англосаксонской зоны и эвакуировать на запад большее число беженцев... Для отвода войск и эвакуации гражданского населения на запад требовалось примерно еще 8—10 дней. Следовательно, мне необходимо было попытаться на этот срок оттянуть момент капитуляции перед Советским Союзом...»

То есть продолжать, во что бы то ни стало продолжать бойню на Восточном фронте ради того, чтобы угодить англосаксам, спасти себя, спасти своих преступных единомышленников.

Направляя грандиозный поток мирных людей на запад, заведомо провоцируя их на массовое бегство, Дениц губил тысячи жизней. Он сам в мемуарах описывает нечеловеческие страдания беженцев! Из одной части выжженной земли люди бежали в другую выжженную часть... И все это делалось, как пишет Дениц, из чувства гуманности!

Итак, сопротивление русским до возможного предела и капитуляция перед союзниками — вот то главное, чем занимались во Фленсбурге.

Адмирала Фридебурга отправили к Монтгомери. Фельдмаршал встретил Фридебурга воинскими почестями. Более того, в ознаменование «исторической встречи» сэр Бернард отменил боевой вылет британских самолетов, уже стоявших на старте, чтобы подняться в воздух и громить остатки вермахта.

Монтгомери не скрывал своих мыслей и идей. Он человек по-солдатски откровенный:

«Насколько мне было известно, наступающие русские были более опасны, чем разбитые немцы. Практически война с немцами была окончена. Существенная и неотложная задача состояла в том, чтобы как можно быстрее продвинуться вперед, выдвинуться к Балтике и создать заслон, обращенный на Восток...»

С нетерпением ждал Дениц возвращения Фридебурга. Тем временем он занимался делами.

«Рейхспротектор Богемии и Моравии Франк доложил мне, что в чешских буржуазных кругах царит беспокойство за политическое будущее страны, если Чехословакия будет освобождена русскими. Франк предложил, чтобы политические деятели этих буржуазных кругов сами договорились с американцами о капитуляции и попросили их занять страну. Я не верил в возможность принятия американцами такого предложения. Тем не менее я согласился, чтобы попытка в этом направлении была сделана...»

Затем Дениц, по его словам, «был рад развязаться в наикратчайший срок со странами, сдача которых уже была предусмотрена нами...»

Черчилль считал «скорейший захват войсками Монтгомери Любека чрезвычайно важным... Наш приход в Любек раньше русских... поможет избежать многих споров впоследствии. Нет никаких оснований для того, чтобы русские оккупировали Данию, которую надлежит освободить и суверенитет которой должен быть восстановлен. Наше положение в Любеке, если мы попадем туда, будет иметь решающее значение в этом вопросе».

Покончив с этой проблемой, Дениц небывалыми почестями встретил Фридебурга, привезшего радостные вести для волчьего выводка.

Не доложив Эйзенхауэру, не поставив в известность советское командование, Монтгомери дал согласие на частичную капитуляцию вермахта в пределах северного района Германии. Это уже было похоже на сепаратный мир и отказ от принципа безоговорочной капитуляции.

Возмущение Советского правительства вынудило Эйзенхауэра, принявшего пятого мая Фридебурга, заявить, что он ни в коем случае не согласится на частичную капитуляцию и требует, чтобы «мы, — пишет Дениц, — немедленно и безоговорочно капитулировали на всех фронтах, следовательно, и на русском фронте. Немецкие войсковые части должны прекратить всякое передвижение, оставаться там, где находятся, и сдаться в плен. Главный штаб вермахта будет нести ответственность за выполнение безоговорочной капитуляции, распространявшейся также и на военные корабли и торговый флот...».

Дениц приуныл. Планы срывались. Но, может быть, Эйзенхауэра, которого не уговорил Фридебург, уговорит

Йодль? Йодль полетел к главнокомандующему союзных войск и вскоре сообщил гросс-адмиралу:

«Генерал Эйзенхауэр настаивает: мы должны подписать капитуляцию еще сегодня. В противном случае дальнейшие переговоры будут прерваны, все фронты союзников закрыты для отдельных лиц, пытающихся сдаться в плен... и он (Эйзенхауэр) прикажет стрелять по каждому, даже не имеющему оружия солдату, который попытается приблизиться к американскому фронту...»

Йодль попросил подтвердить по радио его полномочия для подписания капитуляции, «после чего девятого мая в 00 часов враждебные действия прекратятся».

Что оставалось делать гросс-адмиралу? Он уполномочил Йодля подписать капитуляцию и, в припадке ярости, обвинил Эйзенхауэра в том, что тот «не учитывал значения совершившихся в мире политических изменений».

Другое дело сэр Уинстон Черчилль!

«Он намеревался использовать меня в качестве полезного инструмента и через меня осуществлять обязательные для немецкого народа распоряжения, чтобы избавить англичан от необходимости «совать руки в растревоженный муравейник». Черчилль считал даже, что впоследствии с моего счета, так сказать, можно будет списать якобы совершенные мною по должности командующего подводным флотом военные преступления, если моя работа окажется полезной для англичан. Такая установка Черчилля вполне соответствовала моим представлениям о холодной и расчетливой политике Англии...»

5

Капитуляция подписана, война прекращена... Казалось бы, все, что Дениц мог сделать, он сделал.

Нет, его еще терпели, от него получали памятные записки, реляции, предложения, расчеты, жалобы, упреки, поучения... Он занимался разработкой планов и составлением докладов «по вопросам борьбы с переживаемыми страной трудностями, руководимой центральной властью...».

Флаг с фашистским пауком развевался над резиденцией Деница. Портреты фюрера висели повсюду, а в кабинете рейхспрезидента он был изображен во весь рост. Радиостанция передавала приказы нового рейхспрезидента. Батальон охраны и бригада дивизии «Великая

Германия» заботилась о безопасности главы государства.

Однако всему приходит конец.

«В мае 1945 года моим стремлением было сохранить выпавшую на мою долю обязанность до результатов выборов или до принудительного отстранения меня от этой должности союзниками.

В середине мая месяца стало заметно, что в кругах победителей назревает вопрос о дальнейшем существовании моего правительства.

После завершения общей капитуляции прибыла союзническая контрольная комиссия во главе с американским генерал-майором Роксом и английским бригадным генералом Фордом. Вскоре комиссия пополнилась прибывшим русским представителем. В продолжение целого часа я докладывал англосаксонским представителям контрольной комиссии о состоянии внутреннего положения в Германии. Я излагал также свои соображения в отношении необходимых мероприятий. То же самое пытался я доказать английскому корреспонденту мистеру Н. Этими беседами я надеялся придать большую убедительность докладным запискам, представлявшимся комиссии временным правительством. Очень хотелось мне использовать все возможности для оказания помощи немецкому народу. Той же цели служили также мои предложения и предупреждения, касавшиеся перспектив дальнейшего развития внешнеполитических отношений в Восточной Европе. Однако все это не встретило должного понимания».

Что и говорить — невежливо поступили с гросс-адмиралом. Не встретили его провокаций с должным вниманием!

«В ходе наших переговоров представители союзников проявляли сдержанность, но соблюдалась корректность в отношениях. При встречах оказывались общепринятые международные формы почестей. Понятно, что и члены моего правительства, да и сам я, также держались сдержанно, не теряя своего достоинства.

В середине мая мои личные встречи с представителями контрольной комиссии прекратились. Враждебная пресса и особенно советские радиостанции стали отводить много места сообщениям о «правительстве Деница». Русские крепко взялись за меня. Видно было, что они против образования единого для всех зон германского правительства.

Двадцать второго мая адъютант и мой личный друг Людде-Нейрат доложил мне, что председатель союзнической контрольной комиссии требует, чтобы я явился к нему на следующее утро на плавбазу «Патриа» вместе с Фридебургом и Йодлем. В ответ на это известие я коротко приказал своему адъютанту: «Распорядитесь готовить чемоданы!» Уже не было сомнения — приближался момент нашего устранения путем ареста.

Когда мы прибыли и вступили на трап «Патриа», представилась картина, резко отличавшаяся от той, которую приходилось наблюдать раньше при посещениях контрольной комиссии: внизу меня не встретил, как обычно до того, английский подполковник и не был выстроен почетный караул. Зато вокруг в избытке суетились фотокорреспонденты.

Вскоре в кают-компании «Патриа» Йодль, Фридебург и я заняли места по одну сторону стола, а напротив сели члены контрольной комиссии: в центре — американский генерал-майор Рокс, по сторонам от него — английский генерал Форд и русский генерал Трусов. Мы были готовы принять неустранимо надвигавшийся на нас моральный удар и сохраняли полное спокойствие. Генерал Рокс познакомил нас с содержанием решения, согласно которому по приказу Эйзенхауэра я, члены германского правительства и верховное командование вермахта объявлялись арестованными.

Нам объявили, что с этого момента мы считаемся военнопленными. Затем генерал Рокс несколько неуверенно спросил меня, не имею ли я что сказать. Я сказал, что считаю дальнейший разговор излишним».

И правильно! Все, что господин гросс-адмирал мог сказать, он сказал.

... Даже больше того, что надо.

Комментарии А. ЯКУШЕВСКОГО

Евгений ЮШИН

ТРИ БОЛИ

Баллада

Три боли проясняют жизнь людскую:
страх, ненависть и светлая любовь.
Автор

I

Покошены лесины, мутит хлябь
И лишь по сопкам ноги оживают.
И Аввакум чего-то ожидает,
И землю мнет в горсти...

Раздался храп.
Глядит: гнедой и рядом человек

Гранеиою губой травинку вертит,
Глаза — пружины, под рубахой — черти —
Так от груди под горло черный мех;
Густая сила мается в руке,
Покоя взору нет — все лжой полнто.
Его душа — рассохлое корыто,
Которое уиосит по реке.
Ни весел иет, ни кормчего...
Зато
Мозги клубятся в черепе, как черви.
Не тронь их — расползутся.
Выйдут нервы
И иу гулять, как ветер по плато!
— Ах, Афаиасий *, где ли жизнь твоя?!
Ну как, Пашков, построил, что ли, душу?.. —
Окликнул Аввакум его,
нарушил
Молчаиие, в горсти судьбу тая.
Слезу сухими пальцами стряхнул,
По бороде обтер и синим взглядом
Остановил идущего.
И ладом
Заговорил:
— А ты, гляжу, струхиул.
— Молчи, прибью! — Пашков вобрал глаза. —
Поди еще от прежней розги вострой
Гниет спина? Поди зальдели кости
От зимушки?
Сухарик обгрызая,
Подумай прежде...
либо промолчи.
Какую вёсну — все не поумнеешь,
Все лаешь, лаешь...
Спину на жалеешь...
Еще меня и жизни поучи.
— И поучу, — ответил протопоп, —
Ты что, рехнулся?
Малую детиину
Сажал в острог.
Опять подставлю спииу,
А не смолчу.
Рабы молчат по гроб.
Но я скажу: по глупости своей
Старуху замуж выдал.
Гадко рыло!
Меня почто мытарил? Много силы?
А коли миого, то поди — убей!
Да не убьешь ведь!
Без меня ты кто?
Шу — нет тебя —
пустой гуляет ветер.

* Десять лет Афанасий Пашков, представитель власти, противостоял Аввакуму, неоднократно применяя к нему самые жестокие наказания.

Не властен я твоей мозге и плети. —
И горький взгляд растекся по плато,
Как по реке медлительной волна.
— А ты к тому же и труслив без меры.
Эх, сукин сын!
Ни славы и ни веры —
Все пустоцвет, что по небу луна
Маячит — ни надежды, ни любви.
Ни просто уж тепла.
— Не для тебя ли? —
Оскалился Пашков. — Не дотоптали
Тебя, гляжу. Омоешься в крови,
Тогда инако губы повернешь.
Скидай одежу! —
Протопоп послушно
Подставил спину.
Холодно и скучно
Взглянул сперва на плеть, потом на нож
И, улыбнувшись, словно не страшась,
Спокойно, властно приказал Пашкову:
— Секи, беспутный! —
Улыбнулся снова
И на колени опустился в грязь.
Взыграла плеть!
Как сокол сорвалась
Она с руки — и ну клевать добычу;
Когтями — в мясо, в печень.
Ветер кличет
Седую тучу опуститься в грязь
И раны зализать.
Взыграла плеть,
Но чудно Аввакуму — нету боли.
Видать, прожил ее.
И поневоле
Он улыбнулся вновь:
— Никак стареть
Ты стал, Пашков.
Ласкаешь, а не бьешь. —
И сек Пашков, прикусывая губы,
Как шкуру драл с себя.
Наотмашь, грубо
Кровь добывал.
А сердца не уймешь.
— Молчи! — хрипел, и не было его
В минуты эти на земле цветущей.
Он горбился,
Сжимался черной тучей
И молнией бросался.
Ничего
Не оставляя на своем пути,
Он весь стонал, взвивался, причитая,
И задыхался, и не ведал края,
Выплевывая наземь:
— Отпусти!.. —
А на земле с разодранной спиной

В грязи нещадной Аввакум рыдает:
— Спаси, Господь, Пашкова, он не знает
Чего творит...

II

Который день туманы шли и шли...
Так годы шли, и проходили жизни.
Кто грел себя, кто плакал об Отчизне,
А те, кого не стало, все могли.
И хлюпала и плавала земля
В людской грязи,
Но возрождалась хлебом.
Озера останавливали небо —
Так души переглядывались. Я
Люблю тебя, губительная жизнь!
Как нежный мох ласкает стылый камень,
Как черный уголь, обретая пламень,
Отбрасывая шлак, уходит ввысь —
Так годы шли,
А люди по годам...

. . . .

И вслед за Аввакумом, как за свечкой,
Во тьме кромешной продвигалось плечико
Жены его.
«Кому же я отдам, —
Подумал Аввакум, — такой простор?
Пожалуй, что любви...»
И вдруг в низине
До боли глаз вода взыграла синью:
Дышал Байкал, вонзенный в стены гор.
И не сдержался гордый протопоп:
— Возьми меня, простор! —
И долго волны
Перекликались эхом колокольным
И целовали берег в белый лоб.
И вышла протопопица к воде.
Уж нету сил.
Нежданно оступилась,
Упала —
как ведерушко пролилось —
И руки запрокинула в беде:
— Скажи, отец, доколь же нам страдать?!
Нет мочи мне, а только голос боли! —
Ответил Аввакум:
— Страдать дотоле,
Доколь любить. Пойдем со мною, мать. —
И тихо повторил:
— Страдать доколе?
А всю-то жизнь...

III

Который день туманы шли и шли...
Соленые и потные, как море,

Тяжелые, как рыба на мели
Во время удушающего мора,
Туманы шли...
И мутная волна
Душила гравий, и осколки весел
Тяжелая, с размаху била о земь,
О твердый, серый выступ валуна.
Который день туманы шли и шли.
И голоса порою доносились
Из черных ям, где узники томились
Среди зловонья, мрака и пыли.
Там Аввакум, высокий, как Москва,
Неукротимый, горестный и гордый,
Тлел, что лучина,
Кашлял колким горлом
И, высохши, что белая доска,
Молился чистой памяти.
Она
В часы туманов, в перезвон осенний
Ему дарила спелый запах сена
И терпкий запах горького огня.
Здесь, в яме, в этом омуте души
Гремел Тобол уступами родными
И вечера в неистовой тиши
Любимое нашептывали имя.
Ах, память, память — чистая любовь!
...Но вот пришли. Из ямы поднимают,
И вот перед глазами, словно кровь, —
Густой костер под облаком вскипает.
«Так вот и все?!» — мелькнуло в голове.
Но Аввакум от этой мёрзлой мысли
Шарахнулся. И тени по траве
Причудливыми птицами повисли.
Связали Аввакума. Подожгли.
Метнулась борода как ветер вольный,
Как по степи ковыль, как в море волны,
Как смерч горючий — в небо от земли.
Огонь крадется.
— Ноженьки мои! —
Сквозь зубы вышел голос протопопа. —
Поди ж ты, как ощерилась Европа!
Огонь ползет коварнее змеи.
Но не спалит! — Рванулся Аввакум: —
Горю-у-ы!!!
Но я огонь осилю!
Я скрозь пройду!
Прошла ж его Россия!
А шум в огне, какой горючий шум?!
Гарь-родина!
Я сам себе огонь!
Сожру огонь! Спалю его! Развею!
Я задыхаюсь! Я горю! Я смею!
Неси меня, неси, горячий конь!

Москва

Александр САМОВАРОВ,
преподаватель истории

ЧТО Я СКАЖУ ДЕТЯМ?

Или: молчащая история и лгущие учителя

Сейчас много говорят и пишут об истории России, но, к сожалению, никто не говорит об учебниках по истории. О тех самых учебниках, по которым учились мы и учатся и будут учиться наши дети.

Года три назад, когда я проводил семинарские занятия и говорил о необходимости возрождения российской государственности, многим студентам было непонятно, о чем речь. Кому нужно это Российское государство и чем меня не устраивает РСФСР?

Сегодня таких вопросов студенты мне не задают. А тогда я их хорошо понимал, поскольку несколько лет проработал учителем и знал, с какими знаниями покидают стены школ наши мальчики и девочки. Методика преподавания истории родной страны в нашей школе была и остается настолько уникальной, что лет через десять ее будут изучать как образец изворотливости человеческой мысли.

Легко ли четыре года обучать истории России и умудриться при этом дать такие знания, что для 99 человек из 100 с высшим образованием эта история — тьма кромешная? Мы радуемся огромному интересу к прошлому России и правильно делаем — лучше поздно, чем никогда. Но интерес-то этот часто используют в своих целях не самые знающие и не самые благородные люди. Современный русский человек беззащитен перед писаками-журналистами, которые и сами не так давно, и часто небескорыстно, заинтересовались прошлым страны, в которой они проживают; беззащитен перед лукавыми историками, умеющими так передернуть факты, что человек несведущий ничего не заметит; беззащитен и перед вполне искренними дилетантами, трактующими наше прошлое в меру своих способностей и более чем скромных знаний.

Что легче: прочитать статью в каком-нибудь ультрадемократическом журнале или пойти поработать в библиотеке? Наивный вопрос.

Ругают В. Пикуля за то, что он искажает историю. Но Валентин Саввич куда более историчен, чем авторы учебников для детей, ибо в его романах есть дыхание истории. От учебников же разит мертвечиной.

Но учебник не роман, возразите вы. Верно. Школьный учебник — это порой единственная книжка для детей, из которой они черпают знания о прошлом страны, и потому претензии к учебнику должны быть куда более значительными, нежели чем к произведению художественному.

Как-то, когда я вел уроки в четвертом классе, ко мне пришли две «родительницы» (так называют учителя мам своих учеников). Дамы эти были ухоженными и высокомерными. Недовольные тем, что их детям я ставлю четверки, а не пятерки, они мне ненавязчиво доказывали, что все дело в моем неумении хорошо подать материал на уроках.

— Вы посмотрите, — говорила одна из дам, — какой красивый учебник. Какие там красивые картинки! Ну разве можно плохо учиться по такому учебнику?

Я порекомендовал им самим прочитать любой параграф этого «красивого» учебника и попытаться пересказать его. Едва ли дамы последовали моему совету. Дело-то это не простое. Написанный суконным языком, учебник для четвертого класса невероятно скучен. Некоторые дети через месяц после начала учебного года, иные через полгода привыкают к этой книжке и начинают получать пятерки, особенно те, кто и учителя слушает на уроках. Но последняя треть учебника, посвященная советскому периоду, — это просто плохой конспект вузовского учебника по истории КПСС. И даже у отличников формируется отношение к истории как к предмету чрезвычайно скучному. Положение может спасти учитель. Однако хорошие учителя встречаются не так уж часто, как того хотелось бы, а в перспективе их будет еще меньше.

Далее в изучении истории России следует пауза в два года (дети изучают историю древнего мира и историю средних веков стран Запада и Востока). И вот новая встреча с историей родной страны — в седьмом классе.

Попробуйте вспомнить что-нибудь из «Истории СССР» для седьмого класса (сейчас это восьмой класс)! Трудно? А если трудно, то вы легко поймете, почему современный русский человек мало что знает о прошлом России, так как именно в этот учебник запихана почти тысячелетняя история Руси.

Мыслимо ли двенадцатилетнему ребенку понять великое, блистательное и трагическое прошлое своей страны? А что он может запомнить? Разве что монголо-татарское нашествие, Ивана Грозного (потому что «грозный») да Петра Великого, потому что царь этот был очень оригинальным и А. Толстой про него книгу написал, ну и имя А. В. Суворова.

Язык, которым написан учебник, опять же скучен и сух, в книжке этой нет красок — она серая, но главное не в этом. Учебник не задевает потаенных струн детской души. Ребенок не чувствует, что в книге этой рассказывается о прошлом ЕГО предков, что сам он — частица русского народа. Трудно написать такую книгу? Наверное, нелегко. Но такая книга пока никому из властей предержащих и не была нужна.

В учебнике воздается должное защитникам Отечества, поскольку,

наученные горьким опытом второй мировой войны, наши идеологи понимали, что вообще без патриотизма обойтись нельзя, но в целом учебник является лишь иллюстрацией к двум основным положениям марксизма. Во-первых, раскрывается роль в жизни общества производительных сил и производственных отношений, во-вторых, показывается роль классовой борьбы, как «локомотива исторического прогресса».

Отечественным демократам полезно было бы вспомнить, что деление на «наших» и «не наших» началось не с репортажа А. Невзорова из Литвы, а гораздо раньше.

«Наши» — это эксплуатируемые, будь то рабы в Древнем Риме, крестьяне на Руси или пролетарии в недавней истории, а «не наши» — это эксплуататоры.

Я далек от мысли, чтобы обвинять в сегодняшних катаклизмах авторов школьных учебников, но похоже, что нынешние радикалы были отличниками в школе (я имею в виду российских «демократов»). Идея национального согласия чужда им. Они готовы втаптывать в грязь своих соотечественников и делают это с успехом, если те не разделяют их иллюзий по поводу нового «локомотива исторического прогресса» — рынка и частного предпринимательства. Идеи классовой войны тихо тлели в школьных учебниках, чтобы вдруг вспыхнуть ярким пламенем в речах нынешних «прогрессистов».

К сожалению, такой простой истины, что наши — это все русские, в учебниках школьных нет, а мысль эта вовсе не крамольная. Все мы, русские — грешники и праведники, — принадлежим к одному народу. И величайшие беды на головы наших предков сыпались именно тогда, когда мы эту истину забывали.

Идея этнического и, главное, духовного родства русских людей отсутствует на страницах учебников. Да и сам учебник по истории России именуется учебником по истории СССР. Парадокс? Вовсе нет. А представьте себе, что книга так бы и называлась: «История России». Ведь иной ребенок мог и задуматься, что он не гражданин РСФСР и СССР, а гражданин России.

В названии предмета выражено беспредельное пренебрежение к русскому народу. Ну скажите, пожалуйста, какое отношение имеет Советский Союз, появившийся на географических картах только в 1922 году, к истории Российского государства?

Однако слово «Россия» само по себе было уже опасным. Если в изложении учебников история до 1917 года шла «под грифом» Российского государства, а после этого года говорилось об истории Советского государства, то возникало бы невольно противопоставление, а так — вся русская история, в которой подчеркивалась борьба классов, совершенно «логично» завершалась Октябрьской революцией, как бы все тысячелетие было предысторией этой революции. Этот метод в химически чистом виде был апробирован в нацистской Германии: впечатывали тезис о том, что все события, начиная от Нибелунгов, «готовили» создание «третьего рейха».

На выпускном экзамене по литературе, где я присутствовал, слушая ответ о жизни и творчестве Пушкина, учительница-филолог шепнула мне на ухо: «Скоро мы Пушкину партбилет выдадим». Не знаю, ее ли эта шутка или она имела хождение среди филологов, но в ней большая доля истины. Своими, почти советскими, мы делали не только великих поэтов, которые почти

все, как один, выглядели борцами против ненавистного самодержавия, но и исторических деятелей.

Признав заслуги перед Отечеством князя Донского и князя Александра Невского, Кутузова, Суворова, Сталин «реабилитировал» их, сделал «нашими». Через столетия после смерти эти выдающиеся личности, точнее, их имена и деяния, стали составной частью идеологической жвачки. А жвачка, как известно, рано или поздно выплевывается.

Обесцвеченные, а затем отлакированные титаны русской истории стали в один ряд с Чапаевым и Буденным, Ворошиловым и Якиром. Точнее, они стали во второй ряд после этих деятелей.

Может быть, поэтому так легко какая-то часть наших соотечественников отказывается разбираться в сложной и противоречивой истории России, стремится перечеркнуть ее, забыть и отречься от нее, выбросить на свалку истории не только Леонида Ильича и Владимира Ильича, но и всех прочих вплоть до Рюрика, зачеркнуть историю страны и начать с чистого листа.

Но не лучше и обратное. Когда от человека требуют говорить о каждом историческом деятеле, жившем до 1917 года, умиленно-восторженно. Когда люди, сами не так давно вспомнившие, что они русские, считают, что они обладают некой монополией на истину. Экзальтированно повторяя без конца имена русских святых, полководцев и политических деятелей, они, по сути дела, воскрешают идеологическую жвачку. Посмотришь на какого-нибудь бородатого дядю, который едва ли прочитал что-нибудь, кроме Букваря, послушаешь его рассуждения о Сергии Радонежском, и если сам не искушен в истории, то и Сергий Радонежский предстанет перед тобой таким же невежественным. Но, опять же, историческая безграмотность — не вина, а беда людей.

Автор этой статьи вовсе не претендует на исключительные познания в области российской истории. Даже профессиональный историк обычно силен лишь в ограниченной области исторических знаний. Но, преподавая историю в школе, а затем и в институте уже восемь лет, я могу сделать вывод: умные и талантливые ребята не получают в школе и минимума исторических знаний.

Нельзя требовать от двенадцатилетнего ребенка, чтобы он на проблемном уровне знал историю России, но фактическую канву и узловые события в истории ребенку запомнить под силу.

Я столкнулся с удивительным явлением. В восприятии студентов Россия всегда была могучей державой. В их представлении заселение огромных территорий от Черного и Балтийского морей до Тихого океана — это дело простое. Они не знают того, что по меньшей мере дважды Российское государство могло исчезнуть с лица земли. Они не знают, что на протяжении многих столетий Российское государство было зажато между татарскими ханствами, Польшей, Литвой и Швецией и каждое из этих государств было едва ли не сильнее, чем Русское государство.

Когда я спросил у студента, интересовавшегося, по его словам, историей, сколько миллионов человек проживало на территории России при Иване Грозном, он подумал немного и ответил, что точно не знает, но много. «Сколько много?» Ответ: «Десятки миллионов человек».

Студент был поражен, узнав, что население России в этот период составляло от 4,5 миллиона до 6 миллионов человек. А за сто лет оно выросло всего вдвое.

Какую огромную волю к борьбе нужно было иметь русскому народу, чтобы не только выжить в крайне неблагоприятных условиях, но и вопреки всему стать великой державой! Единственной великой славянской державой, да еще на таких просторах и в таком неблагоприятном климате!

А ведь многие ребята имели в школе по истории «хорошо» и «отлично». И уверен, у многих учителя-историки были неплохие. В чем же дело?

Дело же в том, что авторы учебников по истории не стремились показать становление российской государственности. Уделяя большое внимание экономике и классовой борьбе, эти авторы отодвигают историю становления государственности... даже не отодвигают, а задвигают, так что ее и не видно. Вот и получается, что для того, чтобы начать резню, Емельяну Пугачеву требовался большой талант, а государство как-то возникло само собой, чтобы угнетать крестьян, и само по себе развивалось и незаметно доразвивалось аж до размеров империи. А империя — это плохо.

Поэтому учебник по XIX веку почти весь составлен из материалов, разоблачающих внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. И если Иван Калита, политик, совершавший очень и очень неблагородные деяния, признается выдающимся политическим деятелем, а укрепление им Российского государства — благим деянием, то Александр I, Николай I, Александр II и Александр III, продолжавшие дело Ивана Калиты в XIX веке, рисуются как гонители, душители и т. д. Хотя и Иван Калита, и столь любезный сердцам авторов наших учебников Иван Грозный были гонителями и душителями куда большими, чем монархи XIX века.

Иван Грозный завоевывал земли, причем те земли, которые когда-то принадлежали Руси, но будь у него возможность, то он завоевал бы вообще все, что находилось в пределах досягаемости России. Он согласно нашим учебникам — деятель в общем и целом положительный. А вот Николай I завоевывал Кавказ — он отрицательный политический деятель.

Некорректное и неисторическое отношение к прошлому нашего государства приводит к тому, что у детей в подсознании откладывается, что весь XIX век — это сплошная череда преступлений монархии перед своими и всеми прочими народами.

История — это жизнь людей. А жизнь даже одного человека всегда многообразна. Так насколько же неоднозначна история общества в целом!

Пороли солдат в армии крепостнической России? Пороли. И это я в свое время в школе хорошо усвоил. А вот в классе пятом или шестом наткнулся в поэме М. Лермонтова «Валерик» на странную сцену. После боя с горцами умирает капитан, а возле него плачет солдат. Почему плачет? Что хорошего для него сделал этот капитан? Ведь офицер наверняка приказывал пороть солдата?

В свое время еще лорд Байрон удивлялся тому, как хорошо воюет русская армия — армия, составленная из рабов. Но лорд жил далеко от России, плохо ее знал, а вот то, что меня, русского подростка, удивило то же самое, — это говорит только об одном: постарались наши идеологи на славу.

Как объяснить тот факт, что пик воинской славы для России приходится именно на период самого жестокого крепостничества — на восемнадцатый век? Ну, оборонительные войны — по-

нятно. Солдат защищал свое Отечество. Так ведь войны в восемнадцатом веке велись, как правило, за пределами России. Что заставляло русского солдата терпеть лишения, и какие лишения! — когда он мог дезертировать из армии и поселиться в самых благодатных странах от Турции до Италии?

Если современному школьнику эти вопросы придут в голову, то он едва ли сможет найти ответы на них. Да и учитель едва ли пойдет дальше общих фраз о патриотизме. А общие фразы сейчас ничего не объясняют, а только больше запутывают.

Не одному поколению людей в нашей стране внушали, что коммунизм — это когда каждому по потребностям. И наше общество хорошо тем, что мы достаточно быстро достигнем желанного светлого будущего, а вот капиталисты его достичь не сумеют. Нынешний современный человек в коммунизм не верит, но по своей психологии он остался таким же, когда мы все строили коммунизм. И вот когда выяснилось, что до желанной кормушки куда ближе капиталистам, чем нам, то, естественно, все его симпатии на стороне Запада. Горько, но закономерно.

Так что, если даже и начнешь растолковывать современному мальчику или девочке, что, помимо материального, есть еще и духовное, то наткнешься на стену непонимания и раздражения. И скажет он тебе, что русский солдат из армии Суворова не бежал не потому, что был связан со своим Отечеством тысячью невидимых нитей, а потому, что солдат тот был дураком.

Один сорокалетний мужчина сказал мне: «Вот ты говоришь, Россия, русские, а для меня это — пустые слова». Хорошо еще, что пустые. Иных русских эти «слова» просто раздражают.

Мы вывели какую-то особую породу людей: и не западные эти люди, и уже не советские, а тем более не русские. Эти люди, в отличие от граждан Запада, «бабки» хотят иметь, а работать не хотят. То есть верны коммунистическому идеалу «каждому по потребностям». Но эти люди уже не советские. Они не хотят работать и безропотно подчиняться приказам во имя светлого будущего.

Современные люди возбуждены, раздражены, полны неверия, невероятно пассивны в своем большинстве, однако за всем этим не так уж трудно увидеть и другое. В психологии современного русского человека идут мощнейшие (простите за невольный каламбур) перестроечные процессы. Насколько сильно маятник общественного настроения качнулся в сторону неверия, настолько он может качнуться и в противоположную сторону — в сторону веры. Вопрос только в том, во что поверит современный русский человек? Не будет ли эта вера опять превращена в фанатизм и подчинена интересам не русского народа, не каждого человека, а умелым манипуляторам-политиканам?

Народ как будто качнулся в сторону веры, когда с журнальных страниц леворадикальной прессы лихорадочно стали разоблачать, развенчивать, призывать, с одной стороны, к покаянию, а с другой — чуть ли не к физической расправе над... неугодными для этих журналов авторами. Значительная часть людей поверила в идеи демократии, правового государства и т. д.

Однако демагоги в политике и журналистике стали калифами на час. Ныне большая часть людей опять погружена во мрак безверия. Но маятник в любой момент может качнуться вновь, и что последует за этим — никто предсказать не сможет.

Ну а на чьей стороне баррикад школьники и студенты? Да в большинстве своем ни на чьей.

Не так давно один из «демократических» деятелей воскликнул, что если их перестройка и погибнет, то только по вине студенчества, не принимающего активного участия в нынешних событиях.

Кого мы видим на нынешних «баррикадах»? Седых и лысых «шестидесятников», бывших и еще функционирующих в рамках КПСС партийных боссов, полуинтеллигентов да еще изрядное количество просто по своей психологии агрессивных людей, готовых в любые времена вмешаться в свару, а на чьей стороне — это для них дело второстепенное. А вот молодых людей на этих «баррикадах» почти нет. И старшеклассники, и учащиеся ПТУ, и студенты России никакой активности, во всяком случае, пока в борьбе за «демократию» не проявляют. Более того, многие из них относятся к новым веяниям куда более скептически, чем их папы и мамы.

В чем причины подобной пассивности? Не берусь ответить на этот вопрос, но порассуждать на эту тему стоит.

Во все времена молодежь отличалась куда большей беззаветностью и склонностью к самопожертвованию, чем люди более зрелые. Хотя все войны и революции затевали люди, как правило, немолодые, ибо политика не терпит молодости, но расхлебывали деяния старших именно молодые люди. Именно молодежь бывает чрезвычайно чувствительна к новым идеям, особенно идеям, имеющим красивую и броскую обертку. «Свобода, равенство и братство» — красиво звучал этот лозунг на протяжении двух столетий. И «Мир хижинам, война дворцам», «Кто был ничем — тот станет всем» — разве эти хуже?

По закону всех революций и наша «перестройка» должна была поднять молодежь на защиту демократии и правового государства. Должна, но не подняла. Возможно, этот кошмар еще впереди. Но есть и очень большой шанс, что его не будет.

В нашей «революции» подкачали ее лидеры. Ельцин и Попов, Афанасьев и Собчак, Гдлян и Иванов (теперь вот и Калугин), Коротич и Яковлев... Не скажу, что они не имеют своих поклонников в молодежной среде, — но эти люди не фанатики, они расчетливые политики, и более того — все они перебежчики из лагеря коммунистов. А молодежь всегда тонко чувствует лидера, интуитивно понимает, насколько он сам предан тем идеям, которые поднимает на щит.

Но, может быть, самое главное даже не в этом. Общение со взрослыми и школа научили молодых людей (от 12 до 30 лет) недоверию к слову. Попадая в сферу идеологической обработки, ребенок с детства чувствовал фальшь в словах взрослых и учителей. И если ребенок верил, то наполовину.

В начале восьмидесятых старшеклассник мог вовсю инакомыслить, но на уроке, на семинаре, на экзамене он пересказывал тексты учебников, не выказывая никакого протеста, а главное — и без внутреннего протеста. Молодые люди принимали правила игры, навязанные им обществом.

Работая первый год в школе, я стремился рассказать ученикам все, что знал сам. Девятиклассники слушали меня с любопытством, но отвечали по учебнику. Я им — одно, а они мне — другое. Я предлагал — давайте дискутировать. А они мне — мы с вами полностью согласны во всем.

Прошло время, прежде чем я понял, что для них идеи сами по себе никакого значения не имеют. Нравится им человек, интересно и более или менее убедительно он говорит, так почему бы с ним не согласиться. То, что я им рассказывал, они историей не считали. Это были беседы, приятные для них и для меня. А история — это когда выходишь к доске и начинаешь пересказывать параграф. Долбежка, одним словом.

Мы не заметили, как у нас выросло не одно поколение молодых людей, сомневающихся вообще во всем. Идеологию им заменял рок и прочие виды масскультуры. И вовсе не с 1985 года популярная музыка завоевала нашу молодежь, это было и в середине 70-х, и в начале 80-х.

Но вот свежая информация для размышления. Три года назад, и даже еще год назад, для того, чтобы расшевелить любую студенческую группу, я использовал дешевый, но беспроигрышный прием. Я начинал ругать рок-музыку — и тут же получал яростный отпор. Самая сонная группа преображалась. Ну а раз студенты «просыпались», то с ними можно было говорить и о более серьезных вещах, чем рок-музыка. Кстати, остальное, кроме рока, ругать было можно — и Россию, и коммунистов, и «демократов».

В этом году я решил повторить тот же прием — и... ответом мне была гробовая тишина. Никто не бросился защищать рок. Студенчество политизируется. Но, несмотря на тотальное господство «демократов» в средствах массовой информации, оно, как и школьная молодежь, размышляет.

Сегодня русский молодой человек уже начинает понимать разницу между Россией и СССР, между Россией и РСФСР. Начинается, хотя и медленно, процесс осознания, что **интересы каждого молодого человека напрямую связаны с интересами России.**

Если «демократы» и популярны у части молодых людей, то популярность эта шаткая, хотя в 1989-м и, может быть, в первой половине 1990 года многие преподаватели истории, да и литературы, отложили в сторону учебники и стали преподавать отечественную историю по «Огоньку».

Я давно знаком с неплохим учителем истории. Назовем его Володей. Он был очень идейным коммунистом в начале 80-х, правда, в КПСС его не принимали. Там на очереди стояли другие люди. Володя преклонялся перед образом В. И. Ленина и свято верил в социалистические ценности.

Год назад я узнаю, что Володя резко изменил свои взгляды и стал «огоньковцем». На школьной конференции, посвященной жизни и деятельности Ленина, он обрушился на своего недавнего кумира. А недавно я встречался с ним и спросил, чьи идеи он поддерживает. Володя обругал и «Огонек». Володя растерян, и он в раздумье. «А ученики твои за кого?» — спросил я. «Ни за кого», — последовал ответ.

«Огонек», конечно, сыграл значительную роль в нашей внутриполитической борьбе. Сделали его авторы очень много и для формирования русофобской трактовки нашей истории. Но мыльный пузырь, как бы он ни раздувался, каких бы больших размеров ни достигал, обязательно лопнет.

Тяга учителей к «огоньковской» информации вполне объяснима. К сожалению, типичный российский учитель, и учитель истории в частности, — это замученная работой и семейными заботами

немолодая женщина. К самостоятельному анализу происходивших и происходящих событий у этих учителей руки не доходят, поэтому некоторых из них наши кидания из одной крайности в другую доводят почти до истерики: «Что я детям скажу?»

А что будет в новых учебниках и методических пособиях, то и скажет ученикам наш типичный российский учитель. И борьба за умы детей уже идет.

Еще некоторое время назад написание нового школьного учебника по истории с 1917 года по настоящее время казалось почти неразрешимой проблемой, а сегодня наши ученики имеют и пособия, и новые учебники. И мы можем наблюдать, как политические страсти со страниц журналов и газет переносятся на страницы учебников для детей.

В 1989 году Московский городской комитет по народному образованию выпустил учебное пособие для учителей и для школьников IX класса «Материалы к изучению Истории СССР (1921—1941 гг.)». Составитель этого пособия И. И. Долуцкий.

Книжка эта не просто насыщена, но и чрезвычайно перенасыщена фактическим материалом. Чуть ли не все проблемы того периода, обсуждавшиеся историками и публицистами, так или иначе отражены на страницах пособия. Ну и насколько противоречивы взгляды историков на сложнейший период в жизни нашей страны, настолько же противоречиво это пособие.

На странице 60-й автор рассматривает деятельность старого большевика А. Сольца, одного из тех, кого, по мнению автора, нужно считать совестью большевистской партии, и подводит учителей и учеников к выводу, что человек этот был справедливым. Благодаря ему только в Москве в 20-х годах было освобождено 70 процентов осужденных. А на следующей странице учителя и ученики узнают, что тот же А. Сольц в 1925 году заявил, что «судья должен руководствоваться здравым смыслом, революционной целесообразностью и может отступать от закона». И точку зрения А. Сольца (на то, что расстреливать можно и без закона) на XV съезде партии поддержало большинство.

Ну и как ученик должен относиться к таким, как А. Сольц? И как сам автор к нему относится?

Может быть, хорошо уже то, что автор не навязывает свою позицию? Но как тогда быть, если красной нитью через весь учебник проходит тема злодея Сталина. На странице 17 аршинными буквами написано: «ПРОЧИТАЙ ЭТИ СЛОВА, ОНИ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫ». И далее следуют не очень лестные слова Ленина в адрес Сталина. Речь идет о «торопливости и администраторском увлечении Сталина» и о его отрицательном отношении к «пресловутому социал-национализму».

Во-первых, Сталин в этом вопросе был неоригинален и его поддерживали почти все в ЦК, а во-вторых, разве корни сталинизма нужно искать здесь? Почему таким крупным текстом автор не выделил в своем же пособии тот факт, что XV съезд фактически поддержал практику беззаконных расстрелов, и это через пять лет после победы в гражданской войне? И за четыре года до того, как Сталин укрепит свое положение единоличного лидера в ВКП(б).

Автор, наверное, знает, что Россия пострадала от того, что в качестве безликой РСФСР была растворена в СССР, но он цити-

рует печально известную цитату из Ленина о том, что «великая» нация (кавычки поставлены В. И. Лениным) должна быть поставлена в новом союзе республик в неравное, худшее положение, чем все остальные нации. Цитирует В. И. Ленина он с явной симпатией и сожалеет о том, что наказ этот не был выполнен. Напрасно сожалеет!

Местами автор бывает оригинален. Так, он приводит следующую цитату из А. М. Горького о Ленине: «Я начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых. Был момент, когда естественная жалость к народу России заставляла меня считать безумие большевиков почти преступлением. Но теперь, когда я вижу, что этот народ гораздо лучше умеет терпеливо страдать... чем сознательно и честно работать, я снова пою славу священному безумству храбрых. В них же Владимир Ленин — первый и самый безумный».

Лукавый автор пособия избегает однозначных оценок по многим вопросам. Так, например, он весьма положительно оценивает «работу» таких деятелей, как А. Луначарский и М. Покровский. «Можно восторгаться эрудицией Луначарского, твердостью Покровского... — пишет он, — ...но надо помнить, что на местах политику центра, так, как они ее понимали, проводили сотни и тысячи «старых» и «новых» деятелей культуры».

Изящно, не правда ли? Тот, кто не знает, что из себя представляли Луначарский и Покровский, и вправду подумает, что «стрелочники» на местах виноваты.

В то же время автор отмечает, что «большинство российской интеллигенции до революции и особенно после нее не приняло ленинских предложений». Здесь следовало бы уточнить: каких именно предложений? Но автор безусловно прав в том, что интеллигенция на политику большевиков ответила эмиграцией. Вот тут автору и вывод бы сделать. Однако вместо вывода мы читаем вопрос к ученикам: «Как ты думаешь, как следует относиться к людям, покинувшим Родину? Объясни свой ответ. Должно быть у граждан право на эмиграцию?»

Совершенно очевидно, что этот вопрос должен «помочь» школьникам разобраться не столько в дне вчерашнем, сколько с проблемами эмиграции из России сегодня. Ведь если речь идет о трагедии русской интеллигенции, то при чем тут право граждан на эмиграцию?

Читая данное пособие, очень хорошо понимаешь, что́ более всего волнует его автора (или авторов?). А вот что: как ненавязчиво, не вызывая явного протеста, внедрить в сознание учителей и учеников нужное для автора отношение к нашему прошлому, к нашему настоящему, а главное, к будущему! Если его предшественников форма, в которой преподносился материал, шибко не волновала, то автор нового пособия для учеников и учителей этому вопросу уделяет большое внимание.

Мягкие, расплывчатые формулировки очень часто помогают скрыть тенденциозность автора. Но иногда он очень и очень откровенен. Так, рассуждая о национальной политике и национальных вопросах, он приветствует всякий патриотизм, кроме русского.

Так, автор пишет: «Значительный шаг был сделан в консолидации белорусского народа. В середине 20-х годов было проведено укрупнение БССР. В ее состав из РСФСР передавались области с

преобладанием белорусского населения — Витебская, Гомельская и часть Смоленской. Только в результате первого укрупнения территории республика выросла в два раза, а население — в три. Все расходы были произведены за счет союзного бюджета. Учитывая наличие в республике национальных меньшинств — евреев, поляков и др., были выделены национальные районы, в которых управление, школа, печать действовали на родном языке. Государственными языками республики считались: белорусский, русский, еврейский и польский».

С сочувствием пишет автор пособия и об «украинизации» украинского населения. Очень взвешенно и так же, с сочувствием, он относится к проблемам и народов Закавказья, и народов Средней Азии. А вот те два абзаца, которые автор уделил России, стоит процитировать полностью. Называется эта главка так: «Великий брат или брат?»

«Мы привыкли слышать о «великом русском народе», «великом русском брате», но разве менее велик другой народ? Разве история народов Закавказья и Средней Азии не более древняя? Разве культура других народов лишена самобытности? Не в интересах нашего движения, писал Энгельс, чтобы какая-то нация маршировала во главе его. Мы все должны идти вместе, рядом. Помнишь ленинское — вместе и наравне?!

Да, РСФСР, населенная, кроме русского, множеством других народов, помогала другим республикам. Заводы и фабрики, типографии, оборудование, квалифицированные рабочие, инженеры отправлялись в братские республики. В Закавказье табачная фабрика прибыла из Ленинграда, текстильная из Иваново-Вознесенска. Но и республики помогали РСФСР.

Что бы произошло с промышленностью без донецкого угля, бакинской нефти, среднеазиатского хлопка? Пристало ли нам, братья, считаться? И если при ВЦИК существовал Комитет содействия народностям Крайнего Севера, то неужели эти народности должны благодарить за попытки правильного, справедливого решения их судьбы? Неужели при Советской — народной — власти справедливость — редкость, требующая особой благодарности?

Вопрос: «Тут есть проблема, подумай над этими вопросами».

Да, тут и проблема есть, есть и над чем подумать папам и мамам: в чьи руки они отдают своих детей? Кто на этом витке нашего «перестраивающегося» общества будет им объяснять, что такое хорошо, а что такое плохо?

В этих двух абзацах что ни строчка, то перл. Вы заметили, уважаемые читатели, взвинченные на грань истерики интонации этих двух абзацев? А ведь до и после автор пособия сохраняет полное хладнокровие.

Складывается впечатление, что автор этими двумя абзацами отвечает неким неназванным оппонентам. К сожалению, он не называет и этих оппонентов, и их аргументов.

Неужели автор не знает о том, что те, кто талдычил о великом русском народе, сделали все, сознательно или бессознательно, чтобы наш народ великим не был?

Кто и когда утверждал, что народы Закавказья и Средней Азии не имеют древней культуры?

Кто из властвовавших над русским народом спросил его, желает он быть великим братом или просто братом, а может быть, вообще не желает быть братом?

И какое такое «множество других народов» в РСФСР, кроме русского, несло на себе тяжкое бремя «братства»? Якуты? Чукчи? Башкиры? Калмыки? Так они сами жили ничуть не лучше, чем граждане той же Средней Азии. Они сами нуждались в помощи. И неужели Россия погибла бы без донецкого угля, бакинской нефти и среднеазиатского хлопка?

И наконец, глубокая мысль, что всем братским народам СССР не за что благодарить русских. Так разве кто требует благодарности? На повестке дня, уважаемый автор пособия для учителей и учеников, совсем другие вопросы. Если мы чего и требуем, так это защитить русских, проживающих на территориях братских республик, от морального и физического террора.

Несмотря на множество отличий и даже некоторые достоинства рассматриваемого пособия по сравнению с предшествующими учебниками и пособиями, оно имеет общее с ними в главном: это НЕ история России и русского народа. Но это пособие хуже всех предшествующих учебников тем, что в «старые добрые годы» принято было говорить пусть не о русском, но о советском патриотизме. В учебниках для IX—X классов достаточно сильно была выражена идея государственности.

В пособии же, о котором шла речь, не поймешь, о каком народе автор нам повествует. Как и любой учебник по истории СССР, это пособие раскрывает в основном исторические процессы, протекавшие в России. Информация о жизни других народов чрезвычайно невелика. Но и история России подменяется историей безнационального «центра», где бушуют политические страсти, решается судьба общества и государства.

На этом месте можно было бы патетически воскликнуть: «До каких пор у наших детей будут отнимать историю их родины?!» Но восклицание это излишне, потому что очевиден ответ. До тех пор, пока судьба учебников будет в руках людей, которые гораздо уютнее себя чувствуют в некоем мифическом братстве народов, нежели в возрожденном Российском государстве.

Я неплохо отношусь к деятельности редактора «Учительской газеты» Г. Н. Селезнева *, так как он в своей газете пытается защищать интересы учителей. Но вот что он сказал на Пленуме ЦК КПСС в феврале этого года: «...мы, по-моему, еще плохо представляем, что нас ждет впереди. Вы все знаете прекрасно, что у нас сейчас переписываются учебники. Теперь республики будут главным образом сами делать учебники для своих национальных школ. Трудно сказать, что будет с учебником по истории СССР, я уж не говорю об учебниках литературы, обществоведения. Или с курсом научного коммунизма. Эти все дисциплины уходят. И если сегодня наши ученые, люди, прошедшие определенную подготовку в высшей и средней школе, где плохо ли, хорошо ли, но проходили хотя бы азы научного коммунизма, разбивают этот коммунизм в пух и прах, то что же будет буквально через десять лет, когда этот предмет, эту науку будут критиковать люди, которые даже не смогут с нею познакомиться... Нам нужно подумать, как, каким образом вопросы истории нашего государства, нашей страны, особенно в послеоктябрьский период, будут освещаться в учебной литературе... Но все останется призывом, все может погаснуть, если мы не создадим творческие коллекти-

* Сегодня Г. Н. Селезнев работает первым заместителем главного редактора газеты «Правда».

вы, не выделим на это средства, не сделаем хороший премиальный фонд для того, чтобы такие учебники появились».

Из процитированного можно сделать следующий вывод: битва за умы детей разгорается. Самое печальное, видимо, заключается в том, что будут выходить прокоммунистические и антикоммунистические учебники по истории, а собственно сама история как не интересовала никого из власть имущих, так и не будет интересовать. Перенос идеологической борьбы в молодежную среду может привести к тому, что пока еще не расколотая по идеологическим мотивам молодежь будет-таки подведена к этому расколу.

Только мощное национально-возрожденческое движение в России способно помешать такому развороту событий. Национальный мир, национальное согласие, национальные интересы для всех честных русских независимо от того, какие у них убеждения на сегодняшний момент, должны стать главенствующими.

Что касается создания учебников по истории России, то это не такая уж сложная проблема. **Мы можем достаточно объективно оценивать любое событие в нашей истории только в том случае, если ответим на вопрос: что принесло оно русскому народу!** То же самое и с политическими деятелями. Чего хотел, чего добивался тот или иной политик для России и что он сделал для нее?

Естественно, что страницы школьного учебника — это не место для заочных расправ. Мальчиков и девочек не надо обозлять, ибо они и так обозлены, им надо помочь задуматься над тем, к какому они народу принадлежат и что из этого следует.

Следовало бы сегодня вспомнить, что в России историческая наука процветала. Достаточно назвать, например, «Новейшую национальную историографию» Петрова (1862) или «Опыт русской истории» В. С. Иконникова (1892); достаточно вспомнить великолепные многотомники типа «Русского биографического словаря» или «Живописной России» (золотого тиснения бесплатное (!) приложение к журналу «Нива»). История находилась под высочайшим покровительством государей (Александр III, например, был председателем Исторического общества) и пестовалась православным священством. Это и естественно: в лице царей и Церкви воплощалось созидательное начало русского народа, создателя и хранителя Дома-Державы. Естественно и то, что поработители и разрушители в своем оплумно-корыстолюбивом раже отлично делают свое дело и прекрасно понимают: чтобы держать Россию в концлагере, ни в коем случае нельзя давать ее молодежи подлинное знание. Может вернуться чувство родства, потребность умного делания и — кошмар какой! — державность мышления, сознание общенациональных, а не «общечеловеческих» (т. е. насильственно деградированных) интересов. И тогда — прощайте, колониалистские иллюзии! — ставший действительно зрелым молодой русский (великоросс ли, белорус или малоросс) сбросит с плеч своих кровавых ненасытных паразитов, лукаво ссорящих действительно братские народы, спаянные общей судьбой. Порскнут под его ногою проклятые паразиты, обдав землю Русскую гнойным остатним смрадом, и протрет глаза молодой русич, и, ощутив силушку свою, скажет вместе со всем народом: КАК ЖЕ ДОЛГО Я СПАЛ!

Книга «Дорогой обмана» (подзаголовок «Опустошающий портрет Моссада, написанный инсайдером») произвела во всем мире эффект разорвавшейся бомбы. Были задеты интересы многих стран, партий и организаций, видных государственных и политических деятелей.

Авторы — бывший оперативный сотрудник израильской разведки Моссад Виктор Островский и канадский журналист К. Хой (фамилия, звучащая как псевдоним, имеет прозрачное омонимное «второчтение». — Ред.).

Издательству в Торонто с большим трудом удалось опубликовать книгу: израильтяне сделали все, чтобы не допустить ее выхода в свет, был судебный процесс. Некоторые наиболее острые места были изъяты. Но опытные издатели вышли из положения. В уже вышедшую книгу было подклеено «сообщение об опечатках», в котором говорится: «Обстоятельства, возникшие после набора книги «Дорогой обмана», заставили нас изъять некоторые места из страницах... а также целую страницу...» Далее приводился изъятый текст.

По слухам, Моссад в настоящее время занят поисками В. Островского, который скрывается от своих бывших коллег, оказавшись, как нарочно, примерно в той же ситуации, что и Салман Рушди. Тем не менее она представляет интерес и для нашего читателя, не избалованного сенсационными публикациями на Западе, а «живой» текст цитируемых саморазоблачений наводит на размышления и позволяет сделать отнюдь не радужные выводы о деятельности сионистских организаций, как это делал бывший партийный идеолог и «суперархитектор перестройки» А. Н. Яковлев, постоянно убаюкивающий общественное мнение своим безразмерным плюрализмом.

Виктор СПОЛЬНИКОВ

КАК РАБОТАЮТ СУПЕРШПИОНЫ МОССАДА

Биография супершпиона

«Я родился в Канаде в 1949 году (с детства жил в Израиле. — В. С.)... Мое представление об Израиле сводилось к тому, что это страна молочных рек и кисельных берегов. Я верил, что эта страна не может... причинять зла другим, что она является примером, которому следует подражать. Если в стране было что-то не так в финансах и политике, я всегда считал, что в стране есть люди, такие, как Бен-Гурион, которого я глубоко почитал, охраняющие наши права. Я рос, считая Бегина слишком воинственным,

я не мог его перенести. В то время политическая терпимость была главным правилом. Арабов считали людьми. Ведь раньше мы жили с ними в мире, этот мир неизбежен и в будущем. Таково было мое представление об Израиле...»

«Я был призван на три года в армию, через девять месяцев стал вторым лейтенантом в военной полиции — самым молодым офицером израильской армии. Служил на Суэцком канале, на Голанских высотах, на берегу Иордана. Я был там, когда Иордания изгоняла Организацию освобождения Палестины со своей территории и когда мы позволили иорданским танкам пройти через нашу территорию, чтобы окружить палестинцев. Это казалось странным. Иорданцы были нашими врагами, но ООП — еще большим врагом... В войне с арабами в 1973 году я не участвовал... К апрелю 1979 года стал капитаном флота, начальником отдела по испытанию систем вооружения в секции операций ВМС Израиля с центром в Тель-Авиве».

В апреле 1979 года представитель израильских спецслужб, встретившись с В. Островским один на один в штабе части, где он служил, заявил ему: «Мы знаем, что вы уже послужили своей родине, но есть путь, на котором вы можете послужить еще лучше».

«Мы с женой, — пишет В. Островский, — чувствовали, что здесь замешан Моссад».

В 1982 году, уже после увольнения В. Островского из армии, на него снова «вышли»: его пригласили в здание Хадар Дафна, что на бульваре царя Саула в Тель-Авиве; позднее он узнал, что в этом здании расположился штаб Моссада. Принявший его сотрудник «в лоб» заявил: «Мы подбираем людей. Наша главная задача — спасение евреев во всем мире. Мы считаем, что вы нам подходите...»

...В качестве псевдонима он избрал себе имя Симон Лахав. Симон — это имя его отца. Лахав на иврите означает «клинок», «лезвие», что, по мнению В. Островского, внука беженцев из России, совпадало со значением его настоящей фамилии на польском и русском языках.

«Академия» Моссада

«В Израиле существуют группы, — пишет автор, — которые убеждены, что страна находится перед постоянной угрозой, что сильная армия не гарантирует безопасности. Тогда я верил этому...»

В. Островский много рассказывает о людях Моссада, рисует их с близкого расстояния. И надо отдать ему должное, портреты получаются весьма выразительные, как в фильмах ужасов. Вот небольшой фрагмент:

«...Однажды утром в конце первого месяца учебного курса появился человек. Рост всего около 5 футов 6 дюймов, плотного сложения. «Мое имя не имеет значения, но я расскажу вам, в каких делах я принимал участие вместе с джентльменом по имени Амикан... Моя группа получила задание уничтожить руководителя резидентуры Организации освобождения Палестины в Афинах, а заодно и его заместителя. Я упомянул Амикана, так вот он был набожным, большим, почти 6 футов и 6 дюймов, крепким, как я. Он был вот с эту дверь». Говорил Дан Дрори, а событие, которое

он описывал, называлось «Операция Пассат», успешная операция Моссада в Афинах в середине 70-х годов.

Затем Дрори, явно обожавший свою работу, открыл атташе-кейс. «Я люблю вот этот», — сказал он, доставая немецкий парабеллум... «Я люблю и этот, но мне не разрешают его носить», — он положил на стол «Игл», револьвер израильского производства. «Но я могу использовать и этот», — на стол легла «Беретта» мощного 22-го калибра... «Но вот этот мое самое любимое». И он достал стилет, смертельный кинжал с узким клинком, расширенным у основания, а затем становящимся узким и тонким...

Наконец он достал нечто вроде лапы-перчатки, к которой были прикреплены два лезвия, одно к большому пальцу, другое — к указательному... «Вот чем может пользоваться Амикан. Вы берете парня за глотку и просто сжимаете руку. Это как ножницы. Они режут все. Парень сразу успокоится. Это все, но Амикан получает наслаждение, когда это делается не сразу. Надо дать парню какое-то время, чтобы умереть. Но чтобы пользоваться этой штукой, вы должны быть очень сильными физически. Как Амикан».

«Амикан, как очень важный человек, всегда упорно носил ермолку. Но поскольку он работал под прикрытием и, как правило, в недружественных странах, он вряд ли мог надеть традиционную ермолку, не привлекая к себе нежелательного внимания. Поэтому на макушке он выбривал маленькую лысину и прикрывал ее ермолкой, сделанной из волос, — паричком, который служил ему ермолкой».

А его друг Дрори, рассказывавший обо всем этом, уже смаковал подробности финала операции по уничтожению палестинцев».

Израильский супершпион-катса

Особенность Моссада — это малочисленность его основного звена, оперативных офицеров разведки — катса. Как утверждает В. Островский, Моссад имеет в каждый данный момент в различных странах мира всего 30—35 действующих катса. Катса — основная ударная, «штучная» сила израильской разведки, к которой относился и В. Островский. И в то же время катса — все на одно лицо, для них характерны одни и те же черты: полное игнорирование всех общепринятых моральных принципов, потрясающая жестокость, пренебрежение жизнями людей.

Моссад развлекается

«...Стоя у автостоянки, мы услышали шум голосов из сектора, где располагался плавательный бассейн.

Мы прокрались обратно в здание академии...

Я никогда не забуду того, что я увидел. В бассейне и вокруг него было около 25 человек. Никто из них не имел на себе даже признаков одежды. Второе лицо в руководстве Моссада (сегодня он — его глава) тоже был там. Многочисленные секретарши. Это было невероятно. Некоторые мужчины выглядели не очень привлекательно, зато девушки производили достаточно сильное впечатление. Я должен сказать, что они выглядели гораздо лучше, чем в униформе! Большинство из них были рядовыми, приписанными к конторе, в возрасте от 18 до 20 лет. Некоторые пары резвились в воде, другие танцевали, третьи лежали на подстилках в

объятиях друг друга... Я никогда не видел ничего подобного. «Давайте составим список тех, кто там», — предложил я. Хейм хотел взять фотоаппарат, но Мишель сказал: «Я ухожу, я хочу остаться работать в конторе».

Мы находились там около 20 минут. Это было полное бесстыдство, на наших глазах они обменивались партнерами. Это просто потрясло меня...

Что разочаровало меня больше всего? Я думал, что вхожу на израильский Олимп, но нашел себя в Содоме и Гоморре. Это пронизывало всю работу. Фактически каждый был связан еще с кем-либо сексом».

Сейяним: лояльность по отношению к стране или работа на Израиль!

Мы подходим, пожалуй, к одному из основных вопросов, который возникает при чтении книги «Дорогой обмана»: в чем же истоки «силы и могущества» Моссада? Книга дает на этот вопрос однозначный ответ — это сейяним (ед. сейян), основа всей разведывательной деятельности Моссада за пределами Израиля. Институт сейяним представляет собой уникальную систему, позволяющую израильской разведке более чем активно действовать во многих странах мира, обходясь относительно малым количеством разведчиков — катса. Речь идет об определенной части европейской диаспоры, рассеянной по многим странам мира, которая добровольно обеспечивает «нужды» израильской разведки.

Дабы избежать собственных оценок, которые могут вызвать болезненную реакцию и традиционные обвинения в антисемитизме, предоставим слово автору.

«Сейяним — уникальная и важнейшая часть операций Моссада. Сейяним — помощники должны быть 100-процентными евреями. Они живут за рубежом, и хотя они не являются гражданами Израиля, ко многим из них находят подходы через их родственников в Израиле. Например, израильтянина, имеющего родственника в Англии, могут попросить написать письмо, в котором сказано, что вручивший его человек представляет организацию, главная цель которой — спасение еврейского народа, диаспоры. Не может ли британский родственник в чем-то ему помочь?

По всему миру рассеяны тысячи сейяним. Только в Лондоне их около двух тысяч активно действующих и еще пять тысяч числятся в списке. Сейяним выступает в самых различных ролях. Например, «автомобильный» сейян, управляющий агентством по сдаче в аренду автомашин, может помочь Моссаду арендовать автомобиль без оформления каких-либо документов. «Квартирный» сейян может снабдить вас деньгами, если они понадобились, даже среди ночи. Доктор-сейян вылечит пулевое ранение без доклада об этом в полицию и т. д.

Если кто-то думает, что Моссад, не имея резидентур в «странах-мишенях», находится в затруднительном положении, то они ошибаются... Эти люди не понимают, что Моссад рассматривает весь мир за пределами Израиля в качестве «мишени», включая Европу и США.

Вы можете добыть информацию по Саудовской Аравии не у самих саудовцев, а у американцев. Что имеют саудовцы? АВАКСы. Это «Боинги», американские самолеты. Зачем же вам саудовцы?

Вся вербовочная работа по Саудовской Аравии за время моего пребывания в Моссаде ограничилась вербовкой японца — атташе посольства Японии в Саудовской Аравии. И это все. Но если вы хотите добраться до старших офицеров, то они проходят обучение в Англии или США. Их летчики обучаются в Англии, Франции и США. Их командос готовятся в Италии и Франции. Вы можете вербовать их там. Это легче и не так опасно...»

Имеется еще одна область деятельности Моссада, связанная с еврейскими общинами за рубежом. Вот что пишет об этом В. Островский: «Управление Тсафриним, или «Утренний бриз», занимается организацией еврейских общин за пределами Израиля, помогает создавать «структуры» — мисгарот, еврейские отряды самообороны во всем мире».

Поллард и другие...

«Когда Джонатан Поллард, 31 года, и его жена Анна Хендерсон-Поллард, 25 лет, в конце ноября 1985 года были арестованы после неудавшейся попытки получить убежище в посольстве Израиля в Вашингтоне, неизбежно возник вполне предсказуемый политический скандал, который сфокусировался на взрывоопасном вопросе: проводит ли Моссад свои разведывательные операции в США? Официально Моссад утверждал — нет, нет, тысяча раз нет! Абсолютно нет! В этом деликатность ситуации в отношениях между государством Израиль и его самым большим и влиятельным союзником.

Поллард, еврей, работал во вспомогательном центре американской разведки в Сьютланде, около Вашингтона, который является частью военно-морской исследовательской службы. В 1984 году он был переведен в Центр по предупреждению террористической деятельности — странный перевод, если учесть тот факт, что ранее он предупреждался сотрудниками службы безопасности в связи с утечкой информации к военному атташе ЮАР. Новая должность обеспечивала ему доступ к секретным материалам. Вскоре было установлено, что Поллард делится информацией с израильтянами. Оказавшись в ФБР, он дал согласие на сотрудничество, чтобы обеспечить выход американской контрразведки на свои израильские контакты. Служба наружного наблюдения взяла Полларда под круглосуточную слежку. Заметавшись, он попросил у израильтян политического убежища, но был вместе с женой арестован при выходе из посольства Израиля.

Поллард не был человеком Моссада, но многие другие шпионят, вербуют, проводят тайные операции, особенно в Нью-Йорке и Вашингтоне. Речь идет о специальном сверхсекретном подразделении Моссада, называемом на иврите просто Ал, то есть «над», «верх». Это подразделение, в котором работают опытные катса, действующие в США под глубоким прикрытием.

...Например, в Комитете по вооружениям работает сенатор, интересующий Моссад. Переписка этого сенатора и все, что происходит в его офисе, были бы важной информацией. Поэтому объектом изучения становится его помощник-еврей, он или она. Подход к нему ищут через сейяним. Если он не еврей, его могут завербовать в качестве агента или сблизятся с ним настолько, чтобы как с другом беседовать и выслушивать его...

Предположим, например, что американский самолетостроительный концерн «Дуглас» хочет продать самолет американского производства Саудовской Аравии. Чье это дело — США или Израиля? Моссад считает, что это вопрос Израиля. Когда вы сталкиваетесь с такой ситуацией в США, очень трудно не попытаться использовать эту ситуацию. И Моссад ее использует.

На вражеской территории вы должны бояться провала, поскольку в этом случае вам грозит расстрел. В США, самом дружественном Израилю государстве, при провале «расстреливается» вся страна, Израиль. ФБР, возможно, догадывается о нашей деятельности в США, но оно не знает всей правды».

Моссад и страны Азии и Африки

«...Курс лекций по этой теме прочел глава управления стран Дальнего Востока и Африки Ами Яаар. Это управление имеет своих людей во многих странах. Они мало занимаются настоящей разведкой, их основная задача — создание условий для будущего экономического сотрудничества между Израилем и данной страной и установления дипломатических связей. Управление имеет кайсарут в Японии, Индии, Шри-Ланке, Малайзии и других странах, в том числе африканских.

Первая задача кайсарут — содействовать продаже оружия. Офицеры управления заключали в странах Африки сделки по оружию на миллионы долларов...

Представители Моссада помогли правительству Шри-Ланки обмануть Всемирный банк и других инвесторов на миллионы долларов, которые вместо финансирования различных проектов пошли на оплату закупаемого у Израиля оружия».

Операция «Моисей»

Рассказ о взаимоотношениях между Израилем и США в области проведения совместных тайных операций был бы неполным, если не остановиться на некоторых событиях, имевших место в Ливане, Израиле, США и Иране, которые, как это ни парадоксально, были тесно связаны друг с другом. Начало этим событиям было положено 23 октября 1983 года, когда в Бейруте грузовик, начиненный взрывчаткой, врезался в здание посольства США в Ливане и взорвался, а через некоторое время другой грузовик-«бомба» таким же образом подорвал казарму морских пехотинцев США на окраине Бейрута. Погибли 214 американцев. Это и другие события побудили американцев обратиться к Израилю за помощью. И вот что из этого получилось.

«Общее отношение в Моссаде к американцам в Ливане сводилось к следующему: «Они хотят сунуть свой нос в ливанские дела, пусть платят за это свою цену».

«Мы даем американцам значительно больше, чем они нам». Так говорили постоянно, но это далеко от истины. Большая часть вооружения и снаряжения в Израиле — американские. Моссад во многом оснащен американской техникой.

А тем временем в Ливане продолжались похищения граждан западных стран, которые становились заложниками различных

фракций. В конце мая 1984 года резидент ЦРУ США в Ливане Уильям Бакли, официально числившийся дипломатом американского посольства, вышел из своей квартиры в западном Бейруте и силой, под угрозой оружия, был увезен тремя шиитскими солдатами. Его держали 18 месяцев, пытали и, наконец, жестоко умертвили. Но его можно было спасти.

Моссад через свою разветвленную сеть информаторов имел неплохие сведения о том, где содержатся заложники и кто их содержит. Если даже вы не знаете, где они содержатся, очень важно знать кем, в противном случае вы рискуете начать переговоры с теми, кто не имеет никаких заложников. Рассказывают, ливанец дает указание своему помощнику найти посредника для переговоров о выкупе имеющегося у него заложника. Помощник задает вопрос: «Из какой страны ваш заложник?» Следует ответ: «Найди мне представителя какой-нибудь страны, и я найду среди них заложников гражданина этой страны».

ЦРУ обратилось за помощью к Моссаду.

Но Моссад не был настроен идти навстречу. Несмотря на прямые указания премьер-министра, сотрудники сейфаним сказали, что согласуют этот вопрос с руководством Моссада.

Американцам отказали. ЦРУ не может видеть катса. Более того, американцам было сказано, что переданная им информация устарела и вообще относится к совершенно другому лицу, с делом Бакли она не связана. Эта версия была даже приукрашена: американцев просили не использовать переданную им информацию, дабы не ставить под угрозу жизнь других заложников.

Многие в конторе говорили, что когда-нибудь Моссад пожалеет об этом. Но большинство ликовало. Общий настрой был таков: «Ну, вот мы и показали им. Мы не позволим американцам взбрыкивать. Мы Моссад. Мы — лучшие».

На этом эпопея с заложниками и американо-израильские игры не окончились. Более того, эти игры приобрели достаточно зловещий характер. На первый взгляд достойный лишь иронии, местечковый подход Моссада к своим заокеанским покровителям оборачивается политической драмой. Вот как описывает дальнейшее развитие событий автор книги «Дорогой обмана»:

«...Именно озабоченность судьбой Бакли и других заложников заставила директора ЦРУ Кейси пойти на обман конгресса США и втянуться в план поставки Ирану в обход эмбарго оружия взамен на возврат заложников, захваченных проиранскими силами в Ливане. Все это закончилось известным международным скандалом Иран — контрас. Если бы Моссад согласился помочь американцам, это не только могло бы спасти Бакли и других, это могло бы предотвратить разразившийся политический скандал. Перес ясно видел, что сотрудничество в вопросе о заложниках было в интересах Израиля, но Моссад, и в частности Адмони, имел иные интересы...

В ходе расследования сделки с оружием в комиссии сената США в июле 1987 года фигурировала записка Норта бывшему советнику по вопросам национальной безопасности вице-адмиралу Джону Пойндекстеру (единственный участник скандала, севший в тюрьму), в которой, в частности, говорилось: «...Израильтяне рассматривают вопрос о заложниках как барьер, который следует преодолеть на пути к более широким стратегическим отношениям с иранским правительством».

Операция «Сфинкс»

Был август 1978 года.

Бутроса Эбен Халима можно извинить за то, что он обратил внимание на эту женщину. Это была привлекательная блондинка, одетая в брючки в обтяжку и блузку с низким вырезом. В течение последней недели она появлялась каждое утро у автобусной остановки на южной окраине Парижа, где Халим садился на автобус, чтобы ехать на работу. Каждый раз к остановке подъезжала красная машина «Феррари» BB 512, и тщательно одетый голубоглазый блондин усаживал блондинку в машину и увозил...

Халим, иракец, по дороге на работу вспоминал эту блондинку. Он не мог вступать с кем-либо в контакт, иракская служба безопасности проинструктировала его об этом, а также о том, что свой маршрут по дороге на работу он должен постоянно менять. Единственными постоянными пунктами маршрута была эта автобусная остановка около его дома и станция метро, где Халим садился в поезд и ехал на северную окраину Парижа, на расположенный там секретный объект, имевший отношение к строительству ядерного реактора для Ирака.

В один из дней «Феррари» не оказалось на месте, и женщина, пожав плечами, уехала на автобусе. Халим ждал свой автобус. Через несколько минут появилась красная автомашина, мужчина растерянно оглядывался, высматривая блондинку. Халим крикнул ему по-французски, что она уехала на автобусе. Водитель «Феррари», поблагодарив Халима на английском языке, предложил подвезти его. «Почему бы и нет», — подумал Халим, усаживаясь в машину. Итак, рыба заглотила крючок. Это был хороший улов для Моссада.

Операция «Сфинкс» эффектно завершилась 7 июня 1981 года, когда израильские истребители-бомбардировщики американского производства уничтожили иракский ядерный комплекс «Тамуз 17» неподалеку от Багдада. До этого в течение нескольких лет оркестрированные Моссадом международные интриги, саботаж и убийства оттягивали завершение строительства этого объекта.

Ирак всегда настаивал, что его центр ядерных исследований запроектирован в мирных целях, для обеспечения электроэнергией Багдада. Израиль опасался, что он будет использован для создания атомных бомб. Франция дала согласие на продажу Ираку 700-мегаваттного коммерческого реактора и на поставку обогащенного урана.

АМАН — управление израильской военной разведки — запросил Цви Замира, в то время главу Моссада, изыскать возможность получения информации о степени готовности к пуску иракского ядерного объекта. Руководитель управления Моссада по вербовке Давид Биран дал указание своим подчиненным найти иракца, имеющего непосредственный подход к заводу во Франции, выполнявшему иракский заказ. Такое же задание получил глава резидентуры Моссада в Париже Давид Арбель. Через сейяна, числившегося в списках Моссада под псевдонимом «Жак Марсель» и работавшего в отделе кадров ядерного завода, был получен список всего иракского персонала на заводе. В Тель-Авиве список был изучен и проверен через компьютер. Выбор остановился на Бутросе Эбен Халиме. Этот выбор можно было бы назвать случайным, но Халим был единственным иракским ученым, чей

домашний адрес был указан в списке. Значит, остальные или были более засекреченными, или жили в военном городке около объекта. Халим был женат, но не имел детей. Для 42-летнего иракца не иметь детей — это необычно, это не признак нормального и счастливого супружества.

Из Тель-Авива последовала команда о вербовке Халима «зйи эфес», то есть «наверняка». Срочно были созданы две команды. Первая — ярид, команда, ответственная за безопасность вербовок в Европе. Ее задача — определить график образа жизни Халима и его жены Самиры, выявить, находится ли он под наблюдением иракцев или французов, подобрать недалеко от его дома квартиру с помощью другого сейяна (помните, добровольные помощники Моссада из местных евреев?), занимавшегося куплей-продажей недвижимости. Вторая команда — невиот, задача которой подготовить негласное проникновение в квартиру объекта вербовки и установку там техники подслушивания.

Первый контакт состоялся с женой Халима Самирой. Молодая женщина по имени Дина, сотрудница Моссада, в чью задачу входило рассмотреть жену Халима и дать ее описание, позвонила в дверь квартиры Халима. С атташе-кейсом, где находились образцы косметики и бланки заказов на нее, Дина обошла все квартиры трехэтажного дома. Самира, как и большинство женщин в доме, благожелательно отнеслась к визиту (неудивительно, так как цены на косметику у Дины были намного ниже, чем в магазине), пригласила ее войти, поделилась с ней своими неприятностями: жизнь ее в Париже скучна и монотонна, муж не имеет перспектив по службе, сама она из состоятельной семьи, и ей надоело тратить на жизнь собственные деньги, через две недели она собирается в Ирак, так как мать ложится на серьезную операцию. Это означало, что Халим остается один.

Следующая задача Дины — вывести Самиру из дома, причем дважды. Один раз, чтобы команда смогла определить лучший вариант установки подслушивающего устройства, второй — чтобы установить его. Через два дня Жаклин, так назвалась Дина, вернулась с заказанной косметикой и сказала, что ее модный парикмахер Андре готов заняться волосами Самиры. В качестве сувенира, прилагаемого к купленной косметике, Жаклин принесла прелестный брелок для ключей: «Дайте мне ваш ключ, я покажу, как его закрепить». Ключ незаметно, на мгновение, был положен в одну из косметических коробочек, заполненную специальной массой, где остался его оттиск.

Халим был уже опознан, наблюдение за ним велось методом «неподвижной слежки» — по отрезкам пути, без следования за объектом; техника подслушивания была внедрена в квартиру.

Остановились на варианте девушки у автобусной остановки, где катса Моссада Ран С. играл роль ухажера-англичанина Джека Донована.

Во время первой поездки с Донованом Халим выдал себя за студента — достаточно пожилого для этого, как отметил Донован. Донован сообщил о себе, что он занят в международной торговле.

Следующим утром блондинка была на месте, и Донован подхватил ее. Еще на следующий день ее снова не было, и снова в машину сел Халим. На этот раз Донован предложил по дороге выпить кофе. Что касается блондинки, то, по его словам, это была

очередная... «Она стала чрезмерно требовательной, и я порвал с ней. Где-то жаль, она была очень хороша, вы понимаете, что я имею в виду. Но в таких нет недостатка, старина», — закончил он. Теперь Донован подвозил Халима регулярно. Затем сказал, что уезжает по делам в Голландию дней на десять и оставил Халиму свою визитную карточку с телефонами.

С отъездом Самиры Халим стал чаще бывать в городе, посещать рестораны, кинотеатры. Однажды позвонил Доновану и через секретаршу передал привет. Через три дня Донован также позвонил Халиму, пригласил на ужин в кабаре с программой. Настоял на оплате расходов.

Теперь Халим выпивал. Донован рассказал о сделке, над которой он работает: это продажа старых транспортных контейнеров в африканские страны, где их используют в качестве материала для строительства домов. «Я нашел партию в Тулоне, которую можно купить за бесценок. Поеду на выходные. Почему бы вам не поехать со мной?» Под видом бизнесмена в Тулоне выступал катса, торги происходили на территории склада, принадлежавшего одному из сейяним. Присутствовавший при этом Халим заметил, что контейнеры имеют на дне ржавчину, отозвав Донована, он предупредил его об этом. Нечего и говорить, что ржавчина была предусмотрена сценарием: один из контейнеров был поднят краном так, чтобы Халим обратил на нее внимание. Была оформлена сделка на приобретение 1200 контейнеров. Вечером за обедом Донован передал Халиму 1000 долларов: «Вы сэкономили мне намного больше, заметив ржавчину».

Настало время переходить к настоящему бизнесу. Следует приглашение в номер роскошного загородного отеля Софитель-Бурбон. Там же появляется молодая проститутка Мари-Клод Магаль. Донован оставляет их вместе на два выходных дня. Все любовные сцены снимаются на пленку, которая тщательно изучается психологом из Израиля. Из Тель-Авива прибыл физик-атомщик на тот случай, если понадобятся его услуги как специалиста.

Через два дня Донован «возвращается» из деловой поездки и связывается с Халимом. Он в расстройстве. Есть шанс заключить прекрасную сделку с немецкой компанией: купить, а затем выгодно перепродать специальные пневматические трубки для транспортировки радиоактивных материалов в медицинских целях, вовлечены большие деньги, но это чистая техника, в которой он не разбирается. Ему рекомендован английский ученый, чтобы дать заключение по трубкам, но он хочет слишком много, кроме того, ему кажется, что этот англичанин связан с немцами...

«Может, я смогу помочь?» — спрашивает Халим. «Спасибо, но мне нужен ученый». — «Я ученый», — настаивает Халим. «Что вы имеете в виду? Я думал, вы студент». — «Да, я так сказал вам раньше. Но я ученый, направленный сюда Ираком для работы по специальному проекту. Я уверен, что смогу вам помочь».

Позже Ран расскажет, что когда Халим наконец назвал род своих занятий, он почувствовал, что из него словно выпустили всю кровь, а потом накачали кипящей водой. Они заимели его! Но операция продолжалась...

Донован уезжает в Амстердам «встречать груз» и обещает прислать за Халимом «свой» реактивный самолет в субботу утром. Прилетевший из Израиля самолет с накрашенными на его бортах эмблемами несуществующей фирмы Донована доставляет Халима

в Амстердам. В аэропорту Амстердама Халима ждет роскошный лимузин, на котором он следует в не менее роскошный офис — и лимузин и контора принадлежат богатому еврейскому дельцу. Все уже ждали его: в роли двух бизнесменов выступали катса Массада Ицик Е и израильский физик-атомщик с немецким паспортом Бенджамин Голдштейн. Он привез с собой в качестве образца одну из пневматических трубок, чтобы выяснить уровень знаний и степень посвященности Халима в детали ядерного проекта. После общих переговоров два катса — Ран и Ицик ушли в другой кабинет обсуждать финансовые детали «сделки», оставив ученых поговорить о технической ее стороне.

Ученые быстро нашли общий язык. Голдштейн интересуется, откуда Халим так осведомлен о ядерной технике. Это был выстрел в тьму, почти наугад, но Халим уже рассказывал о своей работе.

Позже, за обедом, когда Донован снова отсутствовал, израильтяне изложили Халиму свой «план», над которым они работают. Речь шла о продаже атомных станций странам третьего мира, разумеется, в мирных целях. «Ваш проект объекта мог бы быть идеальным проектом для нас, чтобы продать его этим людям, — убеждал Ицик. — Если бы вы смогли сообщить нам некоторые детали и схемы, мы смогли бы это как следует использовать. Но это между нами. Мы не хотим, чтобы Донован знал об этом, так как он потребует свою долю от сделки. Мы имеем контракты, а вы будете экспертом. Донован нам не нужен». Еще немного сомнений, напор и посулы со стороны израильтян — и Халим был завербован. И как многие завербованные, он даже не подозревал этого. Донован заплатил Халиму 8 тысяч долларов за помощь с трубками, и на следующий день, после праздничного ужина в компании своего друга и ночи с проституткой в своем номере, счастливый иракец вылетел в Париж на «личном» самолете Донована.

Через два дня иракец встретился с новыми компаньонами в Париже. Ицик, более настойчивый, чем Донован, требовал чертеж иракского объекта с данными о его мощности и точной схемой расположения. Халим подчинился. Его научили, как снять копии чертежей методом «бумага — бумага», когда на документ кладется лист специальной бумаги, а сверху книга или другой груз, и через несколько часов копирка со скрытым изображением готова, остается ее вынести с объекта, а затем проявить и получить негативную копию документа.

Ицик давил на Халима, но исправно платил за каждую информацию. Иракец начал проявлять признаки того, что называют «синдромом шпиона»: перепады в настроении, бессонница, невозможность расслабиться — симптомы, вызываемые страхом разоблачения. Единственный выход — позвонить своему другу Доновану. Он должен все знать и уметь. У него много людей в высших и тайных сферах.

«У меня проблемы, — пожаловался Халим. — Надо встретиться». Донован прилетел из Лондона, встретились в отеле «Софитель». «Меня обманули, — каялся Халим в своей тайной от друга сделке с немцами в Амстердаме. — Вы были таким настоящим другом. Но меня купили. Моя жена всегда требовала, чтобы я больше зарабатывал. Я решил, что это мой шанс. Я был идиотом. Прости меня. Мне нужна твоя помощь».

Донован: «Это бизнес. А немцы, видимо, работают на ЦРУ».

Халим (поражен): «Я отдал им все, что имел, но они хотят от меня большего!»

Донован: «Дай мне подумать. Я знаю многих людей. Ты не первый, кого купили. Давай отдохнем и проведем время. Все не так плохо, как кажется с первого взгляда».

С начала операции прошло пять месяцев — быстрый срок для развития подобных операций. После обсуждения ситуации на конспиративной квартире было решено, что Ран скажет Халиму, что на него действительно вышло ЦРУ.

«Они повесят меня», — закричал Халим. «Нет, — ответил Ран, — ведь ты работаешь не на Израиль. И в конце концов — кто узнает? Я договорился с ними. Они хотят еще одну информацию и оставят тебя в покое».

«Что еще я могу дать им?» — «Я в этом ничего не понимаю, но думаю, что вот это тебе будет понятно. — Донован достал из кармана бумагу. — Они хотят знать, как будет реагировать Ирак, если Франция предложит заменить обогащенное сырье тем, что называется «карамель». Скажи им, и они отстанут от тебя».

Халим сообщил, что через несколько дней с целью инспекции проекта в Париж прибудет физик Яхья эль-Машад, уроженец Египта, который примет решение за иракскую сторону.

«А ты встретишься с ним?» — спросил Донован. «Да, он будет беседовать со всеми, кто работает над проектом». — «Вот и хорошо, — заключил Донован. — Ты получишь у него эту информацию, и твои неприятности закончатся».

Халим облегченно вздохнул. Он торопился. Теперь, когда у него появились деньги, он стал постоянным клиентом проститутки, подруги Мари-Клод Магаль, которая считала, что, проводя время с Халимом, она работает на местную полицию, в то время как она трудилась на Моссад.

Но злоключения Халима еще не кончились. Донован настоял, чтобы Халим пригласил Мешада на ужин в бистро, куда «случайно» зайдет Донован. Но Мешад был осторожен: поздоровавшись с представленным ему Донованом, он не стал поддерживать с ним разговор, несмотря на намеки Халима, что это «полезный человек». Не удалось Халиму получить от Мешада и информацию о «карамели». Но Моссад уже получил эти сведения от «белого» агента, работавшего в системе финансов французского правительства. Теперь Донован требовал от Халима график морских перевозок готовых заводских грузов в Ирак. «Это последняя просьба ЦРУ», — убеждал он. Моссад начал готовить вербовку Мешада — он отвечал за монтаж завода в Ираке и мог быть полезен.

Вернувшись из Ирака, Самира нашла Халима изменившимся. Ночью он рассказал ей о Доноване и своих проблемах с ЦРУ. Самира была в ярости: «Зачем все это американцам? — кричала она. — Кто еще, кроме израильтян и глупой дочери моей матери, захочет даже говорить с тобой?» Нет, она не была глупой.

Наступил следующий раунд операции «Сфинкс». Задача Моссада — уничтожить контейнеры с деталями для иракского реактора, складированные в морском порту. Снова негласные проникновения, на этот раз диверсионной команды невнот из пяти человек в складские помещения в районе Тулона. 5 апреля 1979 года команда невиот закладывает подрывные заряды на складе, где ожидают погрузку контейнеры — плоды трехлетней работы над проектом. Дистанционный взрыв уничтожил 60 процентов компонентов реак-

тора, нанеся ущерб в 23 млн. долларов и отбросив иракские планы на несколько лет назад. Ответственность за взрыв взяла на себя дотоле не известная организация — «Группа французских защитников экологии», хотя французская полиция этому не поверила. «Франс-суар» подозревала «левых экстремистов», «Матэн» — палестинцев, работающих на Ливию, еженедельник «Пойнт» указывал на ФБР. Другие обвиняли Моссад, но израильское правительство отвергло это обвинение как проявление «антисемитизма».

Халим и Самира вернулись домой поздно после обильного обеда в бистро «Левый берег». Он включил радио, желая послушать музыку, но вместо нее услышал сообщение о взрыве. Халим был в панике. «Они взорвали реактор! — кричал он. — Теперь они взорвут меня тоже!»

На его телефонный звонок Донован ответил: «Не делай никаких глупостей. Веди себя спокойно. Никто не сможет связать тебя с чем-либо подобным. Завтра вечером встретимся в номере». — «Теперь иракцы повесят меня, — стонал Халим, сидя в номере отеля с Донованом. — Или передадут меня французам, а те пошлют меня на гильотину». Он заявил, что вернется в Багдад: «Эти люди не последуют туда за мной!»

Донован, сначала настаивавший, что это обычный экономический шпионаж и саботаж, теперь отбросил все свои версии и посоветовал, если Халим хочет начать новую жизнь, обратиться к израильтянам: «Они заплатят тебе, дадут новые документы и защитят тебя. Они хотят знать все, что ты знаешь о проекте».

«Нет, я не могу, — повторял Халим. — Только не с ними. Я иду домой». И он ушел.

Оставался Мешад. Один из немногих арабских ученых с авторитетом в области ядерной энергетики, близок к высшим иракским военным и гражданским деятелям. Моссад все еще надеялся завербовать его. Несмотря на помощь Халима, некоторые вопросы оставались без ответа.

7 июля 1980 года Мешад в очередной раз приехал в Париж, чтобы объявить об окончательных решениях по сделкам. Во время визита на завод он в беседе с французскими учеными сказал: «Мы совершаем переворот в мировой истории арабов». Это обеспокоило израильтян. Из перехваченного ими телекса было установлено, где он заказал номер (комната 9041 отеля «Меридиан»). В номере заранее была поставлена техника подслушивания.

Позднее в интервью египетской газете его жена Забула скажет, что они со своими тремя детьми собирались выехать из Багдада в Каир в отпуск, когда ему позвонил из Парижа сотрудник завода. Она слышала, как он спросил: «Почему я? Я могу послать эксперта». Она была уверена, что звонил израильский агент, приготовивший ему ловушку. «Он говорил мне, — продолжала Забула, — что он будет работать над созданием атомной бомбы, если даже надо будет заплатить за это своей жизнью».

Официальное сообщение французских властей гласило, что Мешад, возвращаясь в 19.00 13 мая 1980 года в свой номер на девятом этаже, в лифте познакомился с проституткой. Но Моссад знал, что этой проституткой была все та же Мари-Клод Магаль по кличке «Мари-Экспресс», работавшая на Моссад. Ее не заботило, кто ее работодатель. Мешад был склонен к сексуальным извращениям, и она регулярно развлекала его.

Было решено сделать ему прямое вербовочное предложение: «Если он не согласится, он умрет». И он умер.

Израильская разведка подождала, пока Мари-Клод закончила ублажать Мешада, и ушла. Двое бесшумно проникли в номер, когда Мешад уже спал, и перерезали ему горло.

Поздно вечером 12 июля 1980 года, после того, как Моссаду стало известно о подозрениях Мари-Клод, которыми она поделилась с полицией и со своим регулярным клиентом (который, в свою очередь, передал эту информацию своему контакту из Моссада), она была подхвачена на бульваре в черный «Мерседес», а затем на большой скорости выброшена под колеса мчавшегося несколько сзади другого «Мерседеса». Она была убита на месте. Обе машины скрылись в ночи.

Ликвидация Мари-Клод относилась к категории срочной оперативной необходимости. Решение же убрать Мешада относилось к системе «экзекуционных списков», о которых говорилось выше.

...Благодаря информации Халима израильтяне точно знали, куда следует нанести удар, который повлек бы наибольшие разрушения. Ключевой целью был купол над сердцем станции. Израильский комбатант находился в близлежащем районе, посылая мощные радиосигналы, наводящие самолеты на цель... Для полной уверенности завербованному Моссадом французскому техническому специалисту Дамиену Часпиду было поручено пронести в здание станции чемоданчик с встроенным радиомаяком. По каким-то причинам француз задержался внутри здания и стал жертвой налета.

В 18.30 над территорией Ирака самолеты снизились, чтобы обмануть радары, и шли столь низко, что были видны крестьяне, работавшие на полях. Перед выходом на цель они резко набрали высоту. Радары оказались бессильны, солнце из-за спины нападавших слепило расчеты зенитных орудий. Затем истребители один за другим пошли в пике. Зенитки не причинили вреда, ракеты САМ не были запущены, ни один иракский истребитель не поднялся для перехвата. Израильские самолеты, развернувшись, на большой высоте уходили в сторону Израиля, спрямляя маршрут прямо над Иорданией, оставив в развалинах мечты Саддама Хусейна о превращении Ирака в ядерную державу.

Около 19.00 генерал Рафаэль Эйтан, начальник генерального штаба израильской армии, позвонил Бегину и сообщил, что миссия выполнена (финальная часть операции имела кодовое название «Вавилон») и что все задействованные в ней живы. Говорят, что Бегин произнес: «Baruch Hashem» — «Слава Богу» — на иврите. Реакция Саддама Хусейна неизвестна.

Многие ли из нас, читатель, помнят об этой операции, начинавшейся израильской разведкой и завершенной боевым налетом ВВС Израиля? Думается, что нет. А какова была реакция мировой общественности в момент этого события и после него? По страницам прессы пронеслась легкая рябь (мы не говорим сейчас о прессе арабских стран) — и все успокоилось.

Такова, читатель, логика двойного подхода, двойной морали, которую Израилю при поддержке всемирного сионистского лобби удалось, к сожалению, внедрить в сознание значительной части мирового сообщества.

«8 декабря 1987 года тягач израильской армии столкнулся в Газе с несколькими автофургонами. Погибли 4 и были ранены 17 арабов. Инцидент вызвал широкие протесты, особенно когда на следующий день распространились слухи о том, что он был задуман как возмездие за убийство в Газе 6 декабря 1987 года израильского чиновника. Жители Газы блокировали дороги подожженными автопокрышками. В израильских солдат летели камни, бутылки с зажигательной смесью, металлические прутья.

10 декабря волнения достигли лагеря палестинских беженцев Балата.

16 декабря специальные израильские антиповстанческие подразделения впервые пустили в ход водяные пушки, в сектор Газа было направлено большое количество израильских солдат для подавления нарастающего недовольства. Через два дня, после пятничной молитвы палестинская молодежь хлынула из мечетей на улицы, начались столкновения с израильскими войсками. Были убиты еще три араба. После этого израильские войска штурмом взяли госпиталь Шифа в Газе, арестовав дюжину раненых арабов и избив докторов и медсестер, которые пытались вступиться за своих пациентов.

Началась интифада.

16 мая 1990 года шведский филиал Фонда спасения детей, финансируемого Фондом Форда, в докладе на 1000 страницах обвинил Израиль в «жестоком неспровоцированном и повторяющемся» насилии по отношению к палестинским детям. Было установлено, что от 50 до 63 тысяч детей лечились от полученных ранений, включая, по меньшей мере, 6,5 тысячи с огнестрельными ранами. В докладе говорилось, что большинство убитых детей не относится к тем, кто принимал участие в волнениях, в одной пятой части изученных случаев жертвы были убиты в домах либо в пределах 30 футов от дома.

Тем временем интифада продолжает бушевать, нет и признаков ее конца. По данным Ассошиэйтед Пресс, к июлю 1990 года израильтянами были убиты 722 палестинца, еще 230 были убиты палестинскими радикалами, скончались по меньшей мере 45 израильтян... Бывший президент США Джимми Картер, совершивший поездку в регион, заявил, что восстание «приобрело затяжной характер частично из-за жестокости израильских солдат по отношению к палестинцам», включая неоправданные убийства, разрушение жилищ и содержание под арестом без суда. «На Западном берегу нет почти ни одной семьи, в которой не был бы арестован хоть один мужчина», — сказал Картер. Представитель правых израильских кругов рабби Моше Цви Нернах, глава известной религиозной школы, в своем выступлении заявил: «Сейчас не время раздумывать, сейчас время стрелять вправо и влево».

Израиль стоит перед самой большой угрозой, которая когда-либо существовала. Это уже не контролируется. В Израиле все еще убивают палестинцев, и Шамир говорит: «Нас заставляют быть жестокими. Нас вынуждают стрелять в детей. Разве это не ужасно?» Вот что бывает после долгих лет секретности, после долгих лет уверенности: «Мы правы, давайте будем правы, неважно, в чем именно», — после созидательной дезинформации официальных властей, после оправдания насилия и бесчеловечности с

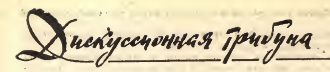
помощью обмана или, как провозглашает девиз Моссада, «Дорогой обмана».

Это из эпилога книги В. Островского — пожалуй, самого сильного, что когда-либо писалось о Моссаде.

То, что в Израиле не принято писать о Моссаде, еще можно понять, особенно прочитав книгу В. Островского. Но о Моссаде не принято писать и у нас. Попробуйте найти в наших столь рьяно «перестроившихся» изданиях что-либо на эту тему. Не найдете. Не та тема. Вот о КГБ, о «супершпионе» Калугине — пожалуйста, тут полный «плюрализм» и свобода слова, правда, в своеобразной трактовке. О КГБ только плохое, о Калугине — только хорошее. Хотите пародию на советскую разведку? Пожалуйста, даем слово еще одному «супершпиону» Любимову, поведавшему читателям «Огонька» о «шпионских страстях» и фантастических похождениях некоего Алекса, на котором вроде бы держится вся разведка. Вот и с уходом Калугина, который в основном занимался слежкой за советскими гражданами за рубежом, устои КГБ пошатнулись. Не верите? Читайте «Коммерсант» № 45 от 19—26 ноября 1990 года. «Бывший генерал КГБ Олег Калугин, комментируя ситуацию для радио «Свобода», сказал, что «сегодня КГБ работает некачественно, особенно по делам о контрабанде...». Право, трагическая ситуация; когда он работал в этом самом КГБ, все было в порядке, а вот сегодня, без него... Много, много потерял КГБ с уходом Калугиных, Любимовых, Карповичей — любимых «героев» «Огонька» и других литературных «прорабов», героев, которые годами кусали от одного пирога, а теперь пристроились к другому.

А как же все-таки с Моссадом? Есть один, правда, почему-то мало кем услышанный голос. Он прозвучал в связи с таким эпохальным событием, как открытие 27 ноября 1990 года в Москве «учредительного съезда Сионистской федерации СССР», в открытом обращении бюро президиума Антисионистского комитета советской общественности к Верховному Совету СССР по поводу деятельности сионистских организаций в Советском Союзе. В этом обращении содержится просьба «поставить вопрос о расследовании деятельности сионистских организаций в СССР по созданию информационной сети для сбора сведений о советских гражданах с целью передачи их по прямому каналу связи МИД Израиля».

Не будем наивными! Можно, конечно, считать, что это канал связи МИД Израиля, но если бы вы спросили В. Островского, то он бы вам авторитетно объяснил, что да, это канал связи, но не МИД, а Моссада Израиля. Моссад стучится к нам в дверь... А скорее всего уже вошел, ибо такие преданные патриоты страны, как А. Яковлев, Б. Ельцин, М. Горбачев, широко раскрыли перед ними эти двери...

«НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ ВЕДЕТ В РАЙ»

Из писем в редакцию

«ДЕЛОВЫЕ» ЛЮДИ

(или о том, как «демократы», дорвавшись до власти, грабят народ)

Я знаю, голод будет,
Я знаю, аду цвесть,
Когда такие люди
В стране советской есть.

Из стихов почти неизвестного поэта

12 февраля 1991 года прорвался давно зревший в недрах Октябрьского райсовета Москвы нарыв недовольства председателем Совета народным депутатом СССР И. И. Заславским. 83 депутата районного Совета выступили со следующим заявлением: «Мы, нижеподписавшиеся депутаты Октябрьского районного Совета, считаем целесообразным включить в повестку дня III сессии вопрос о недоверии председателю Октябрьского райсовета Заславскому И. И. и об освобождении его от обязанностей председателя Октябрьского райсовета».

Подписывая это заявление, один из депутатов сделал приписку: «Я считаю, что не могут себя называть люди «Демократической Россией», если они действуют грязными методами».

13 февраля сессия райсовета начала обсуждение этого вопроса, но тут Заславский применил классический прием парламентской борьбы: чуть более двадцати оставшихся его сторонников попросту сбежали с сессии, лишив тем самым ее кворума.

Что же вызвало столь бурный политический кризис в Октябрьском районе? Заглянем за кулисы события. Если верить Заславскому, то причиной его «травли» явилось нежелание со стороны абсолютного большинства депутатов вносить прогрессивные экономические новации в деятельность районных структур власти. В начале февраля вышел четвертый номер журнала «Столица», в котором член его редколлегии, он же народный депутат СССР, он же председатель Октябрьского райсовета И. Заславский излагал свою версию событий: «Специалисты подсчитали, что минимальный годовой бюджет должен составлять примерно 100 миллионов рублей. А предполагаемый дефицит бюджета исчисляется в 27 миллионов рублей. Где взять такую сумму? А ее обязательно где-то нужно взять, иначе инфраструктура района просто развалится... Раньше мы поддерживали свой бюджет за счет дотаций города. Но сегодня у города тоже нет денег... Но для финансирования социальных про-

грамм, для запланированного в районе повышения зарплаты медикам, учителям, милиционерам, доплат — нужны средства!

В этой ситуации исполном нашел аыход: решил зарабатыаать деньги самостоятельно. И для этого взялся создавать сеть необходимых ему предприятий (государстаенных!)... Но нан заставить вноаь создаваемые предприятия работать прежде асего на бюджет района? Выход тоже изаестен: это соаместительстао. Предприятия аозглааляют предстаантели законодательной н исполнительной аласти. Естественио, их работа находнтся под особым нонтролем. Многие из них аообще не получают денег за саое предпринимательстао. Некоторые предприятия до 95 процентоа прибыли передают в бюджет района.

Именио это совместительство и приаело н онончательному размежеаанию депутатсного корпуса. Расnололся почти наполовину даже сам демонратнческий блон а райсоаете».

Ой, лукаант председатель райсоаета, обещая собстаенными силами построить разаитое н цнанлизоаанное, антиноммунистическое, капиталнстнческое общество а отдельно взятом районе. Ученыйхимнн из тенстнльного инстнтута, азявшись за полнтическую пряжу, обещает соткать «ноаое эноиомнческое платье». Но если пощупать, на каком станке и нз накого материала пытаются в Октябрьсном районе нзготоаить это платье, то аыясиится, что оно яано мафиозного понроя. Попробуем проанализироаать предлагаемые депутатом-химином эноиомнно-управленческие нонструкции.

Коммерсанты от «демонратии» асе беды социалистического-общенародного государстаа видят нсключительно в общенародной, а по их слоаам, ничейной собственности — нет, мол, у нас подлинного хозяина. Вполне естественно, что хозяином себя чувствует тольно тот, кто от саоей собственности получает доход и может тратить его по своему усмотрению. А кто получает доход от общенародной собстаенности?

Если аернть «демонратам», то раз доход не получает кто-то нонкретно, то его н аообще нет. И действительно, народ этот доход вроде бы и не видит: строили предприятия, а для чего, если их сегодня собираются занрыаать? Квартиры раздавали бесплатно — тан сейчас говорят, что строили плохо, да и не асем достааалось. Медицинское обслужнааиие было бесплатным — тан здесь другая сторона: хаатало всем, но лечили плохо, тан нан денег аыделяли мало. Библиотени, музеи, театры, нино, стадионы были дешеаы н доступны всем, но и это плохо: не могли-де творческие личности таорить саободно то, что хотят! (Сейчас, праада, наоборот, твори что хочешь, но денег нет, поскольку совсем свободную культуру народ почему-то покупать не хочет.) Намучились «ноисерваторы» с этим народом, пона пытались угодить хотя бы большинстау. А вот «демонраты» обещают шикарную жизнь, нан тольно они асе приватизируют. Праада, если не для всех, то хотя бы для избранных — тех, которых народ избрал управлять собою и ноторые успеют (до суда над ними) приватизнроаать кое-что нз имеющегося пока еще общественного пирога. Правда, общенародной собственности в стране много, зараз не приаатизнруешь, но за 500 дней предлагали попробовать...

Однако некоторые недоумки-ноисерваторы говорить стали, что, мол, а Англии процесс приаатизации промышленности шел чуть ли не полтора десятилетия, но на то они и консерааторы, чтобы палки а колеса демократоа аставлять. Попытались было н некоторые демонраты поставить под сомнение эноиомические идеи Заслаасного. Вот, например, что отметнл народный депутат СССР Ю. Болдыреа: «Мы приняли закон о самоуправлении, в нотором тан и не сумели зафиксировать недопустимость сосредоточения аластн в одних руках. Мы не предусмотрели (а я настаивал на этом) жестное разграничение иекоммерческой (а том числе и благотаорительной) деятельности и номмерческой, необходимость ограничения номмерческой деятельности для депутатов, государстаенных служащих. И теперь в коммерцию пустились и министры, и масса депутатоа всех уровней. Сами для себя учреждают предприятия, сами себе аыделяют лучшие земли и помещения, сами устанавливают налоговые льготы. Это означает, что власть опять работает иа себя, не выполняя саоей главной функции — защиты граждан, их раавых праа во всех областях. Зачем такая власть?» («Работница», № 12, 1990.)

Вот и депутаты Октябрьсного райсоаета забеспокоились и заговорили, что тан, мол, в цивилизоаанных странах не делается, но Заславский их со всех страниц своей «Столицы» прямо и откровенно отбрил:

«Разговоры о том, что в цивилизованных странах исполнительная власть не имеет права заниматься коммерцией, а нашей ситуации считаю доводом демагогическим. Во-первых, мы далеки от истинной цивилизованности. И во-вторых, как показывает международный опыт, во всех слаборазвитых странах исполнительная власть всегда непосредственно поддерживает предпринимательство. В одной из африканских стран бизнесом занимается даже сам президент».

«Демократам» стало уже привычным уничижительно сравнивать собственную великую и богатейшую страну со слаборазвитыми странами. Однако уместно в связи с этим спросить: если мы сегодня недоцивилизованы и недоразвиты, то зачем нам пытаются навязать экономические формы таких «цивилизованных» стран, как США, ФРГ, Франция, забывая, что эти страны шли к своей «экономической цивилизации» десятилетиями, преодолевая в том числе и жесточайшие экономические кризисы? Кстати сказать, когда создавалась единственная за всю историю США конституция, то американские отцы-законодатели в тот период совершенно неразвитого и нецивилизованного (по нашим меркам) государства специально предусмотрели норму, запрещающую совмещение бизнеса и политики. Может быть, именно поэтому они процветают сейчас? К слову сказать, вспомнилось мне, как накануне развернувшихся в Октябрьском районе событий по Центральному телевидению его подхалимы показали документальный фильм о Заславском, в котором наш новатор утверждал, что воспитан в духе христианской культуры. Не спекулируя на модной сегодня теме, хочу все же напомнить новоявленному «христианину» одно из высказываний Христа, поведанное нам евангелистом Матфеем:

«Никто не может служить двум господам. ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне».

Увы, забыли об этой исповеди в райсовете. В деле демократизации власти Заславский гордо назвал членов Октябрьского исполкома первопроходцами. Видимо, прирожденная «христианская» скромность не позволила ему добавить еще одно определение — первопроходцы-скороходы! Уж так они спешили, что произвели приватизацию собственности района вообще за один день, причем еще за полгода до появления широко разрекламированной программы демократов «500 дней».

Идею приватизации в Октябрьском исполкоме решили осуществить самым радикальным образом — отнять собственность у Совета и передать ее неким коммерческим структурам, которые и будут стремиться к извлечению коммерческой выгоды. Естественно, возник вопрос о том, кто станет хозяином этих структур. Не надо забывать, что в конечном итоге речь идет не о собственности как таковой, а о присвоении приносимой ею прибыли. Раньше прибыль доставалась Совету (то есть, по мнению «демократов», никому), а кому она будет доставаться теперь?

Голову над этой проблемой в Октябрьском исполкоме ломать не стали, ибо все люди с высшим образованием и со школьной скамьи усвоили простую формулу Фамусова: теплое местечно надо предоставлять родному человечку. Ну а кто для членов исполкома роднее всех? Естественно, они сами. Вот и поделили собственность Совета между собой. И сделали это не то чтобы за 500 дней, а натурально за несколько часов, то есть ровно за столько, сколько длилось заседание исполкома в тот исторический день 30 мая 1990 года.

Заславский уверяет, что члены исполкома, возглавившие эти структуры, никакого дохода от этой коммерции не имеют. Ой, опять лукавит главный «демократ» района. Это от исполкома они никакого денежного дохода не имеют, поскольку, став коммерсантами, они отказались от своей зарплаты в исполкоме, да и зачем она им, если созданная специально для самих себя собственность приносит им оклады минимум вдвое больше исполкомовских (злые языки утверждают, что даже в три раза, но это коммерческая тайна!). Уже ради одного этого стоило создавать эти структуры.

«Скороходы-первопроходцы» начали с того, что сначала — именно 30 мая — члены исполкома создали группу по развитию предпринимательства в следующем составе: Какабадзе Ш. Ш. — ответственный координатор работы группы, Гусев Ю. Н., Захарченко Д. В. и Фогельсон Ю. Б. — все члены исполкома. Сами для себя определили круг своих полномочий, не забыв подчеркнуть: «При рассмотрении деловых предложений, вопросов о создании новых предприятий, организаций, объединений группа прежде всего руко-

водствуется интересами экономического и социального развития района, удовлетворения нужд населения... При испрашивании согласия Октябрьского райисполкома об установлении льготных ставок налогообложения группа рассматривает соответствующие рекомендации постоянной комиссии исполкома по экономическому развитию района».

Без этого чрезвычайно важного признания будет просто непонятно дальнейшее развитие событий в райсовете, ибо отражает те самые благие намерения, которыми вымощена дорога... в частное предпринимательство. Отметим и еще одну деталь, которая понадобится нам при дальнейшем анализе экономической деятельности райисполкомовских коммерческих структур: группа не забыла указать, что организационно-техническую работу по подготовке проектов решений и регистрации новых предприятий осуществляет сектор райисполкома по развитию предпринимательства. Расходы, конечно, не ахти какие, но все же денежки счет любят.

Определившись с будущим предпринимательством в районе, члены исполкома принялись распределять между собой обязанности по руководству районной жизнью. Председателю исполкома Васильеву, помимо общего руководства, досталось еще контролировать финансовое управление, правоохранительные органы, юридические службы и некоторые другие направления деятельности исполкома, не играющие особого значения в нашем исследовании.

Не менее тяжелая ноша легла и на плечи исполняющего обязанности заместителя председателя исполкома Гусева — ему досталось заведовать коммунальной собственностью (использованием и арендой помещений, зданий, земель); межведомственной комиссией и комиссией по продаже гражданам квартир в личную собственность, комиссией по распределению нежилых помещений и помещений в первых этажах.

На рядовых членов исполкома нагрузка легла полегче. Так, Какабадзе стал отвечать за правовое обеспечение и сектор развития предпринимательства; Фогельсон — за все информационное обеспечение райисполкома и работу таких «источников информации», как Бюро технической инвентаризации, Бюро по обмену жилых помещений, районную инспектуру госстатистики, а заодно и за взаимодействие с комиссией по гласности и информации Совета. Были и другие назначения, но не в них суть. Главное в том, что сразу же после определения своих обязанностей члены исполкома проявили невиданную доселе предприимчивость и группа по развитию предпринимательства тут же, не сходя с места, образовала новые предпринимательские (то есть государственные, если верить Заславскому) структуры.

Забегая немного вперед, скажу, что спустя полгода, 10 декабря 1990 года, на сессии райсовета председатель исполкома Г. Васильев пытался убедить взбунтовавшихся депутатов в том, что созданные исполкомом «специализированные хозрасчетные организации выполняют эти функции (производственные, коммерческие, проектные, консультативные и др.) более эффективно и в гораздо большем объеме». Поскольку в доклада ни объем, ни эффективность этих структур даже не затрагивались, то попробуем сами, по имеющимся документам осветить эти качественные стороны прошедшей в Октябрьском районе приватизации. Одной из таких структур стала консультативная юридическая фирма «Ассистент», директором которой утвердили члена исполкома, отвечающего за правовое обеспечение и развитие предпринимательства в районе Какабадзе. Если помните, Заславский утверждал, что создаваемые фирмы будут работать на бюджет района. Вот с этого взаимодействия мы и начнем наше исследование. Итак, учредитель, то есть исполком, внес в уставной фонд фирмы из своего бюджета 25 тысяч рублей, а заодно сразу же на два года предоставил ей значительные льготы по налогам. А поскольку все это делалось, как уже говорилось, в один день, то, естественно, согласовать эту акцию с постоянной комиссией Совета по экономическому развитию района не успели. Впрочем, и все последующие предпринимательские новации исполком упрямо забывал согласовывать с этой комиссией. А когда ее председатель депутат Ю. Мареич стал слишком настойчиво требовать информации по этим вопросам, то председатель исполкома Васильев официально запретил давать ему какую-либо информацию. Выделяя «Ассистенту» деньги из бюджета и предоставляя налоговые льготы, члены исполкома «забыли» сделать экономические расчеты, обосновывающие финансовую будущность этой фирмы, а посему и не имели представления о том, когда и сколько они получат до-

ходов от нее а свой бюджет. Однако спустя три месяца из бюджета района в фирму вновь перекачали еще 25 тысяч рублей и одновременно договорились, что свои услуги фирма будет продавать исполкому ежегодно на 50 тысяч рублей. Таким образом, только за полгода в фирму должно было поступить 100 тысяч рублей из районного бюджета, которые гарантировали ей стабильное финансовое положение в условиях перехода к рынку.

Напомним еще об одной детали — оформление всех документов вновь организующихся предприятий было возложено на сектор исполкома. Отдел цен и налогов исполкома оценил это в 230 рублей. Исполком округлил до 250 рублей и определил, что эти деньги должны поступать на счет фонда дополнительных финансовых ресурсов исполкома. Однако уже на одном из следующих своих заседаний исполком указал, что половину этой суммы плательщики обязаны переводить «Ассистенту».

Однако на одних дотациях из бюджета много не заработаешь. И тогда член исполкома Какабадзе, отвечающий за предпринимательство, разработал временное положение о регистрации новых предприятий, благо он же сам отвечал и за правовое обеспечение предпринимательства. В атом положении, в целях усиления законности, он предусмотрел, что создаваемая организация (в том числе и частное предприятие) может быть зарегистрирована только при наличии юридического адресв. Создалась интересная ситуация, поскольку юридический адрес было решено давать только на арендное помещение, а договор на аренду мог быть заключен только после регистрации предприятия, а регистрация может быть только при наличии юридического адреса, а...

Созданный членом исполкома Какабадзе замкнутый круг ловко разорвал директор фирмы «Ассистент» Какабадзе, который стал предоставлять, естественно за плату, нуждающимся новорожденным фирмам в качестве юридического адреса адрес своей фирмы. Сколько успел заработать на атой инициативе «Ассистент», пока коммерческая тайна, но злые языки утверждают, что каждый страждущий получил больше тысячи рублей. Подобные услуги вызвали брожение умов депутатов, и тогда исполком принял решение об узаконении подобной деятельности, оформив ее в виде приобретения «Ассистентом» лицензии на право представлять юридический адрес. Пришлось Какабадзе заплатить исполкому аж 5 тысяч рублей. Однако до того, как появилось это решение, «Ассистент» успел дать крышу более 80 организациям.

Предложил член исполкома Какабадзе и еще одну правовую новацию. Для ускорения регистрации новорожденных предпринимателей их «родителям» рекомендовалось предварительно обратиться в фирму «Ассистент», где опытные специалисты, естественно за плату, проверят соответствие документации требованиям исполкома и поставят свою визу. Фирма гарантировала качество представляемых в исполком документов, а поэтому их регистрация не вызывала никаких проблем. Услуги по регистрации оплачивались клиентом опять же фирме «Ассистент», хотя эту работу выполнял аппарат исполкома.

Если же коммерческий интерес отбросить в сторону, то с организационной стороны этого процесса происходило примерно следующее: Какабадзе-исполкомовец направлял обращавшегося к нему предпринимателя к Какабадзе-фирмачу, который готовил тому все документы, после чего Какабадзе-исполкомовец с чистой совестью давал «добро» на регистрацию нового предприятия. А чтобы не было злоупотреблений, за всем этим наблюдал Какабадзе — руководитель группы по предпринимательству. Правда, Какабадзе-троица зарплату получал в фирме «Ассистент», но как назать члена исполкома, получающего деньги в зависимой от него фирме? И как назвать фирму-монополиста, призванную работать на бюджет района, но фактически выкачивающую деньги из районного бюджета в свой доход, обеспечивая тем самым очень высокую зарплату своим работникам, в том числе и члену исполкома? И к какому роду деятельности можно отнести услуги по предоставлению фиктивной «юридической крыши», приносящие многотысячные барыши при отсутствии фактических трудозатрат? Кстати сказать, подобные варианты незабвенной конторы «Рога и копыта» уже достаточно широко внедрились в управленческий бизнес не только в Москве, но и в других городах.

Хотя Заславский утверждает, что в траале новых коммерческих структур участвует партийная пресса, вопросы законности и этичности подобных совмещений затронула даже такая крайне «демо-

нратическая» газета, нан «Мосновскиа новости», забыа, правда, упомянуть о том, что до перехода на работу а Октнбрьский исполном Какабадзе являлся директором Центра политико-правовых нс-следоваиий и информации при этой газете.

Перейдам к следующей коммерческой структуре Октябрьского райисполкома. На том же заседании 30 мая было создано малое предприятие «Проектная и научно-нсследовательская фирма «Информациоиные технологии», илн, сокращенио, просто «Фирит». Возглавил ее член группы по развитию предпрннимательства, он жа член исполкома райсовета, отвечающий за асю информацию, О. Фогельсои. Следующим решением исполком обязал вса службы н организации района при предоставлении ниформации в любые организацин и нистанции согласовывать это с Фогельсоном н все копнн ниформационных документов передавать фирме «Фирит». Если же исполкому или даже райсовету поиадобится каная-либо нифор-мация по району, то директор фирмы «Фирнт» Фогельсон любезио предоставит ее, правда за плату. Таким образом всю информацию нз районных учреждений на основанин решенин исполнома «Фирит» получает бесплатио, но зато продает ее нсполкому н другим оргаиизациям.

И а этом случае коммерчесная тайна деятельиости фирмы «Фирит» соблюдается строжайша, а поэтому даже в комиссни райсовета по экономическому развитию не могут сказать, скольно деиег заработала фирма для бюджета района, но зато точно нзвестно, что нз бюджета она одиомоментио получила 50 тысяч рублей в свой уставиой фонд, а аместе с ннми н налоговые льготы сроком на два года.

Рассматривая коммерчаскую деятельиость этой фнрмы, нельзн пройти мимо еще одиой пинантиой операцни. По просьбе управляющего коммунальной собственностью райоиа Ю. Гусева десятки участковых инспекторов отделенй милиции района, отложив на время проблемы охраиы общественного порядна, принялись срочно ниаентаризировать иежилой фоид. Работа была выполнена и сдана в исполком. Решением исполкома за проведение этой многотрудной работы фнрма «Фирнт» было перечислено 30 тысяч рублей. Когда же комиссия по акономическому развитию района попросила от соответствующего отдела исполнома информацию о нежилых помещениях, то член исполнома Фогельсои запретнл предоставлять эти данные, пока Совет не оплатит эту ниформацию ее собственинку, то есть фирме «Фирит» или тому же самому Фогельсону.

И уж совсем мелочоакой выглядит еще одни факт нз взаимоотношений «Фирнта» с бюджетом райисполкома. Решила фирма провести школу-семинар «Муниципальиые ниформационные системы и программные средства». Эта учеба была оцеиена в 2900 рублей с каждого участника. Приглашение на семинар печаталнсь и рассылались от имеии Октябрьского райисполкома и аа его счет, а вся выручка пошла «Фириту».

Что жа касается итога коммерческих взаимоотношений между «Фирнтом» и райисполкомом, то а 1990 году, опять жа ва полгода, фирма получила от исполкома всего лншь 80 тысяч рублей, ио на 1991 год их сотрудиичестао запланнроаано ужа иа миллион рублей. А вот все же интересио, продав райисполкому информации на миллион рублей, сколько налогов уплатит фирма в его бюджет? Так ли на ного работает?

Если помните, то во взаимоотиошаиия между исполномом, «Фиритом» н Октябрьском РУВД внезапио вмешался еще один посрединн — управляющий по делам коммунальиой собственности Ю. Гусев, поручивший проводить милицни ннвентарнзацию нежилых помещенйй. С чаго бы то вдруг коммунальщик стал комаидовать милицией? А это нан раз и асть плод очередного совместительства, нбо управляющий наляатся еща н заместнтелам председателя райисполнома, а милнцня всегда уважала исполном. Зиая это обстоятельство, исполком н для виовь регистрируемых через «Ассистент» предприятий предусмотрал маленькую льготу, поручив аса возникающиа у них пробламы с правоохранительнымн органами решать через фирму «Ассистеит», которую, как вы помните, возглавлнет член исполкома Какабадзе, отвечающий за всю правовую работу в районе и, естественио, гарантирующий стопроцентное невмешательство ОБХСС в ваши коммарческиа дела. Пустячок, но зато никакие указы Президента на страшны.

Однако аариемся н Управлению по делам коммунальной собственности; или, сокращенно, УКАСО. Это имеино то едииственное в района коммерческое предприятие райисполкома, собнраашееся 95 про-

центов прибыли отдавать в районный бюджет. Когда-то коммунальная собственность приносила райсовету ежегодный доход в 4 миллиона рублей. Сколько приносит сейчас УКАСО — коммерческая тайна, но не представляет особого труда подсчитать, что даже при старых размерах прибыли оставляемые УКАСО пять процентов составят всего лишь какие-то 200 тысяч рублей, из которых, по-видимому, будут формироваться фонды производственного и социального развития. Часть прибыли должна поступать в собственность членов трудового коллектива, что должно явиться сильным стимулом для улучшения коммерческой деятельности. По скромным прикидкам руководства исполкома, именно такая форма должна была бы увеличить доходы бюджета в два-три раза. Именно это обещал депутатам председатель исполкома Васильев на 3-й сессии Совета. За счет чего же планировалось повысить доходы от коммунальной собственности?

Поскольку квартплата сейчас все еще низкая, то остаются два источника — продажа квартир в собственность граждан и арендная плата за нежилые помещения. Последний источник представляется более надежным, так как можно не только поднять плату за аренду, но и просто увеличить количество нежилых помещений. И вот уже с жилого фонда списываются несколько домов, и их отдают в аренду, а заодно отбирают несколько домов, ранее выделенных исполкомом для детской клинической больницы № 20 имени К. А. Тимирязева. Осталось только исполкому подставить свой бюджетный карман под сыплющиеся из УКАСО миллионы, но... прошел 1990 год, и ни одного рубля из этой организации не поступило на бюджетный счет. Так где же обещанные 95 процентов дохода?

Мы рассмотрели только три коммерческие структуры, созданные новым исполкомом под руководством «демократа» Заславского, и убедились, что, получив достаточно средств для своего существования из бюджета района, они не внесли в него практически ничего. Другими словами, три фирмы, возглавляемые тремя членами исполкома, провели весьма выгодные для них коммерческие сделки с исполкомом, за что члены исполкома получили соответствующее вознаграждение от этих фирм, правда, в виде зарплаты их руководителей. Раньше подобные вознаграждения, безусловно, признавались взятками, и чиновники, начинавшие подобное обслуживание таких фирм, справедливо обвинялись в коррупции. Сегодня руководители исполкома надеются, что их-то никто не обвинит во взяточничестве, поскольку невозможно давать взятку самому себе.

Вот эта, по выражению депутата Ю. Маренича «самоприватизация», и вызвала возмущение депутатского корпуса, не желающего признать подобную морально-правовую концепцию И. Заславского, который со страниц журнала «Столица» негодует над этим возмущением и ёрничает: «И вот уже свое бессилие, неумение стабилизировать ситуацию отдельные депутаты связывают с происками «врагов». А кто неизменный враг нашего Октябрьского района? Естественно, ЦРУ, международный сионизм и местная жидомасонская мафия. А ваш покорный слуга — ее «крестный отец».

Десятки страниц стенограмм выступлений депутатов по затронутым проблемам не содержат ни одного обвинения в жидомасонской мафии. Этот термин употребил сам Заславский, очевидно, желая придать особый этнический оттенок своему сарказму. Однако, как показывает опыт, мафия все же интернациональна и определяется не национальным признаком. Мафия не столько криминальное, сколько политико-экономическое явление, то есть взаимоотношения между теми, кто делает деньги, и теми, кто, имея власть, дает такую возможность. Власть и деньги соединились в Октябрьском районе в единую структуру, а поэтому можно говорить о ее мафиозности. Но уж совсем не стоило приплетать сюда масонов, ибо именно они — выдающиеся политические деятели своего времени Джеймс Отис, Самуэль Адамс, Джозеф Уоррен, Джон Маршал, Вениамин Франклин и многие другие, подписавшиеся под Декларацией независимости в 1776 году и составившие конституцию США 1787 года, заложили в конституцию запрет на совмещение государственных должностей с занятием бизнесом.

Что же касается упомянутого Заславским ЦРУ, то, знакомясь с зарегистрированными в Октябрьском районе различными организациями, натолкнулся я на фонд «Грядущее», создателями которого явились граждане Заславский, Гезенцвей, Шлефман, Левада, Пискнер, Красавченко, Мазо и другие, а всего 12 человек. Из устава этой организации следует, что является она «научно-исследовательской» и не преследует цели извлечения прибыли. Целями этого

фонда являются акалнз ситуации в страке н поиск путей «выхода нз кризиса» и перехода н свободному, отнрытому, демократнческому прааоаому обществу. Из каних ксточников финансируется «каучно-исследоаательская работа», а уставе не расшифроаывается, но аскольэь упоминается о том, что средства фонда образуются за счет вступнтельных и членских взносов члеков фонда, доброволь-ных н ниых пожертаоааинй советских н зарубежиых физическнх илн юридических лиц. То, что фонд, являясь неноммерчесной ор-ганкзацней, ие платит кикаких налогов, не вызывает удивления. Но кз выступления одного из учредктелей фокда — председателя Онтябрьсного райсовета Заслааского стало кзаестно, что не имею-щий прибылн фонд зарплату саоим работникам выплачнвает а дол-ларах. И аозник, естественно, аопрос, нему же фонд «Грядущее» продает свои нсследования но нзучению положения а стране, если ему за это платят в долларах, и как аообще называется подобная некоммерческая деятельность на языне закона? Зановиый шпионаж? Предательство? Впрочем, давать ответы ка эти вопросы входит в компетенцию определеииых оргаиов. Правда, вспомкнается, что нмеино у америнанцеа широно бытует погоаорка о том, что бесплат-ных обедоа ке бывает.

События а Октябрьском районе Москвы, уаы, не являются чем-то нсключнтельным. Зуд соаместительства государствеккых и бизне-сменских должностей слоано мороаая язаа охватнл асю Россию Вот так зкономкка к политнка слнааются в кашей жизни, к сегодня мы аидим, что за «обеды» коммерсантов от «демократин» расплачи-ааются налогоплательщнки, ке кмеющне с этого предпрнниматель-ства нн гроша *.

Евгений МЫСЛОВСКИЙ,
старший следователь по особо важным делам
прн Генеральном пронуроре РСФСР

ГОЛОВА ПУСТАЯ, А СЛАВЫ И ДЕНЕГ ХОЧЕТСЯ

В связи с предстоящнм обсуждением проекта законодатель-ства о правовой охране научных открытнй считаю своим граж-данским долгом заявнть, что академнк Гинзбург в своих много-численных публнкациях в 1990 году («Огонек» № 39, 1990, «Из-вестия» и др.), а также в предыдущие годы тенденцнозно вы-ступает против правовой охраны научных открытий в СССР, внося явную дезинформацию по этому вопросу. Он бесцеремон-но объявляет, например, что этот правовой институт — дело бю-рократов Госкомизобретений.

Требования ученых ряда стран о введении правовой охраны научных открытий возникли еще в конце прошлого века. Позже эти проблемы многократно обсуждались международными орга-низациями: Лигой наций, ООН, ЮНЕСКО, ВОИС. Учитывая не-которые рекомендации этих организаций, по предложению пре-зидента АН СССР академика С. И. Вавилова в нашей стране в 1947 году была введена Государственная регистрация научных открытий и охрана прав их авторов. Практически она стала осу-ществляться с 1957 года.

Следует отметить, что и определение понятий «научное от-крытие», «изобретение», «рационализаторское предложение» при-думано также не «бюрократами из Госкомизобретений», а ре-комендовано правительству (после дискуссии с участием сотен ученых и специалистов) Комитетом технической терминологии АН СССР в 1955 году по определению этих терминов. Тот же Комитет в 1972 году уточнил эти понятия и рекомендовал вклю-чить в ныне действующее законодательство.

* Когда верстался комер, стало известно: И. Заславскнй перебрал-ся в мэрию н Г. Попоау.

На стокгольмской дипломатической конференции по интеллектуальной собственности, состоявшейся 14 июля 1967 года, в которой приняли участие представители более ста стран, в том числе и СССР, была принята конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). Наряду с охраной прав авторов произведений литературы и искусства, прав изобретателей она предусматривает охрану прав на научные открытия. Они включены в конвенцию в качестве особого объекта права. Эта конвенция ратифицирована Верховным Советом СССР 19 сентября 1968 года и действует по сей день.

В принятом 1 июня 1990 года Законе СССР «О собственности в СССР» сказано: «Отношения по созданию и использованию изобретений, открытий, произведений науки, литературы, искусства и других объектов интеллектуальной собственности регулируются специальным законодательством СССР, союзных и автономных республик».

Если депутату Верховного Совета СССР академику Гинзбургу известны эти документы, то довольно странно звучат его обвинения в адрес «бюрократов Госкомизобретений». Известно, что научные открытия, как правило, результат фундаментальных исследований, когда устанавливаются неизвестные ранее, объективно существующие явления, свойства, закономерности тех или иных объектов природы. Открытие должно обладать новизной, фундаментальностью и доказанностью, а для этого необходима квалифицированная, объективная научная экспертиза, подтверждающая достоверность открытий и их авторов, а также приоритет.

Что же предлагает Гинзбург взамен?

Первое. Еще в 1971 году и позже он упорно настаивает на замене научной экспертизы и государственной регистрации открытий обычной публикацией статей, при этом действовать по принципу: «Я первый опубликовал, я первый и открыл!» Такое волюнтаристское смешение двух самостоятельных объектов права — «авторского права на литературный труд» и «права на открытие», — очевидно, весьма устраивает некоторых деятелей науки, таких, как Гинзбург, которые открытий не делают, но в силу своего служебного и общественного положения имеют неограниченные возможности «все публиковать», а некоторые из них нередко и присваивать себе открытия скромных тружеников науки. Кажется, ясно, что такого рода «безэкспертная» публикация приведет лишь к самооценке и бесконечным спорам по поводу того, кому же принадлежит то или иное открытие. Сравнительно недавно сам Гинзбург подвергся на этот счет острой критике в печати со стороны своего коллеги физика А. Самохина из Института общей физики АН СССР в статье «О парадоксах странного алечения» («МГ», № 6, 1989). В этой статье (стр. 209—210) автор упрекает Гинзбурга в молчаливом присвоении себе открытия в области сверхпроводимости в керамических образцах, которого он не сделал. Однако оно активно приписываается ему в организованных рекламных статьях, опубликованных в центральной печати. Вот, оказывается, такая система в нашем-то «правовом государстве» по душе Гинзбургу и его единомышленникам. Как говорится, у подобных «ученых» головы пустые, а славы и денег хочется.

Второй довод для ликвидации правовой охраны научных открытий, который выставляет Гинзбург: «Ее нет в капиталистических странах».

Действительно в этих странах до сих пор юридически отсутствует правовая охрана научных открытий, так как хозяевам фирм невыгодно защищать права ученых — авторов открытий, тем более если эти открытия носят познавательный характер и не сулят бизнеса. Однако если на основе открытия сразу делаются изобретения и другие эффективные технические решения, дающие большие прибыли, то фактически такая завуалированная правовая охрана открытий существует. Для этого в патентных законах хитроумно отождествляются понятия «открытие» и «изобретение». Так, например, в параграфах 100—101 закона о патентах США, принятого 19 июля 1952 года, сказано: «Термин «изобретение» означает изобретение или открытие... Всякий, кто изобретет или откроет новый и полезный способ изготовления продукции, машину, комбинацию вещества или какое-нибудь новое и полезное их улучшение, может получить патент».

На основе этого положения фирмой «Белл телефон» получены патенты на открытия «Эффект транзистора» (США) и «Эффект диффузионный» (США, Англия), фирме «ИБМ» выдан патент на «Эффект Ганна», а фирме «Сони» патент на «Эффект туннельный» (Япония) и т. д. Известны факты выдачи патентов на открытия свойств некоторых трансурановых элементов. Так, в США физику Г. Сиборгу были выданы патенты на свойства америция и других элементов, практическое применение которых имеет важное военно-стратегическое значение.

К области исследований, имеющих военно-стратегическое значение, параграф 2182 того же закона США о патентах предъявляет следующие требования: «Не выдается ни один патент на какое-либо открытие, полезное, например, при производстве или использовании ядерного материала или атомной энергии, если заявитель не представит вместе с заявкой или в течение 30 дней запроса (Комитета по патентным делам заявления под присягой), излагающего все факты, относящиеся к совершению открытия, описанного в заявке, и данные о том, было ли открытие сделано в ходе осуществления или в связи с условиями любого договора или соглашения с комиссией независимо от того, предусматривает ли договор или соглашение расходование средств комиссии». В своих выступлениях против правовой охраны открытий академик Гинзбург выставляет еще и третий аргумент: «Выплата вознаграждений авторам открытий — это недопустимое растранжиривание государственных средств: лучше бы их передали в фонд именных премий».

Демагогический характер такого заявления становится очевидным, если учесть, что ежегодная сумма поощрительного вознаграждения за все открытия года всем соавторам составляет лишь 50—60 тысяч рублей, в то время как выплата, например, за академические звания (которой нет нигде в мире) составляет десять миллионов рублей в год. Вот в этом случае Гинзбург почему-то государственную рачительность не проявляет.

В последних публикациях Гинзбург, апеллируя к непосвященным читателям, гневно заявляет, что он более 20 (30?) лет воюет против правовой охраны открытий, но все то же бюрократы ни-

как не дают ему ее ликвидировать. Действительно, в активности в этом вопросе ему не откажешь. Еще в 1972 году он фактически был организатором письма президента АН СССР академика Келдыша М. В. в ЦК КПСС о ликвидации правовой охраны открытий в СССР, в котором были изложены те же самые три аргумента, которыми безответственно оперирует Гинзбург и поныне. Следует заметить, что отрицательное отношение к этому письму в ЦК КПСС сразу же выразили в своих заключениях Сибирское отделение АН СССР (академик Лаврентьев М. А.), Украинская АН ССР (академик Патон Б. Е.), Белорусская АН ССР (академик Борисевич Н. А.), ВАСХНИЛ (академик Лобанов), АМН СССР (академик Тимаков), Объединенный институт ядерных исследований (академики Боголюбов Н. Н., Флеров Г. Н.) и многие другие.

В то время создалась скандальная ситуация, когда по инициативе АН СССР была введена в свое время правовая охрана открытий и многие научные центры ее поддерживали, а вот новый президент предлагает ее ликвидировать. В связи с этим была создана компетентная комиссия во главе с председателем Госкомитета СССР по науке и технике академиком Кириллиным В. Л. В эту комиссию вошли председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, первый вице-президент АН СССР, академик Миллионщиков М. Д., президенты ВАСХНИЛ, АМН СССР, академий наук союзных республик, министры оборонной промышленности СССР, высшего и среднего специального образования СССР, а также председатель Госкомизобретений СССР Максарев Ю. С.

Мне довелось присутствовать на итоговом заседании этой комиссии, которая единогласно (в том числе и академик Миллионщиков, представлявший Верховный Совет СССР и АН СССР) пришла к заключению о том, что аргументация, изложенная в письме президента АН СССР, несостоятельна и что сама постановка вопроса о ликвидации правовой охраны открытий в СССР идет вразрез с интересами ученых и Советского государства. Было рекомендовано всемерно улучшать этот молодой правовой институт научных открытий. Некоторые конкретные рекомендации этой комиссии были учтены в ныне действующем положении, утвержденном Совмином СССР 21 августа 1973 года. После такого постановления и изложенных событий академик Гинзбург много лет в печати не выступал с непопулярным предложением о ликвидации правовой охраны открытий в СССР, однако его борьба в этом плане, в более изощренной форме, продолжалась все эти годы. Она была направлена на унижение и дискредитацию авторов заявок на открытия, на преступно-бюрократическую проволочку рассмотренных их заявок. Так, например, при активном участии академика Гинзбурга в отделении общей физики и астрономии, где фактически решалась судьба признания открытия, был введен с 1973 года и действует поныне такой «порядок», при котором авторы заявок не только не докладывают о своем открытии и не отвечают на возникшие вопросы оппонентов и членов Бюро отделении, но вообще не допускаются на заседания, где рассматриваются их заявки. Вскоре «передовой опыт», такая «демократия» этого отделения были распространены и на некоторые другие отделения АН СССР.

Не имею возможности перечислить многие факты и справед-

ливые жалобы ученых, авторов открытий на недостойное поведение Гинзбурга и его единомышленников, по вине которых годами не рассматривались или без оснований не признавались фундаментальные открытия. В их числе в области голографии (открытие № 88) кандидата физико-математических наук, ныне члена-корреспондента АН СССР Денисюка Ю. Н., открывшего «явление отображения оптических свойств объекта в волновом поле рассеянного им излучения», в области магнетизма (открытие № 175) профессора, доктора физико-математических наук Кринчика Г. С. и доктора физико-математических наук Четкина М. В., открывших «явление аномальной магнитной восприимчивости ферромагнетиков в оптическом диапазоне частот», и многие другие.

В связи с обсуждением проекта нового законодательства многие научные коллективы и крупные ученые предлагают сохранить правовую охрану открытий, но коренным образом улучшить государственную научную экспертизу, проводя ее на всех этапах высококвалифицированными экспертными комиссиями в составе крупных специалистов по каждому открытию — представителей академической, вузовской и отраслевой науки, а также с обязательным участием авторов открытий. Конкретные предложения по этому законодательству научных подразделений Московского университета, отражающие интересы ученых и советской науки, имеются в Госкомизобретений, а некоторые из них опубликованы в печати.

Юлия КОНЮШАЯ *

ОПЫТ АМЕРИКАНСКОЙ СВОБОДЫ

Признаюсь сразу, с юных лет я отличался близорукостью. Причем, судя по всему, в самых разнообразных отношениях. Когда жил в СССР, то с надеждой смотрел в сторону Соединенных Штатов: мне казалось, что это страна подлинной свободы и демократии, где не надо бояться произнесенного или написанного слова и где каждый может жить согласно собственным взглядам и убеждениям.

В 60-е — 70-е годы в СССР, когда еще не были преодолены страхи сталинизма, подавляющее большинство продолжало жить тише воды ниже травы. Я же принадлежал к весьма незначительному меньшинству, осмелившемуся заявить, что подобное положение ненормально и нельзя относиться к нему терпимо. Я участвовал в «самиздате», распространял книги и рукописи, которые власти рассматривали неприемлемыми для себя. В 1967 году был арестован по обвинению «в антисоветской агитации и пропаганде». Более года меня держали в печально знаменитой Лефортовской тюрьме КГБ. Когда же я вышел из заключения, решил добиваться выезда из СССР. Символ Америки — статуя Свободы, манящая к себе всех бесправных и обездоленных, привлекала и меня...

После нескольких лет борьбы благодаря помощи зарубежной, и в первую очередь английской общественности (о моей судьбе

* Автор книги «Открытия советских ученых», консультант по научным открытиям МГУ, ветеран войны и труда. — Ред.

на страницах лондонской «Таймс» писал Бернард Левин), мне удалось вырваться в «свободный мир». В 1976 году я приехал в Соединенные Штаты. Счастью моему не было предела: наконец можно не бояться быть самим собой.

Скажу сразу, радость моя была не слишком продолжительной. Первые несколько лет, пока я ругал советские порядки и восторгался американскими, мои дела складывались довольно неплохо: меня охотно печатала эмигрантская пресса и даже иногда переводили на иностранные языки. Однако положение резко изменилось, как только я осмелился высказать свою точку зрения на ситуацию, в которой очутились советские эмигранты в Америке. Статью на эту тему опубликовала та же лондонская «Таймс» (9 августа 1977 г.). А в якобы свободной и независимой печати Соединенных Штатов для моей статьи не нашлось места.

Не хочется повторяться и излагать напечатанное в свое время в лондонской «Таймс». Тем более что с тех пор прошло уже целых 14 лет. Но я считаю необходимым рассказать о том, что произошло (и продолжает происходить!) со мной и некоторыми другими эмигрантами.

Реакция официальных американских кругов на статью, появившуюся в английской газете, была незамедлительной. Через две недели после публикации из Вашингтона в Нью-Йорк прибыл некий «посланник», встречавшийся с несколькими моими знакомыми. Интересуясь политическими высказываниями «автора», он попутно настойчиво спрашивал — «не сумасшедший ли Пруссаков»? Судя по этому вопросу, можно предположить, что взгляды официального Вашингтона на инакомыслие мало чем отличаются от взглядов официальной Москвы.

Тогда же, осенью 1977 года, последовали вызовы в ФБР ряда бывших советских граждан, в частности А. Бородулина и Е. Щаповой. (Вскоре после этого они уехали из Америки и живут теперь в Западной Европе. — *В. П.*) Беседовавший с Е. Щаповой агент Джордж Клуин впрямую интересовался мною и моим другом, писателем Эдуардом Лимоновым (лет 8 тому назад Лимонов покинул пределы США, теперь живет в Париже, стал гражданином Франции. — *В. П.).*

В конце 1977 года Лимонов и я написали совместное открытое письмо тогдашнему президенту Картеру. В этом письме говорилось:

«Мы подвергались преследованиям со стороны властей в Советском Союзе. Один из нас (В. Пруссаков) в 1967—1968 годах более года провел в Лефортовской тюрьме КГБ по обвинению «в антисоветской деятельности», другой (Э. Лимонов) в 1973 году был подвергнут сотрудниками КГБ «административной высылке» из Москвы.

Желание свободно высказывать свои взгляды и убеждения и привело нас на Запад. Однако опыт нашей жизни в Америке все более и более убеждает нас в том, что попытка иметь свое мнение и выражать его публично небезопасна и здесь.

Мы считаем, г-н президент, что страна, выступающая на мировой арене в защиту прав человека, не может допускать даже малейших посягательств на эти права у себя дома».

Картер не счел нужным даже ответить на наше письмо. Еще бы: ведь речь шла о происшедшем не в Советском Союзе, а в

Америке! Он, совершенно очевидно, предпочитал защищать права человека в других странах.

В скором времени после отправки письма Картеру я воспользовался выпавшей мне возможностью уехать в Италию для преподавания русского языка. Там, в Италии, я убедился, что официальный Вашингтон не терпит инакомыслия и умеет быть мстительным.

Здесь уместно сказать, что я был бесподданным, ибо, как и подавляющее большинство эмигрантов из СССР, выехав за его пределы, утратил советское гражданство. Единственные документы, которые у меня были, это американская зеленая карточка и документ для выезда за пределы США, выданный департаментом иммиграции и натурализации.

Так вот, в Италии произошло следующее. Срок действия документа, имевшегося у меня, истекал, а я же хотел задержаться. Поэтому заблаговременно я обратился в американское консульство в Риме с просьбой продлить срок действия вышеназванного документа. Сотрудник консульства взял его и обещал вернуть через две недели. Обещания своего он не выполнил не только через две недели, но и через два месяца. В конце концов представитель консульства Самуэль Виллланова заявил, что срок моего документа истек и... я не могу вернуться в США.

Должен заметить, что в этом не было бы большой трагедии, но мое положение осложнялось тем, что без указанного документа я не имел права находиться на территории Италии. Итальянская полиция, в свою очередь, затребовала, чтобы я предъявил ей злополучный документ, забранный американским консульством. Короче говоря, я оказался воистину «в воздухе». В течение нескольких месяцев я безрезультатно пытался добиться встречи с каким-нибудь ответственным лицом из американского консульства. Всё же вашингтонские гуманисты, по-видимому, сжалились, и меня пригласили для беседы... с сотрудником ЦРУ! Беседа превратилась в откровенный многочасовой допрос. Суть его сводилась к тому, что, оказывается, я не имел права писать такой статьи в лондонской «Таймс». На мое законное удивление — почему, ведь там нет ни слова неправды — мой собеседник заявил: «Да, но вы — эмигрант из Советского Союза и не должны были этого писать, а если будете продолжать писать в том же духе, то вам же хуже будет».

Как видите, мне откровенно угрожали. Совершенно ясно, что, по мнению господ из ЦРУ, есть темы, на которые эмигрантам из СССР писать не разрешается. Невольно напрашивается вопрос: ради чего тогда стоило нам уезжать из своей страны? Господа из ЦРУ, вероятно, полагают, что дешевая курица и дешевые штаны являются вполне достаточным основанием для этого.

У меня состоялось еще несколько бесед, а точнее допросов, в американском консульстве. После чего мне документ так и не вернули, а выдали справку, с которой я не мог оставаться в Италии, а должен был в течение нескольких дней вернуться в Америку. Так я на собственном опыте изведал мстительность американских «органов». Неспособные, очевидно, справиться со своей непосредственной задачей — поимкой вражеских агентов, — они делают все возможное, чтобы посеять шпиономанию и подозрительность по отношению к эмигрантам.

Если при президенте Картере американские держиморды не переходили определенных границ, то уж при президенте Рейгане они полностью распоясались.

О том, что я узнал и понял в Соединенных Штатах, я рассказал в своей книге «Ни СССР, ни США», опубликованной в 1983 году. Мне не хочется повторяться. Замечу лишь, что очень сомневаюсь в том, что найдется какая-либо другая страна, где бы арестовывали инакомыслящих под предлогом... «недозволенной игры в шахматы», как это случилось со мной в Нью-Йорке и о чем я написал в заключительной главе книги. На собственном опыте я убедился, что для ареста неугодных в США, где так много твердят о правах и законности, вообще не требуется никаких оснований. К сожалению, это далеко не коммунистическая пропаганда, а хваленая американская действительность.

После выхода книги «Ни СССР, ни США» многие близкие мне люди подверглись вызову в ФБР. Одной моей знакомой церберы американского образа жизни прямо заявили, что во избежание неприятностей встречаться со мной настоятельно не рекомендуется. В моей квартире стали постоянно раздаваться телефонные звонки неизвестных с угрозами. Вся почтовая корреспонденция с Европой была прервана. Мои бесчисленные попытки найти какую-либо работу оказались тщетными. Почему? На кафедре русского языка одного из университетов ответили просто и ясно: «С вашими политическими взглядами нет никаких шансов...»

Осенью 1983 года из моей квартиры «исчезла» рукопись книги об американских диссидентах, над которой я работал около двух лет. Неужели требуется объяснять, какого рода воры интересуются подобными рукописями?

Через несколько дней после таинственного «исчезновения» неизвестный подошел ко мне на улице и ударил в лицо. На мой вопрос, за что, он ответил: «За то, что ты не любишь Америку...» А в двух шагах, между прочим, стоял полицейский и улыбался.

Чего же еще дожидаться в стране «свободы и демократии, законности и равных возможностей»? Несколько лет тому назад сотрудник ЦРУ, самодовольно улыбаясь, говорил мне, что в Нью-Йорке часто случаются «несчастные случаи», например, автомобильные катастрофы. По-видимому, это единственное, что теперь может ждать меня здесь, — «реально и зримо».

Когда я жил в Москве, была надежда на то, что на Западе существует свобода и демократия, что человек там сам по себе имеет ценность. Мой американский опыт не только глубоко разочаровал меня, но и вынудил прийти к печальному заключению: Америка не является той страной, за которую она себя выдает. Свобода и демократия в ней существуют лишь на словах, а не на деле. Человек и здесь может представлять нечто значительное только как член мафии, орудие мафии, слуга мафии, хозяин мафии. Когда же человек в Америке выпадает из мафии, он автоматически становится non-person, которого никто не замечает и которого все игнорируют. Страх выпасть из мафиозной колесницы, превратиться в non-person, похуже любого КГБ. Этот страх и делает американцев рабами. Они — холеные, розовощекие и самодовольные обладатели всевозможных благ,

даруемых обществом потребления, — являются самыми настоящими рабами XX века. Только чад материального благополучия, застилающий глаза, мешает разглядеть эту очевидную истину.

Нет ничего нелепее и несовременнее, чем надежда на обретение свободы в Новом Свете. Верить сегодня в американский миф могут лишь недоумки да не слишком чистоплотные чревоугодники, польстившиеся на жирные пироги.

Что же касается тех, кто стремится к свободе и независимости, в наше время бежать им из собственной страны абсолютно некуда.

Валентин **ПРУССАКОВ**,
бывший редактор «Русского Голоса»
специально для «Молодой гвардии»

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ!

«Нас предали все, и Горбачев, и Ельцин, и Центр, и российское правительство! Мы никому не нужны: у многих из нас, переведенных сюда из стран Восточной Европы — в самую перенаселенную часть страны, — нет никакого жилья. У жен — никакой работы, у детей — ни школ, ни детских садов. В магазинах ничего не купить без «визиток» — а нам их не дают: мы ведь «оккупанты» без прописки. Тысячи писем на имя Горбачева остаются без ответа... Ельцин, попировав с новыми латышскими правителями, заключил с ними договор, согласно которому — в одной строке — мы вроде бы «тоже люди», но и пальцем он не шевелит, чтоб защищать нас, более того — уже сговорился о выселении гражданских лиц из числа «мигрантов» за пределы республики. Если б не ОМОН, давно бы уже погромы против нас начались...»

Вот что в мае этого года мне пришлось услышать из уст сотен россиян, живущих в Латвии, — а сколько тех, кто разделяет их горестную судьбу?! Предательство, неслыханное предательство интересов России творится в наши дни на нашей земле, это надо прямо сказать, иного вывода у меня нет.

Если б не ОМОН... В тот же день встречались и говорили мы с молодыми крепкими парнями в беретах, единственной силой, защищающей честь и достоинство российских граждан в Прибалтике. Ей-богу, с армейских моих времен, с тех лет, когда служил в морской авиации, не доводилось мне видеть столько мужественных и стойких бойцов, не боящихся ни пуль, ни бомб, ни оскорблений — и тоже преданных власть имущими. Незадолго до того они — по приказу из Москвы — разобрали, снесли несколько таможенных постов, незаконно поставленных латышскими верховными чиновниками на границе с Россией. И тут же как рижская «демократическая» пресса, так и московские «господа плюралисты» подняли бешеный вой, обвиняя омоновцев в насилии над законом. И — что самое потрясающее — этот вой органично сомкнулся с позицией центральной власти. Вот что рассказал нам заместитель ставшего уже легендарным Чеслава Млынника (сам командир рижских омоновцев в те дни лежал в госпитале, израненный латышскими террористами). «На черта нам нужны были эти собачьи будки, эти таможни,

сто лет бы мы их не трогали, наше дело — русских женщин и детей от хулиганья вооруженного охранять. Но Пуго по телефону дает приказ: на таможнях возможны ночные провокации, необходимо их ликвидировать. Ну, мы их в одночасье и ликвидировали... А теперь тот же Пуго заявляет: не давал я такого приказа, вы меня неправильно поняли...»

Не скрою, далеко не всегда передачи известного тележурналиста из Питера убеждали меня. Но, побывав в Риге (и в других прибалтийских краях за недавние месяцы), я убедился, по крайней мере, в одном: тысячу раз прав Александр Невзоров, сконцентрировав боль и горечь оскорбленного россиянства в кратком слове — НАШИ.

Наши — это все мы, кому дорога судьба России и всего государства, держащегося на труде россиян. Наши — в беде. И те из россиян, что от усталости либо из неприятия верховной бюрократии, воплощением которой стал генсек, отдали свои голоса на российских президентских выборах за «беженца из КПСС», — в не меньшей беде: они тоже обмануты. Они тоже преданы и проданы. И, боюсь, жестокой ценой заплатят они за свое прозрение...

Россия — в беде, Отечество — в опасности! — вот в чем суть «национального вопроса» наших дней.

Ст. ЗОЛОТЦЕВ

НОВЫЕ «ВЫБОРЫ» СТАРОЙ ВЛАСТИ

Наверное, излишне доказывать, что в плененной стране, каковой с 1917 года является Россия, любые выборы — это циничный фарс и что оккупационная (ныне — «демократическая») власть никогда не допустит невыгодного ей исхода «всенародного голосования». В прежние — хрущевско-брежневские — времена мы ведь тоже участвовали в «выборах». Участвовали, хоть и прекрасно сознавали, что цифра проголосовавших «за» представителей власти из года в год постоянна: 98,9 процента. Тогда — сознавали... Теперь же нам вдруг показалось, будто наше мнение для представителей несменяемой власти что-то будет значить...

Но как велик соблазн почувствовать себя наконец свободными! Большинству из нас даже и в голову не приходило, что мы, как и прежде, обязаны были «выбрать» тех, кто уже реально находился у власти. Ведь власть-то в стране пока еще называлась «советской»... А во главе Советов (Российского, Московского, Ленинградского) уже стояли те самые люди, которые стремились с помощью «всенародного изъявления» еще более свою власть укрепить. Для отвода глаз, для видимости выбора, а скорее для смеха, ради игры в демократию, в продолжение все того же фарса нам подбросили «лишних» кандидатов в президенты, которым дали двадцать дней на предвыборную кампанию и которые большинству из нас — не понравились. Большинство закапризничало: что это еще за самозванцы? Подумаешь, спасители России нашлись! И отдало, как всегда, как и положено этому большинству, свои голоса тому, в чьих руках уже имелась вся полнота власти — чрезвычайные полномочия. Правда, это большинство так и не сообразило, что

тем самым проголосовало за отмену власти советской... Потому что теперь над нами будет стоять уже не Совет, а Президент и разные мэры...

Но самое смешное во всем нынешнем фарсе заключается в том, что никакого другого результата прошедших «выборов» и быть не могло. Не могла же, в самом деле, *власть*, как и во все предыдущие десятилетия, допустить, чтобы «выборы» прошли *иначе!* Чтобы центральная избирательная комиссия, находящаяся на содержании у этой самой несменяемой власти (а сколько миллиардов у теневой экономики?), пользующаяся всеми полученными от *этой власти* льготами, услугами и более того — сидящая в доме этой самой *власти* (в здании Верховного Совета РСФСР, то есть под одной крышей с Ельциным), вдруг выдала бы «при подсчете» голосов какую-либо не устраивающую *власть* цифру?! Подобное могло произойти только в театре абсурда, да и там выглядело бы откровенной натяжкой, после какой и актеры, и режиссер были бы освистаны неподготовленной для таких умопомрачительных вывертов публикой. Большинство населения не поверило бы именно в *такой* исход, затребовало бы в своем искреннем возмущении «кознями партаппарата» перепроверки, переподсчета своих голосов.

Но наша действительность, к счастью или к несчастью, не театр абсурда. Ничего подобного не случилось и, естественно, не случится. Все было проделано как по нотам, на основании многолетнего опыта нашей несменяемой власти. То есть — все закономерно, все по правилам *ее* игры. Ельцин даже не посчитал нужным поучаствовать (хоть бы для приличия, для видимости, для оправдания фарса) в телевизионном «круглом столе» кандидатов в президенты, интригу которого с нетерпением ожидало наше население. Он заведомо знал, что такая «мелочь» никак ему не помешает «набрать» абсолютное большинство «народных голосов».

Недаром же еще за полгода до этих «выборов» по всей России продавались значки с изображением Ельцина, под которыми стояли слова «Президент России». Думающим людям все ясно было уже тогда. Впрочем, *власть* и не скрывала ни от кого своего презрения к нашему мнению. Вернее, она в нем не сомневалась...

Как и следовало ожидать, по сообщению средств массовой информации, находящихся на службе и на содержании у *этой власти*, население «проявило активность» и «политическую сознательность» при «выборах» первого президента России... А газета «Вечерняя Москва» уже 14 июня — задолго до окончательного «подсчета» голосов — вышла под шапкой, набранной аршинными буквами: «НАРОД СДЕЛАЛ ВЫБОР!» Ну никак еще не может несменяемая власть избавиться от замшелого анахронизма: властвовать от *имени народа*.

В. ВАЛЕРЬЕВ,
Москва

Ровно через год — 25 сентября (8 октября по н. ст.) 1992 года весь Православный мир будет отмечать 600-летие преставления первоигумена Троице-Сергиевой Лавры Преподобного Сергия Радонежского — духовного организатора и вдохновителя великой Куликовской победы.
Имя Преподобного Сергия Радонежского внесено в Календарь знаменательных дат 1992 года ЮНЕСКО.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ЛЕСТВИЦА К СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

Бысть убо Богу, попущающу за грехи наша...

Из Жития Сергия Радонежского

Было время, когда путь в Троице-Сергиеву Лавру начинался с поклона на соборной площади Московского Кремля. Далее паломники шли мимо Чудова и Воскресенского монастырей, а затем, сняв шапки, выходили через ворота Спасской башни на Красную площадь. Именно поэтому я и спросил у постового разрешения коснуться кованых врат Спасской башни, оглядел многолюдную Красную площадь и, мысленно прочитав «Отче наш», поправил свою паломническую котомку и пошел к Троице, чтобы поклониться Преподобному Сергию Радонежскому — игумену и начальнику Всея Руси, вдохновителю Куликовской победы. Святой старец Сергий имел редкостный дар — в тихой мудрой беседе мог примирить самых строптивых забияк и спорщиков. Загодя, до рокового срока, он обошел всю центральную Русь и заручился поддержкой удельных князей па битву своего духовного сына — великого московского князя Дмитрия Ивановича с ненавистными завоевателями. Нравственный авторитет Сергия был необычайно велик. Будучи в Нижнем Новгороде и получив от князя отказ участвовать в битве с ордынцами, Преподобный приказал закрыть все церкви в городе. Утром горожане, придя помолиться и узнав о решении князя, с негодованием направились к его хоромам. Испугавшись, князь уступил настоянию Сергия. В истории Древней Руси много ярких собы-

тий, но Куликовская победа стоит особняком, имеет даже не европейское, а мировое значение. «Поиди противу безбожных, и, Богу помогающу ти, победишь, — предрек Сергий князю Дмитрию, — и здрав во свое Отечество с великими похвалами возвратишися». И произошло все так, как будто предначертано было свыше. С тех пор неспешно минули века, и народ, с любовью чтя святого Сергия, проторил к нему дороги со всех концов необъятной России...

Я — паломник со стажем. Еще в университете, на искусствоведческом отделении исторического факультета, без малого треть века тому назад, начал свои паломничества, изучая памятники русского национального зодчества и искусства. За границей нигде, кроме Болгарии, не был, зато по России исходил и поездил вдосталь. В Троице был многажды, но сейчас повод особый — приближается 600-летие преставления Преподобного Сергия. Трудно представить, сколько людей до меня проделали этот путь от Кремля до Троицы, а теперь вот моя очередь настала. До сих пор я ходил и ездил по монастырям с целью отснять на фото- и кинопленку руины и самую мерзость запустения некогда людных обителей в надежде, что мои материалы пригодятся, когда придет время поднимать из пепла и небытия наши святыни — будь то Ивановский и Абалакский монастыри под Тобольском или Улеймы под Угличем. В этот раз фотоаппарат можно было и не брать, ибо то, что порушено на древнем пути к Троице, — порушено сверх всякой меры усердно, так что и следа не осталось от бывших ориентиров для паломников. Какой улицей ни пройди от Кремля — одни пустыри и скверы да еще общественные туалеты на месте храмов и часовен. Я не преувеличиваю. Взять, к примеру, бывшую Ильинку (ныне улица Куйбышева) — прямоезжую дорогу из Спасских ворот Кремля к Троице. Всех уничтоженных святынь на этой улице и ее продолжении — Маросейке и Покровке — называть не стану. Помяну лишь две, но самые главные — церковь Николая-Чудотворца Большой Крест в конце улицы Куйбышева (у здания МК КПСС, слева), там, где ныне пустырь, и церковь Успения на Покровке (ныне улица Чернышевского), где разбит чахлый скверик. Обе церкви, построенные в стиле нарышкинского барокко в конце XVII века, входили в антологию шедевров мирового зодчества.

А. Г. Достоевская в своих «Воспоминаниях» оставила интересное свидетельство: «Проезжая мимо церкви Успения Божией матери (что на Покровке), Федор Михайлович сказал, что в следующий раз мы выйдем из саней и отойдем на некоторое расстояние, чтобы рассмотреть церковь во всей ее красе. Федор Михайлович чрезвычайно ценил архитектуру этой церкви и, бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть. Дня через два, проезжая мимо, мы осмотрели ее снаружи и побывали внутри» *.

Успение на Покровке и Никола Большой Крест, которыми восхищались Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Достоевский, были снесены вместе с часовней, поставленной во имя Сергия Радонежского (в конце Ильинки, у Троицких ворот Китай-города), чтобы уж окончательно забылась дорога, которой пять веков ходила на поклон к Троице Москва и вся молящаяся Россия.

Организатор и первый директор музея-заповедника «Коломен-

* Достоевская А. Г. Воспоминания. — М., 1981, с. 138.

ское» архитектор-реставратор П. Д. Барановский рассказывал мне, как это происходило.

Вечером, в канун намеченного сноса святынь, в музей поступила телефонограмма такого примерно содержания: «Завтра в порядке реконструкции Москвы будет снесена церковь Никола Большой Крест. Просим прибыть для отбора необходимых экспонатов в ваш музей». Рано утром Барановский на телеге поехал в центр «отбирать» древние закладные плиты, резные белокаменные наличники, другие детали архитектурного декора от Николы Большой Крест. То же самое было и при разборе церкви Успения на Покровке. Переулок, названный в честь гениального зодчего П. Потапова, остался, а церковь Успения — шедевр, равного которому нет в русском зодчестве конца XVII века, — уничтожили. Все, что можно было спасти, Барановский свозил на транспорте в одну лошадиную силу к себе в музей и складывал в подклете церкви Вознесения в Коломенском. Время было серьезное. Памятники Отечества крушили, рушили без разбора. Бывало, что в день сносили по нескольку шедевров. Барановский иногда приезжал в надежде «отобрать» для музея что-либо ценное, а перед ним лишь столбом стояла пыль от взорванного памятника.

Так было и с Чудовым монастырем в Кремле, основанным митрополитом Алексием в 1365 году, в канун Куликовской битвы. Сюда, в Чудов монастырь, незадолго до смерти митрополита Алексия приходил Сергий Радонежский. Казалось бы, надо как зеницу ока беречь Чудов монастырь, не раз служивший местом важнейших событий в жизни Руси. Отсюда происходил беглый инок, ставший самозванцем Лжедмитрием. Здесь был насильственно пострижен царь Василий Шуйский. В подвалах Чудова монастыря в 1612 году голодной смертью умер так и не покорившийся интервентам патриарх Гермоген, призывавший народ к восстанию. Именно сюда пришли освободители Москвы во главе с Мининым, которого подвигнул к подвигу трижды являвшийся ему во сне святой Сергий Радонежский. Но какое дело было до преданий и легенд всем тем, кто занес руку на народные святыни. Чудов монастырь, как и сотни других памятников Москвы, был стерт с лица земли. Причем сделано это было не только предательски, но и с особым изуверством. Перед тем как взорвать главный монастырский собор во имя Чуда Архистратига Михаила в Хонях, группе художников во главе с П. Д. Кориным было разрешено снять со стен вместе со штукатуркой древние фрески. Их уложили в специально сделанные ящики, с тем чтобы вывезти и смонтировать для экспозиции в каком-либо музее. В один из дней, когда Павел Корин работал в своей мастерской, туда, рыдая, вбежал художник-реставратор Чуранов. В течение нескольких минут Корин и его жена не могли добиться от Чуранова внятного ответа. Потом все прояснилось. Оказалось, что собор Чудова монастыря взорвали на зорьке, когда Москва еще спала, и приготовленные к вывозу древнейшие фрески погибли.

По этой же «схеме» был уничтожен и Казанский собор на Красной площади, построенный по обету Дмитрием Пожарским в честь освобождения Москвы от польских интервентов. В храме этом позже служил протопоп Аввакум, а уж он-то свято ве-

ровал и не забывал напоминать москвичам о заступничестве за них перед престолом Господа Бога святого Сергия Радонежского. В конце 1920-х годов П. Д. Барановскому было поручено произвести научную реставрацию Казанского собора и вернуть ему первоначальный вид. Спустя некоторое время после завершения реставрационных работ собор был стерт с лица земли, а на его месте открыли общественный туалет.

П. Д. Барановский был арестован прямо на улице, недалеко от Красной площади. Поводом для ареста послужили его бескомпромиссные выступления в защиту наших национальных святынь. Дело в том, что в начале 1929 года за подписью всесильного тогда Л. М. Кагановича была напечатана директива *, в которой говорилось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. С этого документа начался новый виток репрессий против православного священства и яростное разрушение памятников Отечества. П. Д. Барановский не побоялся при встрече сказать самые резкие слова Кагановичу, уничтожившему Казанский собор и замахнувшемуся на самого Василия Блаженного. Выйдя из кабинета Кагановича, Барановский дал телеграмму Сталину. Василия Блаженного удалось спасти, но строптивому реставратору это стоило нескольких лет жизни вдали от семьи. Мария Юрьевна, жена Барановского, рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел у меня спросить перед отправкой: «Снесли?» Я плачу, а сама головой ему киваю: «Целый!»

Всю свою долгую жизнь (а прожил П. Д. Барановский 92 года) он верил, что наступит время, когда восстановят Казанский собор. Умирая, он передал проект его реставрации своему ученику О. И. Журину. Сейчас уже начались работы по возрождению Казанского собора. Хочется надеяться, что придет черед храмов Никола Большой Крест, Успения на Покровке и других памятников, ставших вехами на пути паломников из Кремля в Троицу...

Памятуя о былом, прошел я по нынешней улице Чернышевского, вышел на бульварное кольцо и, повернув налево, двинулся в сторону Сретенки. Маршрутов, которыми добирались до Троицы, минуя Китай-город, несколько. По пути в храмах прежде не раз можно было встретить приделы во имя святого Сергия Радонежского.

В старые времена в Москве насчитывалось свыше 800 храмов. В большинстве из них было по нескольку приделов, как бы маленьких церковок внутри большого храма, на всю Москву целых сорок сороков. Сергиевских приделов (названных в честь Преподобного Сергия) уцелело и дошло до нашего времени единицы. Воинствующие безбожники особенно усердствовали, когда имели дело с Сергиевскими церквами, приделами и часовнями. В храме Христа Спасителя, в одной из четырех ниш, помещалась великолепная картина кисти профессора В. П. Верещагина «Благословение Преподобным Сергием великого князя Московского Дмитрия на Куликовскую битву». Когда в 1934 году взрывали храм, никому не позволили спасти эту картину. Теперь, когда создан всенародный комитет по возрождению храма Хри-

* См.: «Литературная газета», 1988, 12 октября.

ста Спасителя, придется заново писать иконы и картины, набирать многоцветные мозаики, отливать паникадила и колокола. Постройка храма Христа Спасителя обошлась России в 15 миллионов рублей золотом, собранных в мужицкие картузы. Трудно даже представить, во сколько обойдется нам восстановление храма. Но даже если сейчас мы и соберем деньги на его воссоздание, то найдутся ли мастера, способные на такую тонкую, кропотливую работу? Думаю, специалисты не обидятся на меня, если скажу, что из архитекторов старой школы один только П. Д. Барановский мог бы взяться за восстановление храма Христа Спасителя. Всего несколько лет не дожил он до нашего времени. Теперь вся надежда на его учеников. Один из них — упоминавшийся уже мною О. И. Журин. Сейчас Олег Иванович заканчивает реставрацию церкви Троицы в Листах, которая стоит в конце Сретенки. Для Журина это — генеральная репетиция перед выходом на строительные леса Казанского собора на Красной площади. Потом можно будет думать и о восстановлении храма Христа Спасителя. Впрочем, может быть еще и промежуточная «прикидка» — восстановление Сухаревой башни, которая стояла раньше в нескольких десятках метров от Троицы в Листах. Сухарева башня построена в 1692—1695 годах. Свое название она получила по имени полковника Лаврентия Сухарева, который во время стрелецкого бунта остался верен юному Петру I и сопровождал его в пору бегства в Троице-Сергиеву лавру. В честь спасения от козней своей сестры царевны Софьи Петр I наряду с Сухаревой башней построил в московском Высоко-Петровском монастыре в 1690—1694 годах трапезную церковь Сергия Радонежского, которого считал своим небесным покровителем. Во всех походах Петра I сопровождал образ святого Сергия Радонежского, написанный на обломке доски от гроба Преподобного...

Перейдя шумное Садовое кольцо, я заглянул в нарядный историко-краеведческий музей, разместившийся в старинном уютном особнячке, что в самом начале бывшей 1-й Мещанской улицы (проспект Мира, 14). Мне немало приходилось бывать в такого рода музеях. Они без шума и помпы делают свою важную просветительскую работу. В день моего посещения музея общество «Радонеж» в выставочном зале на первом этаже знакомило посетителей с творчеством современного иконописца Георгия Иващенко из Ставрополя. Больше всего запомнилась икона «Иоанн Лествичник», ставшая своеобразным «умозрением в красках» на тему книги «Лествица» (Лестница) — о восхождении человека по духовным ступеням к Истине. Для вящей убедительности художник написал и самую лествицу, и тех, кто взбирается по ней в «Горний град». Большая часть, конечно, срывается и летит в преисподнюю — грехи не пускают. Не знаю, как для других, а для меня не то что первые ступени — даже подходы к лествице были окольными, непростыми.

Как ни парадоксально, но именно в Московском университете на искусствоведческом отделении нам внушали, что сожалеть о взрыве храма Христа Спасителя нет никакого резона. Дескать, это было бездарное, эклектическое сооружение, не имевшее никакой художественной ценности. При этом ссылались на авторитетное мнение академика-искусствоведа И. Э. Грабаря, в числе других давших согласие на снос уникального памятника.

Если бы по этому поводу советовались не с И. Э. Грабарем, а с П. Д. Барановским, то можно быть уверенным — он сумел бы отстоять всенародную святыню, пантеон нашей национальной славы. В крипте — нижней церкви храма Христа Спасителя были захоронены герои войны 1812 года, участники сражений при Бородине, Тарутине, Малоярославце, под Смоленском и селом Красным. На стенах храма золотом были выбиты имена георгиевских кавалеров, названия частей и подразделений, отличившихся в боях. Каждый входящий в храм мог благоговейно приложиться к полковым иконам и видеть боевые знамена, прошедшие с войсками через пожарища войны.

В том-то и беда, что при сносе храма советовались с теми, от кого заведомо не ждали сопротивления. Потому и придется потомкам основательно «проредить» нынешние энциклопедии. Для таких, как П. Д. Барановский, в наших больших и малых энциклопедиях места не хватило. Их вытеснили оттуда те, кто порою подобострастно услужал власть имущим и с легким сердцем ставил свои визы при взрыве и сносе 500 церквей и часовен Москвы. И. Э. Грабарю при всем при том следует отдать должное. Для сопротивления властям у него характера не хватало, но он хоть понимал, что такие, как П. Д. Барановский, — соль земли. «Каждая реставрация Барановского, — писал Грабарь, — это защита докторской диссертации». Свыше 100 памятников Отечества отреставрировал П. Д. Барановский, но так и не сподобился получить ни кандидатский, ни докторский диплом...

В конце 1-й Мещанской, свернув влево, можно выйти к одному из древнейших памятников Москвы — церкви Трифона в Напрудном. И этот шедевр зодчества своим спасением обязан П. Д. Барановскому, первым из ученых составившему подробную историческую справку о нем с указанием имен писателей, исследователей, военачальников, великих князей и царей, побывавших под этими священными сводами.

Напоминанием о древнем пути в Лавру служила до недавнего времени церковь Троицы в Капельках (1719), стоявшая на углу 1-й Мещанской улицы и Капельского переулка. Когда-то поблизости находились Троицкие ворота с заставой при них. Здесь Москва заканчивалась. Кругом были сады, пруды, мельницы, храмы, о которых можно сказать словами поэта: «Ни мельниц тех, ни колоколен Давным-давно на свете нет».

За заставой Троицкая дорога шла в направлении села Алексеевского, бывшего любимым местом отдыха царя Алексея Михайловича во время паломничества к Сергию.

Так уж вышло, что начиная с конца XIV века и вплоть до начала века нынешнего Троицкая дорога обустраивалась гораздо лучше, чем какая-либо иная магистраль Подмосковья. Богатые люди стремились оставить по себе добрую память, грехи свои замаливали тем, что строили на пути к Троице часовни, храмы, монастыри, богадельни, странноприимные дома, наконец, путевые дворцы и при них сады разбивали. После революции Троицкая дорога и все, что к ней примыкало, постепенно превратились в обширный полигон для атеистической «пропаганды». Более чем из сотни церквей незакрытыми остались единицы. Часовни позакрывали все. Так что если бы какой-нибудь «недобитый» паломник и захотел бы свечку Сергию поставить, то ни купить, ни возжечь ее негде. Ну а для властей предержащих

не только непрестижно, но даже как-то несподручно стало селиться и строить свои дворцы на скомпрометировавшей себя «опиумом» дороге. Более того, сама поездка в Лавру стала для высшей партократии явно нежелательной. В народе по этому случаю стали даже поговаривать: дескать, боятся лавры, как черт ладана. Судите сами. Министр культуры Фурцева и ее преемник Демичев (оба входили в состав Политбюро) за долгие годы своего министерского «кормления» так и не сочли возможным посетить Загорский * государственный музей-заповедник, под вывеской которого и по сей день «маскируется» Троице-Сергиева лавра. Не спешит на поклон к Сергию и нынешнее «верховенство». Разве что какой заезжий президент заманит, как говорится, за компанию. Есть, правда, надежда, что дело пойдет веселее, когда Сергиеву Посаду вернут его изначальное имя, а временщицкое название города в честь Загорского (Лубоцкого) и поминать станет стыдно даже тем, кто ныне упорствует и явно противится воле народной. Смотришь иногда телешоу с участием власть имущих, а они, как сговорились, все в один голос уверяют трудящихся: дескать, мы атеисты, не верим ни в какого Бога. Достоевский мудро заметил: чтобы верить в дьявола, не обязательно верить в Бога. Подумать только, что шесть веков ходила вся Россия в Сергиев град, и вдруг его не стало, вычеркнули из всех учебников истории и географии. Однако память нашу не истребишь. Возрождение нации немыслимо без возрождения ее святынь. Потому справедливо было бы вернуть в обновляемые церкви и в воссоздаваемые путевые дворцы-гостиницы по дороге в Троицу все уцелевшие предметы культа — колокола, богослужебные книги и в первую очередь иконы, которые и по сей день находятся «под арестом» в различных «темницах», именуемых музейными запасниками.

В своей книге «Троицкие походы русских царей» историк И. Е. Забелин называет наряду с Алексеевским и Тайнинским следующие путеводные дворцы, существовавшие в селах Братовщино, Пушкино, Воздвиженское; станы в шатрах у Больших Мытищ и у Талиц. Известно, что цари ходили и ездили в Троицу обязательно к Сергиеву дню. Выступали они 19—20 сентября и к 25-му, к празднику, были у Троицы. Народ же шел к Сергию нескончаемой чередой, «по вся дни», но больше всего паломников было в конце весны, на Троицу, и осенью — в Сергиев день.

Помню, лет двадцать тому назад поехали мы с Владимиром Солоухиным на Троицу в Лавру. Приехали, а народу в Успенском соборе — яблоку негде упасть. Купили по свечке, передали людям, чтобы поставили Сергию. Вдруг к Солоухину протискивается монашек и приглашает его в резиденцию Патриарха Всея Руси Алексия. Оказалось, Солоухина, когда мы шли по двору лавры, узнал профессор Московской духовной академии протоиерей Алексей Астапов — крестник Патриарха. Он и устроил аудиенцию у Патриарха. Святейший благословил Солоухина, поговорил о новых книгах, о чаяниях и настроении литерато-

* В печати сообщалось, что в мае 1991 года городу Загорску возвращено прежнее название — Сергиев Посад. Однако официального подтверждения этому не последовало. На момент сдачи данного материала в печать вопрос о возвращении городу его исконного названия окончательно еще не был решен.

ров. Прощаясь, Патриарх спросил писателя, что тот хотел бы осмотреть в окрестностях Лавры. Солоухин назвал Радонеж. Вместе с протоиереем Алексеем Астаповым и его отцом — управляющим делами Московской Патриархии мы и отправились туда. Приехали в Радонеж и видим: рядом с разгромленной церковью стоит новенький свинарник. Воинствующие безбожники тогда особенно усердствовали и на практике, и в «науке». По количеству защищенных диссертаций на атеистическую тематику хрущевские времена, пожалуй, самые «урожайные». Солоухин возьми и спроси управделами Московской Патриархии: дескать, сколько может стоить новый свинарник?.. Вскоре на этот вопрос последовал ответ: свинарник был снесен, а церковь на деньги Патриархии отреставрировали и даже позлатили купол, так что всем проезжающим по Троицкой дороге видна стала церковь в Радонеже.

Помню и другой престольный праздник — все на той же Троицкой дороге. Я тогда жил с семьей в Ашукине, и Сергиев день мы с женой решили отметить крестинами нашего первенца. Самая ближняя к нам церковь была в Рахманове. Туда мы и повезли в коляске нашего младенца. Прошел дождь, грязь была непролазная. Еле-еле дотащились до Рахманова. Пришли в храм, а староста спрашивает у нас паспорта: без записи в специальную книгу паспортных данных родителей крестить детей власти запретили. Староста присовокупил еще, что все сведения о родителях они обязаны сообщать районному уполномоченному по делам культов, а тот, в свою очередь, — по месту работы родителей, в партийную и комсомольскую организации для принятия соответствующих мер. Видя нашу твердость в принятом решении крестить сына, староста поздравил нас и не стал записывать в книгу, хотя рисковал сам, да и священника мог подвести. Батюшку за это могли лишить прихода, так что было о чем подумать. Все обошлось благополучно, и крестины были воистину праздничные...

Мне рассказывала старая монашка мать Мелетина, как после закрытия Хотьковского монастыря воинствующие безбожники разорили могилы родителей Сергия, а останки их выбросили за пределы монастыря. Мать Мелетина, говоря об этом, то и дело вытирала слезы и тихонько, как-то робко крестилась.

С монастырем была связана вся ее жизнь. Сюда ее привезли девочкой после смерти родителей. Как ей не хотелось оставаться в монастыре!

«Бывало, убегу из кельи, — рассказывала старая монашка, — заберусь на стену и смотрю, как ребятишки за рекой играют в салочки на лугу. Так бы и улетела к ним... Долго не могла прижиться в монастыре. Однако свыклась...»

Добрым, работящим человеком прожила свою жизнь мать Мелетина. В 1930-е годы была выслана в Узбекистан. В лагере для таких же, как она, бедолаг, работала золотошвеей, расшивала тюбетейки для советских баев. К концу жизни ей разрешили приехать в Хотьково. Хоть церкви в монастыре были закрыты, она ежедневно ходила туда. Встанет на паперти, отслужит про себя обедню и, счастливая, домой возвращается. Летом мать Мелетина работала уборщицей в пионерлагере.

«Ты сходи посмотри, — говорила она мне, — кто за нами идет».

Я пошел посмотрел. Неподалеку от Воздвиженского, на территории Спас-Торбеевской усадьбы, хозяйничает пионерлагерь. Октябрята и пионеры к концу века станут рабочими, инженерами, врачами, художниками, и то, что мы посеяли в их душах, даст к тому времени обильные всходы. Вспомнят они и Спас-Торбеевский парк, и пионерские костры на месте... бывшего барского дома. Наиболее пытливые из них узнают, что летом 1889 года Лев Толстой гостил в Спас-Торбееве у своего товарища по Крымской войне князя Урусова. Здесь были написаны «Плоды просвещения», гениальная «Крейцерова соната», «Об искусстве». Это была уникальная подмосковная усадьба, где следовало бы создать музей великого русского писателя. Однако арендатор усадьбы — 2-й Московский часовой завод, несмотря на энергичные протесты общественности, ведет дело к тому, чтобы стереть с лица земли этот мемориальный комплекс. Бывший барский дом разобран, церковь осквернена, древний родовой некрополь разграблен. На кладбище устроены общественная уборная и помойка пионерского лагеря...

...Время в пути шло незаметно, паломники неспешно приближались к Кесовым прудам, что были раньше верстах в трех от Клементьевской слободы. «Близ этих прудов раскидывались шатры и была слазка (то есть слазили с коней) для отдыха и перемены платья, — писал историк И. Е. Забелин о Троицких походах царя Алексея Михайловича. — Отсюда Клементьевским полем до самого монастыря Государь хаживал всегда пешком, если не препятствовала погода и позволяло здоровье».

Ни чистой проточной воды, ни Кесовых прудов, ни широкого Клементьевского поля — ничего этого нет и в помине. Впрочем, как нет и старых ориентиров в городе — Дворянской улицы (ныне она стала Пионерской), Вифанской улицы, ведшей в Вифанскую семинарию, которую упоминает в своем рассказе «Анафема» А. И. Куприн, и других вех. Зато есть скучного вида Клементьевский поселок, застроенный домами силикатного кирпича. Его никто не минует, коли едет и идет из Москвы.

Мое паломничество подходило к концу, и, чтобы передохнуть, я зашел в Клементьевском поселке к своему другу, художнику Ивану Сандыреву. По всем стенам мастерской Ивана висят и стоят на полу любимые мною картины: «Сергий и Рублев», «Лавра», «Ильинская церковь», «У Келарских прудов» — все это о родном городе. О чем он рассказывает в своих картинах? О самом главном — о доброте, нравственной силе и скромности, о красоте души человеческой. Герои его картин — простые русские люди, народ, малой частицей которого является сам художник, со своими болями, надеждами, переживаниями.

Жить у Троицы и не испытать на себе ее влияния просто невозможно. Оно сказывается во всем — в думах и делах, мироощущении, в самой духовной сути художника.

— Ты думаешь, зря, что ли, Рублев крепко постился, прежде чем взяться «в похвалу Сергию» за Троицу? — спрашивал Иван.

— Конечно, нет. Без благодати кто же брался за дело? Был свой установленный ход, — в тон Ивану ответил я.

— Есть замыслы и есть помыслы, — продолжил он. — Замыслы у всех разные, а вот помыслы обязательно должны быть чистыми. Икона, фреска, картина — все это несет отпечаток души автора. Скрыть помыслы невозможно. Со временем всякая

маскировка блекнет, и тогда очевидным становится, каким человеком был автор. Взять того же Рублева. Зло, насилие, кровь, войну — все пережил в своем сердце художник, но тьма его не объяла. Ни корысть, ни зависть, ни угодничество — ничто не пристало к нему, потому как помыслы были светлыми.

Я внимательно слушал художника. Он и в эти минуты был на распутье, набирался сил перед новой работой и снова утверждался в себе.

— Не много ли у нас цензоров? — строго вопрошал Иван и сам же отвечал, поочередно загибая пальцы на левой руке: — Первый и главный — в самом художнике. Это результат нашего милого воспитания. От младых ногтей и до седых волос мы привыкли работать с оглядкой, лишь бы не заступить границы дозволенного. Инстинкт самосохранения, будь он неладен. Второй цензор — художественный совет мастерской, третий — выставком, но и его мнение не окончательно. Были еще инстанции...

Да, это факт. За все время существования Загорской художественной мастерской ни на одной выставке не появилось исторической картины, посвященной Сергию Радонежскому, Стефану Пермскому, Никону Радонежскому, Епифанию Премудрому, Максиму Греку. Парадокс. Впрочем, если разобраться, никакого парадокса нет, а есть следствие употребления кнута и пряника. Начальство от искусства этими инструментами умело пользовалось. Картину честного, ищущего художника разнесут в клочья и снимут с экспозиции, а «тишайшего», который из «борозды» нини, поощрят. Жалко только, что через экспортный салон многие работы талантливых мастеров уходят за границу. Им бы и на родине место нашлось.

Продавать произведения искусства мы совсем не умеем. Иностранные фирмы наживаются на наших художниках, да над нами же и посмеиваются. Давно собирались открыть в Загорске художественный салон для проведения аукционов по продаже на валюту произведений искусства, но так это дело и застопорилось. А ведь в Загорске — самая большая в Советском Союзе районная художественная мастерская, насчитывающая около 100 членов Союза художников: живописцев, графиков, монументалистов, дизайнеров, мастеров народных художественных промыслов. Всемирную славу получили резчики народной деревянной игрушки из села Богородского и мастера кудринской резьбы из Хотькова. Начало местным промыслам положил Преподобный Сергий. Он был иконописцем, изрядным плотником, да еще игрушки для детей любил резать и раскрашивать. В Загорске — единственный не только в Советском Союзе, но, пожалуй, и во всем мире Научно-исследовательский институт игрушки, старейший в стране Художественно-промышленный техникум игрушки. Помимо этого — две фабрики игрушек и цех сувениров художественной мастерской, выпускающие цветастую нарядную продукцию. Загорские матрешки никогда не залеживаются на прилавках. Казалось бы, где, как не в Загорске, организовать художественные салоны, но воз и ныне там.

В ту нашу встречу Иван не был настроен на злобу дня, вновь и вновь возвращался к не столь давнему «академическому» прошлому.

— Какие люди жили в нашем городе! Павел Флоренский,

Сергий Булгаков, Константин Леонтьев... На Костюковке, говорят, сохранился дом священника Беляева, где жил Василий Розанов. В книге «Опавшие листья», слыхал, есть фотография этого дома... Я где-то читал, что Горький причислял Розанова чуть ли не к гениям. А где похоронен Розанов? — поинтересовался Иван.

— Хочешь, сходим как-нибудь, — предложил я. — Неподалеку отсюда, в Черниговском скиту. Только там не то что могильного камня, даже бугорка не сохранилось.

Татьяна Васильевна Розанова, дочь Василия Васильевича, была уже старенькой, когда я с ней познакомился. Жалею, что не взял такси и не свозил ее на могилу к отцу. Она бы хоть место захоронения показала.

Некрополь Загорска находится в весьма плачевном состоянии. До сих пор не составлено его научного описания. Охраны старинных захоронений не существует, в силу чего организован подпольный бизнес по продаже надгробий из мрамора, гранита, опустошаются родовые склепы. Не постеснялись же, увезли надгробие сестры Льва Толстого Марии Николаевны из Шамординского монастыря. Обыватель при жизни хочет увековечить себя и охотно покупает ворованные памятники. Старые надписи сбивают, затем высекают новые, и вся недолга. Именно по этой причине многие захоронения стерты с лица земли. В их числе — могила романиста и философа К. Н. Леонтьева. Этот поздний славянофил считал главной опасностью буржуазный либерализм с его омещаниванием быта и культом всеобщего благополучия. Леонтьев в последние годы был монахом в миру и похоронен в Черниговском скиту. Дом Леонтьева в Оптиной пустыни сохранился, а могила — нет.

В забвении и небрежении находится могила младшего сына С. Т. Аксакова — известного публициста, поэта и общественного деятеля Ивана Аксакова, похороненного в Троице-Сергиевой лавре. И. С. Аксаков сыграл огромную роль в организации помощи Сербии, Черногории и Болгарии в войне против турецкого ига. В 1878 году он произнес публичную речь, в которой резко критиковал царскую дипломатию на Берлинском конгрессе, после чего был сослан. Одна из центральных улиц Софии с тех пор носит имя Ивана Аксакова. Прогрессивно настроенная болгарская молодежь даже выдвигала его кандидатуру на болгарский престол. Стыдно и горестно сознавать, что небрежение коснулось надгробия И. С. Аксакова: мозаики с могильного камня украдены; лишь недавно общественность с трудом добилась, чтобы восстановлен был снятый ранее крест.

Не преувеличу, если скажу, что влияние творческой интеллигенции на культуру города незначительно. Формально сейчас все имеющие высшее образование считаются интеллигенцией. Количественное распространение образования по сравнению с дореволюционным временем неизмеримо выросло, а глубины культуры нет. В течение долгих лет художники Загорска убеждают руководство города в необходимости создания картинной галереи. Сколько раз мы ходили в исполком с предложением на этот счет. Картинная галерея достается городу бесплатно, так как художники дарят свои работы, но их дар не принимают. Нужны штаты, помещение, а средств на это нет.

— При нашей с тобой жизни, — говорил Иван, — загорской

интеллигенции ни за что не набрать ту силу и авторитет, какие были у нее раньше.

Спорить трудно. Не так давно мы договорились с руководством Государственной библиотеки иностранной литературы, что они безвозмездно передают Загорску библиотеку и несколько тысяч томов на иностранных языках. Радостные, мы пришли к заведующему отделом культуры горисполкома, а он нас ошарашил: «Кто читать будет? Некому!» Вот так дожили! У каждого третьего в городе — среднее или высшее образование, а библиотека на иностранных языках не нужна. Читателей, дескать, не будет. К тому же, как сказал завотделом культуры, книги хранить негде. Так и отказался Загорск от подарка. А ведь до революции была в городе библиотека литературы на иностранных языках: известные на всю Россию переводчики, читатели-полиглоты жили здесь, а всего-то одно-единственное учебное заведение было — Духовная академия. Правда, в местных гимназиях и в семинарии учили иностранные языки так основательно, как не знают их выпускники наших вузов. Как быстро мы все растеряли! Ведь раньше Россия готовила лучших в мире переводчиков. Не случайно же заведующим отделом переводов секретариата ООН долгие годы был старый русский генерал В. А. Яхонтов, прекрасно владевший основными европейскими и азиатскими языками. А теперь у нас и в этой области дефицит...

Иван перебирал свою фонотеку. Она у него обширная. В последние годы любители хоровой музыки наладили стереофоническую запись церковного пения в Лавре. Неразворотливая фирма «Мелодия» им не конкурент. А вот иностранцы, проживающие в Москве, давно и бесплатно получают запись глубоко прочувствованного, «богодухновенного», как говорили раньше, пения.

Из окон мастерской Ивана хорошо видны купола Троице-Сергиевой Лавры. До нее рукой подать. Четверть часа ходьбы — и мы в центре города. На «подоле» у лавры сиротливо стоят две древние церковки бывшего Пятницкого монастыря и надкладезная часовня. Когда-то вокруг них кипела жизнь, теперь все угомонилось. Перстом указующим оберегает молчание безгласная колоколенка. Внешне памятники выглядят благопристойно — крыши есть, купола позолочены, стены выбелены. Кто только ни был у этих стен — последний роздых перед входом в лавру. Водички можно было испить, пыль дальних странствий смахнуть. Надкладезная часовня поставлена над родничком, который упоминается со времен Сергия Радонежского. Родничок тот во время оно в пылу атеистической пропаганды наглухо забили асфальтовым кляпом. Вода пробилась под фундаментом, и часовня, как губка, вбирает ее в себя. Долго она не продержится, и никакой косметический ремонт ей не поможет.

На дверях церквей, как и водится, пудовые замки. Мы с Иваном обошли вокруг строений и насчитали на стенах несколько свежих трещин. Заглянув через низкое окошко в подвал одной из церквей, поняли, что памятники обречены. Подвал залит водой. Зимой вода замерзает и рвет фундамент, стены, своды.

— Во время войны здесь мельница была. Очередь на помол с ночи занимали. Возницы лошадям сено зададут, а сами соберутся, про жизнь толкуют. Чего только не услышишь. Война,

горе, нужда, а люди в то время добрей были, отзывчивее на чужую беду, — как давно, выношенное заключил Иван. — Сейчас холодок отчуждения сильно крепчает...

Десять лет тому назад главный архитектор города — человек, по-чиновничьи безразличный к старине, завизировал проект, по которому рядом с памятниками Пятницкого монастыря была «сооружена» полутораметровая насыпь в целях исправления «оплошки» наших предков. При подходе к Лавре раньше была крутая дорога, а теперь в город можно вкатить на скорости 100 километров. Только нужны ли такие скорости? Был ведь и свой резон у древних градостроителей. Тем, кто шел со всех концов Руси к Троице, прежде чем ступить под гулкие своды врат лавры, надо было преодолеть последний, крутой подъем. Тогда и вздохнуть легко можно было. «Благословенье Богу, вновь я совершил эту дорогу», — скажет Некрасов, и многократно повторит за ним вся Россия. Ну да кто этими «сантиментами» из нынешних градостроителей голову себе морочить станет? Проект сделали, «спрямили» дорогу — и все дела. Ну а то, что гибнут памятники, составляющие золотой фонд нашей национальной культуры, об этом, когда поднимали уровень грунтовых вод, никто и не думал. А ведь памятники-то не одним нам достались. Потомки на них не меньше прав имеют. Кто знает, может, они и вовсе запретят движение близ лавры и захотят, как Гоголь и Лермонтов, Достоевский и Шаляпин, пешком приблизиться к святыне.

Мы стоим у врат лавры, на вершине горы Маковец.

— Вот там, за бетонным забором, где ныне районная милиция, раньше трактир был и гостиница. Глеб Успенский, раскрыв окно своего номера, слушал когда-то лаврские звоны, восхищался ими. Теперь от прежних колоколов и половины не осталось. На блестящие пуговицы модницам употребили, — убежденно говорит Иван. — Разве теперь такие колокола отольют? Верхнее «до» как возьмет, так и тянет, тянет...

— Мне старая женщина рассказывала, как колокола с лаврской колокольни сбрасывали погожим вечером, — вставляю я. — Чтобы лишних разговоров не было, никого в то время в лавру не пускали. Ночью женщина подошла к главному колоколу, лежавшему на земле; прислонила ухо, а он стонет. До утра простояла возле него, словно с близким прощалась.

Иван снял шапку-мурмолку и ступил под своды врат лавры. С минуту он стоял молча:

— В эти ворота я впервой мальчишкой вбежал, а теперь уже голова вся белая.

Народ от всенощной расходился по домам. Перед входом в Успенский собор Иван указал глазами на маленькую, размером с ладошку, вывеску: «Покорнейше просим соблюдать тишину». Это для самых непочтительных, но и то — «покорнейше просим».

— В пору твоего детства в лавре все было по-другому, не правда ли? — спросил я у Ивана.

— Выход в Троицкий собор был замурован, иконы рублевского письма вывезены, лампада у раки Сергия погашена...

В. О. Ключевский сказал, что Россия будет стоять до тех пор, пока теплится лампада у раки Преподобного Сергия Радонеж-

ского. Понадобилась война, чтобы вновь затеплили до времени погашенную лампаду.

— В том здании, где сейчас музей-заповедник, — продолжает Иван, — жили те, кого прибило сюда военной волной. Между прочим, художник Лактионов писал свою знаменитую картину «Письмо с фронта» как раз вот у этого подъезда, — показал мне Иван. — В чертогах был клуб и устраивались танцы, а в трапезной был тир.

Про тир, но в другом монастыре, я слыхал от П. Д. Барановского. На Соловках администрация СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения), чтобы не возиться с бумажными мишенями, использовала иконы. Циркулем на погрудном образе Спаса или Николы умельцы наносили круги и стреляли до тех пор, пока иконы не превращались в решето. Благо икон на Соловках за шесть столетий накопилось много. Своя иконописная мастерская была. Что касается художественной ценности икон, то кто этому значение придавал? Важно, что все «ворошиловскими стрелками» были. Стреляли на Соловках, надо сказать, отлично. За все время из лагеря лишь двум генералам удалось бежать. Туман на море помог, а то бы далеко им не уйти. Впрочем, и со значительно меньшим риском можно было скостить себе срок. Нашелся же волонтер, который без приспособлений забрался на главу Соловецкого Спасо-Преображенского собора и водрузил на высоком шпиле звезду вместо креста. За доблесть ему срок вдвое уменьшили...

Мимо нас прошла стайка благостных старушек. Сразу видно, что приехали издалека. С ними был мужчина аскетического вида, с заплетенной косичкой, которую прятал под шляпой. Глаза горели как угли. Мы разговорились. Оказалось, он священник. Имеет приход в Казахстане. До этого работал токарем на заводе. Окончил Московский государственный историко-архивный институт, прежнее свое имя Красарм сменил на Василия, был рукоположен в священники.

— Чем вам прежнее имя не нравилось или вы монашеский сан приняли? — спросил я.

— Пока в миру, — смиренно ответил отец Василий. — А что касается Красарма, то это скорее тавро. Отец был охранником в лагерях, воинствующим атеистом...

В лавре недавно закончился очередной косметический ремонт. Двор аккуратно выстлан бетонными плитами. А ведь это беда. Повторяется та же ошибка, что и на «подоле», с памятниками Пятницкого монастыря. Уровень грунтовых вод обязательно поднимется, образуются высолы на стенах. А это очень опасно для фресок.

Как ни горька правда, следует признать, что состояние памятников истории и культуры в Загорске и в районе — катастрофическое. Реставрационный участок Московской областной мастерской, размещенной в лавре, совершенно не в силах справиться с объемом работ. Квалифицированных кадров не хватает. Техническая оснащенность предельно низка, что не дает никакой надежды на улучшение дел. Средства малой механизации примитивны, нет мощных машин, подъемных кранов. В канун Олимпиады-80 на окраине Загорска был разобран для капитального ремонта уникальный памятник деревянного зодчества — Благовещенская церковь середины XVII века. Предпо-

лагалось, что она будет включена в число объектов музейного показа. Разобрать-то разобрали, а собрать «забыли». Деньги, выделенные на объект, израсходовали, а тем временем предприимчивые дачники из окрестных кооперативов разворовали бревна. Памятник, по существу, погиб, так как новострой, если он будет осуществлен, не сможет донести ту красоту и очарование, которыми обладала эта единственная в своем роде клетская церковь.

Научно обоснованные ландшафтные охранные зоны вокруг Загорска до сих пор не созданы. В последние годы город сплошным кольцом окружили престижные дачные кооперативы, которые хищнически относятся к соседствующим с ними старинным архитектурным комплексам. Печальная судьба постигла известную на всю Россию Параклитову пустынь и скиты. Деревянные кельи самочинно разобраны, кирпичная ограда и фундаменты тоже пошли в дело. В здешних местах в 1926 году побывал у монахов Л. М. Леонов, собирал материал для романа «Соть». Сейчас бы этих мест писатель не узнал.

М. В. Нестеров, когда писал «Явление отроку Варфоломею», «Пустынника», исходил окрестности вокруг Сергиева Посада. Он знал речки и рощицы, изучал скиты, ночевал в часовнях. Все это позволило ему глубоко проникнуться замыслом своих великих картин. Каково-то будущему художнику, который задумает историческую картину, а проникнуться духом негде будет? Все старое «до основанья» сносят, а безликие коробки ставят и ставят... Куда человеку податься? Тоска заест. Как тут не вспомнить Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

На родине Сергия Радонежского в Троице-Сергиевом Варницком монастыре близ Ростова Великого, где согласно его «Житию» как раз и было явление отроку Варфоломею, до недавнего времени стоял инкубатор. Что и говорить, нигилизм пустил глубокие корни. И все-таки традиция нравственного самосовершенствования, жажда духовного подвига, несмотря на трагические события, которые пережила наша страна в веке уходящем, жива, набирает силу. Все больше и больше становится сторонников «нестяжательства». Люди отчетливо понимают, что алчность экономики, процветающая ныне во всем мире, до добра не доведет, что прельщать человека потребительским раем на американский манер по меньшей мере легкомысленно. Народный депутат СССР, писатель Валентин Распутин справедливо сказал недавно, что изобилие во имя изобилия — не наша судьба. Чтобы рассчитывать на долгую будущность человечества, надо всемерно бороться за внедрение в сознание людей необходимости достаточного, но экономного потребления, которое бы остановило расхищение природных ресурсов и перестало бы развращать человека. Брать столько, сколько мы берем сейчас, преступно и по отношению к своей земле, и по отношению к будущим поколениям. Пришло время всему миру говорить не об увеличении, а об ограничении потребления. Словом, как это уже не раз было, русские люди вновь задумываются о духовном иммунитете и мысленно обращаются к своим пророкам, первый из которых — Преподобный Сергий Радонежский. Вторя Сергию, Федор Достоевский утверждал, что человек, как и нация в целом, понятия нравственные. Если они не исповедуют большую духовную

идею, то вырождаются в мещанина, живущего на потребу собственной утробе.

— У Достоевского полем битвы было сердце человека, а у нас битву перенесли в коридоры власти, — как бы ища ответа на свои мысли, обратился я к Ивану. — Попробуй теперь верни все на круги своя.

— Представляешь, стоим мы с тобой посреди лавры, а вот где-то здесь, рядом, проходили Достоевский, Чехов, Бунин. Святая земля! — Помолчав с минуту, Иван продолжил: — У Карамазовых ни один брат друг на друга не похож. Один с дьяволом, другой с ангелом...

— Ты-то с ангелом? — улыбнулся я.

— Хотелось бы. — Иван был серьезен.

— Скажи мне, «ангел», как ты выстоял, не сломался? Ведь тебя, бывало, на художественных советах по пять-шесть раз заворачивали, заставляли в «борозду» встать, на выставки не брали, закупок у тебя никаких не делали. А ярлыки-то какие навешивали...

— Я и сам порой удивляюсь, как жив остался.

— Что тебе больше всего помогло выстоять?

— Приду сюда, похожу по лавре, гляну на иконы великих — и с души вся шелуха прочь.

— Выходит, здесь — аккумулятор?

— Не то слово. Родник с живой водой. Я часто вспоминаю свою поездку за границу. Видел гениальных Тициана, Тинторетто, Веласкеса. Посмотрел и творения Пикассо, старческой рукой сделанные. Все как-то неряшливо, краска течет... Приехал домой и тотчас направился сюда. В Троицкий собор зашел, глянул на иконостас Рублева и Даниила Черного, на росписи — и как осенило: далеко ездил, а прозрел здесь.

— А ведь тебя под микитки били не от скуки. Для многих ты как бельмо на глазу. Корни у тебя целые, а они — перекати-поле. Куда ветер, туда и несет. И сами это понимают, да зацепиться не могут. Трагедия.

— Что ты все усложняешь? Никакой трагедии нет, но есть обыкновенная потребиловка. И все довольны. Есть шикарные мастерские, дачи, машины и деньги, даже в зарубежных банках.

— Нет только счастья. Я все больше убеждаюсь, что Ставрогин у Достоевского — предтеча наших нынешних перекати-поле. Записался в граждане швейцарского кантона Ури, а от себя все-таки убежать не смог. Тот, у кого нарушена связь с родной землей, теряет и свои цели. Остается, как у всех нигилистов, сплошное отрицание. А это, по Достоевскому, и составляет сущность дьявола.

Часы на лаврской колокольне пробили еще один час. Возведенная по проекту Д. М. Ухтомского в середине XVIII века, эта колокольня — высотная доминанта города. Как важно не заслонить ее многоэтажными домами. Пусть она будет вечно видна отовсюду в городе.

Мы молча ступили на крыльцо древнего белокаменного собора. Когда-то в пору войн и пожаров здесь с верой и надеждой поставлена была деревянная церковка, «дабы взиранием на святую Троицу побеждался страх перед ненавистной розныо мира...». Минули века, но тьма не заслонила тихий свет лампады святого Сергия.

К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Т. АКСАКОВА

Михаил ЛОБАНОВ

СИЛА ЛЮБВИ К РОССИИ

При имени Аксакова нас невольно тянет в мир природы, настолько подлинной, животворной в его произведениях, что мы забываем о ее литературном отражении и дышим, наслаждаемся ею как действительной природой. Такова слиянность художника с нею и пластичность, выразительность ее воплощения. В наше время перечитать (или впервые прочитать) Сергея Тимофеевича — все равно, как если бы из зачумленного города, его отравленной смрадом атмосферы вы попали в прохладу лесной чащи, склонились над журчащим, бьющим тугими толчками родником, испили из него. В «Детских годах Багрова-внука» рассказывается о болезни и выздоровлении дитяти. «Доро́гой, довольно рано поутру, почувствовал я себя так дурно, так я ослабел, что принуждены были остановиться; вынесли меня из кареты, постелили постель в высокой траве лесной поляны, в тени дерев, и положили почти безжизненного. Я все видел и понимал, что около меня делали. Слышал, как плакал отец и утешал отчаянную мать, как горячо они молились, подняв руки к небу. Я все слышал и видел явственно, и не мог сказать ни одного слова, не мог пошевелиться, — и вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного. Лес, тень, цветы, ароматный воздух мне так понравились, что я упросил не трогать меня с места. Так и простояли мы тут до вечера. Лошадей выпрягли и пустили на траву близехонько от меня, и мне это было приятно... Я не спал, но чувствовал необыкновенную бодрость, и какое-то внутреннее удовольствие и спокойствие, или, вернее сказать, я не понимал, что чувствовал, но мне было хорошо... На другой день поутру я чувствовал себя также свежее и лучше против обыкновенного». «Двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне дало первый благотворный толчок моему расслабленному телесно организму».

Так врачующе подействовала природа на ребенка, и с тех пор он самозабвенно полюбил ее. (Напомним, что Сережа Багров — это сам Сережа Аксаков.) Понстине целительная власть приро-

ды живет и воздействует на нас в произведениях писателя, таких, как «Записки об уженье рыбы». «Записки ружейного охотника», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука».

Но такое же духовно здоровое воздействие оказывает на нас и сам облик Сергея Тимофеевича. В одном из своих воспоминаний он поведал историю о том, как его, молодого человека, хотели завербовать в масоны и насколько это было немыслимо для него, потому что этому противилась в нем наклонность ко «всему ясному, прозрачному, легко и свободно понимаемому», впитанные им с молоком матери родные предания отвращали его от всякого духовного оборотничества, преподнесенного под видом новизны.

* * *

Сергей Тимофеевич родился на переломе двух веков (20 сентября 1791 года по старому стилю) и вошел в XIX век с укорененным сознанием своего, вынесенного из детства, родства с бытом, преданиями минувшего столетия. Как известно, XVIII век — век великих побед России, век не рефлексивной словесности, каким отчасти было девятнадцатое столетие, а век колоссальных практических деяний, победоносных свершений орлов Екатерины II — от государственного деятеля Потемкина, полководцев Румянцева, Суворова до пиита Державина. Молодому Аксакову повезло, судьба свела его с Державиным (уже на закате жизни великого поэта, в 1816 году). С юности увлекавшийся театром, декламацией, он покорил Гаврилу Романовича выразительным чтением его стихов, и в памяти навсегда остался живой образ патриарха русской поэзии.

Уже в молодости, главным образом под влиянием Отечественной войны 1812 года, в Аксакове пробудились те чувства и убеждения, которые он называл «русским направлением». Ему писатель был верен всю жизнь. Но, наделенный натурой художнической, далекой от философических, учительских претензий, Сергей Тимофеевич не проповедовал своего «направления». Еще не создав главных своих книг — «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», которые были написаны им на седьмом десятке жизни, Аксаков сумел стать глубоко уважаемой и связующей личностью в писательской среде. Такова была притягательность, теплота его нравственного облика, русскость его характера.

Привлекал Сергей Тимофеевич и как прекрасный семьянин и гостеприимный хозяин дома, где все дышало приветом и благожелательством. Женой Аксакова была Ольга Семеновна, в девичестве Заплатина, дочь суворовского генерала и турчанки-красавицы Игель-Сюма, взятой в плен при осаде Очакова. Истово православная, Ольга Семеновна была устроительницей не только внешнего порядка в доме, но и внутреннего лада семейной жизни, как бы освещенной изнутри ее теплым ровным светом.

У Аксаковых было девять детей, но разделения на «взрослых» и «детей» в семье не было, все жили общими интересами. Сергея Тимофеевича они называли «отесенькой» (от слова «отец — отеценька»). А сам он письма к детям (и маленьким, и когда

они стали взрослыми) всегда заканчивал словами: «Отец и друг ваш».

Из этой семьи вышли два знаменитых деятеля русской культуры и общественной мысли, славянофилы Константин Аксаков (1817—1860) и Иван Аксаков (1823—1886). Были они разные по характеру. Константин — домосед, почти никуда не выезжавший, потому что не мыслил своей жизни без «отесеньки» (что и подтвердилось после смерти Сергея Тимофеевича: этот еще недавно богатырь, буквально снедаемый тоской, пережил отца всего на один год и семь месяцев). Иной была судьба Ивана Сергеевича. В отличие от старшего брата, погруженного в летописи, одержимого яростными спорами с западниками в узком кругу московских знакомых, совершенно отрешенного от практических вопросов, Иван Аксаков с юности начал усердно служить чиновником, много путешествовал с познавательно-практическими целями по России и Европе, издавал газеты, получил европейскую известность как публицист. Велика была роль Ивана Аксакова как председателя Славянского комитета, он много сделал для защиты славян от турецких поработителей, для освобождения Болгарии в русско-турецкой войне 1877—1878 годов.

Братьев — и страстного, неистового Константина, и рассудительного, солидного Ивана — объединяло их общее отношение к народу как первооснове исторической жизни России. Они обличали обезьянничанье «публики» (так они называли чуждую народу интеллигенцию, «образованное общество») перед Западом, попрание национальных традиций, святынь. Из их современников разве только Достоевский с такой же остротой и ответственностью говорил об опасностях разрыва между интеллигенцией и народом, предвидел катастрофические последствия этого. Дворяне с древней девятисотлетней родословной, Аксаковы не только не кичились этим, но готовы были (разумеется, при уважении, гордости своими предками) отказаться от сословных преимуществ ради сближения с народом. Так, Иван Аксаков выступил за упразднение дворянства как привилегированного сословия, что вызвало резкую реакцию таких публицистов, как М. Катков. Любопытно, что «революционный демократ», «разночинец» Белинский, он же друг-недруг семьи Аксаковых, перед смертью лихорадочно спешил «оформить» себе дворянство на правах наследника отца, военного лекаря, дослужившего по петровской «табели о рангах» до дворянского звания.

Говорить об Аксаковых — это значит затронуть такую важную для нашего национального самосознания проблему, как славянофильство, с его местом в истории русской общественной борьбы и в современной жизни. В газете «Литературная Россия» (8 февраля 1991 года) была перепечатана статья известного югославского журналиста-международника Драгоша Калаича «Обновление или погибель России». Автор — знаток общественного движения в России, как в прошлом, так и в настоящем, искренне заинтересованный в ее духовном возрождении, от которого зависит во многом и судьба мира. Содержательны его характеристики славянофильства и западничества, в том числе и нынешнего в нашей стране. Он пишет, что «меньшинство западников» «почти всегда побеждало славянофилов, принося России

все ее беды и трагедии». Не всегда, однако же, побеждали западники. Славянофильским в истории России (употребляя выражение Сергея Тимофеевича, «русским направлением» в государственной политике) было царствование Александра III (1881—1894). Эту эпоху «прогрессисты» заклеймили как реакционную, как «безвременье». Между тем это было время необычайного подъема промышленности, производительных сил страны, поистине сказочного железнодорожного строительства. По темпу развития промышленности Россия обгоняла США, передовые европейские страны. Вступая на престол (после убийства революционерами-террористами его отца), государь поклялся, что не допустит никаких войн, что не будет пролито ни одной капли русской крови. И все последние тридцать дореволюционных лет Россия задавала тон в Европе своей миролюбивой политикой, исключив войну в своих международных отношениях. Государя окружали крупные государственные деятели. И тот, о ком модным стало в среде радикалов повторять слова поэта: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», был в действительности великим патриотом, стремившимся преградить путь ее врагам, разрушительным силам. Зато и не утихает до сих пор ненависть к этому историческому деятелю со стороны революционного бесовства.

Но, конечно, западники, как правило, были «победительнее» славянофилов. И это наша национальная драма. Ведь нельзя же представлять славянофилов карикатурно, как староверов, желающих отгородиться китайской стеной от Запада, от мира. Напротив, славянофильство, как понимали его А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков и их продолжатели — это единение с миром, братство народов с сохранением своей духовной культурной самобытности, народных традиций. Недаром Достоевский призванием русского народа считал созидание всечеловеческого братства, при верности православию (по его словам, русский человек немыслим без православия, без него он ничто, дрянь). К чему приводит презрение к народной личности, к ее своеобразию, к ее нуждам, показывает более чем семидесятилетняя история советизма в нашей стране. Навязанный народу ценою его геноцида марксизм-ленинизм (это западноиудейское, талмудистское учение, всегда рассматривавшее Россию в качестве хвороста в разжигании мировой революции, мирового коммунизма) довел страну до невиданного разорения и деградации. И вот — новые «западники», «архитекторы перестройки», которая многозначительно и весьма зловеще названа официально революцией.

Кто же они, эти нынешние революционные «россияне», новоявленные радетели России? Да те же самые — из партократов и космополитов, из идеологических прихлебателей «развитого социализма», для которых еще вчера слово «Россия» означало шовинизм и «темное царство». Ныне же они похваляются публично тем, что крещеные, на телеэкране вышагивают в крестном ходе со свечами в руках, поучают, что без прошлого не может быть будущего, что надо возрождать традиции, культуру, порушенную в советское время, и т. д. Произошла фантастическая подмена, подлог. То, за что боролись в последние десятилетия люди русского патриотического направления, «демократы» ловко перехватили, присвоили и теперь выдают уже за свое.

В частности, и то, за что боролся журнал «Молодая гвардия», подвергнутый политическому остракизму за «внеклассовость» в декабре 1970 года на секретариате ЦК КПСС по записке тогда еще цековского аппаратчика А. Яковлева, действовавшего пещерной классовой дубинкой, а ныне указующего всечеловеческие пути в качестве руководителя советников Президента СССР.

Недавно «Советская Россия» издала книгу «Очаги и алтари», куда вошли статьи русских публицистов, написанные в последние тридцать лет. Почитайте их, и вы увидите, как развивалась русская идея в борьбе с теми, кто сегодня именует себя «Демократической Россией». Конечно же, ненависть их, в лучшем случае, равнодушие к России — прежнее, но сейчас можно извлечь политический капитал из «суверенитета» России, и «демократы» впились в нее. Как и у «ленинской гвардии», после Октябрьского переворота, захваченной ими власти, у нынешних «западников-демократов» такие же антинациональные, антирусские цели. Правда, в отличие от своих предшественников, считавших за политическое преступление само упоминание России, теперешние необольшевики-«демократы», рассчитывая на доверчивое население, выступают от имени России за ее «суверенитет» (хотя как черта чураются слова «русский» — со скрипом выговаривается у них только «россиянин»). Но это такая же потеха, как название их газеты «Демократическая Россия», среди множества членов редколлегии которой нет ни одного русского. Такой же фарс, как «телевидение России», со слишком очевидным русофобским хохмачеством; суверенитет же означает не что иное, как расчленение России на сорок-пятьдесят государств, о чем объявил Г. Попов в своей брошюре «Что делать» и о чем голосят другие молодчики из той же компании. И, конечно же, их «плюрализм» до поры до времени: с полнотой власти кончится их игра с «общечеловеческими ценностями», и не поздоровится от них, как и в большевистское время, ни религии, ни «свободе личности».

В свое время в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, 1968) была опубликована моя статья «Просвещенное мещанство», где речь шла об опасности американизма для народов, о том, что «рано или поздно смертельно столкнутся между собою две непримиримые силы: американизм духа и нравственная самобытность». Это время настало для нашей страны, и что самое страшное — американская экспансия идет под восторженный вой советского «общественного мнения» в лице правителей и космополитической прессы. Патологическое поклонение американскому «образу жизни» сочетается со столь же патологической ненавистью к России, к ее истории, ко всему русскому. Знаменем нового западничества стала идея «мирового правительства», которую пропагандировал «праведник» А. Сахаров. Это не что иное, как уничтожение национальной независимости, самобытности народов, превращение их в безликое стадо, безропотно подчиняющееся мировому владычеству «избранных». Это истребление наших национальных тысячелетних ценностей, нашей исторической памяти. Такого западничества Россия еще не знала, противостоять этому завоеванию могло бы только «русское направление», и потому такую бешеную злобу вызывает оно у наших американизированных демократов.

* * *

Мы отвлеклись от личности С. Т. Аксакова в своем разговоре о западничестве и славянофильстве, об их нынешнем «соотношении» (увы, не в пользу последнего). Но это кажущееся отвлечение. Дом Аксаковых был живой частицей России, где не остывали разговоры о животрепещущем в русской жизни. Можно представить себе, как глубоко переживал бы Сергей Тимофеевич, вся его семья, глядя на то, что происходит сейчас в нашей стране. Так волновались они, когда началась Крымская война и над Россией нависла угроза военного поражения от европейских держав.

Все, что было талантливого, яркого в русской литературе, театральном искусстве, в общественной жизни, находило отзвуки в аксаковском доме. Кто только здесь не бывал! Прежде всего, это кумир Сергея Тимофеевича и всей семьи — Гоголь, с которым Аксаков был в дружеских отношениях более четверти века, вплоть до смерти Николая Васильевича в 1852 году. В свои приезды из Италии в Россию Гоголь навещал старшего друга, гостил у него в Абрамцеве, подмосковной усадьбе, ставшей пристанищем для одинокого гениального странника. Под влиянием Гоголя в Аксакове совершился переворот во взгляде на искусство, как на откровение самой действительности. По совету Гоголя (упивавшегося его рассказами о заволжской природе и тамошней жизни) Аксаков приступил к написанию истории своей жизни, к автобиографическим книгам. В свою очередь, сама «русская атмосфера» (выражение Сергея Тимофеевича) аксаковского дома, пылкая искренность патриотических убеждений Константина Сергеевича отозвались многозначащим для Гоголя его признанием о «чувстве любви к России» в письме к старшему другу.

Своими людьми в аксаковской семье были и Михаил Петрович Погодин, историк, редактор-издатель журнала «Москвитянин», и Степан Петрович Шевырев, профессор Московского университета, открывший своими лекциями москвичам невиданные богатства древнерусской словесности. Обоим доставалось от западников за «официальную народность», за их приверженность к православию. Часто бывали здесь Иван Васильевич Киреевский и Алексей Степанович Хомяков, основатели славянофильства. Киреевский жил поглощавшей его всего идеей цельности, неразрывности убеждения и образа жизни. Еще в молодости он поставил своей целью «чистоту жизни возвысить над чистотою слога». И этому следовали все его друзья — брат Петр Васильевич (знаменитый собиратель русского народного творчества), Хомяков, Константин и Иван Аксаковы, Юрий Самарин и другие. Иван Киреевский знал, что значит для людей нравственная цельность личности, какой собирательной силой она может стать в кризисное для общества, для народа время. И Сергею Тимофеевичу было родственно понимание жизни человека в единстве, нераздельности мысли и поведения. В самой его семье была такая цельность, а впоследствии это станет в его книгах основой той удивительной истинности повествования, которая властно действует на читателя — не только эстетически, но и нравственно.

Обладавший многими дарованиями, глубоко образованный че-

ловек, знавший многие европейские языки (как, впрочем, и другие славянофилы), Алексей Степанович Хомяков в понимании всех существенных исторических вопросов, современной жизни исходил из религиозной идеи, из соборности церкви. Он оказал решающее влияние на молодого Константина Аксакова, поколебав его фанатичное благоговение перед Гегелем как всеобъемлющим началом познания всего и вся, открыв ему живой источник национального познания — русской истории, ее духовно-культурных и бытовых особенностей. Смерть жены в молодом возрасте, оставившей на его руках семерых детей, перевернула его жизнь. В доме Аксаковых он отдыхал душою, засиживался допоздна.

Гостем Абрамцева бывал и Иван Сергеевич Тургенев. С Сергеем Тимофеевичем, мягким, снисходительным, к тому же еще, как и он сам, охотником, у него установились добрые отношения. Но много было споров у гостя с прямым, откровенным Константином Аксаковым, которому хотелось «неисправимого западника» (как называл себя Тургенев) обратить в свою славянофильскую веру. Знакомство с Аксаковыми оставило свой след в памяти, в художественном сознании Тургенева, в его романе «Дворянское гнездо» с идеей народности, как главной силы, определяющей и судьбу человека. (В образе героини романа Лизы с ее самопожертвованием явно отразился образ старшей дочери Сергея Тимофеевича Веры, с ее духовным идеалом и отношением к жизни, как к «трудному подвигу».)

Сергея Тимофеевича посещали Салтыков-Щедрин (который был поклонником «Семейной хроники», «Детских годов Багрова-внука» и один из циклов своих «Губернских очерков» посвятил ему, Аксакову), Тютчев (дочь которого станет женой Ивана Аксакова), Толстой (признавший в конце жизни большое влияние на его «духовное направление» старика Аксакова и его сыновей), Шевченко (называвший встречу с Аксаковым «радостнейшим из радостных дней»), выдающиеся деятели искусства, науки, общественной мысли. Всех их влекло к личности вроде бы сугубо «частной», «домашней», чуждой всяких учительских, наставнических претензий, но именно в благородстве этого человека, в мудрости его сердца, нравственном его авторитете и была притягательность для людей.

* * *

В двух своих главных книгах Сергей Тимофеевич воспроизвел семейное предание, историю трех поколений рода Аксаковых (фамилия Аксаков в повествовании заменена вымышленной — Багров). В «Семейной хронике» выведены первое и второе поколения семьи Багровых — дедушка и родители маленького Сережи, а детству Сережи, продолжающего род Багровых в третьем поколении, посвящены «Детские годы Багрова-внука». Старик Степан Михайлович Багров, при всех своих противоречиях, личность цельная в своей нравственной основе. На этой несокрушимой основе зиждется мудрость его житейских правил. Он тверд в слове, «его обещание было крепче и святее всяких духовных и гражданских актов». Багров из людей практического склада, деятельных, способных на большие предпринимательские дела, но это не голое делячество, не знающее ради выго-

ды никаких моральных препятствий. Практические качества в Багрове уравновешены нравственными, его честностью, ревностной преданностью правде. Образ старика Багрова достигает поистине эпической силы и выразительности.

Отец Сережи — Тимофей Степанович любил деревенскую жизнь, природу, страстно увлекался охотой, рыбалкой, и все это передалось сыну. Но особая роль в жизни ребенка принадлежала матери, Марии Николаевне. «Постоянное присутствие матери сливается с каждым моим воспоминанием, — говорит автор в самом же начале своих «Детских годов Багрова-внука». — Ее образ неразрывно соединяется с моим существованием». Все повествование освещено образом матери, бесконечно родной, любящей, готовой на любой подвиг ради своего Сереженьки. В литературе обычно поэтизируется любовь до семейной жизни. С началом ее как бы опускается занавес романтической истории и начинается проза быта. Ни у кого, пожалуй, из русских писателей семейная жизнь не раскрывается с такой поэтической содержательностью, как у С. Т. Аксакова в его «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» в особенности. Столько в материнской любви богатства чувств, столько душевной «занятости»... Все это делает жизнь женщины глубоко осмысленной, дает ей огромное нравственное удовлетворение. Горячая любовь матери и страстная привязанность дитяти к ней составляет нераздельное целое.

Семейное чувство, как бы разветвляясь, входит в душу мальчика, пронизывает все его существо, дает ему ощущение полноты и уверенности существования. Ему радостно знать, что он из того же рода, что его отец и дедушка. «Я один был с отцом; меня также обнимали и целовали, и я чувствовал какую-то гордость, что я внук моего дедушки. Я уже не дивился тому, что моего отца и меня все крестьяне так любят; я убедился, что это непременно так быть должно: мой отец — сын, а я — внук Степана Михайловича».

Хорошо сказал о книгах С. Т. Аксакова Андрей Платонов, увидевший их «бессмертную сущность» «в отношении ребенка к своим родителям и к своей родине». По его словам, «книги Аксакова воспитывают в читателях патриотизм и обнаруживают первоисточник патриотизма — семью», ибо «этому чувству Родины и любви к ней, патриотизму, человек первоначально обучается через ощущение матери и отца, то есть в семье». И сама любовь Аксакова к природе «является лишь продолжением, развитием, распространением тех чувств, которые зародились в нем, когда он в младенчестве прильнул к своей матери, и тех представлений, когда отец впервые взял с собою своего сына на рыбную ловлю и на ружейную охоту и показал ему большой светлый мир, где ему придется затем долго существовать. И ребенок принимает этот мир с доверием и нежностью, потому что он введен в него рукой отца».

Глубоко уважавший своих предков, гордившийся своей древней родословной, Пушкин писал: «Дикость, подлость, невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим». Без преданий — семейных ли, шире — народных — нет и не может быть исторической жизни. И величайшей трагедией русского народа стало то, что после Октябрьского переворота 1917 года его исторические, нравственные предания были рас-

топтаны, подвергнуты беспощадному искоренению. Тысячелетняя христианская мораль, вера наших предков была насильственно подменена атеистической, марксистской идеологией. Заветы о любви огнем и мечом выжжены талмудистской религией классовой ненависти, разделившей не только народы, но и семьи. Не оказалась в стороне от этого и семья Аксаковых. Так, автор книги о С. Т. Аксакове С. Машинский, спачала клеймивший старика Аксакова за его якобы лицемерие по отношению к Гоголю («крокодильи слезы» на его могиле), в новых условиях «перестроился» и направил классовую бдительность во внутрь семьи Аксаковых, стал защищать гуманиста Сергея Тимофеевича от тлетворного влияния его сыновей-славянофилов.

Помню, давным-давно, перед войной, в нашей мещерской деревне Малое-Дарвино, под Спас-Клепиками, председатель сельского совета Софья Доброва (знаменитая своим бойким демагогическим выступлением на Первом съезде колхозников) пела под пляску: «Сами, сами комиссары, сами председатели. Никого мы не боимся, ни отца, ни матери».

Вот такая духовная безотцовщина и внедрялась в сознание молодых поколений, чтобы их легче было оболванить, сделать из них послушное быдло. Итогом стало то, что великий народ, наследник великой культуры, обогатившей мир, стал без своих исторических преданий беспомощным перед террором некоторых русскоязычных «интеллигентов», унижающих русских «оккупантов», «завоевателей».

После Октябрьского переворота символом нового мира стал памятник Иуде, поставленный «интернационалистами» в Свияжске. Это иудино клеймо горит на лбу у их нынешних наследников. Они — иуды даже и в собственной своей коммунистической партии, на вершине которой десятилетиями узурпаторствовали, а ныне с «перестройкой» предали ее и кинулись за сребрениками в Америку, на Запад: такого история еще не знала. В ГДР, в Чехословакии, в других бывших «соцстранах», кто-то из бывших лидеров застрелился, для кого-то «крушение идеала» стало трагедией, а наши «интернационалисты» как ни в чем не бывало чохом перекрасились из ревнителей «классовых интересов» в поборников «общечеловеческих ценностей» (хотя, в сущности, это те же «интернационалисты»). Только ложь семидесятилетней советской истории могла подготовить такой политический «феномен». Сила традиционных русских преданий — в религиозных, нравственных ценностях, ими и определялось всегда общественное мнение. Ныне же «общественное мнение» фабрикуется космополитической прессой, чуждой, враждебной всему русскому, оно фальсифицируется подлогами «опроса» населения и подтасованных «выборов». Фабрикация «общественного мнения» направлена на то, чтобы закрепить самое дурное, низменное, разрушительное в человеке. В какой-нибудь безнравственной молодежной газете, вроде «Комсомольской правды», публикуется «опрос» «пэтэушников», которые своим идеалом называют «интердевочек».

Россия переживает сегодня, может быть, самый катастрофический период своей истории. Спасти Россию может только духовное здоровье народа, а оно немыслимо без верности историческим заветам. Глубже понять это нам помогают книги Сергея Тимофеевича Аксакова.

Аполлон КУЗЬМИН,
доктор исторических наук

ПРОПЕЛЛЕР ПАССИОНАРНОСТИ*, ИЛИ ТЕОРИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ ИСТОРИИ

В сентябре 1990 года в Самаре проходила конференция на тему «Русская нация и современные межнациональные отношения». Как и обычно, о русской нации почти не говорилось (национальными отношениями у нас традиционно занимались представители малых народов), зато достаточно широко были представлены требования и пожелания многих других народов, прежде всего поволжских. Например, несколькими культурно-национальными обществами были представлены татары.

Национальное самосознание всегда строилось на тех или иных исторических фактах, воспоминаниях и апеллировало к ним. В данном случае с кафедры и в кулуарах довольно возбужденно говорилось о необходимости «запрещения» упоминания о татаро-монгольском нашествии и ордынском иге, поскольку-де знаменитый и выдающийся историк современности Л. Н. Гумилев «убедительно» доказал, что ни того, ни другого вообще не было. Получалось, что народ на протяжении ряда столетий несправедливо обижали и теперь эта несправедливость прорывается вполне оправданной русофобией.

Забегая вперед, скажем, что точка отсчета выступавшими взята ложная: татары поволжские — потомки не татаро-монголов XIII века, а волжских булгар, подвергшихся в XIII веке такому же страшному разорению, как Русь, половцы, аланы и многие другие народы. Для самих монголов нашествие в итоге оказалось также бедствием, в результате чего численность монголов сейчас меньшая, чем семь веков назад. Главное же — надо ли переписывать учебники? Об этом и поговорим.

Концепция Л. Н. Гумилева в основном была сформулирована еще более двух десятилетий назад и тогда же была отвергнута серьезной наукой как экстравагантная, умозрительная, не опирающаяся на факты. Роман В. Чивилихина «Память» достаточно широко распространил эти выводы науки, кстати, глубоко проработанные и самим писателем, поставившим и вопрос о политической тенденции гумилевской конструкции. Но ныне все возвращается на круги своя, хотя никаких новых данных не появилось. Что же происходит?

Историки, наверное, дадут иное определение нынешней эпохе, названной бессодержательным термином «перестройка». Разрушение идеалов, разрушение общества, государства, самого человека неизбежно порождает так или иначе болезненные и

---

* «Пассионарность» — термин, придуманный Л. Н. Гумилевым, для объяснения процессов этнического развития, положенный в основу его «теории этногенеза».

ущербные концепции и представления-заменители. Наука сейчас не может быть авторитетной: экономисты, многократно перестроившиеся, привели к разрухе экономику, историки (часто одни и те же) готовы заново переписать историю, превратив черное в белое, а белое в черное (пока превалируют два этих цвета). Озлобленный пустыми прилавками и астрономическими ценами, обыватель бездумно заглатывает подбрасываемую ему наживку, собственными руками добивая то, что еще позволяло сохранять какую-то устойчивость. Не только некомпетентные правители, но и само общество взялось с остервенением рубить сук, на котором сидит. Сейчас мало кто способен слышать и слушать. Мало кого интересует истина. Нарастание беззакония (деликатно именуемое «войной законов») — лишь одно из проявлений бегства от истины с ее обязательным требованием дисциплины и самодисциплины. Но мало кто и способен признаться, что истина его не интересует. Поэтому напоминать существенные факты, без которых невозможно реально оценивать действительность, необходимо, даже если пока большинство их не воспринимает.

За последние годы Л. Н. Гумилев, наверное, самый нечатаемый историк в нашей стране, едва ли не превзошедший даже Роя Медведева: книги, статьи, многочисленные интервью в газетах и журналах. Выступления его варьируются, иногда даже весьма существенно. Но основная направленность сохраняется. Это — общая приближенность к «школе евразийцев», оригинальная концепция этногенеза, взгляд на Лес со стороны Степи, отрицание факта татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига и стремление доказать плодотворный, даже спасительный характер монгольского господства для самой Руси. В № 1 «Нашего современника» за 1991 год все это представлено в достаточно концентрированном виде. Поскольку же это последняя публикация, то от нее и целесообразно пойти. К тому же не следует забывать, что именно в «Нашем современнике» публиковалась в свое время «Память» В. Чивилихина и было еще несколько публикаций подобного же направления.

«Наш современник» опубликовал интервью с Л. Гумилевым, как бы открывая объявленную в прошлом году рубрику «Летопись России: история в лицах». Л. Гумилев назван здесь «наиболее ярким, интересным историком нашего времени», представителем «единственной серьезной исторической школы в России». Таковой признается «евразийство», и интервью называется: «Меня называют евразийцем...» Сам Л. Гумилев от такой аттестации не отказывается. Но он пошел дальше: евразийцы, по его словам, не знали «главного в теории этногенеза — понятия пассионарности».

Разговор о «мощной исторической школе» евразийцев — явный перебор. Среди евразийцев почти не было профессиональных историков, а поздний Г. В. Вернадский во многом отказался от ранних «евразийских» увлечений. Н. С. Трубецкой — не историк, а лингвист. Большинство «евразийцев» были попросту дилетантами в истории, и «школа» эта интересна не как научное, а как культурно-психологическое явление (реакция части русской эмиграции на не слишком радушный прием со стороны Европы). И в данном случае важны не столько «научные» истоки концепции Л. Гумилева, сколько понимание той среды, в

которой эта концепция культивируется. Поэтому напомним лишь в самых общих чертах воззрения «евразийцев».

Исходный тезис «евразийцев» — несовместимость Запада и Востока, причем важнейшим звеном Востока принимается Монгольская империя, которая возвышается над всеми, в том числе и над Русью. В вопросе о роли татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига «евразийцы» опирались на украинскую националистическую историографию (в частности, М. С. Грушевского), имевшую преимущественно антирусскую направленность. Украинские историки спорили прежде всего с концепцией М. П. Погодина, который полагал, что в домонгольской Руси Киев, Новгород, Владимир имели одно и то же древнерусское население, с одним и тем же языком, которое было сметено нашествием. Позднее же в Поднепровье пришло иное население из Прикарпатья. По существу, этот вопрос здесь разбирать не будем. Но отрицание значения нашествия украинскими националистическими историками строилось на желании доказать, что Поднепровье издревле было родиной не древнерусской, а украинской народности.

Другим источником «евразийства» являлась русская философская мысль XIX столетия, в рамках которой выделялось византийское православие, причем не в национальных, а наднациональных ее вариантах (вроде исихазма*). Психологический дискомфорт, испытываемый эмигрантами в Европе, побуждал искать объяснение в существовании наднационального социально-психологического типа на Востоке, куда на вторых ролях включалось и славянство.

Следует отметить, что различия в психологии коренных западноевропейцев и выходцев из России — факт бесспорный и достаточно очевидный. Вопрос лишь в его объяснении, и оно не так уж сложно. Суть в характере общежития. У большинства западноевропейских народов община изначально была кровнородственной, и исчезла она уже в раннем феодализме. Для славян же характерна территориальная община, сохранявшаяся вплоть до XX столетия и с огромной силой воздействующая на национальный характер. Именно территориальная община сделала возможным и даже обязательным такой феномен: дойдя до Тихого океана, славяне не уничтожили ни одного народа, а ассимиляция многих племен проходила совершенно естественно и довольно быстро. Но Монгольская империя здесь совершенно ни при чем.

Истоки концепции этногенеза Л. Гумилева лежат в построениях русских философов прошлого столетия, прежде всего Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. Данилевский выдвинул саму идею саморазвития народов от рождения до смерти. Леонтьев указал и срок этого естественно-биологического процесса: 1000—12000 лет. О. Шпенглер и А. Тойнби, почитаемые евразийцами, во многом следовали идеям названных русских философов. Л. Гумилев воспринял также некоторые идеи Вернадского и А. Л. Чижевского, абсолютизировав факт зависимости человеческого организма от воздействий космической среды. Сам он, как видно из процитированного выше, считает своим

* Исихазм (от греческого «молчание») — мистическое течение в византийском православии XIV века космополитической направленности.

открытием введение понятия «пассионарности». В разных публикациях он определяет его неодинаково. Но основной смысл — неосознанное и непреоборимое стремление действовать (неважно, разрушать или строить), которое овладевает отдельными лицами и целыми народами и не подлежит каким-то нравственным оценкам *. В целом этногенез, по Л. Гумилеву, чисто природный, а не социальный процесс.

Во время беседы в «открытом эфире» 14 апреля от радиослушателя последовал довольно неожиданный вопрос об отношении к оккультизму, оккультным наукам. Этот вопрос показался странным применительно к гумилевской концепции истории, но он как раз и проясняет причины успеха ее у интеллигенции, особенно технической: концепция воспринимается как вариант довольно модных ныне оккультных наук. А это значит, что проверять ее «на зуб» не обязательно: надо просто верить. И верят, хотя автору концепции не удалось найти ни одного бесспорного примера, ее подтверждающего, хотя он едва ли не в каждой новой публикации приводит новые версии, швыряясь вроде бы фактами из истории разных стран и континентов. В свое время под пером автора появилась идея о зарождении славянства во II веке нашей эры. Дата эта потребовалась для того, чтобы «похоронить» славян в XIV веке и дать начало новому этносу русских. Антиисторичность концепции очевидна и для непосвященных: возрождение XIV—XV веков шло не за счет отрицания предшествующей истории, а как раз наоборот, за счет подчеркивания ее преемственности, по крайней мере с IX века. В основе летописания Северо-Восточной Руси непременно лежала «Повесть временных лет», повествующая о происхождении славян и Руси. Что касается времени зарождения славян, то отвечать надо на вопрос, где и когда зародился славянский язык и возникли те специфические формы общежития, которые многие столетия сохранялись у разделенных и отдаленных друг от друга славянских народов. Специалисты спорят. Называют II или I тысячелетие до нашей эры, указывают возможные археологические культуры. Ко II веку нельзя отнести ни одной новой культуры, которую можно было бы связать с славянами. Об этом говорили и писали.

В последней публикации Л. Гумилев вновь настаивает на удобной для него дате: ссылаясь на М. И. Артамонова: «Именно к этому времени (I—II вв.), как доказал еще мой покойный учитель, профессор Артамонов, появились первые археологические памятники, которые можно отнести к славянам». Автор правильно делает, что не уточняет, какие именно памятники. Потому что

* Научная глубина понятия, введенного современным «евразийцем», может быть проиллюстрирована определением, данным им в журнале «Дружба народов» (1989, № 11, с. 196): «Это пропеллер, который крутится на том месте, на котором мы сидим». Заводится этот «пропеллер» из космоса (сейчас идут интенсивные поиски, где находится эта небесная Шамбала), причем «пассионарные толчки» и «взрывы» строго дозируются и безошибочно направляются. На один и тот же народ они могут снизойти лишь один раз в 1200 лет, причем на равнинные народы могут и вовсе не спуститься, и они вынуждены ждать, когда их кто-то оплодотворит извне. Сообщенный народу или его части пассионарный заряд передается затем половым путем. Славянам, похоже, «пропеллер» заводили только на земле приходившие пассионарии, то есть поработители.

еще в 1940 году (М. И. Артамонов был тогда директором Института истории материальной культуры и задавал направления исследований и в этом направлении тоже, будучи специалистом по степи, Хазарии) профессор сделал доклад, надолго определивший пути поиска истоков славянства. Он говорил, в частности: «Уже один тот факт, что праславянские племена, находясь длительное время под властью германцев и гуннов, не огерманились и не огуннились, достаточно убедительно свидетельствует о том, что их этнические особенности сложились задолго до этих завоеваний. Сейчас еще невозможно ответить с полной убедительностью, когда именно, но ясно, что очень давно, в рамках археологической периодизации не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, даже еще в конце неолита» («Краткие сообщения... ИИМК». VI, М. — Л., 1940, с. 7). Соображение в чисто историко-логическом плане совершенно бесспорное.

Во всех выступлениях Л. Гумилева можно прочесть самую резкую оценку «невежественных интеллигентов, не выучившихся ни истории, ни географии» (это о профессиональных историках). «В науке, — поясняет он, — считается правильным только «эмпирическое обобщение, то есть непротиворечивая версия, опирающаяся на все известные факты». Что же, можно согласиться. Историк, не владеющий фактами, конечно, не историк. Ссылка на Артамонова, как можно видеть, оказывается неверной. Хотя М. И. Артамонов в последние годы жизни и воевал со «славянофилами» в археологии (доказывая германскую принадлежность черняховской (бывшей на территории Украины) культуры II—IV веков), все же вывода, сделанного Л. Гумилевым, из его построений не следует. Более того, Артамонов решительно отверг и предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза, в особенности как раз идею «пассионарности», не без оснований увидев в ней попытку оправдания неравенства и притязаний на преимущества отдельных народов. Но сейчас речь о другом: именно о фактической точности отсылок.

По Гумилеву, «взрыв пассионарности, который вызвал к жизни Древнюю Русь, произошел в I веке нашей эры от Южной Швеции (движение готов) к устью Вислы и к Карпатам, где жили тогда предки славян; затем он прошел через территорию современной Румынии — Дакии: даки были сожжены этой пассионарностью, потому что бросились воевать с могучей Римской империей, в результате этой войны они, по существу, были все истреблены. Далее этот взрыв прошел через Малую Азию и Палестину, где возникло православное церковное христианство, позднее оформившееся в Византийскую империю. Далее этот толчок прослеживается в Абиссинии».

Прежде всего — фактические уточнения. Вопрос о том, были или не были готы в Скандинавии, остается спорным. Оксывская культура Нижнего Повисленья на рубеже нашей эры теснее связана с западными областями, нежели со Скандинавией или островом Готландом. Но для данной темы это несущественно. Важнее другое. Со II века до н. э. начинается движение части населения с побережья Северного моря на юг и юго-восток, и связано это было отчасти с резким опусканием суши у морского побережья. Некоторые из этих племен достигают ко II веку и причерноморских степей, где на базе местных и пришлых племен складывается черняховская культура. Готы из Повис-

ленья продвигаются сюда в начале III века и усваивают местную культуру. Ни в Малую Азию, ни тем более в Палестину готы и в III веке не проникают. Всю вторую половину III столетия в Дакии и Подунавье идут кровопролитные бои между варварами (в основном германцами) и римским войском, закончившиеся поражением варваров. Огромное количество их было истреблено, погибло от голода и чумы, обращено в рабство. В опустошенных районах Подунавья появляются и готы-колоны — посаженные на землю рабы. Отдельные племена и роды варваров ищут возможности перейти на службу к Империи и получают за службу места для поселений вдоль ее границ.

Рассказывать историю гóтов и других «скифских» племен в данном случае не имеет смысла. Ясно, что ничего она для концепции Л. Гумилева не дает. И дело не только в ошибке на два столетия, не позволившей готам породить христианство в Палестине и Малой Азии. Неясно, как вообще могли готы породить славян, а заодно и христиан. Ведь, как это неоднократно разъяснял Л. Гумилев, «пассионарность» передается половым путем. Предположим, что готы встретили на пути какие-то племена, оплодотворили их. А откуда славянская речь «у зарядившихся» пассионарностью? А ведь, по Л. Гумилеву, «этот-то славянский (а вернее, славяно-готский) этногенез и породил позднее древнюю Киевскую Русь». Говорить же о христианстве тем более не приходится: готы принимают христианство лишь в IV веке.

Так обстоит дело со славянским этногенезом. «К XIV—XV векам славянского единства уже не существовало», — пишет Л. Гумилев. Так ведь его не существовало и за тысячу лет до этого. Мы вообще не знаем такого периода, когда славяне составляли бы единую — не государственность, а культурную общность, ту общность, в рамках которой мог возникнуть единый язык, единые верования и формы общежития. Первые упоминания дают нам разрозненные и разбросанные на обширных территориях славянские племена. Удивляет как раз то, что, будучи разрозненными, они до сих пор сохраняют столько общего, и не только в языке.

В многочисленных публикациях Л. Гумилева обычно говорится о «взрыве пассионарности» в XII веке у монголов и «излете», угасании ее в это время у славян, что проявилось, в частности, в феодальной раздробленности. Правда, такая же раздробленность была и у французов, и у немцев, у которых «пассионарный взрыв» произошел, по Л. Гумилеву, незадолго до этого в IX веке. Но там это «излетом» не оказалось. По логике концепции, монголы, как ранее готы, должны были привнести свою пассионарность обессиленным славянам. Но автор отрицает факт нашествия и самого ига, а потому приходится изыскивать внутренние ресурсы. «Новая русская этническая целостность, — говорит автор в последней публикации, — результат толчка XIII века, который прошел несколько восточнее предыдущего толчка I века. Он прослеживается от Финляндии через Белоруссию (между Вильно и Москвой), через Малую Азию, которая тогда уже была в руках турок (толчок породил там могучую Османскую империю) и до Абиссинии». «Точнее определить дату толчка и его географию, — скромничает автор, — мы не можем, но мы можем назвать первых пассионариев, которые

создали две великие державы — Литву и Россию: Александра Невского в России и князя Миндовга в Литве».

«Точнее» определить даты и можно и нужно. Так, турки-сельджуки большей частью Малой Азии овладели уже в XI столетии, едва не взяв и сам Константинополь. «Османская империя» же создается в XIV—XV веках (родоначальник династии Осман I правил в первой четверти XIV века). Неясно, какие события в связи с «толчком» произошли в Финляндии. От Белоруссии «толчок», видимо, надо сдвинуть на восток: Александр Невский родился в 1220 году (по Татищеву), очевидно, в Переславле Залесском, где княжил его отец Ярослав. Самая же большая загадка — откуда спустился «толчок» и почему он снизошел всего-навсего на две личности.

Междоусобицы на Руси к XIII веку свидетельствовали об утрате пассионарности. В Литве же XIII век — период «смут, непорядков, распрей, все более кровопролитных и жестоких — начало пассионарного подъема. Силы вновь возникших и обновленных этносов уходили на междоусобные войны». В конце концов судьбы двух княжеств оказались разными. «Дело в том, что в XIII веке из Монголии пришли войска Батыя».

О нашествии Батыя говорят все летописи: и владимиро-суздальские, и новгородские, и южные. Картину разорения они рисуют страшную. Археологические материалы полностью подтверждают достоверность описаний летописей. О том же говорят и иные источники, как восточные, так и западные. И весь этот огромный фонд источников Л. Гумилев попросту игнорирует. И как же быть с требованием (обязательным для учебного) «опираться на все известные факты»? А речь идет ведь о трагической судьбе целого народа, многих народов. Это даже не лжепаука... Но об этом позже.

Чем же заменяет реальные источники Л. Гумилев, выстраивая свою оригинальную концепцию «симбиоза» Руси и Орды? Почти исключительно домыслами. Отвергая данные всех источников о численности монгольского войска, он выстраивает «потолочный» ряд: всех монголов было 700 тысяч, их войско 130 тысяч, и им предстояло завоевать 90 миллионов китайцев, 20 миллионов иранцев, а также Восточную Европу. И вывод: «Поход в 1237—1240 годах — не более чем просто большой набег, причем целью этого набега было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть». «Монголы применили известный тактический прием далекого обхода — и совершили кавалерийский рейд через Рязанские, Владимирские княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после троекратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратился в руины. Затем монголы ушли на Запад».

Вот так: кавалерийский рейд, затянувшийся почти на четыре года (то есть на период, равный первой мировой и Великой Отечественной войнам). Не удивительно, что за четыре года монголы забыли о половцах и «ушли на Запад».

Пересказывать заново общеизвестные (хотя бы по учебникам) факты не имеет смысла. Тем, кто их забыл, можно вновь порекомендовать роман В. Чивилихина «Память», где рассказ о та-

таро-монгольском нашествии дан на самом хорошем профессиональном уровне. Напомним лишь самые важные факты, от которых надо идти и которые надо объяснять.

До нашествия Русь была одним из самых развитых в экономическом и культурном отношении государств Европы. Археологи насчитывают на ее территории до полутора тысяч городов. Более тысячи из них мы не знаем даже по именам, поскольку после нашествия они не восстанавливались. Средневековый город обычно сравнительно небольшое укрепленное поселение. Но на Руси были и города с населением в несколько десятков тысяч (в Европе таких городов практически не было за самым редким исключением). Киев, Новгород, Владимир имели население порядка 50 тысяч (в отношении Киева П. П. Толочко произвел подсчет почти подворный, с допуском в сторону преуменьшения, а никак не преувеличения). В конце XVII века городов будет в пять раз меньше и размеры их в большинстве случаев тоже меньшими, нежели за пять веков до этого. В конце XVII века население России составляло 11 миллионов человек. Очевидно, в начале XIII века оно было более многочисленным. Только на Киевщине, по подсчетам П. П. Толочко, проживало примерно полтора миллиона человек. Такое количество населения здесь восстановится лишь в XIX веке.

Это и есть основные факты, от которых надо идти, осмысливая происшедшее. Остальное — детали, в ряду которых находится и действие самого механизма разрушения. Л. Гумилев заметил уничтожение лишь одного города: Козельска (где, кстати, татары потеряли 4 тысячи человек). Другие (больше тысячи) не попали в его поле зрения. Козельск же, по Гумилеву, просто нельзя было не уничтожить: благородные татары таким образом воспитывали вероломных русских.

Тема противопоставления благородных монголов русским дикарям вообще одна из основных, пронизывающих все бесчисленные публикации и выступления Л. Гумилева. Неоднократно поднимается этот вопрос и в последней беседе, о чем еще будет сказано. Пока же напомним, в чем заключается, по Гумилеву, та особая нравственность, побуждавшая монголов завоевывать и уничтожать безнравственные народы.

Монгольская держава возникла в результате длительных междуусобных войн, в ходе которых разные роды стремились уничтожить или подчинить соседей. В итоге сложилась иерархия родов с жесточайшей дисциплиной и борьбой за место в иерархии главным образом путем заговоров, частичных переворотов и убийств. Борьба с самого начала велась за пастбища, стада, иное имущество, и, естественно, обратилась на немонгольских соседей, которым в лучшем случае предназначалась роль низшего звена иерархии. Монгольские сказания передают своеобразный жизненный идеал Чингисхана: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить служителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен». Коварство служило важным оружием во внутренних смутах и тем более в войнах с другими народами. Ни одна мировая империя древности не имела такой «разведки» (те самые «послы», о которых постоянно печется Л. Гумилев). Подкуп, опора на измен-

ников и перебежчиков — также оружие, созданное во внутренних войнах и постоянно оттачиваемое в завоевательных походах. Почти стомиллионный Китай был завоеван с помощью продажных чиновников — каковых немало в любой деспотической системе. Многолюдные и хорошо укрепленные среднеазиатские города были взяты с помощью китайской осадной техники, многими тысячами использованной при осаде городов вместе с китайским обслуживающим персоналом.

Сообщения о монгольских походах самых разных источников единообразны. Арабский историк, современник Чингисхана Ибн-ал-Асир (ум. 1233), говорит о нашествии, как несчастии для всех народов, равного которому история не знала: «Летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое Израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в каждом городе жителей, которых они избили, было больше чем всех Израильтян... Ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей» (Тизенгаузен В. В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. Спб., 1884, с. 2). Еще один современник, армянский историк Киракос Гандзакецн (1201—1272), предполагая, что многие будут рассказывать о трагических событиях, заверяет, что «все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать».

Все шло по одному сценарию: городу предлагают сдаться, признав власть монголов. А как они поведут себя дальше — зависело от их намерений: оставят ли они город для систематической эксплуатации или предпочтут разграбить. И в Средней Азии, и на Руси результат, как правило, был один и тот же: город разрушали и грабили, жителей «до сущих млеко» избивали, угоняя в рабство ремесленников и молодых женщин и используя молодежь мужского пола на осадных работах при взятии следующих городов.

Отрицая факт нашествия и страшного опустошения Руси, Л. Гумилев, естественно, должен отрицать и факт многолетнего золотоордынского ига. Оказывается, что дальнейшее произошло по инициативе Александра Невского, который «договорившись сначала с Батыем, потом подружившись с его сыном Сартаком, а затем и со следующим ханом — убийцей Батыя и Сартака — мусульманином Берке, добился выгодного союза с Золотой Ордой». Самого бедиягу Батыя, у которого и воинов-то было всего 4 тысячи (столько, сколько Батый потерял только под Козельском), спас Александр Невский, послав своему другу «свои дополнительные войска, состоящие из русских и аланов». А вскоре, когда немцы намеревались нанести решительный удар по Новгороду, «в Новгород явились боевые порядки татарских всадников», в результате чего (цитируется летопись) «немцы замиришася по всей воле новгородской, зело бояхуся и имени татарского».

«Дружба» русского князя и с жертвами, и с убийцей либо не

делает ему чести, либо не предполагает для него выбора. О какой «гражданской войне» говорит в данном случае Л. Гумилев — не ясно, тем более что скрытые и открытые усобицы, вроде упоминаемой автором (Берке — брат Батыя), шли постоянно. А вот «дополнительные войска» из аланов у Александра Невского, видимо, из того же источника, что и татарская конница на льду Чудского озера, о которой автор писал в одной из публикаций.

Нет никакого сомнения в том, что «дополнительные войска» татары требовали от русских князей постоянно, и есть основания считать, что таковые использовались уже в походах на запад в 1240—1241 годах, да и ранее. Русские князья, конечно, всегда стремились воспользоваться трениями в стане завоевателей. Но больше это удавалось татаро-монголам. Политика на разделение и противопоставление князей и епископских кафедр проводилась изначально и последовательно (этому посвящена добротная книга А. Н. Насонова «Монголы и Русь», вышедшая в 1940 году). И она была более эффективна хотя бы потому, что русские князья и епископы от татар решающим образом зависели, тогда как на усобицы в монгольских улусах они повлиять не могли. В 40—50-е годы Русь считалась зависимой и от Орды, и от далекой Монголии, причем последняя признавалась (в том числе Батыем) главной инстанцией. За утверждением прав на княжение русским князьям приходилось ездить и к Батыю, и в далекий Каракорум.

Батый, естественно, стремился не допустить объединения сил всех русских князей, противопоставляя Юго-Западную Русь Северо-Восточной. Уже в 1243 году, сразу после возвращения Батыя из похода на запад, к нему отправился отец Александра Невского Ярослав Всеволодович с изъявлением покорности, и Батый объявил его «старшим» в роде русских князей, передав ему, в частности, Киев, на который претендовали Даниил Галицкий и ориентировавшийся на галицкого князя Михаил Черниговский. В том же году сына Константина Ярослав отправил «к кановичам». Хотя в Монголии было междуцарствие (делами заправляла старшая жена Угедея), окончательное утверждение осуществлялось там.

После почина Ярослава русские князья потянулись в Орду и «к кановичам» за подтверждением своих прав на княжения. Возвратиться удавалось не всем. В 1246 году в ставке Батыя были убиты черниговские князья Михаил и Андрей Мстиславичи, а в ставке Великого хана отравлен Ярослав. Тогда же вдова Угедея Туракина направила вызов в Монголию Александру, обещая утвердить его в правах на отцовские земли. Но Александр не поехал и потому, что не без оснований опасался расправы, и потому, что это противоречило бы завещанию Ярослава и неизбежно вызвало бы противодействие других, старших князей. В 1247 году сначала Андрей, а затем Александр направились к Батыю, который отправил их «к кановичам». Вернулись они оттуда зимой 1249/50 года, когда Великим ханом был уже Менгухан. Ни в какой «гражданской войне» в правление Гаюка, следовательно, Александр вообще не мог участвовать.

Батый передал Владимирский стол Андрею, а Александру, княжившему в Новгороде, определил «Киев и всю Русскую землю» (то есть Киевщину, Поднепровье). «Русская земля» в это

время ничего не стоила. Когда в 1246 году Карпини проезжал здесь, направляясь в ставку Батыя, он видел «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле». От большого и многолюдного города оставалось «едва... 2000 домов», и людей здесь татары держали «в самом тяжелом рабстве». В Переславле и Чернигове закрылись епископские кафедры. Владимирский стол в этих условиях был предпочтительней. Батый явно сталкивал братьев. К тому же Андрею пришлось отстраиять дядю Святослава, занимавшего Владимирский стол по завещанию Ярослава.

Осенью 1250 года в Суздальскую землю приехал митрополит Кирилл. Помимо желания найти более спокойное пристанище, нежели разоренный Киев, он, по-видимому, имел и дипломатическое поручение. Вскоре он венчал князя Андрея с дочерью Даниила Романовича. Намечался союз двух важнейших земель. В 1252 году Андрей со своими боярами объявил об отказе «цесарем служити». Против князя была направлена «Неврюева рать». У Переславля князь был настигнут татарами, но сумел избежать пленения и бежал через Новгород, Псков, Колывань «в Свейскую землю». Татары «россунушася по земли», схватили и убили вдову Ярослава, пленили его детей «и людей без числа падоша, до конь и скота, и много зла створше Отъидоша». В этих условиях Александр поехал из Новгорода «в Татары», где на сей раз получил «старейшинство» и Владимирский стол.

«Неврюева рать» была наслана «другом» (и даже «братом») Александра «христианином» Сартаком. Другой «друг» — Берке — заставил Александра в 1257—1258 годах обеспечить проведение переписи населения с целью получения татарами систематической дани. В 1262 году в ряде городов Северо-Восточной Руси произошло восстание против перекупщиков дани. Поскольку насильники прибыли из далекой Монголии, а Берке готовился к войне с улусом Хулагу (монгольские владения в Иране), Русь избежала нового разорения. Но Александр был вызван в Орду к Берке, где «удержа и Берка, не пустя в Русь, и зимова в Татарех, и разболеся». Лишь осенью следующего года совершенно больным он был отпущен и не доехал до Владимира.

В ряде летописей прямо говорится о том, что «бе же тогда нужа велика от поганых и гоняхуть люди, веляхуть с собою воиньствовати». Не исключено, что речь шла о посылке русских людей даже и не против иранских монголов, а против Византии, которая в это время поддерживала Хулагу и против которой ордынцы совершали набеги. Согласиться на это князь не мог хотя бы потому, что вошел бы в конфликт со своим духовенством. Но и Берке, судя по всему, не склонен был сделать какие-то послабления.

Упоминание Л. Гумилевым о событиях 1269 года, когда немцы испугались «и имени татарского», опровергает его же версию о слабости и малочисленности Батыева улуса. Но дело и не только в этом. О каких татарах идет речь? Для обеспечения сбора дани и контроля над русскими землями татары размещали в ряде княжеств и городов отряды баскаков. По просьбе новгородцев владимирский князь Ярослав Ярославич собрал силы для отражения немецкой угрозы, «и великий баскак Володимерский Иаргаман и зять его Айдар со многими татары придоша». А на

следующий год князь просит помощи у татар против новгородцев, направив в Орду новгородца Ратибора. В 1273 году Иаргаман с Айдаром «и с многими татарами царевыми» (то есть пришедшими из Орды) «воеваша новгородцкие власти, и возвратишася со многим полоном в Володимерь».

Два года спустя «ходиша татарове и русстии князи па Литву, не успевше ничтоже, възвратишася назад. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее сътвориша, по волостем, по селам дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустять, ...и всюды и все дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погани, творяшеся на помощь пришедше, обретошася на пакость». Летописец добавляет: «Се же написах памяти деля и ползы ради».

Так выглядела «помощь» в действительности, и летописец предостерегает незадачливых правителей от приглашения подобных «помощников». Но у князей часто и не было возможности уклониться от «помощи»: баскаки и ханские «послы» и сами могли решить, когда и кому оказать «помощь».

Из сказанного, видимо, ясно, насколько обоснован пересмотр фактов и оценок, связанных с самой трагической страницей русской истории. И, естественно, возникает вопрос: а во имя чего факты заменяются домыслами? Думается, что ответ дан в изложении двух сюжетов: приезд во Владимир митрополита Петра и разрушение Москвы Тохтамышем.

По Гумилеву, в России князья — наследники уже разложившейся и уже загнивающей Древней Руси — были постепенно оттеснены от власти митрополитами. Митрополит Петр, который в 1300 году с Волыни якобы приглашен в Россию править в стольном городе Владимире, был, по мнению Гумилева, очень мягкий, добрый и образованный человек. Этим он, естественно, вызвал неудовольствие среди подчиненных, которые по старому русскому обычаю начали писать на него доносы великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Тот созвал специальный собор для того, чтобы выяснить, действительно ли берет взятки митрополит Петр... И паства сказала: «Да мы нашего владыку знаем. Никаких взяток он не берет. И вообще он очень скромно живет».

Неспециалисту может показаться, что сказанное чуть ли не цитирование источника. На самом деле — это очередная фантазия, сотканная из множества фактических ошибок. Утверждение об «оттеснении» князей митрополитами от власти опровергается здесь же приводимым фактом решения вопроса о митрополите па съезде князей и бояр.

Главное во всем придуманном пассаже Л. Гумилева — это, конечно, «естественная» реакция русских на мягкость и доброту митрополита Петра и их якобы «старый обычай» писать доносы. Между тем «доносы» — это не чья-либо национальная черта, а обычная реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие. Как раз в домонгольское время на Руси не было необходимости в писании «доносов»: можно было решить вопросы если не у судей, то на вече. С установлением ордынского ига такие возможности резко сужаются. И «учителями» новых способов решения вопросов становятся именно татаро-монголы.

Показательно, что у Л. Гумилева «безнравственные» русские противопоставлены Джанибеку, «доброму и справедливому человеку». Этот добряк и борец за справедливость убил сначала своего младшего брата, а затем и старшего — Великого хана. В свою очередь, его сын Бердибек «удави отца своего» «и уби братов своих 12». «Доносы» и «оговоры» здесь процветали всегда и не слишком дорого ценились.

Во многих публикациях Л. Гумилева Мамай — это «западник», враг Дмитрия Донского, Тохтамыш же — прямо-таки славянофил, друг и союзник московского князя. Стоит воспроизвести некоторые пассажи, «доказывающие» эти положения. Западник Мамай «договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско, отнюдь не татарское, а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергий Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допустить нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамая, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга».

Когда читаешь экспромты Л. Гумилева, невольно вспоминается относительно недавний анекдот: «Верно ли, что академик Амбарцумян выиграл по лотерее «Волгу»?» — «Верно. Но не академик Амбарцумян, а футболист Амбарцумян. И не «Волгу», а сто рублей. И не по лотерее, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл». Удивляет, как можно написать не такой уж малый текст, в котором нет ничего достоверного. И дело не в «концессиях» для агентов транснациональных корпораций генуэзцев, сочиненных на потребу дня нынешнего. Это-то, пожалуй, заметят и самые горячие приверженцы оккультных наук наших дней. Дело в оценке всей международной и внутренней ситуации.

Темник Мамай, будучи зятем Бердибека, пользовался большим влиянием и попытался удержать власть после смерти хана в 1361 году. В Орде началась «великая замятня», в результате которой она распалась на ряд враждующих улусов, возглавляемых чингизидами. Около 1362 года Мамай объявил «царем» Абдуллаха и отступил с «царицей» и «всей Ордой» на правый берег Волги. В Сарае же «царем» был провозглашен Амурат. Эти два главных соперника заявляли свои права на «русский улус». Именно это обстоятельство привело к борьбе за ярлык на великое княжение в Северо-Восточной Руси. При этом Мамай (и Абдуллах) поддерживали Москву, а Амурат — суздальско-нижегородских князей.

«Замятня» в Орде давала большие возможности для маневра и русским князьям, способствуя в целом их консолидации. Но, естественно, стараясь удержать за собой Москву и не допустить перехода ее на сторону Сарая, где перевороты следовали один за другим, Мамай делал все, чтобы поддержать и соперников Москвы — прежде всего Тверь, а также Литву. Борьбу Москвы против суздальско-нижегородских князей Мамай поддерживал, поскольку таким путем надеялся «отобрать» их у ханов Сарая. Но после того, как среди самих суздальско-нижегородских властителей наметился поворот в сторону сближения с Москвой, настроение Мамая меняется.

Наивысшего могущества Мамай достигает в начале 70-х годов,

когда власть его распространяется на Крым и на самый Сарай. «Русский улус» теперь снова превращается лишь в поставщика дани и вспомогательных отрядов. Отсюда попытка внести раскол в среду русских князей путем передачи ярлыка на великое княжение Михаилу Тверскому. Но в 1373 году в Орде происходит новая усобица, когда «мнози князи Ординскиа межи собою избиени быша, а татар бесчислено паде». Мамай вновь потерял Сарай, а враждебные ему силы в Степи оживились. Перед Москвой открылась возможность перехода в контрнаступление, и в 1374 году возникает своеобразный военный союз, включивший большинство княжеств Северо-Восточной Руси. С этого времени и начинается «размирье» Дмитрия Ивановича с Мамаем. Несмотря на определенные дипломатические успехи Мамая (отпадение от коалиции Твери, антимосковская политика Литвы, а также Константинополя через своего ставленника Киприана), татары потерпели ряд чувствительных поражений. После разгрома татарского войска на реке Воже в 1378 году полное освобождение от ига Орды стало реальной возможностью. Сознавая это, Мамай предпринял последнее усилие для усмирения Руси. Именно теперь он набирает большое число наемников в Крыму и на Кавказе. Но и это не спасает: на Куликовом поле войско Мамая было разгромлено.

Митрополит Алексей, безусловно, сыграл огромную роль в проведении гибкой политики Москвой в 50—60-е годы. Он последовательно использовал авторитет сана и структуру церкви для укрепления Москвы как идейно-политического центра земель Северо-Восточной Руси. И, конечно, никаких конфликтов на политической почве между митрополитом и игуменом Сергием не было, как не было и самой придуманной Л. Гумилевым проблемы. Не было и той чрезмерной политической активности, которую часто приписывают Сергию, игнорируя его ортодоксальность (инок должен воздействовать на мир личным примером). Дмитрий же Донской в 70-е годы — активнейший и тонкий политический и военный деятель, решившийся бросить вызов самому Константинополю, намереваясь самостоятельно поставить своего митрополита на место умершего зимой 1378 года Алексея.

«Союзник» и «друг» Тохтамыш появился на горизонте уже после разгрома Мамая русским войском. Он был возведен ханом в Сарае при поддержке и покровительстве Тимура Аксака и, конечно, воспользовался столь счастливо сложившимися обстоятельствами, дабы подчинить своей власти весь «улус Джучиев». Поход на Москву становится важнейшим звеном в мероприятиях по «наведению порядка».

В публикациях Л. Гумилева, как в романах со счастливым концом, обычно дело кончается тем, что возлюбленные наконец соединились. В данном случае ему все-таки пришлось отвечать на вопрос: почему «союзник... разорил Москву»? Вопрос этот неоднократно задавался создателю новой концепции, но он игнорировал его. На сей раз пришлось отвечать, и в известном смысле автор превзошел самого себя: «Тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву». Суздальские князья интриговали, «а интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов». Они донесли Тохтамышу, что Дмитрий «хочет предать его и присоединиться к Литве». «Тохтамыш был очень славный человек — физически сильный, мужественный,

смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат... И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо — этому верят!» (Очень хорошее объяснение для бесконечного ряда убийств, отравлений, удушений ближайших родственников и взаимоистреблений целых родов!)

Итак, у «славного» Тохтамыша не было выбора: донесли — значит, надо придушить друга. Тохтамыш пошел к Москве, а «все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили там спокойно». Не имевший дач и садовых участков народ один остался в Москве. Что ему оставалось делать? «Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением — они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда на Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними». Татарам ничего не оставалось, как перерезать горожан.

Предполагая сомнения у читателей, Л. Гумилев заверяет: «Так было на самом деле — все это описано в летописях». В летописях события всегда описываются неодинаково. Политическая борьба отражается и в летописях. Киприан пережил своего главного врага Дмитрия Донского на 17 лет и постарался очернить его перед потомками. Тем не менее версии, изложенной Л. Гумилевым, нет, конечно, ни в одной летописи.

О намерениях Тохтамыша на Москве было известно. Тохтамыш начал с того, что распорядился грабить русских купцов, торговавших в городах Волжской Булгарии. Дмитрий попытался собрать войско и позвал на совет князей и бояр. Однако «обретеся разность в них, не хотяху помогати». Именно в этом причина произошедшей трагедии. Дмитрий вынужден был ехать на север, чтобы там попытаться собрать войско. Но на это времени уже не было. Татары быстро приближались к Москве.

В Москве, естественно, не были в восторге от того, что князь покинул город. Еще большее возмущение охватило горожан, когда бежать решили митрополит Киприан, княгиня с детьми и бояре. В конце концов митрополита и княгиню выпустили, а остальных отпускали, ограбив. В городе оказалось немало окрестных жителей, искавших спасения за его стенами, а многие горожане его покинули. Традиционная система городского самоуправления незадолго до этого была разрушена, а княжеская самоустранилась. На вече спорили о том, оставить город или защищаться. Летописцы осуждают «мятежников», разбивавших погреба брошенных боярами дворов и их пьяную храбрость, когда, забираясь на заборала, они «шатахуся и ругающеся татаром образом безстудным досаждающе и словеса исполнь укоризны и хулы кидаху на ня». Так были встречены передовые татарские отряды, проводившие разведку и отъехавшие от Москвы к вечеру. Наутро же к городу подошли основные силы Тохтамыша. Теперь «гражане узревше силу велику и ужасошася зело».

Незадолго до подхода татар относительный порядок навел в Москве литовский князь, внук Ольгерда Остей, служивший мос-

ковскому князю. После трехдневной осады Тохтамыш «обалга князя их Остея лживыми речьми и лживым миром, вызвав его вон из града и убн его пред враты града». Видимо, доверчивый Остей начитался давних предшественников современного апологета великих добродетелей ордынских ханов.

Картину избиения и грабежа можно представить и без летописца. Летописец особенно сокрушается по поводу иссеченных архимандритов, игуменов и «всех священников», поскольку со времен Батыя и Берке их освобождали даже и от даней. Были разрушены и сожжены все церкви и монастыри, перебиты все «от уна и до стара, можеск пол и женеск». «Множаиши же в полон поведени быша, в работу поганьскую и в страну Татарьскую». В летописях особенно сокрушаются — и нам не следовало бы забывать об этом, — что в пожаре сгорели все книги, в том числе свезенные из окрестных мест: «Книг же толико множество снесено со всего города из из загородья и из сел, и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша».

Вернувшись на пепелище, Дмитрий выделил на погребение убитых 300 рублей из расчета 1 рубль на 80 человек. 24 тысячи убитых — это, видимо, больше, чем все население города, поскольку в городе было много сбежавшихся из окрестных сел. К тому же татары разорили и другие города и волости Московского княжества. Дмитрий изгнал главных виновников «неодипачества» князей и бояр митрополита Киприана и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия, но для восполнения потерь требовалось длительное время. Дмитрию оно не было отпущено: в 1389 году он скончался в возрасте всего 39 лет.

«Все бы сошло Тимуру, — процитируем еще один пассаж Л. Гумилева, — если бы на него не напал Тимур... Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда».

Встретив указание на столь точный ориентир, как река Ик, читатель, наверное, подивится эрудиции автора и легкомыслию московского князя. Но не будем томить: все было совсем не так. Тохтамыш затеял войну против своего покровителя и был за это жестоко наказан своим благодетелем. Как и ранее Мамай, поддержки он искал в Литве и бежал туда со своими нукерами. Ни на какой Ик Василий не ходил. Он дошел лишь до Коломны, и вовсе не для помощи татарам, а для прикрытия своих земель: Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец. Не блуждал князь и в степи, а на Софье он был уже женат. В свое время, в 1383 году, Василию пришлось отправиться в Орду к Тохтамышу в качестве заложника. Не без участия литовской дипломатии и Киприана ему удалось бежать оттуда в Литву, где его обручили

с дочерью Витовта. Брак этот встретил противодействие Дмитрия, и свадьба состоялась уже после его кончины.

Грустно все это пересказывать, да, видимо, и нет необходимости. Но одного сюжета придется коснуться, поскольку он слишком актуален. В концепции Л. Гумилева татары — защитники, а литовцы и западные русские — враги. После Куликовской битвы «было очень много раненых. Их положили на телеги и повезли домой. Что же делали наши милые западные соседи? Литовцы и белорусы догоняли телеги и резали раненых». Нарисовав эту ужасающую картину, автор возмущается: «Я не понимаю: как можно изучать русскую историю и не видеть, где свои и где чужие? Это или умышленное замалчивание, или полная неспособность к историческому мышлению».

С Литвой, конечно, отношения были не простые. Были усобицы и среди русских. Да и Гедиминовичи — это тоже, по всем родословным, одна из русских династий. Летописи единодушны в том, что Ягайло был союзником Мамая. Однако «от тех Бог избавил есть, не поспеша бо аа мало на срок, аа едино днищо или менши». Ягайло бежал «не видев великого князя... но токмо имена его боящеся». Естественно, ни о каких «белорусах» не могло быть и речи, хотя бы потому, что не было и такого этнического понятия.

И еще один вопрос, на котором спекулируют в силу его неразработанности, — размеры взимаемой татарами дани. Постоянный мотив публикаций Л. Гумилева — «как за барами (то бишь татарами) житье было привольное». В. Кожинов («Наш современник» № 3), поддерживая концепцию, утверждает, что «в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь один-два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно била по казне собиравших ее русских князей. Но даже и при этом, например, князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии».

Ответственное утверждение дается со ссылкой на статью П. Н. Павлова, опубликованную в 1958 году в Ученых записках Красноярского пединститута. В статье такого заключения нет и быть не могло: мы не знаем ни общей суммы дани, ни численности населения. Едва ли не лучший знаток истории татарской политики на Руси А. Н. Насонов в свое время остановился в недоумении, встретив указание на то, что татары выделили на территории Великого княжества Владимирского 15 тем («тьма» — десять тысяч). Ведь это означало по меньшей мере десятикратное сокращение населения в результате нашествия. В конечном счете, видимо, так оно и было. Но решение данного вопроса должно осуществляться не путем деления одного неизвестного на другое неизвестное, а выяснением норм обложения.

После ряда массированных разорений, ограблений, угона населения в рабство татаро-монголы перешли к систематической эксплуатации русских земель. В 1257—1258 годах была проведена перепись. Как и в других землях, из обложения исключалось духовенство. Остальные должны были платить дань. В 1275 году перепись повторили. В «Истории Российской» В. Н. Татищева объясняется, почему это потребовалось: хан Менгу-Тимур нашел, что привезенная великим князем Василием Ярославичем

дань недостаточна («люди многи в земле твоей. Почто не всех даешп?»). У Татищева же имеется указание, что дань брали «по полугривне с сохи, а в сохе числишв 2 мужи работнин».

Исключительной ценности указание не привлекло должного внимания. Б. Д. Греков — один из крупнейших и авторитетных советских историков, заметил, что «конечно, Татищев не выдумал здесь сохи, а взял ее из летописи, до нас недошедшей», но он усомнился в том, что соха могла быть «представлена двумя работниками».

«Повесть временных лет» знает три единицы обложения: двор, дым, плуг (рало). Дань с «дыма» бралась с так называемых «больших домов», в которых проживали большие семьи, состоящие из нескольких малых семей. С «плуга» платили дань радимичи и вятичи, которых летопись относила к «ляшским», польским племенам. Они отдавали с плугв по «шелягу» сначала хазарам, а затем русским князьям. Это, видимо, западный шиллинг, обозначавший, однако, в Польше самую мелкую монету (на западе шиллинг был больше денария-куны). На Руси дань собирали натурой. Хазары, видимо, требовали и серебро, хотя и замена его натурой тоже не исключалась. Но надо признать, что дань была весьма умеренной во всех трех измерениях.

Представление о «плуге» как единице обложения дает автор XII века Гельмольд, говоря о балтийских славянах: это пара лошадей или волов, впрягаемых в орудие пахоты, и соответственно обрабатываемый ими участок земли. В конце XIX века на пару лошадей в среднем приходилось 7,2 десятины пашни. За семь столетий технология сельскохозяйственного производства изменилась мало. Но все-таки 7 десятин, видимо, максимальный предел древней сохи.

Б. Греков усомнился, что «соха» может определяться количеством работников. Но взаимосвязь между обрабатываемой площадью, численностью рабочего скота и рабочими руками предполагалась всегда. Возможны были и варианты в зависимости от местных условий. В новгородской грамоте середины XV века о предоставлении князю Василию Васильевичу «черного бора» (татарской дани) с Новоторжских волостей, поясняется: «А в соху два коня, а третье припряжь» (то есть пристяжной). Поскольку «сохи» по местностям различались, Иван III в 1478 году с присоединением Новгорода «велел въспросити, что их соха; и они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет (то есть пашет), а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха».

В новгородской грамоте имеется и перечень равноценных замен для промыслового населения: чан кожевничий, невод, «четыре пешци» (то есть безлошадные), кузнец, лавка. За ладью и чан для вываркн соли числили две сохи. Исполыщики вносили по полсохи. В городе окладной единицей служил двор или дом. Но предполагалась и дифференциация по роду занятий. Летопись отмечает, что «большие» облегчали свое положение за счет «меньших». «Соху» могла заменять «деревня». При этом «деревня» часто была меньше «сохи». Так, в новгородских писцовых книгах 1500 года упоминается шесть владычных деревень, насчитывавших вместе с погостом лишь 11 дворов с 14 жителями, что составляло 13 обеж или 4 с третью сохи.

Когда-то «двор» и «соха» в основном совпадали. Но в монголь-

ский период семьи были и малочисленны и маломощны (что, естественно, связано с тяготами жизни). Поэтому редкий двор мог вести хозяйство на уровне «трудовой нормы» начала XX века, примерно совпадающей со старой «сохой».

В упомянутом погосте высевалось 52 коробьи хлеба (примерно 350 пудов), или 80—90 пудов на соху, как и в начале нашего столетия. Урожай исчислялся соотношением посеянного и полученного. Различаясь в разных местах и разное время, в северной половине Руси он обычно составлял от «сам-два» до «сам-четыре». В голодные годы часто не собирали и семена. Урожай «сам-два» оставлял на потребление те же 80—90 пудов, «сам-четыре», соответственно, 240—270 пудов. Это и есть основной доход крестьян, включенных в «соху».

Попробуем определить, что стоила названная в татищевском тексте «полугривна». Новгородская гривна содержала 204 грамма серебра, полугривна соответственно 102 грамма. Что можно было купить на эту сумму в XIII—XV веках и где мог добыть серебро крестьянин? В. О. Ключевский подсчитал, что рубль конца XV века стоил в 130 раз больше рубля конца XIX века. Это связано и с уменьшением содержания серебра в рубле, и с неуклонным отставанием производства от роста находящегося в обращении металла. В конце XIX века батрак и однолошадный крестьянин зарабатывал и потреблял с семьей за год продуктов и товаров на сумму менее ста рублей. Это много меньше, чем рубль конца XV века. Упомянутый В. Кожиновым П. Н. Павлов сделал выписку из Псковских летописей о ценах на хлеб в XV веке: они колебались от 87 до более 250 пудов на рубль. Псковские летописцы вообще внимательно следили за ценами и выплатами. Так, под 1424 годом сообщается о сооружении каменной стены у псковского крома: 200 мужей три с половиной года строили стену и получили за это по 6 рублей каждый (1200 рублей всего). Но летописец, похоже, счел эту плату слишком щедрой: на стене поставили колокольню, и стена развалилась. Под 1465 годом летопись говорит о новом строительстве стены. На сей раз трудилось 80 «наймитов». За три года они получили 175 рублей, то есть немногим более двух рублей на человека за три года.

Такова была плата за труд в XV веке. В XIII—XIV веках она не могла быть большей, поскольку и серебра было много меньше, и производительность труда, в частности ремесленного, упала в связи с разрушением многих городов и угоном ремесленников в рабство. 1 рубль — это почти предел платы, которую можно было получить даже квалифицированному работнику. А добыть «серебро» в деревне во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и мириться с их неизбежно заниженными ценами.

Дань не была постоянной. Обычно князья добивались ее уменьшения, а Орда — увеличения. Уменьшить ее можно было, видимо, какими-то иными услугами (вроде поставки вспомогательных войск). Но до середины XIV века действовали нормы, установленные первыми переписями. Об этом говорят косвенные данные. Так, сразу после смерти Калиты новоторжцы, опираясь на помощь Новгорода, отказались вносить дань. Симеон Гордый направил к Торжку большое войско, и новгородцы согласились отдать «бор по волости», а новоторжцев обязали внести 1000 руб-

лей. Мир восстанавливался «по старым грамотам». Видимо, это та сумма, которую обычно вносил Торжок. Вряд ли город имел в это время более тысячи облагаемых дворов (после разорения таких размеров городов были единицы). А это совпадает с уровнем, утвержденным в XIII веке.

Другие косвенные данные — воспоминания о тяжести дани при Узбеке. В летописях есть указания на то, что были попытки распространить дань и на духовенство. Так, в 1342 году в Орду был вызван митрополит Феогност, от которого требовали «полетной» дани, так как он имел большие доходы, обирая низшее духовенство и мирян. От претензий митрополиту пришлось отбиваться взятками: он оставил в Орде 600 рублей.

В связи с «замятней» в Орде нажим ее заметно ослабевает. В 70-е годы Дмитрий вообще прекращает выплату дани. Но после нашествия Тохтамыша возвращались самые мрачные времена. В 1383 году сын Дмитрия Василий был задержан в Орде, и Тохтамыш потребовал за его освобождение 8000 рублей. После разорения Москвы такую сумму Дмитрий, видимо, просто не мог собрать. В 1384 году летописи сообщают о «дани тяжкой» «по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом даваша в Орду, а Новгород Великий дал черный бор». О дани «по рублю с двух сох» говорится и в письме Едигея Василию Дмитриевичу несколько позднее. Этимологически «рубль» — это отрубленная часть. А потому «рубль» и должен соответствовать половине гривны. Но Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне. Следовательно, после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная грабительская дань.

«Соха» вовсе не была единственной податью. В. В. Каргалов насчитывает 14 видов даней. Содержание татарских посольств, насчитывавших по тысяче и более человек и живших месяцами на Руси, обходилось передко дороже и самого «черного бора». Не случайно, что восстания в большинстве случаев были ответом на насилия, чинимые «послами».

Переводить рубли эпохи монгольского владычества в современные «деревянные» — дело довольно бессмысленное. Ведь рубль того времени — это больше годового потребления половины крестьянских дворов рубежа нашего века. По сравнению с варягами, хазарами и собственными князьями татары забирали в несколько десятков раз больше. Можно лишь удивляться, как люди выживали. С другой стороны, неудивительно, что выживали немногие. И так более двух столетий.

«Подарки» константинопольским патриархам не были столь обязательными и столь накладными. Но они не были и вполне «добровольными». Вымогание взяток с кандидатов на митрополичьи столы — повседневная практика патриаршего стола, о чем прямо говорят летописцы. Отнюдь не бескорыстно в 1347 году Константинополь пошел на ликвидацию раскольнической Галицкой митрополии. Алексея «человеческого ради сребролюбия» шантажировали в Константинополе неоднократно. Долги митрополита Пимена, взятые у константинопольских ростовщиков под подложное поручительство князя Дмитрия, давили на Русь вплоть до падения Константинополя. И Феогност не от щедрости душевной роздал в Орде 600 рублей. Новгород-

ский летописец сетует, что с приездом митрополита «тяжко же бысть владыце и монастырем кормом и дары».

И Симеону Гордому пришлось раскошелиться по вполне житейскому поводу. В 1346 году он «отослал» от себя вторую жену и посватался к дочери Александра Михайловича Тверского. Но митрополит «не благословил его и церкви затвори». Пришлось направлять посольство в Константинополь за «благословением». Можно представить, во сколько обходилось оно при порядках, царивших в Константинополе. А собиралась княжеская казна, естественно, за счет все тех же крестьян.

Когда-то к месту и чаще не к месту ссылались на «классиков». Сейчас это нечто вроде дурного тона. И все-таки хочется напомнить слова одного автора, отнюдь не симпатизировавшего славянам: «Это было иго, которое не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства». Да, это Маркс. На расстоянии он рассмотрел то, что иные не замечают вблизи. Почему?

Какого-то фантазера понять можно. Можно и объяснить его привязанность к насильникам и презрение к жертвам: это искаженная реакция на беды, которые ему пришлось претерпеть в стране, где и поныне живут потомки уцелевших в той давней резне. Можно понять и потомков булгар или половцев, которые по ошибке мнят себя наследниками Чингисхана и Тохтамыша. Но как понять тех, кто организует пропаганду этих псевдоисторических сочинений? Что это? Способ пробудить попранное чувство собственного достоинства через оскорбление предков? Или же до конца подавить волю к сопротивлению у последнего окопа борьбы за выживание? А иного не дано: ведь «концепция» многократно отвергалась в силу ее полной несовместимости с фактами.

●

МИСТЕРИЯ «БОЛЬШАЯ СДЕЛКА»

Демоперестроечный театр абсурда продолжает свои гастроли по стране и за «бугром». Его актерский и режиссерский состав остается удивительно стабильным от А — Арбатова, Абалкина до Я — Явлинского, Яковлева. В промежутке — прагматичный моралист-экономист Бунич, актерище (по выражению В. Астафьева) Евтушенко, твердый популист Ельцин, мэр по замусориванию Москвы Попов, лжеэкономист Шмелев, приверженец 500 больших скачков в кап. рай Шаталин и т. д. и т. п.

Только что мы просмотрели хорошо поставленную комедию «Выборы российского Президента». Успешная премьера ее прошла 12 июня, точно в день наступления «цивилизованной» армии Наполеона на «нецивилизованную» русскую землю. День постановки был выбран из-за сентиментально-ностальгической прихоти режиссера. Нужный и пользующийся всемирной поддержкой кандидат был выбран с подавляющим преимуществом. Браво! Теперь нас цивилизовывать будут. О, Смердяков! Как возрадовался бы ты такой развязке!

Уже имеются международные рецензии на вышеназванную комедию: выборы российского Президента — это «исторический шаг». Исторический — и все! А какое знакомое, родное даже словечко. И уже в пожарном порядке приглашено главное действующее лицо той комедии в Белый дом — конечно, для отчета о сделанном, для инструктажа и для репетиции нового аттракциона дальнейшего развала Союза и дальнейшей приватизации, то есть продажи с молотка России.

Заглянем в репертуар театра абсурда. Ба! И название новой постановки есть. Мистерия «Большая сделка» *. Глубоко продуманное название, продолжающее давнюю традицию. Раньше мы поучаствовали в «Великом эксперименте», теперь нас приглашают участвовать, не спрашивая согласия, в «Большой сделке». Другими словами — в запланированном за океаном великом ограблении страны.

Этот план, изложенный авторами аж на ста страницах, «предусматривает постепенную отмену контроля над ценами, начиная с 1992 года, введение финансовой дисциплины для обуздания непомерного бюджетного дефицита, меры по либерализации торговли, а также переход к приватизации в небольших масштабах. В 1993 году инфляция должна быть поставлена под контроль, ускорится реформа цен, шире развернется приватизация, более интенсивно будет проведена конверсия оборонной про-

* Так назван план радикальных реформ, предназначенных для создания в Советском Союзе рыночной экономики в течение 6 лет. Его в три недели «изваяли» в Гарварде Григорий Явлинский и американский экономист Грэм Элиссон (прим. авт.).

мышленности. С 1994 по 1997 годы будут проведены расширенные структурные реформы, развит банковский сектор и приватизировано жилье. Западная помощь (до 30 миллиардов долларов ежегодно) послужит стабилизации рубля и поможет... избежать экономического и политического хаоса во время переходного периода».

Действующие лица и исполнители новой мистерии «Большая сделка» в американском ЦРУ и Белом доме уже подобраны. Вот они:

— Мессия — Григорий Огрепь... извините, Явлинский (объявлено в «М. Н.»);

— Апостол Павел с ключами от кап. рая и от фонда помощи «демократии» — популист Борис Ельцин;

— Главный страж кап. рая архангел Гавриил с мечом огненным — Гавриил Попов, неомэр;

— Апостол-пацифист — академик Арбатов, директор американо-канадского института, советник по полному и окончательному одностороннему разоружению СССР;

— Апостолы-экономисты, призванные помочь мессии Явлинскому несколькими импортными хлебами накормить многомиллионный народ наш, — Абалкин, Бунич, Шмелев, Шаталин;

— Апостол Иуда — актерище (а также — поэтище!) Евг. Евтушенко с большим опытом оплевывания и предательства всех и вся (особенно России и русского народа);

— Апостолы-хроникеры — Адамович, Войнович, Коротич, Габрилович;

— Апостол-юрисконсульт — Собчак, мэр по уничтожению Ленинграда;

— Апостол-идеолог — главный идеолог и подлинный автор перестройки лично сам товарищ Алексадр Николаевич Яковлев, непримиримый борец с комму... простите, с сионизмом.

Хор подпевал — ельционисты — от «демократов» до либертерианцев, от кооператоров до приватизаторов, включающих также весь западный мир от А — Америки до Я — Японии — или, по-простонародному — «бугор» — вожак — Джордж Буш.

Место действия — Россия и сопредельные с нею республики.

Время действия — шесть лет (кап. шестилетка по плану Маршалла).

Спешите, спешите посмотреть новую грандиозную мистерию «Большая сделка»! Быстрее, как говорят в Одессе, спешите. А то не успеете — судя по всему, очень и очень быстро от России не останется ни ножек, ни даже рожек. Лишь повсюду будут полоскаться невообразимых размеров портреты двух великих Президентов — Михаила Большого и Бориса Малого.

Пьер ПЕРЕСТРОЙКИН,
Киев

МЕСЯЦ СЕНТЯБРЬ

1

1591: празднество образа Пресвятой Богородицы, нарицаемой Донскою. Крестный ход в Москве в Донском монастыре, установлен в лето 1591 года царем Феодором Иоанновичем в благодарность за одержанную им с помощью Богоматери победу на самом том месте, где ныне стоит монастырь (построен в 1592-м), над крымским ханом Казы-Гиреем. Образ Донской Богородицы написан преподобным Феофаном Греком. Во время Куликовской битвы (8 сентября 1380) икона находилась среди русского войска, и после победы передана донскими казаками в дар великому князю Донскому (1363—1389), который перенес ее в Москву. В малом соборе в честь Донской иконы Богоматери святейший патриарх Московский и всея Руси совершает чин варения святого мира.

1700: объявление войны со Швецией — начало 21-летней Северной войны.

1739: взятие Минихом турецкой крепости Хотин, в честь коего написана была знаменитая ода Ломоносова. Однако Бурхард Христофор Миних (1683—1767), приглашенный Петром для гидравлических работ, «главнокомандуя» под Хотином, не щадил солдат в походах и вызывал ропот жестокостью обращения. В 1740 году признал регентство Бирона, но низвергнул его. При воцарении императрицы Елизаветы Петровны сослан в Пелым, где пробыл 20 лет. В 1762 году возвращен с прежними правами Петром III. При Екатерине — начальник балтийских портов. Оставил «Записки фельдмаршала Миниха».

1920: приказ оперативного штаба тамбовской ЧК: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество». 5 сентября сожжено 5 сел; 7 сентября расстреляно более 250 крестьян. В одном только концлагере (Кожуховском, под Москвой) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в их числе дети от 1 месяца до 16 лет. Среди раздетых и полуголодных заложников осенью 1921 года свирепствовал сыпной тиф.

4

1690: избран последний патриарх Московский и всея Руси Андриан, автор труда «Щит веры». Скончался 15 октября 1700 года 64-х лет. Наступил синодальный период истории Русской Православной церкви.

1905: Портсмутский мир с Японией.

6

1780: родился Федор Петрович Гааз, «святой доктор», как называли его в народе. Уроженец Германии, с 1802 года он жил в Москве. К 20-м годам он стал самым известным врачом в Москве. Став членом попечительства о тюрьмах, все силы свои положил для облегчения участи заключенных. Все деньги, которые у него были, доктор Гааз истратил на помощь больным и арестантам и умер совсем бедным. Хоронили его на казенный счет. До 20 тысяч провожали гроб его в середине августа 1853 года. Гааз оставил духовное завещание, в котором писал: «Торопитесь делать добро! Умейте прощать, желайте примирения, побеждайте зло добром. Не стесняйтесь малым размером помощи: пусть она выразится подачею стакана воды, дружеским приветом, словом утешения, сочувствия, сострадания — и то хорошо. Старайтесь поднять упавшего, смягчить озлобленного, исправить нравственно разрушенного». 1 октября 1909 года в Москве, во дворе Александровской больницы, был открыт памятник Ф. П. Гаазу.

1827: учреждение Морского министерства.

7

1530: рождение Иоанна Грозного.

1812: Бородинское сражение.

1828: в Чистополе Казанской губернии родился Александр Михайлович Бутлеров, знаменитый русский химик, глава так называемой «Бутлеровской школы». Умер 5 августа 1886 года.

1859: взятие аула Гуниб и пленение Шамиля. Шамиль был принят государем. Затем поселился в Калуге, где и пробыл до 1870 года. Получив разрешение отправиться в Мекку, уехал. Там в старости и скончался.

8

1382: набег Тохтамыша на Москву. Великий князь Димитрий Иванович, воротившись с севера, где набирал воинов для Куликовской битвы, горько плакал и велел хоронить трупы. Платя по полтине за сорок погребенных, отдал он триста рублей: значит, в одной Москве было 24 тысячи погибших. А вошли татары обманом: москвичи доверились их миролюбивым речам.

9

1689: в Нерчинске Головиным заключен трактат между Китаем и Россией.

1896: договор китайского правительства и Русско-Китайского банка (основан в 1895-м) о сооружении и эксплуатации КВЖД.

10

1438: преставился преподобный Савватий Соловецкий. «Савватия-пчельника». Убирают ульи в мшенник.

1721: Ништадский мир со Швецией. Лифляндия, Эстляндия, Ингрия и Карелия, а также Финляндия возвращены России.

1890: родился А. В. Свешников, выдающийся русский хоровой дирижер.

11

ПАМЯТЬ О ПРАВОСЛАВНЫХ ВОИНАХ, ЗА ВЕРУ И ОТЕЧЕСТВО НА БРАНИ УБИЕННЫХ.

Установлено праздновать в 1769 году императрицей Екатериной II.

1769: в Полтаве родился Иван Петрович Котляревский, «отец малороссийской литературы». Перу его принадлежат: «Енеида Виргилия, перелицованая на малорусскую мову», оперетты «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривник». Умер 29 октября 1838 года.

12

1724: перенесение мощей св. благоверного и великого князя Александра Невского от града Владимира в царствующий град Петров.

1756: указ об учреждении русского театра, согласно которому ярославские «комедианты» Иван Дмитриевский, Алексей Попов, а после Федор Волков с братом Григорием поступили в кадетский корпус для обучения словесности, иностранным языкам и гимнастике, преподавались им и сценические приемы, и декламация. Содержание ярославцев императрица Елизавета Петровна приняла на счет дворцовой конторы. Указ 30 августа гласил: «Повелели мы ныне учредить русской для представления трагедий и комедий театр, для которого отдать Головинской каменный дом, что на Васильевском острове. А для онаго повелено набрать актеров и актрис». Директором назначен Сумароков, во главе труппы поставлен Ф. Г. Волков. В 1759 году образовался театр в Москве.

14

Симеона Столпника (459 г.) «Семен-день». Начало бабьего лета. Конец уборки ржи. Начало посиделок. Праздник охотников, первое отъезжее поле; постриги, сажанье на коня отрока (кому минуло 3 года). Счастливое новоселье. В Москве в Даниловом монастыре церковь под колокольнею.

Колокольня упоминается в нашем календаре не в первый раз. И тут, думается, уместно остановиться на истории колоколов и колокольного звона, столь важного для России знака. Слово «колокол» происходит от латинского «кампана». Потому что колокола появились сперва в Кампании, области в южной Италии. На Востоке — в IX веке, когда венецианский дож Орсо I (869—880) прислал 12 колоколов Василию Македонянину. В России колокола явились у новгородцев в XI веке. Они были

заимствованы от немцев и, быв небольшими, вешались на деревьях или на столбах. Большие колокола стали отливать в Москве в XVI веке. Колокольный звон заменил собою древний обычай — созывать богомольцев ударами в било. От способа звона происходят разные его названия. Благовест, то есть мерные удары колокола, бывает к началу службы, и еще — в литургию, так называемый звон «в Достойно». Трезвон, то есть звон во все колокола, бывает к началу службы после благовеста, в средине службы — на всенощной, к шестипсалмию и к евангелию. Перезвон или перебор, то есть поочередно — к водосвятию в храмовый праздник, к выносу креста, плащаницы и еще — к выносу тела умершего священника. Целодневный звон — в седмицу Пасхальную, в первый день Рождества, в тезоименитство, восшествие на престол и коронацию Государя. Набат — то есть частые удары в большой колокол, бывает во время пожара или в других случаях, когда нужно скоро созвать народ. В Западной Европе приводится в движение не язык, а сам колокол, поэтому там нет больших колоколов. Большими колоколами, в 1000 и более пудов, славится только Россия.

15

1812: начало московского пожара. В Каретном ряду сами владельцы подожгли лавки. «Москва погибла, я потерял средство наградить свою армию», — сказал Наполеон. Но поджигали и французы. Так, например, сожжен был ими Вдовий Дом, где лежало 3000 русских раненых в Кудрине — кто мог, ушел, остальные исповедались, причастились и приготовились к смерти. До 700 человек сгорело заживо. Москва сгорела чуть не вся. Но даже гибель столицы не поколебала твердости русского царя: на переговоры о мире он не шел до тех пор, пока враг топтал русскую землю.

1829: Адрианопольский мирный договор с Турцией. Россия приобретала 4 крепости (Анапу, Поти, Ахалцых и Ахалкалаки) и часть земель по Пруту и при устьях Дуная, русским торговым судам было открыто свободное плавание по Дунаю, Черному морю и Дарданеллам и Босфору; Турция обязана вознаградить русских купцов за прежние их потери; Турция вынуждена была признать независимость Греции.

17

Празднество образа Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина».

1865: вступил в силу закон о печати (принят 5 апреля). В этот день все газеты в России вышли в свет без предварительного цензурного просмотра и одобрения. «Ныне отошла от нас попечительная опека, и мы очутились, как люди свободные, лицом к лицу с законом, никем, кроме собственного благоразумия, не защищенные от его угрозы и кары. Только опыт покажет путь, на котором русская литература может безопасно пользоваться свободой», — писала в этот день старейшая из русских газет «Спб ведомости».

Выстрел Каракозова в Александра II (4 апреля 1866 года) послужил сигналом к вынужденной реакции. В последующие го-

ды положение в обществе усугубилось пропагандой и террористической деятельностью «революционно-демократических организаций» Нечаева, «Земли и воли», «Народной воли», «Черного передела» и пр. В результате с конца 1866 года по 1882 год Государственный Совет выпустил 8 законов, все более сужающих право на свободу слова.

В 1918 году (28 января) вышло постановление Совнаркома о революционном трибунале печати — подобное случилось впервые в мировой истории. Ведению трибунала подлежали «преступления и проступки против народа, совершенные путем использования печати». Но органы печати закрывались и безо всяких трибуналов. Записка В. Михайлову об информационном бюллетене «Обзор зарубежной прессы»: «Т. Михайлову. К сведению всем членам Политбюро. Вкруговую. Предлагаю прекратить издание как излишнее. Ленин. 8/X. 21 г.».

18

1015: успение благоверного Глеба, во святом крещении Давида, братом своим Святополком убиенного. На реке, в лодке. Новгородский князь Ярослав дал бой Святополку на реке Альте, на том самом месте, где был убит Глеб. Умер братоубийца в страшных мучениях и зарыт в глухой степи. За свои злодеяния получил он прозвание «Окаянного».

1832: родился Сергей Петрович Боткин, знаменитый русский врач, в семье большой (8 братьев и 5 сестер) и талантливой. Умер 12 декабря 1889-го.

1911: скончался от смертельной раны Петр Аркадьевич Столыпин: «Глохнут крупные силы и всплывает мелочь», — писалось в одном из некрологов.

20

1581: штурм польскими войсками Стефана Батория Пскова. Неприятель уже был в городе, над двумя башнями развевались польские знамена. Князь Шуйский, которому была вверена защита Пскова, обливался кровью. В это время духовенство вынесло святыни в самое опасное место схватки. Русские сделали последнее усилие. Одна башня, занятая врагами, была взорвана, из другой враги выбиты. Неприятелей легло 5 тысяч. Баторий на стреле пустил в город грамоту с предложением сдаться. Таким же способом псковские воеводы прислали королю ответ: «Не изменим своему крестному целованию за богатство целого мира. Если Господь за нас, никто не осилит нас. Мы готовы умереть, но не предадим Пскова. Готовься на брань, а чья будет победа — зависит от Бога». Перемирие 1581 года прекратило и осаду, и войну. По случаю освобождения города в Псково-печерском монастыре установлен был крестный ход.

21

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

1380: Куликовская битва.

1727: арест и ссылка А. Д. Меншикова. Утром явился майор гвардии Салтыков и о сем объявил. Меншиков упал в обморок.

Позднее было отобрано у него: 90 тысяч душ крестьян, 30 миллионов рублей деньгами и более 200 пудов одной золотой и серебряной посуды. Годовой доход государства равнялся 8—10 миллионам рублей. Петр I на двор свой отпускал 50 тысяч. «Птенец гнезда Петрова» имел несколько миллионов в иностранных банках. Но и в самом глубоком падении — в березовской ссылке — не терял присутствия духа. Сам построил дом и церковь, где исполнял обязанности дьякона, причетчика, иногда говорил проповеди. 18 лет умерла на руках отца старшая дочь Мария. Меншиков собственноручно вырыл для нее могилу. В том же 1729 году скончался и сам «счастья баловень безродный». Его похоронили на берегу реки Сосьвы.

1862: Россия праздновала тысячелетие своего существования как государства. Торжественно освящен воздвигнутый по сему случаю памятник в Новгороде.

22

1515: память преподобного Иосифа, игумена Волоцкого, основателя (в 1478) в 18 верстах от Волоколамска, при реках Сестре и Струге, монастыря, носящего имя святителя.

24

Преподобной Феодоры Александрийской (474—491). «На Федору всякое лето кончается».

Перенесение мощей Преподобных Сергия и Германа Валаамских из Новгорода на остров Валаам в обитель, ими созданную (XVIII в.). Св. Блаженной Ксении Петербургской Христа ради юродивой.

1789: при Рымнике Суворов разбил армию великого визиря. 3 октября возведен в графское достоинство Российской империи с наименованием «граф Суворов-Рымникский». Турки имели четырехкратное превосходство, но понесли урон до 15 тысяч человек, в то время как союзники (русские и австрийцы) — 600 человек.

25

1486: взятие Твери ратью за обращение тверского князя Михаила к Казимиру, королю польскому. Присоединение Твери к Москве.

1812: скончался от ран князь Петр Иванович Багратион, генерал от инфантерии, потомок рода князей грузинских. 18-летним, в 1783 году, отправился он в свой первый воинский поход — против чеченцев.

1919: в Москве в Леонтьевском переулке произведен взрыв в партийном помещении, убито и ранено несколько видных коммунистов. Новая волна красного террора началась на следующий день со статьи Каменева. За акт, совершенный анархистами, расстреливали практически всех, кто в этот момент был в тюрьме. Дзержинский приказал расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и «разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях».

26

1799: штурм перевала Сен-Готард армией Суворова, шедшей на помощь армии Римского-Корсакова, преданной австрийцами. Армию свою в 21 тысячу штыков Суворов вел как крепость, не оставляя в руках дороги, не сохраняя сообщения с Италией. Когда ему заметили, что его тыл не обеспечен, он ответил: «У нас, русских, нет тыла». Суворов был только в ветхом плаще, известном в войсках под названием родительского. Рядом с ним тащился 60-летний итальянец Гамма, хозяин дома, где останавливался Суворов. Он так привязался к Суворову, что оставил семью, чтобы сопровождать его.

Внизу французы готовили встречу. Густые облака заволокли долину. По страшно крутому спуску в полной тишине спустились люди большей частью сидя и, выстроившись внизу, незамеченные французами, стремительно бросились на них. Враги кинулись в бегство, оставив около 200 человек убитыми и пленными. Три дня пути достались русским дорого: до 2000 человек выбыло из строя.

По преданию, Суворов продал бриллианты со своего мальтийского креста ради обеспечения этого перехода.

27

Всемирное Воздвижение честного и животворящего креста Господня. Праздник, соединенный с постом. В воспоминание великого в церкви Христовой события, бывшего в 313 году, когда после 300-летних гонений мать римского императора Константина св. Елена, нашедши подлинный крест Христов, воздвигла его для общего чествования и поклонения. Воздвижение сие называется всемирным, потому что вместе с воздвижением подлинного креста Господня в церкви Христовой везде в приличных местах стали воздвигать изображения сего креста.

1792: родился писатель Иван Иванович Лажечников.

1799: штурм Чертова моста, висевшего в 10 саженях над бездной. Надо было пройти узкий тоннель и выйти на мост, окруженный неприступными валами. Французы установили пушку против тоннеля и позади моста. Каждый выстрел в тоннель устилал проход телами наших. Тогда небольшой отряд наш взобрался на скалу над тоннелем, другой спустился в реку Рейса, с громадными трудностями пробрался через нее, взошел на невероятную крутизну и появился в тылу у французов. Французы были перебиты. Мост — исправлен.

30

Мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии (ок. 137).

Составил Игорь **ДЬЯКОВ**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Художественный редактор Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.07.91. Подп. в печ. 15.08.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,3.
Тираж 410 000 экз. Заказ 2126. Цена 3 руб.
(по подписке 1 руб. 25 коп.).

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до 1-го числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена в 1992 году на «Молодую гвардию» на год — 24 руб.; на полугодие — 12 руб.; на три месяца — 6 руб.; на один месяц — 2 руб.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания) | Количество комплектов.

на 19 ___ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ______ (почтовый индекс) ______ (адрес)

Кому ______ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер	на газету / журнал	70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯЯ

(наименование издания)

Стоимость	подписки	___ руб. ___ коп.	Количество комплектов
	переадресовки	___ руб. ___ коп.	

на 19 ___ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ______ (почтовый индекс) ______ (адрес)

Кому ______ (фамилия, инициалы)

Сентябрь — это месяц, который венчает итоги лета.

Он самый богатый на урожай ягод, плодов и грибов.

В сентябре идет массовая заготовка шиповника, плодов рябины, боярышника, калины, жостера, можжевельника, корней аира, алтея лекарственного, соплодий ольхи.

Юный друг! Запомни, что природа щедра для тех, кто ее бережет.

В этом месяце идет интенсивная заготовка плодов лесных яблок, груш, облепихи, айвы, алычи, брусники, клюквы.

Богат сентябрь и грибами. Недаром в народе о нем говорят, что пришла грибная пора, хотя она начинается с конца августа. Но в теплое сентябрьское утро за час-полтора можно собрать полное лукошко разных грибов — подберезовиков, подосиновиков, маслят, лисичек, опят и др.! Только не ленись.

Необходимо знать, где расположен грибоварочный пункт потребкооперации, чтобы сдавать сюда дары леса. Сдавая дары леса, вы окажете большую помощь потребительской кооперации и, кроме того, получите вознаграждение.

Управление закупок продуктов растениеводства
и лектехсырья Центросоюза

3 руб.
(По подписке — 1 р. 25 к.)

Индекс 70544